Андрей Карташев

БОИ НА СТАВРОПОЛЬЕ

Жаркий август 42-го

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Ставропольский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации

БОИ НА СТАВРОПОЛЬЕ: ЖАРКИЙ АВГУСТ СОРОК ВТОРОГО

Ставрополь, 2021

УДК 93/94(470.63)
ББК 63.3(2)622
К 27

Рецензенты:

Линец Сергей Иванович – профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета, доктор исторических наук, профессор.

Януш Сергей Владимирович – профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков имени Героя Советского А. К. Серова, полковник запаса, доктор исторических наук, профессор.

Карташев А. В.

Бои на Ставрополье: жаркий август сорок второго / А. В. Карташев. – Ставрополь : Изд-во СтГМУ, 2021. – 260 с.

ISBN 978-5-89822-720-3

В монографии на основе различных видов исторических источников анализируются военные события, связанные с наступлением группы армий «А» Вермахта и отходом советских войск по территории Ставропольского края в августе 1942 года, вскрываются причины и характер отхода частей и соединений Красной Армии, ход оборонительных боев на ключевых участках фронта (в районе Кавказских Минеральных Вод, на перевалах Карачаево-Черкесии, под Моздоком), рассматриваются как комплексные действия, так и действия отдельных родов войск.

Адресована ученым, краеведам, преподавателям, специалистам по патриотическому воспитанию молодежи, аспирантам, курсантам военных вузов, студентам и школьникам, а также всем читателям, интересующимся вопросами истории Ставрополья в годы Великой Отечественной войны.

Автор благодарит *Андрея Григорьевича Надыршина* за помощь в работе над книгой: предоставление краеведческой литературы и иллюстрированного материала.

УДК 93/94(470.63)
ББК 63.3(2)622
К 27

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом СтГМУ

ISBN 978-5-89822-720-3

© Карташев А. В., текст, 2021
© Ставропольский государственный медицинский университет, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ 4

ВВЕДЕНИЕ 6

ГЛАВА I. ОТХОД СОВЕТСКИХ ВОЙСК ПО ТЕРРИТОРИИ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ В АВГУСТЕ 1942 ГОДА 10

1.1. Действия советских войск на Ставропольском направлении...10

1.2. Оборона Кавказских Минеральных Вод 54

1.3. Формирование линии боевого соприкосновения на востоке Ставрополья. Бои за Моздок.....81

1.4. Действия советской авиации в августе 1942 года.....105

ГЛАВА II. ОБОРОНА ГОРНЫХ ПЕРЕВАЛОВ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССИИ.....157

2.1. Бои у Клухорского перевала 157

2.2. Боевые действия на Марухском направлении.....184

2.3. Оборона перевалов Санчарского направления 212

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....232

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 234

Сноски 243

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ

А – армия
АДД – авиация дальнего действия
АДДД – авиационная дивизия дальнего действия
АП – артиллерийский полк
АЭ – авиационная эскадрилья
БАД – бомбардировочная авиационная дивизия
БАО – батальон аэродромного обслуживания
БАП – бомбардировочный авиационный полк
ВА – воздушная армия
ВГК – верховное главное командование
Вкл. – включая
ВНОС (пост)– воздушного наблюдения, оповещения и связи
ВООПИиК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ГАНИСК – Государственный архив новейшей истории Ставропольского края
ГАСК – Государственный архив Ставропольского края
Гв. – гвардейский (гвардейская)
ГКО – Государственный комитет обороны
ГСБ – горно-стрелковый батальон
ГСД – горно-стрелковая дивизия
ГСМ – горюче-смазочные материалы
ГСП – горно-стрелковый полк
ДШК – крупнокалиберный пулемет Дегтярева-Шпагина
ЗА – зенитная артиллерия
ЗКФ – Закавказский фронт
ЗП – зенитный пулемет
ИАД – истребительная авиационная дивизия
ИАП – истребительный авиационный полк
ИПТАП – истребительный противотанковый артиллерийский полк
Иск. – исключая
КД – кавалерийская дивизия
КК – кавалерийский корпус
КМГ – конно-механизированная группа
КП – 1) кавалерийский полк
2) командный пункт
МВДБр – маневренная воздушно-десантная бригада
МД – минометный дивизион
МП – минометный полк
МСПБ – моторизованный стрелково-пулеметный батальон
МТС – машинно-тракторная станция
МТФ – молочно-товарная ферма
НБАД – ночная бомбардировочная авиационная дивизия
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НКО – Народный комиссариат обороны

НЛБАП – ночной легкобомбардировочный авиационный полк
НП – наблюдательный пункт
ОГСО – отдельный горно-стрелковый отряд
ОИАБ – отдельный инженерно-авиационный батальон
ОКАДН – отдельный конно-артиллерийский дивизион
ОМСЭ – отдельный медико-санитарный эскадрон
ОРАП – отдельный разведывательный авиационный полк
ОТБП – отдельный тяжелый бронепоезд
ОТФ – овцеводческая товарная ферма
ОУСБ – отдельный учебный стрелковый батальон
ОУТАП – отдельный учебно-тренировочный авиационный полк
ОЭХЗ – отдельный эскадрон химической защиты
ПД – пехотная дивизия
ПП – пехотный полк
ППШ – пистолет-пулемет Шпагина
ПТО – противотанковое орудие
ПТР – противотанковое ружье
РАБ – район авиационного базирования
РАУ – Ростовское артиллерийское училище
РВК – районный военкомат
РГВА – Российский государственный военный архив
РПД – ручной пулемет Дегтярева
САД – смешанная авиационная дивизия
СБ – стрелковый батальон
СБр – стрелковая бригада (ОСБр – отдельная)
СВТ – самозарядная винтовка Токарева
СГВ – Северная группа войск
СД – стрелковая дивизия
СК – стрелковый корпус
СКВО – Северо-Кавказский военный округ
СКФ – Северо-Кавказский фронт
СП – стрелковый полк
ТА – танковая армия
ТБ – танковый батальон (ОТБ – отдельный)
ТБр – танковая бригада
ТВПУ – Тбилисское военное пехотное училище
ТД – танковая дивизия
ТК – танковый корпус
ТП – танковый полк
ЦАМО – Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации
ЦДКА – Центральный дом Красной Армии
ШАД – штурмовая авиационная дивизия
ШАП – штурмовой авиационный полк
ШШС – штабная шифровальная служба
ЮФ – южный фронт

ВВЕДЕНИЕ

Битва за Кавказ – одно из крупных событий Великой Отечественной войны, повлиявших на ее ход и исход всей Второй мировой войны. Ей посвящено немало исторической: научной, документальной, публицистической и другой литературы. Интерес к ней в последнее время не только не угасает, а постоянно растет. Спрос на информацию о войне велик. Она нужна и для стирания белых пятен, и для восстановления исторической справедливости, и в интересах воспитания молодежи.

Порой кажется, что о войне мы знаем все. Но так ли это? О боях на Ставрополье говорят всякое: мол, не было тут их совсем, утверждают одни; да как же не было, возражают другие.

Причина этих разногласий видится в том, что период боев в границах Ставропольского (тогда Орджоникидзевского) края со 2 августа 1942 по 25 января 1943 года освещен крайне скупо. Эту информацию приходится черпать, вычленяя ее из фундаментальных трудов, посвященных битве за Кавказ, или наоборот, складывать ее из отдельных публикаций различного характера и качества, выходивших в разное время в разных изданиях. Отсутствие обобщающего труда по данной проблеме, наличие в ней неисследованных вопросов свидетельствуют о ее актуальности.

К числу фундаментальных работ, где отражена битва за Кавказ, стоит отнести шеститомное издание «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг.», вышедшее в первой половине 60-х годов прошлого века. Интересующие нас события затронуты во втором и третьем томах этого произведения. В 1967 году состоялось первое издание книги Маршала Советского Союза А.А. Гречко «Битва за Кавказ»[1], в которой наряду с информацией мемуарного характера присутствуют элементы исторического исследования. В 1973-1982 гг. выходит в свет еще один коллективный многотомный труд военных историков «История Второй мировой войны 1939-1945 гг.». В пятом и шестом томах нашли отражение оба этапа битвы за Кавказ.

К числу фундаментальных работ по битве за Кавказ относятся труды военного историка Х. М. Ибрагимбейли.[2] Работы по данной теме на современном этапе представлены трудами С.В. Януша и его коллег[3]. В своей измененной и дополненной книге автор дает подробный анализ историографии проблемы[4].

В этих и других работах приводится информация стратегического и оперативного масштаба, не позволяющая зачастую представить наглядно и целостно картину действий воевавших сторон в привязке к территории Ставрополья. Вместе с тем, эти труды являются базовыми и требуют постоянного обращения к ним при изучении отдельных событий тактического уровня.

Библиографический сборник «Огненные дали», вышедший в свет в 2011 году, обобщил и представил все многообразие литературы, которая посвящалась теме Великой Отечественной войны на Ставрополье[5].

Среди работ, непосредственно затрагивающих бои на Ставрополье, наибольшее количество посвящено обороне перевалов Кавказа. В 1966 году вышло в свет первое издание книги ставропольских авторов, посвященной оборонительным боям в горах Карачаево-Черкессии. В ней были собраны воспоминания участников войны на этом небольшом, но чрезвычайно важном участке фронта[6]. Несмотря на то, что журналисты-литераторы провели масштабную поисковую работу, книга, представляющая собой сборник воспоминаний очевидцев в литературной обработке, в большей степени является историческим источником. В ней нет целостной картины событий, приводимые факты зачастую тяжело сопоставить – каждый свидетель вспоминал войну «из своего окопа».

Весомым вкладом в изучение темы войны в горах стали мемуары известного советского ученого-метеоролога, доктора физико-математических наук, заслуженного мастера спорта по альпинизму А. М. Гусева и заслуженного работника физической культуры Российской Федерации, заслуженного тренера РСФСР М. М. Боброва[7]. Оба автора были не просто участниками битвы за Кавказ, их профессиональная подготовка альпиниста понадобилась для организации действий в горах советских подразделений и частей.

Одной из глубоких работ, посвященной боям в горах Кавказа, является книга Кази-Магомет Алиева «В зоне «Эдельвейса»[8]. В ней на обширном архивном материале из фондов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации описываются бои в районе Черкесска, Теберды и Клухорского, Марухского и Санчарского перевалов. Автор объясняет неготовность войск 46-й армии оборонять перевалы на северных подступах, тем, что эта задача полностью лежала на войсках Северо-Кавказского фронта.

Тем же событиям посвящены работы Н.И. Медвенского, в частности, книга «Боевые операции на перевалах Абхазии в ходе битвы за Кавказ 1942-1943 гг.». В ней предпринята попытка рассмотреть обстановку, планы и силы противоборствующих сторон, общий ход и итоги боевых действий на Клухорском, Марухском и Санчарском операционных направлениях в ходе оборонительного этапа битвы за Кавказ[9]. На основе многочисленных источников, среди которых материалы Российского военно-исторического архива, мемуары и воспоминания, автор постарался детально воссоздать картину событий по подготовке и непосредственной обороне горных перевалов, разделяющих Абхазию и Карачаево-Черкессию.

Несомненны заслуги в изучении темы боев на перевалах Кавказа нашего современника А. Р. Мирзонова, который опирался в своих исследованиях на результаты своих экспедиций по горам Кавказа. Ему удалось привлечь к изучению ситуации архивные материалы немецких соединений и частей, ставшие доступными в последние годы благодаря сети Интернет[10].

К теме боевых действий партизан на Ставрополье не раз обращался в своих трудах профессор С.И. Линец, рассматривая эффективность и спорные вопросы оценки их деятельности против немецко-фашистских оккупантов[11]. Автор говорит о малочисленности партизанских отрядов, кото-

рые чаще действовали совместно с войсками действующей армии, и лишь со временем стали выделять из своего состава небольшие мобильные группы для действий в тылу врага. Профессору С.И. Линцу также принадлежит ряд работ, в которых затрагивается тема военных действий в районе Кавказских Минеральных вод[12]. Им же сделана попытка представить военные события в ходе битвы за Кавказ на Ставропольском направлении[13].

Ученые-историки из Элисты не раз посвящали свои работы 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии, которая участвовала и в оборонительных боях на Ставрополье, и в ходе наступления советских войск, освобождая населенные пункты края от войск противника[14]. Эпизод за эпизодом авторы разбирают боевой путь соединения, над именем которого необоснованно была возведена тень. Отдельно представлялись действия калмыцких кавалеристов при отходе советских войск в августе 1942 года.

Различный материал, посвященный боям за освобождение городов и сел Ставрополья, можно увидеть на сайтах муниципалитетов, библиотек, музеев. Однако события августа 1942 года практически нигде не описаны.

Анализ этих и других исторических работ свидетельствует, что тема боевых действий на территории Ставропольского края в августе 1942 года до конца не раскрыта. Недостаточный интерес к ней со стороны военных историков можно объяснить низкой эффективностью этих действий: большими боевыми потерями, скоротечностью отхода советских войск, отсутствием с их стороны сильного сопротивления противнику. Но вопросы ведения боевых действий интересны не только с позиции истории военного искусства, но и в рамках краеведения, где данная тема тоже пока не нашла детального рассмотрения.

Именно задачами краеведения обусловлен интерес автора настоящей книги к теме боевых действий на Ставрополье в августе 1942 года. С детских лет приходилось слышать о том, что боев на Ставрополье не было, Ставрополь сдали без боя, оккупанты вели себя вполне лояльно по отношению к местному населению, и даже угощали детей шоколадом. О длительных сражениях на востоке края основной массе простых ставропольских школьников ничего известно не было, о трагической гибели 1-го отдельного стрелкового корпуса на западе Ставрополья – тоже. На слуху была «Тайна Марухского ледника», помню эту книгу, которую впервые взял в руки, будучи школьником. В 70-е – 80-е годы еще были живы защитники перевалов Кавказа, вместе с участниками Сталинградской битвы, Курской дуги, штурма Берлина, они выступали перед нами на классных часах и уроках мужества. После таких мероприятий, увиденных фильмов и прочитанных книг о войне по ночам снились фашисты на мотоциклах, приближающиеся по нашей пыльной, не асфальтированной улочке к родительскому дому. От невозможности скрыться от них охватывал страх, переходящий в ужас. В 90-е годы пришлось слышать о том, что партизанское движение на Ставрополье чуть ли не полностью провалилось, отряды были полны предателей, а партизанский штаб отсиживался в камышах.

Все эти мифы в сочетании с детскими ощущениями постоянно подогревали интерес к теме. А включиться в изучение боевых действий на

Ставрополье посчастливилось с легкой руки профессора А.А. Аникеева, который стал одним из инициаторов создания, а затем и редактором коллективного труда «Ставропольский край в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)»[15]. Боевым действиям на территории Ставропольского края в нем отведена первая глава. Основой для ее написания стали материалы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации и другие источники. К сожалению, весь объем собранной информации не вошел в книгу, редакторы посчитали необходимым включить в главу общеизвестные сведения о нападении гитлеровской Германии на СССР и планах по захвату Кавказа, а также осветить вопросы подготовки Ставрополья к отпору врагу. Тем не менее, в оставшихся двух параграфах главы удалось представить общий ход боевых действий на Ставрополье в оборонительный период битвы и в ходе наступления.

Для того чтобы детально осветить картину отхода советских войск по территории края в начале августа 1942 года, подкрепить горькую правду примерами героизма и мужества командиров и бойцов, проявленных в этих сложных условиях, была написана статья об оборонительных действиях на ставропольском направлении[16]. В другой работе более подробно освещена оборона Кавказских Минеральных вод, лежавших на стыке двух фронтов, что стало одной из причин непоследовательных действий командования в организации боев на этом участке[17]. В 2020 году вышла статья, посвященная обороне Моздока[18], в которой показаны события, предшествовавшие Моздок-Малгобекской оборонительной операции и способствовавшие ее успешному проведению. В отдельной работе разбираются действия советской авиации в небе Ставрополья во время отхода советских войск в августе 1942 года. Этот материал доказывает, что части и подразделения ВВС часто покидали свои аэродромы, когда вокруг уже не оставалось наземных войск, достойно сражались над территорией края, несмотря на количественное и техническое превосходство противника[19].

Ограниченность объема этих публикаций, а также их разрозненность стали побудительным мотивом для создания отдельной книги, в которую вошел анализ основных военных событий, происходивших на территории Ставропольского края в августе 1942 года.

Источниковой базой исследования стали материалы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, размещенные в базах данных «Память народа», «Подвиг народа», «Мемориал», фонды Государственного архива Ставропольского края, Государственного архива новейшей истории Ставропольского края, опубликованные документы в различных сборниках, выходивших в разные годы[20]. Среди воспоминаний и мемуаров книги о боевом пути армий, корпусов и дивизий, авиаторов, кавалеристов, танкистов и представителей других родов войск, воевавших на ставропольской земле в период битвы за Кавказ[21].

Все эти исторические источники в совокупности позволили составить общую картину боевых действий войск на территории Ставрополья в жаркий август 1942 года.

ГЛАВА I.
ОТХОД СОВЕТСКИХ ВОЙСК ПО ТЕРРИТОРИИ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ В АВГУСТЕ 1942 ГОДА

1.1. Действия советских войск на Ставропольском направлении

Описанию отхода войск Красной армии с Дона до предгорий Кавказа в военно-исторической литературе уделено не так много места. В августе 1942 года на территории Ставропольского (тогда Орджоникидзевского) края по сравнению с другими битвами и сражениями не было сколь-нибудь продолжительных и упорных боев, не говоря уже об оборонительных операциях. Это общеизвестный факт, не требующий доказательства. Описывать отход войск с точки зрения военного искусства, особенно в тех условиях, малоинтересное занятие: урок понятен – к обороне надо готовиться серьезно, а от Дона до Терека ее, по сути, организовано не было. Именно по этой причине ни в труде маршала А.А. Гречко, ни в работах профессора С.В. Януша и многих других авторов этот вопрос детально не был освещен. Более того, в военно-исторической литературе советского периода к тому же была допущена существенная погрешность: якобы город Ворошиловск (Ставрополь) был оставлен советскими войсками 5 августа[22], хотя на самом деле это произошло на два дня раньше. Историк С.В. Януш, рассматривая действия Донской оперативной группы на Ставропольском направлении, обратил внимание на это несоответствие. В подтверждение тому он привел цитату немецкого автора В. Тике, описавшего захват немецким передовым отрядом города.

Эта ошибка закралась на страницы книг из архивных документов. Так, например, в журнале боевых действий Закавказского фронта за август 1942 года отмечалось: «Части 40 ТК, а вслед за ними части 52 АК (1 ТА) немцев выдвигавшиеся вдоль ж.д. Армавир, Прохладный и к северу от нее, 5.08.42 заняли Ставрополь, а 6.8.42 (тоже неверная дата – *Авт.*) Невинномысск…»[23].

Почему или зачем была искажена реальная информация, в наши дни остается только догадываться. Первое, что приходит на ум: это было сделано для того, чтобы представить оборону городов в более приглядном свете.

Проведенный С.В. Янушем анализ действий войск на ставропольском направлении носит тот же общий (оперативно-стратегический) характер, который имел и труд маршала А.А. Гречко[24]. За рамками исторического описания остались подробности тактического характера, без которых невозможно представить всю картину, сложившуюся на Северном Кавказе в конце июля – начале августа 1942 года.

Попытку осветить действия советских войск на ставропольском направлении предпринял профессор С.И. Линец. Однако в его небольшой работе не были использованы боевые документы частей и соединений Красной армии, отходивших по территории края. Поэтому его вывод о том, что

после отвода частей Донской группы за Кубань, а затем – Калаус и Янкуль «управление советскими войсками окончательно нарушилось и началось их практически беспорядочное отступление» соответствует контексту оперативно-стратегических описаний в духе ранее упомянутых работ[25].

Воссоздать картину отхода Донской группы войск по территории Ставрополья стоит не только для того, чтобы уяснить, при каких обстоятельствах оно досталось врагу, и почему ему здесь не было оказано серьезного сопротивления, но и для того чтобы увидеть в этой обстановке действия и поступки бойцов и командиров, прочувствовать их моральное состояние, и не клеить огульно всем ярлык паникеров или трусов, а постараться понять, что помешало советскому воину, выигравшему, в конечном счете, всю войну, стоять насмерть в степях Ставрополья. С позиции военной повседневности такой анализ в наши дни, по мнению автора, должен быть интересен.

Опуская довольно хорошо известную информацию о ходе Великой Отечественной войны накануне вторжения гитлеровских войск на Северный Кавказ, о плане немецкого командования «Блау», операциях «Брауншвейг» и «Эдельвейс», сосредоточимся на непосредственной боевой деятельности советских войск на территории Ставрополья. Не затрагивая этих вопросов, тем не менее, постараемся понять, какое значение в этих планах имел наш регион.

Орджоникидзевский (с 1943 г. – Ставропольский) край, как один из северных регионов Кавказа, расположенный в центральной части Предкавказья, в военно-стратегическом отношении рассматривался гитлеровской Германией как территория, захват которой обеспечивал доступ к нефтяным скважинам Грозного, а в перспективе – через перевалы Главного Кавказского хребта – и к запасам бакинской нефти. Победа на Кавказе должна была стать важнейшим политическим аргументом в диалоге Германии и Турции по вопросу вхождения последней в войну в качестве союзника первой.

Холмистый рельеф Ставропольской возвышенности, переходящий на юге в горный, обеспечивал выгодные условия для организации оборонительных рубежей советскими войсками. В соответствии с директивой Ставки Верховного Главнокомандования от 2 октября 1941 года на территории Северо-Кавказского военного округа началось строительство полевых укрепленных рубежей. В Ставропольском крае в период с осени

Командующий Южным фронтом генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский (справа) и член военного совета фронта бригадный комиссар И.И. Ларин. Март 1942 г.

1941 по лето 1942 года велись крупномасштабные работы по возведению оборонительных сооружений между Бешпагиром и Базовой Балкой. В частности, до 29 января 1942 года в крае было выполнено 8 млн. 767 тыс. метров земляных работ. На танкоопасных направлениях под руководством военных инженеров и саперов населением было построено 533,4 километра противотанковых рвов, эскарпов и других преград, 2437 пулеметных и пушечных дотов и дзотов, а также открытых огневых площадок[26]. Забегая вперед, отметим, эти многочисленные сооружения были малоэффективными с военной точки зрения и не были использованы при отходе советских войск.

В подтверждение этому приведем слова начальника штаба инженерной службы Северо-Кавказского фронта полковника Б.В. Баданина:

«Никакой пользы не принесли и те оборонительные рубежи и заграждения, которые строились без учета реальной обстановки и возможностей войск. Немало было противотанковых рвов и других земляных заграждений, заблаговременно отрытых на Кубани и в Ставрополье по рубежам рек и на городских оборонительных обводах, которые легко были преодолены противником и никак не оправдали огромных затрат труда на их устройство»[27].

Благоприятные условия для захвата территории Северного Кавказа германскими войсками сложились в конце июля 1942 года после взятия города Ростова-на-Дону. Директивой от 22 июля командующему Южным фронтом генерал-лейтенанту Р.Я. Малиновскому была поставлена задача: занять оборону на южном берегу Дона от Константиновского до Батайска. Несмотря на проведённое усиление за счёт вливания части сил и средств Северо-Кавказского фронта, войскам Южного фронта была поставлена непосильная задача: уничтожить прорвавшегося на левый берег Дона противника и восстановить оборону на заданном рубеже. Войска армий, входивших в состав фронта, не могли обеспечить необходимую плотность сил и средств в обороне. Армии были растянуты по фронту и не имели возможности создать вторые эшелоны и резервы. Недоставало ар-

тиллерии и боеприпасов. Не хватало ручных гранат и винтовочных патронов. Из-за недостатка горючего авиация 4-й воздушной армии (ВА) была вынуждена сократить число боевых вылетов. К этому следует добавить, что в составе Южного фронта имелось в наличии лишь 17 танков, а 4-я воздушная армия располагала всего 130 самолётами[28].

Армии первого эшелона переходили к обороне поспешно, под непрерывными ударами превосходящих сил противника и занимали рубежи не полностью подготовленные к обороне.

Против Южного фронта в первом эшелоне действовала 17-я армия, 1-я и 4-я танковые армии вермахта. В составе группировки врага насчитывалось 167 тыс. человек, 1130 танков, 4540 орудий и миномётов, до 1 тыс. боевых самолётов. Противник превосходил войска Южного фронта в личном составе в 1,5 раза, орудиях и миномётах – в 2,1, танках – в 9,3, самолётах – 7,7 раза.

25 июля фашистские войска, наступавшие на Кавказском направлении, вышли к Дону и почти сходу овладели четырьмя плацдармами. Превосходство сил давало противнику возможность без паузы начать операцию «Эдельвейс» по захвату Кавказа, план которой содержался в директиве ОКВ от 23 июля 1942 года о продолжении операции «Брауншвейг»[29].

Постоянное воздействие противника на боевые порядки войск Южного фронта привело к тому, что среди отдельных подразделений и частей стали проявляться факты деморализации и панического бегства от противника. Настроения отходивших к Дону войск передавалось и частям Северо-Кавказского фронта, которые занимали оборону на южном его берегу. Военные события под Ростовом разворачивались настолько быстро, что командование СКФ тоже оказалось не в силах произвести маневр своими резервами для отражения ударов противника и войска начали покидать свои позиции[30].

Вот как вспоминал события тех дней начальник штаба 228-й стрелковой дивизии 24-й армии майор К. И. Рогов:

«24 июля немцы вышли к Дону на всем его протяжении, 25-го июля они перешли в дальнейшее наступление и к 28 июля подошли к реке Сал. И если до 28 июля, то есть за первые три дня наступления после форсирования Дона, гитлеровцы продвинулись незначительно, то после 28-ого они

Командующий Северо-Кавказским фронтом маршал С.М.Буденный. 1940 г.

рванулись вперед. И пошли мы считать версты и населенные пункты до самого Кавказа. Благо, ровные как стол Сальские и Калмыцкие степи, «без конца в длину и без края в ширину», позволяли автомобилям двигаться без дорог в любую сторону.

Конечно, не все двигались на автомашинах. Пехота, используя для облегчения бойцов повозки, куда складывалась часть снаряжения и тяжёлые оружие, пылила пешком по бесконечным дорогам, где не часто можно было напиться обыкновенной воды, пусть даже солоноватой. Недаром даже один из хуторов назвали Солёный!

Эх, дороги вы фронтовые! Они заводили фронтовиков в такие места, где им и не снилось побывать. Начиная с Сала корпус И. Т. Замерцева, в составе 37-й армии генерала Козлова, за первые три дня отступления шагнул аж на 130 километров ближе к Кавказу. Это если считать по прямой, «как летает ворона», а ведь мы шли сперва на хутор Весёлый, а уж потом повернули на Сальск»[31].

В сложившихся условиях требовалось во что бы то ни стало остановить отход советских войск. 28 июля 1942 года в связи с катастрофической обстановкой на южном крыле фронта Сталин, как народный комиссар обороны подписал приказ № 227, вошедший в историю, как приказ «Ни шагу назад». Он обязывал командиров всех степеней прекратить самовольное оставление боевых позиций без приказа командования. В приказе отмечалось: «Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, танковых частях, авиаэскадрильях. В этом теперь главный недостаток»[32].

В тот же день (28 июля) в целях улучшения руководства войсками на Северном Кавказе Ставка приказала объединить войска Южного и Северо-Кавказского фронтов в один Северо-Кавказский фронт, в составе которого были созданы Донская и Причерноморская оперативные группы. В Донскую группу под командованием генерала Р.Я. Малиновского вошли 51-я, 37-я и 12-я армии. Именно они непосредственно должны были прикрывать Ставропольское направление[33].

На 28 июля в составе 37-й армии, которая пройдёт позже по территории Ставрополья, находились четыре стрелковые дивизии (СД) – 156, 74, 102 и 295-я. Наиболее боеспособной из них была 156-я, в ней насчитывалось 8733 человека личного состава, в 2,3 раза меньше (3816 чел.) было в

74-й дивизии. Остальные два соединения располагали ещё меньшим контингентом – 1057 и 1104 бойца и командира соответственно. В составе армии находилась 110-я Калмыцкая кавалерийская дивизия (КД) в количестве 4597 бойцов и командиров. 268-й артиллерийский полк (1026 чел.) при полном отсутствии орудий и минометов имел 35 противотанковых ружей, 16 станковых и 15 ручных пулеметов. В двух танковых бригадах армии в наличии было всего 16 танков. 41-я бригада, находившаяся в стадии формирования, насчитывала лишь 135 человек личного состава и имела всего 43 винтовки и 4 миномета. Недостаток боеприпасов можно охарактеризовать следующими цифрами. Красноармейцы 9-й армии, выведенной после боев на Дону в резерв СКФ (вначале августа остатками ее войск были доукомплектованы соединения и части 37-й армии), имели 0,4 боекомплекта винтовочных патронов (1 б/к винтовки – 60 патронов), в 12-й армии – 0,9. Ручных гранат в 12-й армии имелось 0,7 боекомплекта (1 б/к для бойца – 2 гранаты), в 9-й армии их не было вообще[34].

В этих условиях командующим Северо-Кавказским фронтом 28 июля был назначен Маршал Советского Союза С.М. Буденный. Тремя днями раньше, 25 июля, он изложил свое мнение по поводу обороны Северного Кавказа в письме в Ставку ВГК. Он считал, что сдержать превосходящие силы противника на Нижнем Дону не удастся. По его мнению, следовало организовать отвод войск за Кубань и Терек, и в предгорьях Главного Кавказского хребта лишить врага преимущества в танках[35].

Современные российские исследователи (Линец С.И., Януш С.В.) показали, что изначально такую точку зрения высказали офицеры оперативного управления Генерального штаба Красной армии. Начальник генштаба генерал-полковник А.М. Василевский высказал мысль о необходимости занять оборонительные позиции по рубежу реки Терек во время его переговоров по телеграфу с командующим Закавказским фронтом. Для правильного понимания военных событий, происходивших на Северном Кавказе в период с конца июля по середину сентября 1942 года, стоит обратить внимание и на то, что Ставка не предпринимала серьёзных шагов для усиления отступавшего Северо-Кавказского фронта. Ни одно крупное танковое объединение, сформированное за годы войны, не поступило на усиление советских войск, участвовавших в боях на Кавказе[36].

Из этого следует, что Ставрополью была уготована незавидная участь – войска должны были оставить всю его территорию вплоть до Терека, хотя официального согласия на оставление огромной территории Северного Кавказа с богатейшими сельскохозяйственными и нефтяными ресурсами Сталин дать не мог.

Поэтому вновь созданному фронту была поставлена задача упорной обороной не только остановить на занимаемых рубежах продвижение противника на юг, но и во что бы то ни стало активными действиями вернуть Батайск, тем самым восстановить положение по южному берегу Дона. О том, что эта задача была обречена на невыполнение, говорит хроника событий, которые развернулись южнее Ростова в следующие дни.

Несанкционированный отход частей бывшего Южного фронта не смог остановить даже приказ «Ни шагу назад»[37].

Немецко-фашистские войска группы армий «А», прорывавшиеся на Северный Кавказ, шли тремя колоннами: из Батайска на Тихорецк и Краснодар двигалась 17-я полевая армия вермахта, вслед за ней – соединения 4-го румынского кавалерийского корпуса; на Армавир наступал 3-й танковый корпус 1-й танковой армии; через Сальск на Ворошиловск двигались 40-й танковый, 52-й армейский и 49-й горно-стрелковый корпуса. Наземные войска поддерживал воздушный корпус 4-го немецкого воздушного флота[38].

30 июля авангард 13-й танковой дивизии противника прорвался к западной окраине Сальска, другая боевая группа заняла населенные пункты Целину и Гигант. На следующий день 13-я дивизия преодолела долину Среднего Егорлыка, а 3-я танковая дивизия 1 августа форсировала Маныч.

В первых числах августа 52-й армейский корпус генерала Отта в составе 111-й и 370-й пехотных дивизий, наступавший вдоль Маныча на северном фланге 1-й танковой армии, вышел через Пролетарскую в западные районы Калмыкии. 2 августа 370-я ПД генерал-майора Германа Клеппа при поддержке сил 3-й танковой дивизии захватила Башанту, а к 5 августа заняла территорию Западного и Яшалтинского улусов Калмыцкой АССР. 11 августа 111-я ПД генерал-майора Эрнста Рекнагеля переправилась через Маныч и на следующий день взяла Элисту. После закрепления гарнизонов в Элисте и Улан Эрге войска 52-го армейского корпуса повернули в южном направлении и присоединились к общему наступлению 1-й танковой армии[39].

Под натиском танковых ударов противника войска Донской группы были расчленены. Соединения 51-й армии оказались отрезанными от основных сил фронта (разрыв между 51-й и 37-й армиями составлял около 65 км). Связь между штабом армии и штабами группы и фронта нарушилась. В этих условиях Ставка Верховного Главнокомандования 31 июля передала 51-ю армию в состав Сталинградского фронта, а 12-я армия, отходившая по территории Кубани, 5 августа влилась в Приморскую оперативную группу[40].

По поводу 12-й армии следует заметить, что при отходе на юго-запад она прошла по территории Орджоникидзевского края в первых числах августа. На 1 августа в составе армии находились следующие соединения и части: 4-я стрелковая дивизия без 39-го стрелкового полка; 176-я стрелковая дивизия; 261-я стрелковая дивизия, включавшая управление дивизии, 976-й и остатки 974-го и 978-го стрелковых полков; группа генерал-майора Радкевича и 81-я стрелковая бригада.

Свои подчиненные соединения и части командующий 12-й армией генерал-майор А.А. Гречко охарактеризовал так:

4-я и 176-я стрелковые дивизии в результате неоднократных боев с наступающими частями противника к 1 августа понесли значительные потери. 4-я дивизия связи с 39-м полком не имела. 176-я дивизия так же

полностью собрана не была, 389-й стрелковый полк собирался в районе села Молотовское.

261-я стрелковая дивизия к 1 августа сохранила управление дивизии, 50 процентов артиллерийского полка, стрелковые части насчитывали: 976-й стрелковый полк – до 500 штыков, 974-й – до 70 штыков, 978-й СП – стрелковых подразделений не имел, сохранились в основном лишь батальонные и полковые тылы.

81-я стрелковая бригада имела до 750 штыков.

Группа генерал-майора Н.Н. Радкевича, представляла собой сводный отряд частей бывшего 14-го танкового корпуса. Она также была очень малочисленна – до 500 штыков, один средний танк и три бронемашины. После боя 1 августа у села Белая Глина группа отошла в южном направлении. 2 августа часть штаба группы находилась в селе Дмитриевском. Больше сведений о группе в штаб 12-й армии не поступало. Впоследствии командованию стало известно, что остатки группы отходили по территории Орджоникидзевского края на юго-восток вместе с соединениями 37-й армии.

В юго-восточном направлении отходила и 176-я стрелковая дивизия, она также влилась в состав Донской группы войск. 7 августа штабом 12-й армии была установлена радиосвязь с дивизией. В этот день она находилась в селе Александровском в 55 километрах севернее Минеральных Вод. Эта дивизия, как и группа генерала Радкевича также вошла в состав 37-й армии[41]. В это время остальные силы 12-й армии отходили западнее, по территории Краснодарского края. Сама армия, как было уже отмечено, вошла в состав Приморской группы войск. Но войскам 12-й армии вскоре вновь пришлось ступить на территорию Орджоникидзевского края, когда 1-й стрелковый корпус развернулся для обороны на участке хутор Смыков – станица Григорополисская, об этом будет рассказано ниже.

Маршал А.А. Гречко в книге «Битва за Кавказ» спустя много лет так описал сложившуюся ситуацию: *«Располагая большим количеством танковых и моторизованных соединений, немецко-фашистские войска превосходили наши войска в маневренности. Поэтому войска Южного фронта не сумели оторваться от противника и организованно отойти на указанные им рубежи. Кроме того, во время отхода нарушилось управление. Штабы фронта и некоторых армий часто теряли связь со своими войсками и не всегда имели точные данные о действиях подчиненных частей. Отступая, войска иногда оставляли населенные пункты без серьезного сопротивления. К концу дня 28 июля между армиями образовались большие разрывы. Фронт обороны был нарушен. Войска Южного фронта оказались уже неспособными сдержать натиск превосходящих сил врага и продолжали откатываться на юг»*[42].

В итоговой оперативной сводке штаба Северо-Кавказского фронта за период с 1 по 31 августа 1942 года, составленной «по горячим следам» и представленной начальнику оперативного управления Генерального штаба Красной армии писалось следующее: «В период объединения войска Южного фронта, утомленные непрерывными боями, в течение меся-

Колонна немецких войск на марше. Лето 1942 г.

ца, с превосходящими в технике силами противника и, находясь под непрерывным воздействием авиации противника, действовавшей ежедневно группами до 30 самолетов, были малоспособны оказывать активное сопротивление противнику. Сплошного фронта в это время не было. После оставления Ростова армии отступали в беспорядке; отдельные части отходили с боями, а часть войск, идя за паникёрами, оставляла населённые пункты без серьезного сопротивления и без приказа вышестоящих штабов, покрыв свои знамёна позором…

Такое состояние войск фронта и отсутствие связи привело к срыву выполнения директивы Ставки о восстановлении положения на реке Дон, и Военный Совет фронта поставил задачу остановить дальнейшее продвижение противника на рубеже: Сальск, Средний Егорлык, Кущевская.

Однако и эта ограниченная задача не была выполнена войсками, которые, утратив боевую устойчивость, поддаваясь на некоторых участках панике <…>, под ударами танков и авиации противника, ведя сдерживающие бои, продолжали отходить на юг»[43].

Вспоминая события этого периода, генерал-лейтенант А.Н. Герваси-ев, в то время батальонный комиссар, военный комиссар 242-й стрелковой дивизии, писал так:

«И как ни нежелательно теперь, как ни неприятно самому, признать нужно, что в летних сражениях 1942 года не обошлось без растерянности и неуверенности, проявленными отдельными командирами и штабами не только полкового и дивизионного звена, но и рангами повыше. Это подтверждается потерей управления подчиненными, разрозненными действиями войск. Было бы в корне неправильно только растерянностью объяснять крупные недостатки в руководстве войсками. Главное, конечно, в создавшейся ситуации – обстановке трудной, таящей в себе много неясного и опасного.

И только сильные духом, закаленные в боях, крепко спаянные единой волей и непоколебимой стойкостью, сознанием долга стоять насмерть, способны не потерять ориентацию и твердую веру в победу даже в условиях безвыходных, казалось бы. Такими было абсолютное большинство командиров, политработников и красноармейцев частей и соеди-

нений войск, оказавших упорное сопротивление врагу летом 1942 года на южном крыле Советского фронта»[44].

И действительно, несмотря на то, что в приведенной выше сводке не сказано ни слова о тех бойцах и командирах, которые даже в этих условиях демонстрировали примеры мужества, стойкости и полководческого таланта, такие случаи были не единичны. Так, в представлении к награде майора Н.М. Котова, который в период отхода советских войск с Дона находился в должности командира отдельного моторизованного дивизиона, записано: «За время военных действий в борьбе с врагами т. Котов проявил себя в качестве командира мужественного, энергичного и преданного партии и социалистической Родине. 27-28 июля 1942 г. в р-не с. Верхний Хомутец Ростовской обл. организовал оборону и дважды отразил атаки противника, уничтожив до батальона пехоты. При прорыве немецкой обороны в р-не ст. Трубецкой Ростовской обл. майором Котовым были пущены две танкетки «Комсомолец», из которых велась пулемётная стрельба и уничтожено до 50 солдат и один офицер. Из окружения т. Котов вывел 62% всего личного состава, будучи командиром 571 ОМД 347 СД»[45].

Николай Матвеевич
КОТОВ
(1907-1943)

Пример храбрости показал гвардии майор Федоренков А.И. – начальник штаба 25-го гвардейского миномётного полка. 1 августа части 37-й армии совместными усилиями прорывались из окружения в районе ст. Целина. Стрелковые подразделения, подойдя вплотную к противнику, дрогнули и стали откатываться назад. В это время Федоренков с пистолетом в руках, рискуя жизнью, бросился вперёд с возгласом «За Родину, вперёд!» и прервал замешательство. С незначительными потерями стрелковые части прорвали вражеское кольцо, и вышли из окружения[46]. И подобных примеров можно привести много.

Зная о том, что сил для обороны краевого центра города Ворошиловска недостаточно, краевое руководство 1 августа обратилось к командующему фронтом Маршалу Советского Союза С.М. Буденному с просьбой о помощи в организации обороны Ворошиловска и попросило направить в город боевого командира. В ответ на это командующий сообщил, что «оборонять Ворошиловск надо, но сил недостаточно», и прислал в город генерал-лейтенанта В.Н. Сергеева, однако он, по словам секретаря крайкома ВКП(б) М.А. Суслова, «оказался крайне пассивным и неинициативным руководителем, неспособным возглавить порученное ему дело»[47].

Всеволод Николаевич
СЕРГЕЕВ
(1891-1962)

Сергеев Всеволод Николаевич (1891-1962) – советский военачальник, генерал-лейтенант. В Русской армии с 1911 года. Имел чин капитана. В Красной Армии с 1918 года. В годы Гражданской войны – командир роты, полка, стрелковой бригады. В мирное время служил заместителем начальника отдела боевой подготовки военного округа, начальником штаба дивизии, заместителем командира дивизии, командиром горнострелковой дивизии. С июня 1938 года – командир 39-го стрелкового корпуса, участвовал в боевых действиях у озера Хасан. Был награжден двумя орденами Красного Знамени. В июне 1940 года был назначен командующим 2-й Краснознаменной армией на Дальнем Востоке. С июня 1941 по сентябрь 1942 года – заместитель командующего Северо-Кавказского военного округа, затем – заместитель начальника управления формирования и укомплектования войск Закавказского фронта. В декабре 1942 года стал заместителем командующего 45-й армией Закавказского фронта. Заместитель командующего фронтом генерал-лейтенант Курдюмов так характеризует Сергеева: «дисциплинированный, выдержанный, хорошо подготовленный, культурный строевой командир с большой инициативой … в работе трудолюбив и настойчив»[48].

Очевидно, что В.Н. Сергеев был действительно хорошим боевым командиром. Его опыт и деловые качества позволяли ему при наличии сил и средств, времени, при соответствующем приказе командующего фронта организовать оборону Ворошиловска. Однако такая задача ему не была поставлена. Этим можно объяснить пассивность, в которой упрекнул его секретарь крайкома ВКП(б).

В течение 2-4 августа 1942 года войска Донской группы, ведя тяжелые бои, отходили в южном и юго-восточном направлениях. 37-я армия не выполнила поставленной задачи в отношении занятия обороны по левому берегу Кубани и под давлением превосходящих сил противника отходила в юго-восточном направлении на Ворошиловск.

Тем временем немецкие войска быстро приближались к северным границам Орджоникидзевского края. Вклинившись 40-м танковым корпусом в разрывы 12-й и 37-й армий, противник 2 августа, овладев Сальском, с рассветом двумя танковыми колоннами устремился на юг и вторгся в пределы Ставропольского края. Первым на его пути был Молотовский (ныне Красногвардейский) район и село Молотовское (Красногвардейское).

Вызывает интерес описание происходивших событий, собранное и

опубликованное немецким автором Вильгельмом Тике, воевавшим на Кавказе в войсках СС. Мы не раз будем вынуждены обращаться к его книге «Марш на Кавказ. Битва за нефть. 1942-1943 гг.», как в целях сопоставления фактов, так и для восполнения картины происходившего.

По свидетельству автора, *«маршал Буденный, стремившийся отвести свои войска за водные преграды Кубань и Куму и далее в горы, приказал создать охранение из подразделений отчаянных добровольцев, которые были вооружены американским оружием и обеспечены транспортными средствами. Они воевали очень искусно, чтобы защитить медленно передвигавшиеся пешие соединения от наседавших немецких моторизованных соединений. Первого августа группа «Викинг» повстречалась с одной из этих частей, которая, по крайней мере, вынудила наступавших развернуться в боевые порядки и этим замедлила их продвижение»*[49].

Далее Тике пишет, что все немецкие дивизии, стремившиеся на юг, получили приказ: стремительно преследовать, захватывать пространство, на открытые фланги внимания не обращать; занятые противником населенные пункты обходить и наносить ему поражение обходом[50].

Именно так и происходило с соединениями и частями 37-й армии, командующий генерал-майор П.М. Козлов. В боевой характеристике 347-й стрелковой дивизии, которая перешла из состава 56-й армии, записано, что, будучи с 30 июля по 1 августа в окружении, дивизия сутки вела бой в районе с. Журавлевка – х. Орджоникидзе (Целинский район Ростовской обл. – *Авт.*), где противник танковой группой в составе 100 танков и до двух полков мотопехоты пытался разрезать дивизию и по частям уничтожить её. Части 347-й дивизии отразили 7 атак противника, уничтожили два батальона пехоты, 10 танков, 17 орудий, 25 пулемётов, 30 миномётов, заставив противника отступить и пройти к Целине. На рассвете 2 августа 1942 года дивизия в составе 5 тыс. человек, при наличии всей артиллерии, с приданными частями, выделив авангард в 1000 человек при 17 противотанковых орудиях, что составило головной отряд дивизии, штурмом прорвала оборону противника и вышла на реку Средний Егорлык, уничтожив там немецкий заслон.

Одновременно прорыв окружения вели и другие соединения 37-й армии, однако все командиры и штабы действовали самостоятельно, так как единого руководства не было. В результате боя значительная часть войск не смогла прорваться и осталась в окружении. Из 230-й и 295-й СД прорвались только штабы, 102 стрелковая дивизия вывела несколько десятков бойцов, 41-я мотострелковая бригада вывела кроме своих, бойцов других подразделений, имея общую численность до 300 человек на 20 машинах.

347-я стрелковая дивизия (командир – полковник Селиверстов Н.И.) прорывалась более организованно, что позволило вывести значительную часть личного состава. Но поскольку с 347 СД не имелось связи, она 37-й армией в дальнейшем не управлялась. К 15.00 2 августа ее части вошли в село Богородицкое (Песчанокопский р-н, Ростовская область), где снова

попав в окружение, были атакованы танками и мотопехотой противника. В ходе боя части 347-й стрелковой дивизии оказались сильно потрепаны, и в ночь на 3 августа начали отходить в двух направлениях: одна группа на село Красную Поляну (Песчанокопский р-н, Ростовская область), другая – управление дивизии с машинами на село Жуковское (Песчанокопский р-н, Ростовская область)[51].

Как видно, в условиях, в которых оказалась 37-я армия, об организованной обороне территории Орджоникидзевского края и города Ворошиловска ее силами речь идти не могла.

Вместе с тем, есть информация о том, что части Красной Армии, отходя по северной части края, наносили немцам ответные удары. Так, 2 августа 1942 года недалеко от автодороги Ворошиловск – Батайск, неподалёку от села Преградного и села Медвеженского (оно же Молотовское, ныне с. Красногвардейское) в неравном бою с танками противника погибло 6 бойцов, которые составляли боевой расчёт 122-мм гаубицы. В бою с превосходящими силами противника этот расчёт сжёг около шести немецких танков. Жители поселка Медвеженского через полгода нашли их останки и похоронили там же в степи, среди хлебных полей, обелиском на их могиле стал ствол разбитого орудия[52].

Несмотря на полученный отпор, к вечеру 2 августа головы колонн 3 танковой дивизии (ТД) Вермахта стояли в Преградном, а ее главные силы расположились у станицы Успенской (Краснодарский край, у границ Ставрополья). Третий танковый корпус 1-й танковой армии противника 2 августа совершил стремительный рывок на юг, и вечером его 13-я танковая и 16-я моторизованная дивизии находились в районе Новоалександровки на железной дороге Ворошиловск – Кропоткин.

13-я танковая дивизия 2 августа, форсировав реку Рассыпную на территории Краснодарского края, севернее села Привольного, устремилась на юг. Продвижение танков остановил огонь реактивных минометов. Немцы выждали, пока батарея русских сделает полный залп, после чего выдвинули вперед взвод 37-мм пушек. Пока советские минометчики перезарядили «катюши» немецкая артиллерия была уже от них на расстоянии действительного огня. Советская батарея вновь дала залп, но снаряды прошли над головами немцев. Тем временем противотанковые орудия открыли огонь по советской батарее и уничтожили ее[53]. «Сталинские органы» («катюши») перестали беспокоить 13-ю ТД.

1-й стрелковый корпус на рубеже Смыков – Григорополисская

Накануне развернувшихся боев, вечером 2 августа немецкая 13-я танковая дивизия находилась в районе станицы Новоалександровской на железной дороге Ворошиловск (ныне Ставрополь) – Кропоткин, голова колонны 3-й танковой дивизии, действовавшей восточнее, стояла в Преградном. Наступая на юго-восточном направлении, 3 августа 1942 г. 3-я танковая дивизия овладела г. Ворошиловском, а на юго-западном – 13-я дивизия захватила станицы Расшеватскую и Новоалександровскую. Для

дальнейшего продвижения к перевалам Кавказа и Черноморскому побережью немцам необходимо было форсировать реку Кубань. Поэтому от Новоалександровской 13-я танковая дивизия, а вместе с ней две моторизованные дивизии, устремилась на юг: в районе Армавира немецкое командование планировало переправить свои войска на левый берег Кубани и создать там плацдарм.

Юго-восточнее хутора Привольного (ныне село Раздольное Новоалександровского района) немецкие танки внезапно оказались посреди советского оборонительного рубежа. Это были позиции 1-го отдельного стрелкового корпуса (ОСК). По свидетельству немецкого автора, мотопехота немцев, двигавшаяся вместе с танками, вступила в бой. Позиции советских войск уничтожались огнем с бронетранспортеров. Единый бой рассыпался на множество отдельных очагов. Пока мотопехота воевала, танки противника прорвались к станице Прочноокопской, где находился мост через Кубань[54].

Остановимся на данном эпизоде подробней. Преградить путь трем немецким дивизиям – моторизованной СС «Викинг», 16-й моторизованной и 13-й танковой предстояло 1-му ОСК под командованием полковника М. М. Шаповалова. Для этого корпус был переброшен с Черноморского побережья (из-под Анапы) в район Армавира. В состав корпуса входили всего две стрелковые бригады (СБр) – 113-я (командир полковник Н. С. Васильев) и 139-я (командир подполковник П. М. Татарчевский). Учитывая, что своих сил у корпуса было мало, тем более что не все батальоны прибывали одновременно, командиру корпуса было предоставлено право подчинять себе соединения и части, оказавшиеся в полосе действий корпуса. Пользуясь такими полномочиями, полковник Шаповалов подчинил себе 31-ю стрелковую и 30-ю кавалерийскую дивизии. Кроме того, на 5 августа в составе корпуса находились: 456-й артиллерийский полк РГК, два батальона 69-го укрепрайона и батальон 136-го запасного стрелкового полка[55].

Боевые документы 1-го ОСК позволяют в общих чертах проследить хронологию событий в этом районе. Для начала стоит отметить, что 1-й ОСК создавался в конце апреля 1942 года. В его состав вошли 103, 113, 138, 139 и 142-я отдельные стрелковые бригады. Первые бои корпус вел в Крыму, под Севастополем. К началу июля 1942 г. в его составе осталось только две бригады – 113-я и 139-я и артиллерийский полк РГК[56].

Состав бригад, на примере 113-й СБр, был следующим: управление бригады, 1, 2, 3 и 4-й стрелковые батальоны, батальон связи, минометный батальон 82-мм минометов, минометный дивизион 120-мм минометов, артиллерийский дивизион 76-мм пушек, противотанковый дивизион 45-мм пушек, рота ПТР, разведрота, рота автоматчиков, саперная рота, авторота подвоза и медико-санитарная рота. Общая численность личного состава бригады могла составлять около 5 тысяч человек[57].

30 июля корпус получил приказ на погрузку в эшелоны для занятия обороны по Краснодарскому обводу. Утром 1 августа штаб корпуса прибыл на командный пункт в район станции Кубанской в 18 километрах к

северу по железнодорожной ветке от Армавира. К вечеру того же дня на станции Кубанской полностью разгрузилась 139-я стрелковая бригада. Следом 113-я бригада двумя батальонами прибыла в Армавир. Два других ее батальона (1 и 2-й) еще находились в пути. Они прибыли только 4 августа[58].

В качестве пояснения: «Последним эшелоном к фронту следовали: 2-й стрелковый батальон (командир – капитан С. К. Пештов, военком – старший политрук Е. С. Борисов) минометный дивизион 120-мм минометов (командир – старший лейтенант П. Г. Сергеев, военком – старший политрук П. И. Салтыков) минометный батальон 82-мм минометов (командир – старший лейтенант П. И. Дубков, военком – старший политрук В. Д. Авдеев) и бригадная авторота подвоза со всем тыловым хозяйством (командир роты – старший лейтенант Б. В. Чулимов, военком – старший политрук Е. Ф. Лобанов). Этот эшелон не успел проскочить в Армавир: железнодорожные пути были разбиты бомбежкой немецкой авиации. Пришлось выгрузиться на перегоне между станциями Отрадо-Кубанская и Кубанская, под интенсивным огнем вражеской авиации. Потери были очень большие»[59]. Но это было 4 августа.

В момент разгрузки первых эшелонов 1 августа был получен приказ занять оборону по левому берегу реки Кубани. Однако в тот же день в 20.00 «от имени маршала» (С. М. Буденного – *Авт.*) начальник штаба фронта генерал-майор Г. Ф. Захаров отдал приказание: корпусу в составе 139-й бригады и двух батальонов 113-й бригады (3 и 4-го) выйти на новый рубеж за реку Кубань и занять его к исходу 4 августа. Однако в штабе корпуса полагали, что встреча с противником произойдет 3 августа, как оно и получилось, поэтому по приказу корпуса бригады должны были занять свои рубежи к исходу 3 августа[60].

В своем докладе о боевых операциях 1-го ОСК военный комиссар Н. И. Привалов писал: «Если бы бригады заняли оборону по 1-му приказу фронта на левой стороне Кубани и имели в резерве корпуса 40 м. стр. бр., то противник не сумел бы так быстро захватить Армавир. На этом рубеже он понес бы исключительно большие потери и без подброски новых резервов, не мог бы начать операцию против Майкопа. Наоборот, части корпуса не имели бы таких потерь. Корпус дал бы возможность за это время создать новые резервы из отступавших частей Южного фронта»[61].

Однако согласно последнему приказу 3 августа шесть батальонов корпуса заняли оборону на участке от хутора Смыков под нынешним г. Солнечнодольском (на востоке) до станицы Григорополисской (на западе). Рубеж был выгоден тем, что правым флангом он примыкал к месту впадения реки Русской в реку Егорлык (сегодня здесь Новотроицкое водохранилище), на левом он граничил с Кубанью. Большая часть линии обороны шла вдоль небольшой реки Камышеваха, впадающей в Кубань в районе станицы Григорополисской. Фронт обороны составлял более 40 километров, промежутки между отдельными батальонами достигали 10 километров.

На правом фланге рубежа обороны находилась 3 и 4-й батальоны 113-й бригады, на левом – 139-я стрелковая бригада.

4-й стрелковый батальон 113-й бригады держал оборону на участке хуторов Смыков – Родионов. Вместе с ним находился штаб 113-й бригады во главе с командиром бригады полковником Н. С. Васильевым, военным комиссаром – старшим батальонным комиссаром В. Д. Шевелевым, рота автоматчиков и саперная рота. Сзади, в глубине обороны батальона занимал позиции артиллерийский дивизион 76-мм орудий под командованием капитана А. С. Гарина, военком – старший политрук В. Ф. Сидорин, без одной батареи.

3-й стрелковый батальон под руководством командира капитана О. Г. Абовяна и военного комиссара старшего политрука А. И. Франковского, с одной батареей 76-мм пушек оборонялся левее – в районе хуторов Родионов, Румяная Балка. Противотанковый дивизион 113-й стрелковой бригады, вооруженный 45-мм орудиями и противотанковыми ружьями, занимал оборону на главном танкоопасном направлении[62].

От Румяной Балки до Григорополисской оборонялась 139-я стрелковая бригада. Это как раз ее оборонительная линия длиной около 25 километров прошла по реке Камышеваха. В какой последовательности размещались по фронту батальоны этой бригады точно не известно, за исключением того, что 4-й батальон был левофланговым.

Прибывшие в свои районы все эти подразделения, наспех окопавшись, 3 августа вступили в бой. Основной удар противника принял 3-й стрелковый батальон 113-й СБр в районе Румяной Балки, отражая три часа непрерывные атаки его танков и пехоты. В этом бою батальон уничтожил пять вражеских танков и большое количество пехоты, но и сам был практически полностью уничтожен[63].

В этот день 3-й танковый корпус генерала Брайта с мотопехотой при поддержке до 30 самолетов нанес удар в стык между 139-й и 113-й бригадами. Бомбежкой была полностью уничтожена материальная часть 152-мм артиллерийского дивизиона, поддерживавшего 113-ю бригаду. Прорвавшись через боевые порядки бригад к Прочноокопской переправе, в тот же день 3 августа противник занял ее без боя – советских частей в этом районе не было.

Под командой военного комиссара корпуса бригадного комиссара Привалова к хутору Красная Поляна, расположенному на левом берегу Кубани, напротив станицы Прочноокопской, для защиты переправы до подхода 1 и 2-го батальонов 113-й СБр, которые еще не прибыли к месту боев, был брошен сводный отряд из числа связистов[64].

Вероятно, в этот отряд попал батальон связи 113-й СБр, командир – капитан Ф. И. Кондратьев, военный комиссар – старший политрук П. Н. Богдашкин. В мемуарах отложилось то, что «он действовал самостоятельно (от бригады – *Авт.*), выполняя обязанности обыкновенного стрелкового батальона»[65].

Весь день 3 августа части 1-го ОСК вели бой с превосходящими силами противника. К северу, ниже по течению Кубани, у станицы Григорополисской 4-й батальон 139-й стрелковой бригады сражался против полка пехоты и 35-40 танков. Ближе к вечеру остатки 4-го батальона ото-

Григорий Яковлевич
СМИРНОВ
(1913–1990)

шли через переправу у Григорополисской. Вслед за ним форсировали реку и немцы, захватив плацдарм на левом берегу Кубани[66].

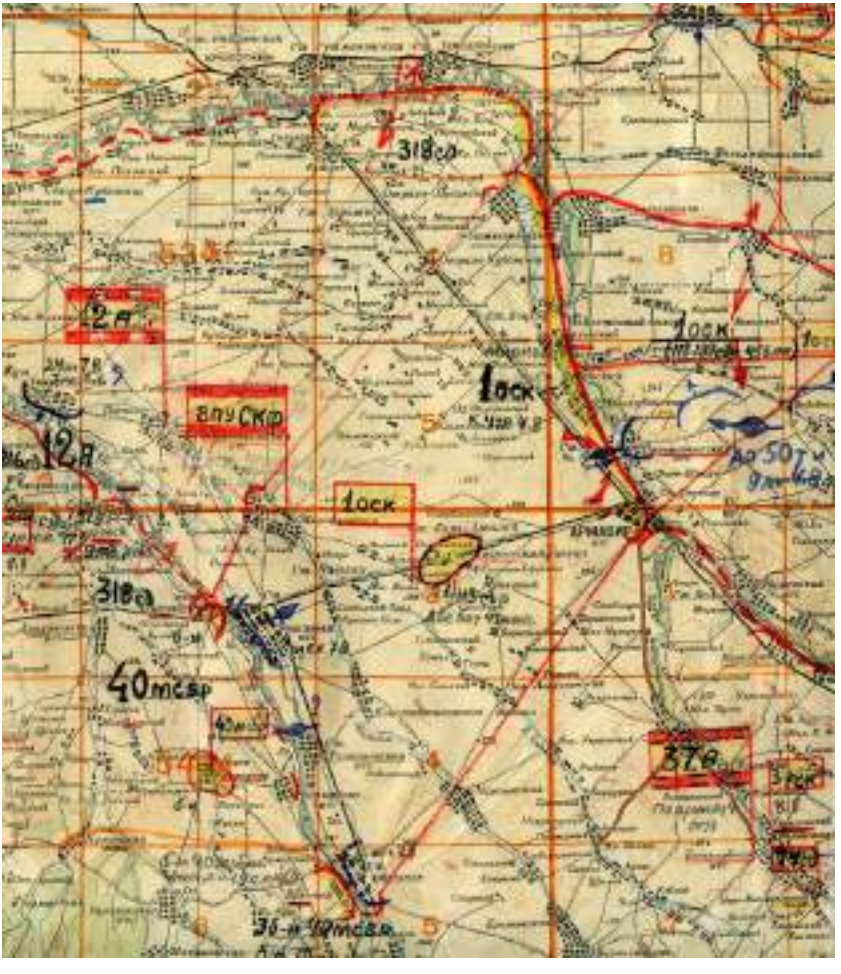
3 августа гауптштурмфюрер Дорр, командир 4-й роты 1-го батальона полка «Германия» дивизии «Викинг» записал в своем дневнике: *«Дмитриевская/Григорополисская: еще никогда немецкий солдат не бывал здесь, между Черным и Каспийским морями. Местами голая степь, потом попадаются хорошие земли. Сильный ливень. Это хорошо после жары и пыли. В ходе быстрого броска в 11.30 вышли к Кубани. Загадочный совет в штабе дивизии. Потом приняли решение: наступать на Григорополисскую, где вообще нет моста. Русские бегут. Мы гонимся за ними. На надувных лодках переплываем через Кубань. Сходу. Замечательный успех нашего 1-го из "Германии"»*[67].

Навести переправу для советских войск через реку Кубань в районе Григорополисская – Новомихайловское было поручено 37-му отдельному моторизованному понтонно-мостовому батальону (ОМПМБ). О том, как выполнялась эта задача, воспоминал Герой Советского Союза Г. Я. Смирнов, в то время капитан, начальник штаба этого батальона:

«Вместе с войсками отходил и 37 ОМПМБ, обеспечивая их в ходе тяжелых, зачастую смертельных, боев паромно-мостовыми переправами через водные рубежи. Получив очередную боевую задачу, в ночь со 2 на 3 августа 1942 года батальон сходу приступил к наводке понтонного моста через реку Кубань в районе села Новомихайловка <…>

В этом районе действовала 5-я моторизованная немецкая дивизия СС «Викинг». Внезапно ее передовые отряды – отборные фашистские головорезы – вышли на противоположный берег Кубани <…> Около 19 вечера немецкие автоматчики, переправившись ниже района нашей переправы, оказались на левом нашем фланге, и повели наступление. Батальон не дрогнул и по приказу комбата майора В.Я. Григорьева занял оборону, вступив в неравный бой с врагом. Никаких организованных войск, прикрывающих переправу, в Новомихайловке не оказалось. Да и обстановка так быстро и круто менялась, что полученный нами приказ на наводку моста оказался запоздалым, ибо наши войска на переправу не подходили, а двигались другими маршрутами на тыловые рубежи. Приказа об отходе у нас не было, мы несколько дней оборонялись, а по ночам атаковали немецкие очаги обороны, которые им удалось создать в нескольких местах на нашем берегу. Ни ночью, ни днем противник огневым воздействием не давал нам возможности подойти к реке, разобрать па-

ромы и погрузить имущество на машины. Минометов, станковых пулеметов, и даже ручных, в достаточном количестве у нас не было. У нас также не было достаточного количества патронов, и взять их было негде. Все наши попытки забрать имущество заканчивались жертвами. Выбить немцев из Новомихайловки своими силами и средствами мы не могли. Но упорством в борьбе и дерзостью ночных атак понтонеры задержали продвижение передовых отрядов противника, чем создали условия для подготовки очередных рубежей нашим войскам, отходившим на новые позиции»[68].



Фрагмент боевой рабочей карты с изображением боевых порядков 1-го ОСК

В отличие от переправы у Григорополисской мосты через Кубань в Прочноокопской и Армавире имели более важное тактическое значение для обеих сторон. Поэтому эпицентр боевых действий сложился именно там.

К утру 4 августа 1-й ОСК корпус с подчиненными ему соединениями и частями имел задачу: оборонять левый берег р. Кубань, г. Армавир на участке: Армавир – Отрадо-Ольгинское. Обеим бригадам корпуса к исходу дня надлежало отойти на левый берег Кубани для занятия обороны на новых участках.

Перед фронтом 1-го ОСК 4 августа противник продолжал наступать силами 13-й танковой дивизии и моторизованной дивизии «Викинг». К 9.00 4 августа противник, уничтожив 1-й батальон 133-й СБр, вышел на переправу через Кубань в районе Прочноокопской, Красной Поляны. Семь танков противника прошли по мосту на левый берег реки. Однако силами 2-го батальона 113-й СБр, занявшего оборону на левом берегу у хутора Красная Поляна, танки противника были отрезаны от пехоты: три танка остались подбитыми на переправе, два возвратились в Прочноокопскую, два остались на левом берегу р. Кубань, здесь же у моста они заняли круговую оборону и продолжали вести бой[69].

Советским воинам удалось оттеснить противника к реке и приблизиться к переправе на расстояние 150–200 метров от моста. Однако ночью с 4 на 5 августа противник подбросил подкрепление и стал теснить советскую оборону. После этого по наведенному понтонному мосту немцы переправили значительную группу танков и мотопехоты, которым удалось окончательно прорвать оборону и выйти на северную и западную окраины Армавира. Той же ночью штаб 1-го ОСК был вынужден покинуть Армавир и переместиться на запасной командный пункт в хутор Кочергин, на 25 километров западнее Армавира[70].

Главные силы 1-го ОСК 4 августа, находясь на правом берегу Кубани, фронтом в обратную сторону вели бой на рубеже станицы Каменобродская и хуторов Церковный, Покровский (вост. х. Ляпин и сев. ст. Кубанской, ныне оба не существуют) за овладение станицей Прочноокопской. Уничтожив противника в Прочноокопской, части корпуса должны были переправиться через Кубань и занять оборону на ее левом берегу. Сложность боя состояла в том, что, действуя фронтом на юг, корпус вынужден был прикрывать себя арьергардами с севера. Несмотря на все усилия, отбить Прочноокопскую у врага не удалось.

В это время на территории Ставропольского края в районе станицы Каменобродской и хутора Румяная Балка, южнее и юго-западнее нынешнего Солнечнодольска вели бои подразделения 113-й бригады[71].

Правофланговый 4-й стрелковый батальон со штабом 113-й СБр, а вместе с ними артдивизион, рота автоматчиков и саперная рота бригады, получив приказ, 4 августа стали отходить к реке Кубань. Однако пробиться к берегу этим подразделениям не удалось, так как впереди на Армавир уже шли танки и мотопехота противника, им пришлось повернуть на юго-восток. 5 августа эти силы вступили в бой у Сенгилеевского озера под Ворошиловском, а затем в ворошиловском лесу в районе Богослов-

ки (ныне с. Балахоновское). В этих боях погибли вся артиллерия и большинство личного состава.

В списке боевых потерь 4-го батальона 113-й СБр за август 1942 года значится 179 рядовых и младших командиров (офицеров в этом документе нет), из них 137 человек погибло или пропало без вести 4 августа[72].

Остатки этих подразделений вышли в район населенного пункта Кизбурун–1, ныне село Атажукино в Баксанском районе Кабардино-Балкарской республики. Остатки бригады пополнил ряды 2-й гвардейской стрелковой дивизии. Командир 113-й СБр полковник Васильев Николай Сергеевич (1897–1967) стал в ней заместителем командира дивизии.

Леонид Архипович
ДОБРОВ
(1896 – не ранее 1947)

Другие подразделения 113-й ОСБр отошли за Кубань. Здесь они влились в 139-ю СБр. Так завершился боевой путь 113-й отдельной стрелковой бригады первого формирования. Но ее боевое знамя сохранилось, и было передано Дальневосточному фронту, где вновь начала формироваться бригада с таким же наименованием[73].

Что касается 139-й бригады, то после получения приказа об отходе на левый берег Кубани ее части стали с боем прорываться к переправе. В районе станицы Новокубанской им удалось захватить паром, и 5 августа 139-я стрелковая бригада переправилась через Кубань. На левом берегу бойцы бригады соединились с остатками своего 4-го батальона, и заняли рубеж обороны по левому берегу Кубани в районе Армавира.

Бои носили исключительно упорный и кровопролитный характер, батальоны 139-й бригады отбили за день по несколько атак танков и мотопехоты, действовавших при поддержке авиации. Бойцы и командиры проявляли массовый героизм. Однако когда был получен приказ на отход на новый рубеж в район с. Пушкинское, командир бригады уже не мог связаться с 1-м батальоном: трижды посылались связные, но батальон так и не нашли. Как потом сообщил секретарь парткомиссии 139-й бригады батальонный комиссар Д. Н. Лубин, 1-й батальон, не имея приказа на отход, два дня оборонял Армавир, понес большие потери, израсходовал почти все боеприпасы, и только после этого оставил город и стал пробиваться к своим[74].

К 8 августа в составе 1-го ОСК фактически оставалось два батальона 139-й стрелковой бригады (2-й и 3-й) с артиллерией, всего 1650 человек. Однако в этот день штаб корпуса был отрезан от остатков своих войск, которые были подчинены 318-й стрелковой дивизии. С 10 августа 1-й

Петр Михайлович
ТАТАРЧЕВСКИЙ
(1900– не ранее 1954)

отдельный стрелковый корпус фактически перестал существовать, хотя штаб корпуса и батальон связи (командир подполковник А. Г. Раменский) сохранились почти полностью[75].

В этих условиях командир корпуса полковник М. М. Шаповалов оставил штаб и вдвоем с женой уехал в неизвестном направлении. 14 августа он оказался в расположении 16-й моторизованной дивизии вермахта.

Военный комиссар 1-го ОСК бригадный комиссар Н. И. Привалов в своем докладе отметил: «На общем фоне массового героизма, проявленного бойцами и командирами особенно омерзительно предательство Шаповалова, хотя оно совершилось, когда корпус фактически уже не существовал. Но эта измена принесла большой политический и военный вред всему фронту»[76].

Сам Никифор Иванович Привалов (1900–1978) во время этих боев часто выезжал с командного пункта корпуса в боевые порядки частей и подразделений, оценивал их готовность к бою, контролировал правильность понимания командирами поставленных задач. После выхода из окружения он служил в должности заместителя командира 12-й гвардейской кавалерийской дивизии, войну окончил в качестве заместителя командира 5-го Донского гвардейского кавалерийского корпуса по политической части. Был награжден многими правительственными наградами.

Как следует из наградных документов базы данных «Подвиг народа», начальник штаба корпуса полковник Добров Леонид Архипович (1896 – не ранее 1947) после расформирования корпуса был направлен в Военную академию имени Фрунзе, позже с понижением был назначен начальником штаба 272-й стрелковой дивизии, в этой должности он воевал до конца войны. За годы службы был награжден орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, медалями «За оборону Севастополя», «За оборону Кавказа».

Командир 139-й СБр подполковник Петр Михайлович Татарчевский (1900 – не ранее 1954) после расформирования бригады 2 сентября 1942 г. был назначен командиром 68-й морской стрелковой бригады, оборонял Туапсе, был ранен и контужен. В 1943 г. стал заместителем командира дивизии, а через год уже командовал дивизией, правда, звание генерала так и не получил. Награжден многими орденами и медалями.

Заместитель командира корпуса по тылу подполковник Василий Михайлович Гамзин (1896 – не ранее 1946), когда 3 августа танки противни-

ка с автоматчиками прорвались к Прочноокопской переправе, возглавлял отряд из 70 человек. «Проявляя исключительный героизм 3-е суток удерживал переправу под убийственным огнем минометов, автоматчиков и танков противника. Имея только несколько ружей ПТР, отряд подбил 7 танков противника. Сам тов. Гамзин лично руководил этой группой героев и лично участвовал в бою». За бой 3 августа 1942 г. В.М. Гамзин удостоен ордена Красного Знамени[77]. Войну окончил в должности заместителя командира корпуса по тылу.

С целью задержания противника командир 3-го стрелкового батальона 139-й СБр майор Н.С. Каданчик (будущий Герой Советского Союза) 4 августа приказал в районе города Армавира, у совхоза «Хуторок» взорвать переправу через Кубань. Задачу выполнила группа из трех бойцов, которую возглавлял лейтенант И. И. Садовой. Под сильным обстрелом с воздуха и земли переправа была взорвана. Противник был задержан на 48 часов. Лейтенант был ранен. После окончания войны за этот подвиг Иван Иванович Садовой был награжден орденом Отечественной войны II степени[78].

Ордена Отечественной войны II степени за бои 1–7 августа 1942 г. был удостоен начальник артснабжения 1-го ОСК майор А. К. Гомонидов, обеспечивавший доставку боеприпасов на передовые позиции корпуса. Орденом Красной Звезды был награжден начальник химической службы корпуса подполковник Г. В. Архангельский: выполняя боевое задание в бою у станицы Прочноокопской был ранен в ногу осколком мины. Оба офицера после полученных ранений служили в тылу. Свои награды они получили в 1944 году.

Медалью «За боевые заслуги» был отмечен кассир 1-го ОСК П. Е. Соллогуб: «Находясь в сложной боевой обстановке и частично в окружении противника, следовал со своей частью и нес на себе 36,5 тыс. руб. наличных денег, документы Полевой кассы Госбанка за 2 месяца, печати и проч. <…> Всего им пройдено до 250 клм., в том числе через перевал по горам до Адлера от ст. Ново-Прохладной. Все ценности и документы доставлены Соллогубом в Полевую контору Государственного банка № 134 в полном порядке…»[79].

Эти факты свидетельствуют о том, что личный состав 1-го ОСК действовал героически. Возникает вопрос: как воевали в составе корпуса те формирования, которые подчинил себе полковник Шаповалов, и что за силу они представляли?

О действиях 30-й кавалерийской дивизии (командир – полковник В.С. Головской), известно то, что после боев на Дону, войдя в непосредственное подчинение Донской оперативной группы, она к утру 2 августа (то есть, ранее самого корпуса – *Авт.*) двумя полками заняла оборону северо-западнее г. Армавира на рубеже Смыков, Привольный, Фельдмаршальский, Григорополисская, протяженностью по фронту 52 километра. В центральной части этот рубеж проходил севернее рубежа обороны бригад корпуса на 7–8 километров. То есть, кавалеристы находились в первом эшелоне обороны корпуса. В течение 3–5 августа 30-я дивизия

в составе двух полков сдерживала напор крупных сил пехоты и танков противника, чем обеспечивала отвод частей 12-й армии за Кубань. Переправившись через р. Кубань дивизия заняла оборону на рубеже Богородицкий (у с. Новомихайловское), отделение конезавода №33, фронтом на северо-восток, где вела бои с прорвавшимся на левый берег Кубани противником[80]. Впоследствии 30-я Краснознаменная кавалерийская дивизия защищала восточные рубежи Ставрополья, освобождала Ставропольский край и с боями прошла до Праги.

31-я стрелковая дивизия участвовала в обороне Ростова. После тяжелых боев потерявшие управление части дивизии отходили в район села Средний Егорлык Ростовской области. 30 июля, не успев занять оборону, они попали под сосредоточенный удар танков, мотопехоты и штурмовой авиации противника, после чего стали отходить на Армавир. Согласно журналу боевых действий со 2 по 7 августа дивизия доукомплектовывалась в районе Кужорская, Майкоп, после чего обороняла Майкоп[81]. Командир дивизии генерал-майор М. И. Озимин (будущий Герой Советского Союза) с 9 августа 1942 г. был отстранен от должности и находился под следствием за потерю управления войсками. Поэтому 31-я дивизия не представляла собой боевого соединения, способного оказать действенную помощь 1-му ОСК в обороне порученного рубежа. В отчетных документах 1-го ОСК о боевых действиях дивизии упоминается следующее: в течение 5 августа 31-я стрелковая дивизия в составе 150 (!) штыков оборонялась в районе села Вольное[82] (на правом берегу Кубани южнее Армавира – *Авт.*).

69-й укрепрайон (УР) с 16 июля отходил из Ростова на Армавир. В Армавире 69-й УР получил задачу оборонять город до переправы всех войск фронта через Кубань. Оборону Армавира части 69-го УР осуществляли с 3 по 7 августа. Противник разрезал силы укрепрайона на две группы. Одна из них прорвалась на Майкопском направлении и пополнила ряды 18-й армии. Вторая отходила через Санчарский перевал на Сухуми, и перешла в подчинение 56-й армии[83].

456-й артиллерийский полк РГК, приданный корпусу по решению командования фронта, командир – майор И. К. Богомолов, военком батальонный комиссар Якушев, до этого сражался в Крыму, на Кубань прибыл из-под Новороссийска. Имел на вооружении 122-мм корпусные пушки и 152-мм гаубицы. Полк находился в подчинении 139-й СБр. Второй артиллерийский дивизион полка был придан 113-й бригаде. В связи с понесенными потерями, лишь за 3–5 августа полк потерял 6 орудий, 456-й артиллерийский полк 12 сентября 1942 г. был расформирован[84].

Таким образом, бои 1-го отдельного стрелкового корпуса от рубежа Смыков – Григорополисская до линии Армавир – Новомихайловское в период с 3 по 5 августа 1942 г. носили упорный и кровопролитный характер. В условиях быстрого массированного наступления противника на Кавказ командование Северо-Кавказского фронта посчитало необходимым задержать 3-й немецкий танковый корпус на правом берегу Кубани. Эта задача была поручена 1-му ОСК. Ударив в стык двух бригад, немецкие танки

взломали слабую оборону стрелковых батальонов, прорвались к мосту через Кубань в районе станицы Прочноокопской. Развернувшись фронтом на юг, корпус 3 и 4 августа удерживал противника на правом берегу Кубани. Одновременно частью сил он встречал врага на левом берегу реки. Когда истощенные в боях остатки корпуса 5 августа смогли переправиться через Кубань, противник уже был фактически в Армавире. В ходе этих боев бойцы и командиры частей корпуса показали примеры мужества и героизма, ни разу не оставив рубеж обороны без приказа. В результате значительных потерь в личном составе, вооружении и боевой технике части корпуса были расформированы. Выжившие бойцы и командиры 1-го ОСК, пополнив другие соединения и части Красной армии, продолжали достойно сражаться на фронтах Великой Отечественной войны.

Кто и как оборонял Ставрополь

В сложившихся условиях обстановки 3 августа Военный Совет Северо-Кавказского фронта принял решение об отводе остатков Донской группы за реку Кубань[85]. Это был официальный приказ на отход. В этот день соединения и части советских войск оставили административный центр Орджоникидзевского края.

В связи с быстрой сдачей Ворошиловска врагу, вызывают особый интерес строки из журнала боевых действий 15-й танковой бригады (командир – майор В.С. Савченко), входившей в состав 37-й армии. 29 июля бригада дислоцировалась в селе Песчанокопском (Ростовская обл. на границе со Ставропольским краем), а 30 июля – в районе Преградного. За сутки бригада отошла на 77,3 км. «Двигаясь по маршруту, была задержана в г. Ворошиловск комендантом города и находилась в г. Ворошиловск в течение 3-х суток. Распоряжением генерал-лейтенанта Сергеева передислоцирована в район Ивановка». А 4 августа это соединение уже находилось в Невинномысске, где получило приказ к исходу 6 августа сосредоточиться в городе Хасав-Юрт Дагестанской АССР[86].

Из записей в журнале боевых действий 81-й СД 9-й армии следует, что дивизия согласно приказу штаба армии с 31 июля двигалась по маршруту село Молотовское (север Орджоникидзевского края, ныне с. Красногвардейское), станция Киан (южнее Невинномысска в направлении Минеральных Вод) для погрузки и следования в г. Орджоникидзе (ныне Владикавказ) на переформирование. Дивизия совершала марш по дороге через села Новотроицкое, Каменобродское, Сенгилеевское, обходя город Ворошиловск с запада. По достижении станции Овечка (между Армавиром и Невинномысском) 81-я СД передала 242-й дивизии 9-й армии 254 человека, 146 винтовок, 7 ручных пулеметов, 23 ППД, 8 грузовых автомашин, 100 лошадей. 4 августа в районе той же станции Овечка согласно приказу штаба 9-й армии дивизия передала еще часть личного состава, вооружения, автомашин, повозок и лошадей 318-й стрелковой дивизии. Оставшийся начсостав «ночным комбинированным маршем» продолжил движение в направлении города Орджоникидзе[87].

Владимир Николаевич
КУРДЮМОВ
(1895-1970)

Еще один эпизод из тех событий, воссоздающих картину происходящего, приведен в воспоминаниях начальника штаба 2-й гвардейской стрелковой дивизии К.Н. Рогова:

На рубеже озера Маныч-Гудило 2-я гвардейская дивизия боев не вела. Почти не вела. Только на левом фланге враг смял одну нашу заставу. Однако, общая обстановка на остальном фронте 37-й армии, то есть левее нас, заставила командование 4 августа отдать приказ на общий отход в направлении Ворошиловска (Ставрополя). В связи с этим, командир дивизии Неверов получил приказ отходить до города и железнодорожной станции Невинномысск, сразу на 200 километров! И никаких промежуточных рубежей.

Гвардии полковник Неверов здраво рассудил, что ввиду малочисленности дивизии, большую часть людей можно посадить на автомашины всех назначений: артиллерийские, хозяйственные, санитарные. И, соответственно, разделить соединение на две части, конно-пешую и моторизованную.

Командиром пешей колонны был назначен сибиряк капитан Карпов. В его колонну вошли почти все прибывшие из 228-й и 341-й дивизии, и незначительная часть ветеранов-гвардейцев, а так же конные обозы.

Моторизованная колонна, во главе которой шел штаб дивизии, конечно, намного обогнала пеше-конную колонну. И мы даже потеряли ее. О пеше-конной колонне у нас не было известий около десяти суток, до города Нальчика. Потерялся и 875-й полк»[88].

Как видно, задача на оборону административного центра Орджоникидзевского края данным соединениям не ставилась.

По пути на Ворошиловск перед немецкими войсками лежало село Донское. Утром 3 августа передовой отряд 3-й танковой дивизии под командованием майора Папе вышел из села Безопасного в направлении на Донское. Как писал В. Тике, слабое сопротивление советских войск было сломлено, село взято сходу[89].

В селе Донском располагались основные силы 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии, которая дала противнику бой. Это малоизвестный эпизод, не освещенный в научной литературе. О нем вспоминал военный прокурор дивизии капитан, позже подполковник юстиции Дмитрий Степанович Лебедкин.

«В соответствии с приказом командования 37-й армии рано утром 2 августа 110-ая дивизия начала отход на Сандату, затем Башанту, Ворошиловск.

В пути следования по безлесной степи части подверглись непрерывным налетам вражеской авиации. К вечеру 4 августа (дата явно неверная – Авт.) дивизия достигла села Донское, в котором и заняла оборону, используя овраги, местные постройки и наспех вырытые окопы.

Штаб дивизии и все его службы, а также политотдел, Военная прокуратура, Военный трибунал, Особый отдел находились в двухстах метрах от переднего края обороны.

В направлении села Донское фашисты бросили большие силы – танки, бронетранспортеры и автоматчиков, а в нашем тылу выбросили десант, который, ведя огонь трассирующими пулями, пытался посеять панику в наших рядах. Однако никакой паники не произошло. Бойцы стойко обороняли занимаемый рубеж. Выброшенный немцами десант был уничтожен выделенной для этого группой автоматчиков, и больше вражеские десантники в эту ночь в нашем тылу не появлялись.

За село Донское бой продолжался несколько часов. Снова было подбито несколько немецких танков и бронетранспортеров.

Первая атака немцев была отбита. Противник понес потери. Большое мужество и отвагу проявила санинструктор Клава Грачева. Она под огнем фашистов выносила на себе раненых бойцов и командиров, укладывала их на повозку и отправляла в тыл. Командир медэскадрона О.В. Мегасов все время находился на передовой линии, помогая сестрам и санитарам выносить раненых с поля боя.

Через некоторое время фашисты вторично атаковали село Донское, бросив несколько танков и автоматчиков. Впереди совсем близко, вели огонь наши противотанковые ружья. Из шести немецких танков, двигавшихся прямо на штаб 110-й дивизии, три были подбиты из ПТР. Остальные повернули обратно. Немецкие автоматчики пытались захватить позицию, обороняемую личным составом штаба дивизии, но дружным автоматным огнем были отброшены на исходный рубеж.

В этом бою отличились бойцы комендантского взвода под командованием старшины Карамышева – Мучка Кокуев, Эренджиев, Олейников и другие. Они подожгли бутылками с горючей смесью немецкий танк и отбили несколько атак автоматчиков.

Фашисты прекратили атаки и не посмели ночью штурмовать село Донское. Однако сил дивизии не хватило для обороны занимаемого участка. Потеряв много техники и живой силы еще на Дону, дивизия не могла сдерживать натиск превосходящих сил противника. Поэтому по приказу командующего 37-ой армии дивизия стала отходить к Ворошиловску. 5 августа (дата неверная – Авт.) 1942 г. фашистские войска захватили Ворошиловск»[90].

Здесь позволим себе небольшой комментарий слов военного прокурора. Надо понимать, что село Донское не имело для противника важного тактического и уж тем более стратегического значения. Просто оно лежало по пути следования немецких войск вдоль дороги Ростов – Ворошиловск, по которой наступали колонны техники и войск противни-

ка. Поэтому немцы не бросали специально в направлении села Донское «большие силы – танки, бронетранспортеры».

О дате этого боя и захвата немцами села Донское: немецкий автор В. Тике свидетельствует, что это было 3 августа, в воспоминаниях Д.С. Лебедкина значится 5 августа. Не уповая исключительно на немецкую педантичность, еще раз вспомним об ошибке в дате оставления советскими войсками Ворошиловска – 5 августа, указанной как в литературе, так и в некоторых архивных документах. Ее же называет и Д.С. Лебедкин. К моменту опубликования его воспоминаний уже вышла в свет книга маршала А.А. Гречко «Битва за Кавказ», в которой также называется 5 августа. Возможно, Дмитрий Степанович не стал спорить в этом вопросе с маршалом и представил свой материал в «едином ключе», дабы не вносит неразбериху.

Комментировать описание самого боя довольно сложно: в базе данных «Память народа» отсутствуют журналы боевых действий 37-й армии и самой 110-й кавалерийской дивизии. Названных фамилий нет и в базе данных «Подвиг народа», за исключением Клавдии Ивановны Грачевой. Свою первую награду – медаль «За боевые заслуги» старший сержант медицинской службы К.И. Грачева получила в мае 1944 года, и в описаниях ее подвигов бой под селом Донским не упоминался.

Тем не менее, отрицать сам факт боя 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии, проходившего явно 3 августа, нельзя. О том, что дивизия дала в районе села Донского короткий бой, после которого продолжила отход, чтобы не попасть в окружение, свидетельствовал на страницах той же книги и бывший помощник начальника штаба 292-го кавалерийского полка 110-й дивизии тогда младший лейтенант П.Б. Зурумхинов. В наградном листе лейтенанта есть упоминание о его заслугах в бою у села Донского: «Тов. Зурумхинов 2 августа 1942 г., благодаря тщательной организации разведки в районе хутора Эммануильское Орджоникидзевского края своевременно предупредил наши части о наступлении противника в составе нескольких колонн автомашин на с. Донское, где располагались части нашей дивизии»[91].

О бое под селом Донское есть сведения в представлении к награде старшего лейтенанта Э.Н. Мулаева, который «2 и 3 августа 1942 г. несмотря на много раз превосходящие силы противника в селе Донское Орджоникидзевского края, тов. Мулаев со взводом бойцов отбил две яростные атаки группы немецких автоматчиков, уничтожив при этом до 30 гитлеровцев»[92].

Еще один офицер 110-й кавалерийской дивизии М.Г. Джунгуров вспоминал, что последний серьезный бой с противником дивизия приняла северо-восточнее г. Ворошиловска. Старший политрук Д.И. Евграшев и он были оставлены со 120 солдатами для прикрытия отхода оставшихся частей и подразделений дивизии. До позднего вечера кавалеристы вели ожесточенный бой с передовыми частями противника. Под прикрытием ночи группа отошла в Михайловку на соединение со своими частям[93].

Таким образом, сломив сопротивление 110-й Калмыцкой кавалерий-

ской дивизии, 3 августа колонна немецких войск продолжила свой путь на Ворошиловск. На станции Пелагиада противником был захвачен стоявший под парами советский эшелон с танками и артиллерией. В 13.45 отряд Папе достиг окраины Ворошиловска. В городе были видны следы налётов, которые в первой половине дня сделал 4 воздушный корпус: на улицах замерли разбитые машины и тяжелое вооружение, на железнодорожном перегоне горели товарные поезда. Город покидали арьергарды 37 армии[94].

О том, что в этот день происходило на стороне советских войск, говорит оперативное донесение № 56 от 3 августа 1942 года генерал-лейтенанта В.Н. Сергеева командующему Северо-Кавказским военным округом генерал-лейтенанту В.Н. Курдюмову[95].

«…Город оборонялся 15-м запасным полком – всего 500 человек и 26-м мотоциклетным полком – 200 человек.

Фронт обороны до 10 км. Противник провёл наступление 50 танками с автоматчиками от с. Михайловское на северную окраину г. Ворошиловска и от ст. Пелагиада на северо-западную окраину города. В дальнейшем обошел фланги обороны и вышел на южную окраину города (на аэродром). Остатки вооружённых 15-го и 26-го полков в количестве 300 человек к 22 часам отошли к с. Темнолесское, где приводятся сейчас в порядок. Люди вооружены только винтовками, больше никакого вооружения нет. Сейчас от г. Ворошиловска на Невинномысскую и от г. Ворошиловска на Темнолесское – Курсавка двигается много повозок, спецмашин частей Южного фронта и большой поток беженцев из районов г. Ворошиловска. Всех невооружённых 15-го и 26-го полков и Житомирское училище, которое совершенно не имеет оружия и люди не обучены, отвожу в Темнолесское на Курсавка – Мин-Воды.

Убедительно прошу выдвинуть на рубеже Султанское – Невинномысское организованные войсковые части, дабы не дать возможности противнику выйти на железную дорогу и прикрыть отход тыловых частей Южного фронта. (Как видно из документа, инициатива со стороны генерал-лейтенанта Сергеева всё же была, но речь идёт именно о прикрытии отходящих войск, а не об обороне населённых пунктов края. – *Авт.*).

3 августа противник сделал до 12 налетов на г. Ворошиловск группами по 9-18 самолетов…»[96].

Наряду с объектами городской инфраструктуры немецкая авиация наносила удары по местам дислокации воинских частей Ворошиловского гарнизона. Об этих налетах писал краевед и очевидец тех событий Г.А. Беликов: «Выше госбанка находились строения военного гарнизона, которые тянулись по улице Ленина вплоть до бывшего военного госпиталя, где тогда располагалась одна из кавалерийских частей. Район этот гитлеровцы «утюжили» с особым остервенением. Самих кавалеристов в казармах было не так уж много, да и с первого налёта на город они в большинстве ушли в сторону Невинномысска. Гитлеровцы рушили и прошивали пулемётными очередями многочисленные строения казарм, в большинстве своём ещё дореволюционные. Горели склады с военным

Василий Петрович
ПАНИН
(1896–1944)

имуществом, боеприпасами, продовольствием. Масса убитых кавалерийских лошадей»[97].

Есть сведения о том, что советские войска все же пытались задержать гитлеровцев на северных подступах к Ворошиловску: «… по линии кожевенного завода окопалось несколько подразделений отступающей 110-й отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. Вслед за немецкими бомбардировщиками, идущими на Ворошиловск, над позицией дивизии появились две «рамы», по которым кавалеристами был открыт ружейный и пушечный огонь. Не прошло и четверти часа, как появились девять штурмовиков «Фокке-Вульф-190», которые на бреющем полете начали расстреливать наших солдат-кавалеристов. Потом мы насчитали здесь до 100 трупов», – вспоминал очевидец[98].

Эти скупые сведения заставляют задуматься о том, какими силами располагала 110-я Калмыцкая кавалерийская дивизия при обороне Ворошиловска, что это за «несколько подразделений»?

К началу боев на Дону дивизия была почти полностью укомплектована по штату – 4551 человек и 4737 лошадей. В ее состав входили три кавалерийских полка – 273-й, 292-й и 311-й, 110-й отдельный конно-артиллерийский дивизион и другие подразделения. Командовал дивизией полковник В.П. Панин. В ходе боев на Дону 16–26 июля по оценке замкомдива полковника В.А. Хомутникова, дивизия потеряла убитыми до 600 человек, еще 700 были ранены, около 200 – пропали без вести[99].

В конце июля 110-я кавалерийская дивизия имела задачу отходить в направлении на Майкоп, которая затем была изменена. Новым конечным пунктом отхода был назначен г. Моздок. Не получив последнего приказа, 292-й кавалерийский полк под командованием майора С.И. Ориночко из состава 110-й дивизии отделился от ее основных сил и отошел в район Майкопа. Прибыв в г. Майкоп 5 августа и не найдя командования дивизии, командир полка получил приказ штаба СКФ: поступить в распоряжение начальника боевого участка обороны г. Майкоп. После оставления Майкопа полк участвовал в обороне перевалов на территории Краснодарского края. В начале сентября 1942 года остатки 292-го полка были обращены на доукомплектование 10-й гвардейской кавалерийской дивизии 4-го гвардейского Кубанского казачьего корпуса[100]. Вместе с 292-м полком оказались в отрыве от дивизии и два эскадрона 311-го кавалерий-

ского полка. Ими командовал капитан А.К. Темиров. Эскадроны также не успели получить новый приказ командира дивизии и выдвинулись на юг. Позже они были включены в состав 11-й гвардейской кавалерийской дивизии. Таким образом, 110-я кавалерийская дивизия не досчиталась в своих рядах еще 600 бойцов.

В результате танковых ударов отрезанной от основных сил 110-й дивизии оказалось управление 311-го кавалерийского полка с одним эскадроном. Не имея возможности воссоединиться со своей дивизией, эскадрон был вынужден влиться в отдельный кавалерийский корпус генерал-майора Б.А. Погребова, входивший в состав 51-й армии, той, что с 31 июля 1942 года вошла в состав Сталинградского фронта.

Командир дивизии полковник В.П. Панин находился вместе с 273-м кавалерийским полком, начальник штаба дивизии майор А.А. Раабь и комиссар дивизии С.Ф. Заярный – вместе с 292-м полком. В этих условиях и было изменено направление отхода дивизии: вместо Армавира–Майкопа оставшиеся при комдиве силы пошли на Ворошиловск–Моздок[101].

В докладе полковника Хомутникова, назначенного 30 августа командиром 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии, правительству Калмыцкой АССР, обкому ВКП(б) и генерал-инспектору кавалерии РККА тов. Городовикову О. И. о боевых действиях дивизии и ее состоянии на 20 декабря 1942 года ситуация была описана так:

«… по приказу командующего 37-й армией Южного фронта наша дивизия отошла с боями в направлении Сальск–Башанта–Ворошиловск–Моздок. При отходе дивизия неоднократно подвергалась массированной бомбежке с воздуха и танковым атакам противника, из-за чего отдельные подразделения дивизии, рассеявшись на группы, двигались по указанному маршруту. При отходе части и подразделения нашей дивизии вели бои с противником под Сальском, в районе села Сандата Ростовской области, в селах Московское, Донское и Саблино Орджоникидзевского края. Причем одна часть дивизии мелкими группами отошла в район Долбан–Улан-Хол–Астрахань–Енотаевск и вошла в состав 28 и 51 армий. Большая часть дивизии, руководимая мною, держала оборону в районе станицы Вознесеновской (южнее Моздока)»[102].

То есть, силы дивизии оказались разбросанными от Майкопа до Моздока и Астрахани. Даже те подразделения, которые отошли в направлении Калмыкии, оказались разбросанными на обширной территории, попав в полосы действий двух общевойсковых армий, не говоря уже о том, что расстояние от Астрахани до Моздока по прямой составляет 400 километров, а до Майкопа – 650 …

Начальник политотдела дивизии Н.Л. Иванов вспоминал, что в боях под Сандатой, Красногвардейским, Московским, Донским и у северо-восточной окраины Ставрополя дивизия потеряла убитыми около 500 человек и к моменту сосредоточения в станице Вознесеновской около Моздока располагала численностью в 2000 человек и 30 процентами боевой техники[103].

Командир передового отряда 3-й танковой дивизии Вермахта Гюнтер ПАПЕ (1907-1986)

Создается впечатление, что по территории края отходило 2000–2500 тысячи человек. Однако в журнале боевых действий Закавказского фронта за 19 августа есть такая запись: «Остатки 110 КД до 400 человек с получением из ресурсов СКВО пополнением в 1000 чел., направлены в район Кизляр для прикрытия Кизляр–Астраханской ж.д.»[104].

Судя по приведенным выше данным, в боях на Ставропольском направлении костяк 110-й кавалерийской дивизии составлял 273-й кавалерийский полк. Наградные документы отдельных военнослужащих свидетельствуют, что в районе села Донское находились люди 292-го полка. Среди них были секретарь партбюро этого полка старший лейтенант Мулаев Э.Н. и помощник начальника штаба полка лейтенант Зурумхинов П.Б. Впоследствии оба офицера продолжили службу в 311-м кавалерийском полку, который остался в составе 110-й кавалерийской дивизии[105]. Следовательно, отходя по территории края, дивизия могла насчитывать, с учетом последующих потерь, около 1000–1500 человек, входивших в состав всех трех полков.

Не будем оценивать действия командования дивизии, сидя за компьютером спустя восемьдесят лет. С точки зрения краеведения судьба 110-й кавалерийской дивизии – отдельная деталь, показывающая драматизм ситуации, в которую попали советские войска на территории Ставрополья в августе 1942 года.

Еще один штрих к этой картине добавляет немецкий автор Вильгельм Тике: по команде майора Папе немецкие танки и мотоциклисты пошли в атаку. Далее дословно: *«Повсюду – бегущие советские солдаты. Возникающие очаги сопротивления немедленно подавлялись. В некоторых частях города – разрушения от авиабомб. Тут же убитые и брошенное имущество. Магазины разграблены. Капитан Рорбек с частью своего 1-го батальона 6-го танкового полка помчался к аэродрому и захватил склад с горючим, а 3-й мотоциклетный батальон – элеватор с 25 000 центнерами пшеницы»*[106].

Картину беспорядочного ухода советских солдат изображают в своих воспоминаниях многие жители города Ставрополя. В частности, Б.Д. Олейников – бывший несовершеннолетний воспитанник 15-го запасного кавалерийского полка – рассказывал автору о том, что ввиду неожиданного захвата Ворошиловска полк отходил в спешном порядке, настолько в спешном, что он – мальчишка – оказался обутым только в

один сапог. И в таком виде он прошагал с отходящими частями через Крестовый перевал по Военно-Грузинской дороге.

О 15-м запасном кавалерийском полке известно немного. Формировался он уже после начала войны в период с 1 июля 1941 по 1 января 1942 года. В марте 1942 года полк пополнило около 2 тыс. калмыков из состава расформированной 111-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. 3 августа в северной части Ворошиловска полк принял свой первый бой[107].

Удалось найти и более конкретные сведения и об участии 15-го запасного кавалерийского полка в обороне административного центра Орджоникидзевского края. Одним из защитников Ворошиловска был Деркач Павел Елисеевич. В его наградном листе есть такие строки: «Тов. Деркач П. Е., находясь в 15 отдельном запасном кавалерийском полку, в первых числах августа 1942 года участвовал в боях под городом Ворошиловском и селом Саблино (вероятно, речь идет о селе Саблинское Александровского района – *Авт.*). В момент, когда вражеские танки, прорвав оборону, шли к городу, тов. Деркач, под огнем фашистских автоматчиков и вражеских танков, пробравшись из обороны к окраине города и воспользовавшись телефоном, предупредил об этом начальника гарнизона о приближении немцев, а сам вернулся в оборону и продолжал вести бой.

В районе населенного пункта Саблино, когда колонна вражеских танков, полуокружив населенный пункт, вошла в село и в упор из пулеметов расстреливала находившихся там красноармейцев 15 ЗКП, тов. Деркач добился ликвидации паники, организовал сопротивление, а позже обеспечил организованный отход более 450 бойцов и командиров»[108].

Представление к награде своего помощника по комсомолу старшего лейтенанта Деркач Павла Елисеевича подписал начальник политотдела 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии майор Н.Л. Иванов. В этой награде видится большая удача, как для самого награжденного, так и для историка, изучающего эту тему: благодаря тому, что 110-я кавдивизия также обороняла Ворошиловск, человек из другой воинской части был награжден с указанием заслуг по прежнему месту службы. Учитывая самые скупые сведения о 15-м полке, это очень редкая находка!

Не смогло оказать отпора врагу и Житомирское пехотное училище. Это военно-учебное заведение в 1941 году было переведено с Украины в Ростов-на-Дону и частью сил участвовало в обороне Сталинграда и Ростова. С 25 июля 1942 года, находясь уже в Ворошиловске, оно, по сути, начало создаваться заново. Не закончив формирование, по приказу Военного Совета СКВО под огнем противника училище отходило из Ворошиловска на Орджоникидзе (ныне Владикавказ). При этом несколько подразделений курсантов пропали без вести (именных списков у командования не было). По той же причине училище недосчиталось ряда офицеров, среди них: старший преподаватель военно-химического дела капитан Фроленко П.И., начальник ОВС техник-интендант 1 ранга Ярош М.Г., командиры рот курсантов лейтенанты Бугрим В.Д. и Шапоренко В.В., командир взвода 76-мм орудий лейтенант Ольховой И.А.,

Александр Иванович
ПОКРЫШКИН
(1913-1985)

старший военфельдшер Малышевский А.К. В связи с тем, что училище находилось в стадии формирования и учетные данные и документы курсантского состава отсутствовали, дать сведения о потерях среди курсантов начальник училища не мог[109].

Захват города немцами был действительно стремительным и внезапным настолько, что советские самолёты ещё пытались садиться на военный аэродром, когда туда уже подошла зенитная артиллерия. Тике свидетельствует о восьми сбитых низколетящих самолетах[110].

О своем «посещении» Ворошиловской авиаремонтной базы в период занятия города немецкими войсками вспоминал в своих мемуарах трижды Герой Советского Союза маршал авиации А.И. Покрышкин.

«Город горел. Мы обошли его с юга и выскочили на аэродром. На нем сиротливо стоял всего один «миг», окрашенный в желтый цвет, и чернели останки нескольких сгоревших автомашин. Садиться было опасно, но как иначе узнаешь, куда улетела группа Фигичева.

Пилот, нервничая, посадил У-2 с высокого выравнивания. Самолет с хрустом плюхнулся на землю и свалился на правое крыло. Выскочив из кабины, мы бросились его осматривать. Болт крепления подкоса шасси оказался сломанным.

– Как же теперь взлетать? – взялся за голову летчик.

– Не отчаивайся. Сейчас, может быть, техников найдем.

Но найти никого не удалось. Я подумал: а что, если завести брошенный здесь истребитель? И только залез в кабину, как увидел бегущего летчика У-2. Он возбужденно размахивал руками. Пришлось оставить машину и пойти ему навстречу.

– Улетать надо быстрее. В городе немцы.

– Что же будем делать? – спросил я.

– Немедленно ремонтировать У-2. Бросай эту рухлядь.

Мы нашли какие-то ящики, подняли на них плечами крыло У-2 и принялись за ремонт. Нашли кусок толстой проволоки, продели ее в отверстие вместо сломанного болта и закрутили. Когда закончили работу, уже наступили сумерки.

– Проверните винт! – сказал пилот и торопливо полез в кабину.

Я стоял на земле. Мысль о «миге» не покидала меня.

– Сейчас подожгу его, тогда полетим.

Я решил прострелить из пистолета бензобак и бросить под струю бензина горящую спичку. Мой напарник согласился подождать.

Когда я подбежал к «мигу», мне вдруг стало жалко его «расстреливать». Может, он исправен и на нем можно взлететь? Проверил – все есть: вода, бензин, воздух для запуска, аккумуляторы. Нет, такой самолет уничтожать не резон.

Возвратился и сказал пилоту У-2:

– Буду запускать! Если взлечу, сделаю круг и покачаю крыльями, тогда взлетай и ты.

Что было в эти минуты на душе у моего спутника – не знаю, но он согласился со мной.

Я положил на сиденье сена, чехлы, поскольку не было парашюта, и завел мотор. Работал он отлично. Прогазовал разок–другой на больших оборотах и пошел на взлет.

В воздухе заметил, что шасси самолета не убираются. Так лететь рискованно. Мотор может перегреться и заклиниться, а выбрать место для посадки будет уже трудно: быстро темнело. Решил сесть и сжечь самолет.

Только начал планировать, вижу: У-2 уже пошел на взлет. Оставалось одно: лететь, даже если мотор перегреется, но непременно на свой, уже хорошо знакомый, аэродром. Только там можно рассчитывать на благополучное приземление.

<…> Я был очень доволен тем, что угнал самолет из-под носа у гитлеровцев. У-2 приземлился через час. Пилот рассказал, что, ожидая моего сигнала, заметил, как из леса выехала группа немецких мотоциклистов. Поэтому и пошел на взлет, хотел предостеречь, чтобы я не садился»[111].

Тике сообщает, что в 15.50 немецкие войска уже прочно удерживали Ворошиловск, а в это время к городу подходили остальные части 3-й танковой дивизии[112]. В то же время генерал-лейтенант В.Н. Сергеев в упомянутом выше донесении указал, что противник занял Ворошиловск 3 августа в 19 часов. Разница почти в три часа вроде бы существенная,

Адольф Яковлевич
ДОРШТ
(1900-1975)

Александр Ильич
ВЕКСЛЕР
(1898-1942)

Танковая колонна немецких войск на марше. Лето 1942 г.

но в боевой остановке вполне объяснимая.

Таким образом, можно констатировать, что обороны города Ворошиловска, как таковой организовано не было. Боевые действия в его пределах – это удары вражеской авиации по местам дислокации воинских частей гарнизона и локальные бои, которые имели место на улицах города при отходе наших войск.

И всё же, вызывает восхищение работа советских командиров и начальников, пытавшихся в самой сложной тактической обстановке спасти подчинённый личный состав. Военврач 2 ранга А.Я. Доршт – начальник эвакогоспиталя № 3800 (г. Ворошиловск) – «во время неожиданного воздушного нападения на город», несмотря на угрожавшую опасность, «всё время оставался на своём посту, принимал все меры к спасению сотрудников и госпитального имущества, организовывал помощь многочисленным жертвам бомбардировки, как среди военнослужащих, так и гражданского населения». Госпиталь выходил из города, когда часть его уже была занята противником[113].

В подобной ситуации оказался и эвакогоспиталь 1962, располагавшийся в районе Ташлы. Его персонал и раненые эвакуировались также 3 августа. При занятии Ставрополя немецкими войсками получил тяжелое ранение начальник эвакогоспиталя военврач 2 ранга А.И. Векслер. Он умер от ран на следующий день, в то время как его коллеги и пациенты были уже далеко от оккупированного города[114].

Тем временем 4 августа 3-я ТД сосредоточивалась в Ворошиловске. Боевая группа фон Либенштайна обеспечивала охранение.

Восточнее Ворошиловска продвигался по территории Орджоникидзевского края небольшой передовой отряд 23 танковой дивизии вермахта, он прикрывал левый фланг 40 танкового корпуса. Не обращая внимания на растянувшиеся коммуникации и острую нехватку горючего, части 23 танковой дивизии, собранные в боевую группу Бурмайстера, 4 августа продолжили наступление и взяли Тугулук. Однако после этого отсутствие горючего вынудило их остановиться. Лишь мелкие группы вели разведку по длинному восточному флангу.

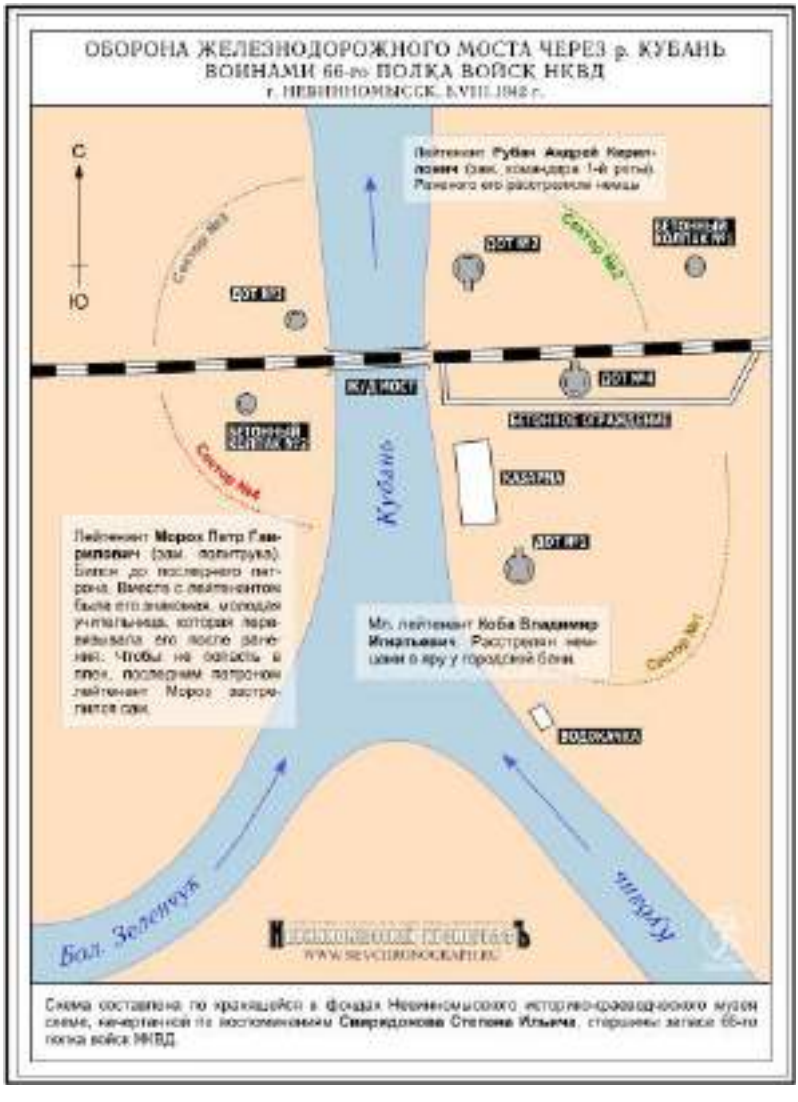
После захвата Ворошиловска немцы приостановили дальнейшее наступление на рубеже Цорас – Подлесное – Труновское – Михайловское – Ворошиловск. Это позволило войскам 37-й армии оторваться от противника и к исходу 5 августа более организованно отойти за рубеж рек Калаус и Большой Янкуль на участке Ипатово – Спицевское[115].

Невинномысск. Здание по ул. Революционной 2а бывшей казармы гарнизона 66-го полка войск НКВД (не сохранилось). Невинномысский историко-краеведческий музей

К этому времени 37-я армия была практически единственным оперативным объединением в составе Донской группы советских войск, отходивших по территории Орджоникидзевского края. В её состав входили 74, 102, 156, 230, 275, 295, 347-я стрелковые и 110-я кавалерийская дивизии, ряд артиллерийских и других частей.

Войскам 37-й армии командующим Северо-Кавказским фронтом было приказано организовать оборону отдельными отрядами на фронте Александровское, Невинномысск, Вознесенская и не допустить дальнейшего продвижения противника в направлении Курсавка, Георгиевск, Невинномысск, Черкесск и Армавир, Отрадная. Войска 37-й армии, выполняя поставленную задачу, оторвались от противника, отошли и заняли оборону на фронте Курсавка, Ивановское, Казьминское и удерживали Невинномысск[116]. Так утверждает официальная советская историография. Однако уже 5 августа, через 2 дня после потери Ворошиловска, нашими войсками был оставлен Невинномысск.

О том, насколько войска 37-й армии могли оборонять Невинномысск, свидетельствует информация, содержащаяся в боевых документах 347-й стрелковой дивизии – одного из самых боеспособных соединений 37-й армии. Со 2 по 13 августа эта дивизия вела бои в окружении в районе с. Молотовское (ныне с. Красногвардейское, Ставропольский край) и г. Ворошиловск, который пришлось обходить, так как он был уже захвачен немецкими войсками. Со 2 по 13 августа 1942 года подразделения 347-й дивизии шли по тылам немецких армий и с боем прорывались для соединения с частями Красной армии.



К 13 августа 1942 года в районе г. Орджоникидзе собрались: управление и тыл дивизии, медсанбат, тылы двух полков и остатки 1179-го и 1177-го стрелковых и 907-го артиллерийского полков, в составе до 1350 человек (2 августа было 5000 чел. – *А.К.*), 7 орудий дивизионной артиллерии, 3 орудий полковой артиллерии, 7 миномётов 82 мм, 13 противотанковых ружей, 9 пулемётов и 350 винтовок. По распоряжению

командующего Северной группой войск Закавказского фронта генерал-лейтенанта И.И. Масленникова дивизия поступила в резерв группы. Вместе с ней в составе 37-й армии осталась 295-я стрелковая дивизия, в то же время 230-я стрелковая дивизия и 41-я мотострелковая бригада, потерявшие значительную часть личного состава, были расформированы 14 августа[117].

Возникает вопрос: кто же оборонял Невинномысск, и была ли вообще оборона этого города?

Невинномысск имел для немцев особое значение. Через него проходила железнодорожная ветка, соединявшая Армавир с Кавказскими Минеральными водами, и нефтепровод Грозный – Ростов. С этого населённого пункта брала своё начало Военно-Сухумская дорога.

В условиях недостатка горючего командование 3-й танковой дивизии обеспечило заправку лишь передового отряда, который 5 августа в 3.00 вышел из Ворошиловска в сторону Невинномысска. Во главе колонны находилась одна танковая рота. За ней следовал мотоциклетный батальон, один артиллерийский дивизион, сапёрный батальон, ещё одна артиллерийская батарея и подразделения тыла.

Немцы видели, что высокий западный берег Кубани был хорошо оборудован в инженерном отношении. До сих пор в городе Невинномысске как памятник сохраняется один из дотов, построенных на правом берегу реки Кубань.

Сотрудник Невинномысского историко-краеведческого музея В.Д. Панченко предоставил для электронного альманаха «Невинномысский хронограф» такую информацию. 5 августа, когда немецкие войска подошли к Невинномысску, войска Красной армии отходили через город. Прикрыть их отход было поручено группе из 35 человек 66-го полка НКВД. Бойцы под командованием лейтенанта А.К. Рубана, младшего лейтенанта В.И. Кобы и младшего политрука Мороза П.Г. должны были задержать противника как можно дольше, чтобы дать возможность нашим частям без потерь отойти на дальние рубежи. Противника ждали с юго-запада, с направления Армавира, но он появился со стороны Ворошиловска. Бойцы храбро сражались и, не получив приказ отступать, погибли, защищая город.

Заместитель командира 1-й роты 66-го полка лейтенант А.К. Рубан, будучи раненым, попал в плен и был расстрелян немцами. Та же участь постигла и младшего лейтенанта В.И. Кобу. Лейтенант П.Г. Мороз сражался до последнего патрона. Рядом с ним находилась его знакомая – молодая учительница, которая перевязывала его после ранения. Чтобы не попасть в плен последним патроном лейтенант Мороз застрелился.

В 1985 году рядом с дотом был установлен памятник с мемориальной доской, на которой начертаны имена погибших воинов: лейтенанта Рубана А.К., младшего политрука Мороза П.Г., младшего лейтенанта Кобы В.И., старшего сержанта Шабунина, младшего сержанта Булгагова, красноармейцев Авдакаева Х.В., Стецюка, Манукяна[118].

Противовоздушную оборону города вели бойцы 18-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона, командир дивизиона – майор Г.И. Белан. Им пришлось отражать удары воздушного противника 4 августа, а на следующий день вести огонь по танкам противника. Зенитные батареи располагались в нескольких районах города. Первая – защищала аэродром, который находился на территории нынешнего химкомбината. Вторая батарея, стояла в районе жилого дома по улице Водопроводной, дом 4, прикрывая железнодорожный мост. Третья, развёрнутая в районе гостиницы «Кубань», обороняла железнодорожный переезд. Сегодня на зданиях, расположенных неподалёку от этих мест установлены мемориальные доски. Ещё одна батарея располагалась в районе пересечения улицы Гагарина и бульвара Мира и во дворе средней школы № 6. В ней служили девушки-зенитчицы, многие из которых погибли и были похоронены в Невинномысске. Командный пункт дивизиона находился на территории бывшего молокозавода.

«К 3 часам ночи 5 августа на направлении ожидаемого удара замаскировалась первая батарея под командованием старшего лейтенанта Филиппа Ивановича Козенюка. Левее ее разместились зенитки и пулеметные «счетверенки» во главе с командиром роты старшим лейтенантом Алексеем Васильевичем Ериным. Рано утром пост ВНОС стал передавать данные о движении немецких моторизованных частей к Невинномысску. Пост состоял из девушек. После небольшой паузы поступило от них небольшое донесение, которое заставило сжаться сердце: «Немцы атакуют пост, ведем бой», – и пост замолчал».

Затем бой с танками, мотопехотой приняла 1 батарея Козенюка. Несколько часов шел бой. Когда напор со стороны немцев ослабел, Белан, командир дивизиона, еще утром получивший приказ об отходе дивизиона, начал поорудийно снимать огневой взвод. Последним огневую позицию должно было покинуть орудие сержанта И.Ф.Володенкова и «счетверенка» сержанта Герасимова В.Т. Неравный бой орудия Володенкова и не покинувшей их «счетверенки» Герасимова продолжался долгих 2 часа. По ним непрерывно вели огонь автоматчики, минометы, танки. К 14 часам дня с железнодорожной станции был отправлен последний эшелон, но орудие сержанта Володенкова из-под огня уже вывести не удалось. Оно было накрыто прямым попаданием мины на огневой позиции. Весь расчет погиб (Похоронены они в Братской могиле на Головном. На памятнике значатся 5 фамилий погибших воинов: командир орудия сержант Володенков Иван Федорович, сержант Тришин Федор Владимирович, наводчик Григорьев Николай Николаевич, орудийный номер Прочковский Владимир Петрович, красноармеец Крюкова Наталья).

Позднее от ран скончался еще один боец. Ранен был и комбат Ф.И. Козенюк. И уже рукой другого комбата – старшего лейтенанта Москаленко в журнал боевых действий батареи за 5 августа занесены «свои потери»: убито 6 человек, ранено 5 человек, пропало без вести 13 человек. Потери матчасти: зенитных орудий – 2, тракторов СТЗ-

5 – 2, радиостанция 6ПК – 1, винтовок – 20, противогазов – 24, телефонный аппарат – 1.

Ценою свой жизни бойцы дали шанс выжить другим. Были выиграны часы для укрепления очередного оборонительного рубежа на пути полнокровных моторизированных немецких дивизий».

В память обороны г. Невинномысска от немецко-фашистских захватчиков воинами 18-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона на бульваре Мира установлен монумент – 85-мм зенитная пушка[119].

И все же отходившие с Дона соединения оставили свой след в обороне Невинномысска. В мемуарах начальника штаба 2-й гвардейской стрелковой дивизии К. Н. Рогова удалось обнаружить такой интересный материал:

«Ночью мы въехали в Невинномысск, молчаливый и затемненный. Мосты, река с обрывистыми берегами, черные громады домов и промышленных зданий. И все это появлялось из темноты, только когда машина упиралась почти в них.

В городе Невинномысске 2-я гвардейская дивизия получила задачу занять оборонительную позицию восточнее города и южнее Ивановки, оседлав дорогу, идущую к городу с востока, чтобы не допустить противника с этого направления.

Ту горстку бойцов, которая имелась в наличии, комдив расположил так, чтобы улучшенную дорогу вблизи озера Большого и завода, расположенного на его берегу, держать под артиллерийским обстрелом.

К месту обороны прибыли лишь 395-й гвардейский стрелковый полк, в количестве около 200 штыков, 423 артиллерийский полк с сокращенными расчетами, 3 человека на орудие, отдельный истребительно-противотанковый дивизион и минометный дивизион. 535 гвардейский стрелковый полк по пути был встречен представителем фронта и оставлен для обороны станции Курсавка, 210 активных штыков. Не подошла пеше-конная колонна, 300 человек пеших и 300 человек на подводах, минометный батальон 535 полка. 875 полк где-то потерялся».

Слева в двух километрах от занятой позиции возвышался курган. На нем был оборудован наблюдательный пункт дивизии. Отсюда хорошо просматривалась дорога, ведущая на Минеральные Воды. По ней двигались моторизованные войска противника. Командир очередной немецкой колонны решил обеспечить свою часть от нападения справа, выслав на высотку три танка. *«Нам была неясна цель противника, и мы медлили. Да и не мог же командир дивизии со своими заместителями сразу же показать спину врагу, это было не солидно! Ну, конечно, и бойцов наблюдателей постеснялись, и друг друга. Подполковник Пришанов и я ждали указаний комдива, а тот соблюдал командирское достоинство... до тех пор, пока вражеские танки с расстояния двухсот метров не хлестнули по высотке пулеметным огнем. Ну, а коль запели пули, то тут уж было не до соблюдения приличий, и все резво бросились вниз к «Виллису», вскочили в него, и вперед!*

... Не успели мы перевести дух, как вражеские танки, новая группа, двинулись к нашей оборонительной позиции. И начался бой. Немецкие танкисты с хода повели огонь из пушек и пулеметов по гвардейцам. А гвардейцы отвечали из минометов, нескольких пушек, имевшихся здесь, и из стрелкового оружия.

Огонь нашей обороны не остановил немецкие танки, и они в развернутом боевом порядке продолжали наступать на наш передний край. Даже без бинокля было хорошо видно, как дрались до конца бойцы, забрасывая врага гранатами. Но сила солому ломит. И уцелевшие гвардейцы стали отходить вниз и в стороны от основной позиции. Гвардии полковник Неверов приказал начальнику разведки выдвинуть вперед свой единственный резерв, счетверенную пулеметную зенитную установку, на помощь отходящим бойцам, часть которых уже садилась на свои автомашины, стоявшие у дороги.

Немцы потеряли один танк, кто-то из пехотинцев поджег его у самого начала обрыва, и дальше не пошли. В дальнейшем, как говорят в официальных сводках, положение сторон не изменилось до ночи.

А ночью подразделения 2-й гвардейской оставили рубеж обороны и двинулись к Черкесску»[120].

Вот и ответ на вопрос «кто оборонял Невинномысск?».

Вильгельм Тике пишет, что немецкие танки прорвались через позиции советских войск и обеспечили стрелкам-мотоциклистам доступ в город. Сходу был захвачен вокзал. Два танка из шести, которые брали город, остались для охраны захваченного поезда с военной техникой. Четыре других, преодолев большой мост через Кубань, вместе с ротой мотоциклистов захватили плацдарм на другом берегу реки. К вечеру подошли главные силы танковой дивизии[121].

Этим завершилось наступление 1-й танковой армии в южном направлении, и ее дивизии двинулись на восток. Как писал маршал А.А. Гречко, на этом закончилась оборонительная операция Донской группы на ставропольском направлении. В ходе своего наступления противнику удалось, используя полное превосходство в танках, авиации, артиллерии и подвижных соединениях, вынудить войска Донской группы к отходу. Однако добиться ближайшей цели своего наступления – окружить советские войска между Доном и Кубанью – противник не смог[122].

После захвата Невинномысска враг действительно приостановил дальнейшее наступление в юго-восточном направлении, прикрывшись 40-м танковым корпусом с востока. Это позволило войскам 37-й армии оторваться от противника и к исходу 5 августа отойти за реки Калаус и Янкуль. 12-я армия в течение 4-5 августа с боями отходила на рубеж р. Кубань и к исходу 5 августа переправилась на ее левый берег. При отходе за р. Кубань армия потеряла связь со штабом Донской группы и распоряжением командующего фронтом 5 августа была включена в состав Приморской группы войск. Однако ее разрозненные войска продолжали вести бои в окружении на территории Ставропольского края.

Об этом свидетельствуют воспоминания генерала И.П. Рослого, занимавшего в тот момент должность командира 4-й стрелковой дивизии.

Иван Павлович
РОСЛЫЙ
(1902-1980)

«К рассвету 6 августа, измотанная и еще больше поредевшая, 4-я стрелковая дивизия вышла в район юго-восточнее Молотовского (ныне Красногвардейское) и расположилась на дневку на огромном кукурузном поле к востоку от хутора Медвеженский. В тот день дивизия в бою не участвовала, вражеские самолеты ее не бомбили, и все-таки он оказался самым тяжелым из всех девяти дней, проведенных в тылу врага. Погода стояла сухая и жаркая. И земля, и воздух были накалены до предела. Людей мучила жажда. Запастись водой можно было в окрестных селах, но там – немцы. А рисковать в нашем положении было безрассудно.

Я сидел под стогом прошлогодней соломы (здесь устроили мой КП) и обдумывал, как быть дальше. Мы пробивались на юг, не имея ни соседей, ни связи с командованием. Дивизия отходила в полосе главного удара 1-й танковой армии противника. И хотя основная часть этой армии уже овладела Ставрополем и продвинулась еще дальше на юг, вокруг нас было предостаточно вражеских войск, которые предназначались для уничтожения окруженных частей Красной Армии. Ослабленная до предела, 4-я стрелковая не могла оказать серьезного и продолжительного сопротивления этим войскам. Прикидывая так и этак, я все больше склонялся к мысли, что нужно попытаться вывести части из полосы 1-й танковой армии куда-нибудь в сторону».

Не имея боеприпасов к орудиям, артиллеристы подрывали пушки и гаубицы, водители поджигали автомобили, оставшиеся без горючего.

Ночью, по решению командира, дивизия повернула на 90 градусов и стала продвигаться на восток вдоль Большой Кугульты в сторону Благодарного и Буденновска. Преградой на пути стал хутор Подлужный. Здесь передовой отряд дивизии завязал бой с немецким гарнизоном, который длился более часа. За это время противник успел прислать подкрепление из Безопасного и Дмитриевского. В результате этого 39-й полк, дивизионные части и частично 220-й полк успели уйти в Подлесное, а 101-й стрелковый полк вместе с небольшим количеством орудий 40-го артполка и отдельные подразделения 220-го полка остались в районе Подлужного, между рекой Егорлык и дорогой Ростов – Ставрополь. Таким образом, 4-я стрелковая дивизия оказалась разделенной на две ча-

сти. Оставшимся в Подлесном войскам пришлось пробиваться с боем, и лишь к исходу дня дивизия воссоединилась и продолжила движение в восточном направлении, где сил противника было гораздо меньше, чем по дороге на Ставрополь[123].

11 августа 37-я армия и управление Донской группы генерала Малиновского были переподчинены командующему Закавказским фронтом. При этом Ставка предупредила командующего фронтом генерала Тюленева о том, «что части 37-й армии деморализованы и рассчитывать на способность их к выполнению боевых задач нельзя. Поэтому, при первой возможности, вывести их в тыл и серьезно заняться приведением их в порядок, используя для [выполнения] заданий лишь боеспособные части»[124]. Родион Яковлевич Малиновский 27 августа 1942 года был назначен с понижением – командующим 66-й армией на Сталинградский фронт.

Возвращаясь к вопросу отхода советских войск по территории Ставропольского края, следует еще раз заметить, что многим соединениям и частям задачи на оборону не ставились. Так, 295-я стрелковая дивизия с 1 августа совершала марш по маршруту станица Отрадная, Краснодарского края – город Черкесск. Расстояние между двумя населенными пунктами по прямой 46,5 км. Запись в журнале боевых действий дивизии за 1–3 августа гласит: «Штаб дивизии без полков и штабных подразделений, не имея связи со штармом, двигались по маршруту Отрадная – Черкесск и сосредоточился на юго-западной окраине г. Черкесск». 4–5 августа: «Связи со штармом нет. Случайно встретились с начальником штаба 37-й армии генерал-майором Варенниковым. Было получено устное распоряжение двигаться обратно в Отрадный для комплектования дивизии. Маршрут движения: Черкесск – Отрадный. И к исходу дня 5.08 штаб дивизии сосредоточился в Отрадный». 8 августа части дивизии с отрядом 25-го пограничного полка и дивизионом 81-го гвардейского артиллерийского полка, продолжая доукомплектование, занимали оборону на рубеже мост через безымянный ручей в 10 километрах восточнее Черкесска, в районе аула Икон-Халк. Не вступая в контакт с противником, дивизия продолжала отходить на Бекешевскую, Кисловодск, Каменомостную, Малку с целью сменить 41-ю МБр на рубеже р. Малка, высота 668, село Камлюко (в КБР) с задачей не допустить проникновения противника в сторону Нальчика[125].

Но с оставлением территории края тяготы и лишения отходивших воинов не закончились. Впереди их ждал Главный Кавказский хребет. Разумеется, никто из бойцов и командиров не был г.тов к переходу через него. В книге воспоминаний «Версты мужества» А.Н. Гервасиева описан такой эпизод:

«Уже близко к перевалу – и вдруг передо мной ледяная трещина шириною 50–60 см. Когда я заглянул в нее, дрожь по коже пробежала. Пропасть бесконечная, холодная и страшная, кажется, в нее соскользнешь.

Пришлось организовывать переход через эту ледяную трещину. По ее краям выставил четырех крепких бойцов. Для надежного упора под ногами продолбили во льду яму. Людей подхватывали и через ледяную пропасть на другую сторону переводили. А вот с лошадьми оказалось куда труднее: при переходе к трещине они начинали фыркать и никак не шли. Стали глаза завязывать – еще хуже. Пришлось искать смелую лошадь, ее провели пару раз туда и обратно, затем построили одну за другой, по два человека взяли под уздцы и почти всех перевели, а три или четыре так заупрямились, что пришлось спутывать, с ног свалить и так перетаскивать»[126].

Оказавшись в скором времени в Закавказье, многие командиры, политработники и бойцы вместо долгожданного физического и морального облегчения ощутили неприязнь к себе со стороны своих коллег Закавказского фронта, многие из которых еще и в боях не успели побывать. Военный комиссар 242-й СД батальонный комиссар А.Н. Гервасиев вспоминал:

«… здесь меня ожидало разочарование. Начальники встретили холодно, в разговорах со мной так и проскальзывал оттенок недоверия к воинам, командирам и, само собой разумеется, ко мне, к тем, кто оказался за Кавказским хребтом. А несколько позже чины пониже рангом, еще не хлебавшие щей на фронте, ни разу один на один со смертью не встречавшиеся, откровенно высказывались, что за хребтом оказались те, кто воевать не хотел»[127].

Подводя итог, следует отметить, что войска Донской оперативной группы, отходившие по территории Орджоникидзевского края, были обескровлены изнурительными боями за Ростов. Противник превосходил их в живой силе, вооружении, технике и боеприпасах. Сплошного фронта при отходе сохранить не удалось. Танковые авангарды противника, устремленные вперед, опережали наши стрелковые части, которые с боями пробивались на соединение с основными войсками фронта. Бои с противником вели и немногочисленные группы прикрытия, составлявшие арьергарды соединений и частей. Командование 37-й армии, Донской группы, фронта, не имея связи с войсками, отдавало приказы о закреплении их на рубежах обороны, однако эти решения были обречены на невыполнение. Отход наших войск в таких условиях не мог не сказаться на моральном состоянии воинов. Однако при этом находились командиры, проявлявшие находчивость и хладнокровие для того, чтобы дать противнику отпор и вывести свои части и подразделения с наименьшими потерями. Оборону крупных населённых пунктов Ворошиловска и Невинномысска осуществляли в основном малочисленные местные гарнизоны. Их задачей было прикрытие отхода войск 37-й армии. Начиная с Невинномысска части и соединения по приказам командования стали выводиться в тыловые районы для доукомплектования и восполнения утраченной боеспособности, поэтому в следующих боях они участия не принимали.

1.2. Оборона Кавказских Минеральных вод

Об обороне Кавказских Минеральных вод в период битвы за Кавказ написано много научной и научно-популярной литературы, воспоминаний. Наиболее подробно боевые действия в этом районе отражались в «Битве за Кавказ» маршала А.А. Гречко, в трудах историков С.И. Линца[128], С.В. Януша[129] и других исследователей. О том, как обороняли город Минеральные Воды курсанты Новочеркасского кавалерийского училища, вспоминал К.И. Гориславский[130]. Об участии в боях под Пятигорском Полтавского тракторного училища свидетельствуют воспоминания И.П. Павленко, записанные его дочерью Н.И. Бессоновой[131]. В этих и других работах встречаются отдельные упоминания об участии в боях 11-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД. Однако роль этого соединения в обороне Кавказских Минеральных вод до конца не изучена. В своей книге С.И. Линец ссылается на документ, из которого следует, что «9-го августа 1942 года при наступлении противника <…> части 11-й стрелковой дивизии войск НКВД, прикрывавшие это направление, в беспорядке отошли»[132]. Другой источник свидетельствует: части 11-й дивизии НКВД заняли неподготовленный для обороны район Минеральные Воды – Ессентуки и в течение двух дней вели непрерывный бой с превосходящими силами противника, после чего по приказу начальника боевого участка отошли на более выгодный рубеж обороны[133].

Названные воинские части и учреждения входили в состав оперативной группы генерал-майора Г.Т. Тимофеева, оборонявшей Кавказские Минеральные воды. Сведения о действиях этой группы, несмотря на её упоминание в литературе, носят общий или эпизодический, а зачастую и противоречивый характер. Следовательно, вопрос о ведении боевых действий группой генерала Тимофеева по обороне Кавказских Минеральных вод относится к категории малоизученных военных эпизодов.

В этом параграфе на основе имевшейся информации и ранее не публиковавшихся сведений о боевой деятельности группы генерал-майора Г. Т. Тимофеева постараемся воссоздать целостную картину обороны Кавказских Минеральных вод.

Остатки войск Донской группы Северо-Кавказского фронта, о которых до этого шла речь, влились в состав Закавказского фронта. Теперь остановить врага на подступах к Кавказу в районе Кавказских Минеральных вод должны были его силы под командованием генерала армии И.В. Тюленева. Слабым местом обороны являлся стык двух фронтов, приходившийся на район Георгиевска и Минеральных Вод.

5 августа 1942 года начальник Генерального штаба генерал-полковник А.М. Василевский в телеграфном разговоре с командующим фронта поставил перед ним задачу: для задержания врага «принять срочные меры путём высылки сильных отрядов, может быть и полных войсковых соединений в район Георгиевск, Минеральные Воды, тем самым обеспечить свой левый фланг и стык с СКФ»[134].

Левый фланг обороны Закавказского фронта проходил в районе села

Майское, горы Урух. Правый фланг обороны СКФ – по реке Кубань в районе Невинномысска. Прикрытие этой полосы между флангами фронтов было возложено на командующего 9-й армией (до 6 августа армия входила в состав Северо-Кавказского фронта) с выделением группы генерала Тимофеева[135] в составе: Ростовское артиллерийское училище (4 батареи, 16 орудий); Полтавское тракторное училище (винтовки и пулемёты); Новочеркасское кавалерийское училище с дивизионом артиллерии; кавалерийский полк НКВД; стрелковый батальон НКВД; Курсы «Выстрел»; миномётный батальон (16 миномётов 82-мм); мотострелковый батальон, выделенный распоряжением командующего 9-й армией; 36-й и 41-й дивизионы бронепоездов.

Григорий Тимофеевич
ТИМОФЕЕВ
(1900-1954)

Задачи группы генерала Тимофеева были следующими:

а) подвижной обороной в сочетании со службой заграждений в полосе между флангами фронтов воспретить маневр противника и тем самым не допустить обхода флангов;

б) прикрыть в стыке фронтов проходы через Главный Кавказский Хребет (ГКХ) в направлении перевалов Мамисонский, Бечо и Клухор;

в) установить группировку и направление ударов противника;

г) обеспечить поддержание связи между флангами фронтов.

Группа генерала Тимофеева должна была занять оборону на широком фронте на рубеже: Воронцово-Александровское (ныне г. Зеленокумск), Георгиевск, Минеральные Воды, Пятигорск, Ессентуки. Одновременным курсированием бронепоездов с десантами (до стрелковой роты с каждым бронепоездом) между станциями Минеральные Воды, Невинномысская и Георгиевск, Будённовск, группа должна была вынудить противника развернуть главные силы и выявить направление его главных усилий. На случай отхода группе были назначены второй и третий рубежи обороны. Их разрешалось занимать только под давлением превосходящих сил противника, широко применяя заграждения и засады, нанося противнику непрерывные внезапные удары, особенно ночью.

Управление группой генерала Тимофеева предусматривалось осуществлять с командного пункта Георгиевск, Волосная. Занять первый оборонительный рубеж войска группы были обязаны к исходу 6 августа.

Согласно полученным указаниям группа генерал-майора Тимофеева еще с 4.08.1942 г. приступила к занятию рубежа обороны: Ростовское артиллерийское училище с 22-м запасным полком связи – Воронцово-Александровское; Полтавское тракторное училище – Пятигорск; Ново-

черкасское кавалерийское училище – Минеральные Воды, Курсы «Выстрел» – Нальчик; 12-й учебный мотополк – Пятигорск[136].

О том, как развивалась оперативная обстановка в районе Кавказских Минеральных вод, следует из «Описания действий войск Закавказского фронта по обороне Кавказа (август 1942 – январь 1943 года)».

«Передовые отряды, действовавшие под общим командованием генерала Тимофеева на рубеже р. Кума на участке Новозаведёнская, Пятигорск, Ессентуки – должного сопротивления противнику не оказывали, как на рубеже р. Кума, так и на последующих промежуточных рубежах, в результате чего противник на плечах отходивших передовых отрядов подошел к северному берегу рек Баксан и Терек.

Боевые действия передовых отрядов в этот период представлены в следующем виде: 5-7.8.1942 г. передовые части группы генерал-майора Тимофеева вошли в боевое соприкосновение с передовыми частями противника в районе Георгиевск и, не оказав серьезного сопротивления, дали возможность противнику оттеснить их в юго-восточном направлении. 9 августа немецкие войска захватили Георгиевск.

10 августа противник, не встречая серьезного сопротивления, овладел Минеральными Водами и Пятигорском, отбросив части группы генерал-майора Тимофеева (11-я СД НКВД, Новочеркасское училище и др.) на северо-западную окраину Горячеводска. К исходу дня в Минеральных Водах противник сосредоточил до двух пехотных полков, 25 танков и несколько минометных и артиллерийских батарей.

11 августа части группы генерал-майора Тимофеева, не оказывая сопротивления противнику, отходили вдоль железной дороги Георгиевск, Прохладный для занятия обороны по р. Малка.

12.8.42 г. разведчасти противника подошли к р. Малка и в течение 13.8.42 г. вели бои на северном берегу этой реки с нашими отходившими частями в районе Малка, Куба (села в Кабардино-Балкарии на границе со Ставропольским краем – Авт.), причем в этом районе наши отходившие части впервые оказали разведчастям противника серьезное сопротивление.

13.8.42 г. в состав Северной группы войск вошла 37 армия Северо-Кавказского фронта, которая к этому времени, отходя с боями из района Пятигорск, приняв в подчинение группу генерала Тимофеева, занимала следующее положение:

176 СД – с Новочеркасским кавучилищем и 26 мотоциклетным полком отходила в район Малка;

2 гв. СД – отходила в районе Куба;

295 СД и курсы «Выстрел» из группы Тимофеева – отходили в район Сармаково;

части 11 СД НКВД отходили на Каменномостское.

В течение 14 и 15.8.42 г. части 37 армии вели сдерживающие бои на двух самостоятельных направлениях:

а) Георгиевск, Ново-Павловская;

б) Карагач, Баксаненок, Баксан»[137].

Эта информация о действиях войск группы генерала Тимофеева, которые, на первый взгляд, выглядят довольно пассивными, дополняется сведениями из журнала боевых действий 9-й армии, в состав которой первоначально входила группа. Запись за 9 августа 1942 года гласит: «Группа генерала Тимофеева в составе: Ростовское артучилище, Полтавское тракторное училище, Новочеркасское кавучилище – имеет задачу оборонять рубеж: Нины, Александровская, Лысогорская, Пятигорск. Группа генерала Тимофеева продолжала оборонять на прежних рубежах»[138]. Удивительно, что в документе нет даже упоминания об 11-й дивизии НКВД. 10 августа: «Группа генерал-майора Тимофеева продолжала оборону на прежних рубежах». При этом ни слова об обороне Минеральных Вод, Пятигорска и других населенных пунктов. И только 11 августа в боевом документе появляется информация о действиях группы генерала Тимофеева, свидетельствующая, что в первой половине дня 10 августа ее войска вели уличные бои на восточной и юго-восточной окраинах Пятигорска, после чего к 15.00 отошли на южный берег реки Подкумок, где вновь заняли оборону. Потери Новочеркасского училища за 10 августа составили 22 человека убитыми и 35 – ранеными[139].

В том же документе говорится, что из отходивших войск Донской группы СКФ группе генерала Тимофеева были подчинены 8-й, 49-й и 57-й гвардейские минометные полки, оснащенные легендарными «Катюшами» на базе ЗиС-6. Действительно, в журнале боевых действий 49-го гвардейского минометного полка (МП) отмечено, что 6 августа распоряжением командира оперативной группы СКФ генерал-майора Тимофеева 49-й гв. МП был придан 11-й дивизии НКВД для обороны участка Минеральные Воды – Пятигорск. Однако 8 августа штаб полка и часть его сил уже находилась в Кабардино-Балкарии в селении Псынодаха, еще один дивизион сосредоточился в Воронцово-Александровском. На прикрытии Минеральных Вод оставалась боевая часть лишь одного из дивизионов (269-го), второй эшелон которого уже ушел в Псынодаха. Тем не менее, 9 августа в 8 часов утра этот дивизион дал залп по скоплению танков противника на северной окраине Минеральных Вод. Этим ударом было уничтожено 3 танка и до двух взводов автоматчиков. В 11.00 был дан второй залп по автоколонне и танкам противника, прорвавшимся на конный завод в районе Железноводска. Этим залпом было уничтожено до роты автоматчиков. К исходу 9 августа основные силы полка сосредоточились под Нальчиком в городке Чегем 1. Оставшийся на выжидательной позиции у кургана южнее села Малка 269-й гвардейский минометный дивизион (МД) в течение 10 августа вел разведку противника и лишь в следующую ночь дал залп из района в 3 км южнее Горячеводска по скоплению танков противника в юго-восточной части Пятигорска и поджег 3 танка и 10 автомашин противника. Повторным залпом по северо-восточной части города дивизион уничтожил до роты мотопехоты[140]. Этим завершилось участие 49-го гв. МП в обороне Пятигорска. 12 августа 49-й гв. МП, имевший в своем распоряжении всего одну исправную установку, начал марш на Орджоникидзе для ремонта материальной ча-

Иван Прокофьевич
КАЛЮЖНЫЙ
(1902-1979)

сти. На примере 49-го гв. МП становится понятно, сколько реально минометных установок могло участвовать в обороне Кавминвод.

Также одним дивизионом произвел два залпа по скоплению вражеской техники и живой силы в Пятигорске 8-й гв. МП. Это было 10 и 11 августа. А 12 августа в журнале боевых действий 8-го гв. МП была сделана такая запись: «В штаб полка приехал начальник продснабжения 59 дивизиона, который сообщил, что 59 дивизион находится в Алагире, и что вместе с ним находятся командир полка и начальник штаба. <…> Все очень довольны и рады, что, наконец, встретили командира полка, начальника штаба и 59-й дивизион. Понемногу полк снова собирается»[141]. Понятно, что в таких условиях говорить о полноценной помощи гвардейцев-минометчиков оперативной группе генерала Тимофеева не приходится. Подтверждением малозначительности описанных событий служит тот факт, что этот эпизод боевой работы 49-го и 8-го гв. МП никак не был отражен в книге А.И. Нестеренко «Огонь ведут «Катюши»» (Москва, 1975).

Об участии «Катюш» в обороне Кавказских Минеральных Вод вспоминал в прошлом командир эскадрона 17-го кавалерийского полка погранвойск НКВД в то время старший лейтенант Коротаев Виктор Иванович:

«17 КП в составе 11 стрелковой дивизии НКВД получил приказ: занять оборону на северных скатах горы Змейка. 3-й эскадрон находился на левом фланге 17 КП. 8 августа 1942 года командир полка полковник Самодуров Петр Александрович поставил мне новую боевую задачу – охранять дивизион «Катюш», прибывших для поддержки обороняющихся войск. Мы знали, что фашисты давно охотятся за «Катюшами» и пытаются всякими путями захватить образцы наших ракетных установок и снарядов. Поэтому задача нашего эскадрона была особо важная и ответственная. Мы заняли круговую оборону в районе расположения дивизиона «Катюш». Все было сделано так, чтобы никто не смог проникнуть в охраняемый район.

На следующий день – 9 августа 1942 года дивизион РС получил задачу развернуться на рубеже южнее Минеральных Вод и открыть огонь по подходящим колоннам танков и мотопехоты группы Клейста. Наш эскадрон занял оборону на этом рубеже. Вот здесь мы впервые увиде-

ли установки «Катюш» в боевом строю. Когда танковая группа Клейста подошла к северной окраине Минеральных Вод, «Катюши» внезапно открыли огонь. Это было неожиданно и для нас. Раздался сильный пронзительный звук, ракеты с огненными хвостами стремительно взлетали в воздух, образовалось огненное зарево. Такого шума и огня мы до этого не видели и не слышали. На мгновение не было понятно, кто ведет огонь – мы или противник открыл огонь по нашим позициям. А когда огненный фейерверк удалился в сторону противника, все мы поняли, что это «заиграли» наши «Катюши».

Залп дивизиона РС пришелся в цель. Головные колонны фашистских танков попали под сильный огонь. Наступление противника было задержано. Дивизион «Катюш» менял огневые позиции, мы его сопровождали от рубежа к рубежу, занимая круговую оборону на каждом из них. Поставленная перед нами задача была выполнена»[142].

Но вернемся непосредственно к группе генерала Тимофеева. До 3.00 12 августа она занимала рубеж: станция Нины, Воронцово-Александровское, Лысогорское и далее по реке Подкумок. Противник вел редкий артиллерийско-минометный огонь по участку: Минводы, Пятигорск. 13 августа группа генерала Тимофеева согласно решению командующего Северной группой войск ЗКФ была переподчинена командующему 37-й армией[143]. Как говорят, «на переправе коней не меняют», но «на войне, как на войне».

Помочь осветить общую картину деятельности группы генерала Тимофеева существенно помогают сведения об участии Новочеркасского кавалерийского училища в обороне городов Минеральные Воды и Пятигорска. Эти данные содержатся в «Докладной о боевых действиях Новочеркасского училища в период с 4.08.1942 по 5.09.1942 г.», представленной генерал-инспектору кавалерии генерал-полковнику О.И. Городовикову начальником училища полковником И.П. Калюжным[144].

Новочеркасское кавалерийское училище имело в своем составе 4 сабельных и 2 пулеметных эскадрона, батарею 45 и 76 мм орудий и батарею 82 мм минометов. Как видно, сил в училище было больше чем в обычном кавалерийском полку, но гораздо меньше, чем в дивизии.

Училище заблаговременно подготовило рубеж обороны на фронте гора Змеёвая, гора Острая, прикрывающем пятигорское направление с севера. Однако по приказу командования 5 августа училище приступило к организации обороны в другом месте (правее) – по южному берегу р. Подкумок на участке (иск.) Незлобная – Лысогорская, с целью не допустить прорыва противника на Пятигорск с северо-востока и восточнее города. Вывод училища на фронт был произведен скоропалительно, без должной материальной базы и положенной документации. Ранее подготовленный училищем участок обороны заняли части 11-й стрелковой дивизии НКВД.

Но уже 6 августа был получен приказ о выдвижении училища в район Минеральные Воды с задачей занять и удерживать рубеж хутор Садовый – Канглы, не допуская противника к городу Минеральные Воды. Таким образом, личный состав училища оказался в первом эшелоне обороны, во втором оказалась 11-я дивизия.

8 августа приказом штаба Пятигорской опергруппы училищу было приказано оборонять рубеж (иск.) Александрийская, Минеральные Воды и второй рубеж по р. Малке. Отход с занимаемых рубежей разрешался только под давлением превосходящих сил противника.

В тот же день прибыли подразделения 176-й стрелковой дивизии, которые перешли к обороне северо-западней хутора Левокумский, на основании чего в ночь на 9 августа училище заняло новый оборонительный рубеж по южному берегу реки Кума.

Соседом справа у курсантов-кавалеристов на удалении 12-15 км было Полтавское тракторное училище, которое не имело огневой связи с кавалерийским училищем. Следовательно, стык между позициями училищ был слабым местом в обороне.

Слева занимал оборону 17-й кавалерийский полк НКВД (из состава 11-й дивизии, командир – полковник Самодуров П.А.), который находился на удалении 1-1,5 км и имел огневую связь с левофланговыми подразделениями училища.

Все эти перемещения войск в районе Пятигорска говорят о том, что у командования опергруппы не было четкого плана организации обороны города Пятигорска. Естественно, части и подразделения в таких условиях не успели как следует укрепиться на местности, наладить управление, организовать взаимодействие и обеспечение боя.

Раздор в действия войск группы вносило высшее командование. Командующий Донской группой, по сути уже выполнившей свою миссию (будет расформирована 11 августа), генерал-лейтенант Малиновский Пятигорскую опергруппу подчинил себе и приказал начальнику Новочеркасского училища полковнику И.П. Калюжному вступить в командование группой. Однако ей продолжал руководить генерал-майор Г.Т. Тимофеев, который в грубой форме проигнорировал приказ командующего и не сдал командование группой и, напротив, под угрозой приказал начальнику Новочеркасского училища подчиняться ему. Все это происходило на командном пункте начальника училища у Минеральных Вод накану-

не боя, вечером 8 августа. Здесь же присутствовал генерал-лейтенант В.Н. Сергеев – заместитель командующего войсками СКВО, который не пожелал вмешиваться в это дело, и на вопрос начальника Новочеркасского училища «как быть?» ответил: «Ты, голубчик, поступай сам как знаешь».

Расчет немецких артиллеристов у подножья г. Бештау.

Этот конфликт был известен и генерал-лейтенанту Малиновскому и генерал-майору Варенникову – начальнику штаба 37-й армии, который в это время был в штабе Донской группы в станице Суворовской.

В довершение ко всему в тот же день 8 августа Новочеркасское кавалерийское училище переподчинялось 9-й армии, которая с недавнего времени находилась в составе Северной группы войск Закавказского фронта, в то время как все взаимодействующие силы продолжали находиться под командованием Северо-Кавказского фронта.

Понятно, что такая обстановка в руководстве советских войск никак не способствовала укреплению обороны Кавказских Минеральных вод. И противник не преминул этим воспользоваться.

Тем не менее, обороняя Минеральные Воды, Новочеркасское кавалерийское училище, будучи практически в окружении, героически сражалось, нанося противнику ощутимые потери в живой силе и технике[145].

Вильгельм Тике пишет: 9 августа в 2.45 саперы 3-й танковой дивизии Вермахта подошли к Куме. 39-й саперный батальон за короткое время навел два 16-тонных моста через главный и второстепенный рукава. В 3.00 по ним поехали первые стрелки-мотоциклисты, следом пошли танки и бронетранспортеры. Впереди колонны двигался 3-й мотоциклетный батальон, сразу за ним следовал 1-й батальон 6-го танкового полка[146].

В 5.30 перед боевым охранением 2-го дивизиона курсантов училища появилась разведка противника – бронемашины и машины с пехотой, которые были остановлены огнем и отошли на север. Несколько позже на участке соседа слева (17-го кавалерийского полка НКВД) также появилась разведка противника – 1 танк и несколько автомашин с пехотой, которая будучи встречена огнем, также отошла в район Канглы. В 7.00 перед передним краем обороны 2-го курсантского дивизиона появилось 6 танков противника и автоматчики. Пропустив противника к мосту че-

Кавказские Минеральные Воды в период оккупации. Вид на гору Бештау со стороны Пятигорска. 1942 г.

рез реку Кума, 2-й дивизион открыл огонь из противотанковых орудий и станковых пулеметов. Два танка противника были подбиты на северном берегу Кумы перед мостом, остальные ушли в укрытие. Пехота противника все это время вела автоматный огнь.

В 7.30 началось наступление на Змейку. Советские войска отступили. Немцы остановились у линии высот. Подошедшая артиллерия открыла огонь по позициям на высоте.

В 8.00 танки противника попытались вторично прорваться на южный берег Кумы. Одновременно до батальона мотопехоты противника развернуло и начало наступление на боевые порядки 2-го дивизиона курсантов с севера. В это же время до батальона мотопехоты противника скопилось в садах, западнее хутора Левокумский. На участке 1-го дивизиона курсантов в это же время действовало 5 танков и отдельные группы автоматчиков. На участке соседа слева шел огневой бой. К 8.30 противник перешел в наступление по всему фронту училища, нанося главный удар в направлении моста через реку Кума, с целью захвата переправы. Танки противника устремились на мост. Два танка успели дойти до середины моста. Учитывая важность момента и угрозу выхода танков во фланг подразделениям, полковник Калюжный приказал взорвать мост. Под плотным огнем противника лейтенант Котович выполнил эту задачу. Так была сорвана попытка прорыва танков противника на Минеральные Воды.

В 8.50 из батареи РС-13 был дан залп по мотопехоте противника, которая действовала перед 2-м дивизионом училища. В результате неправильной установки прицела частично огнем реактивных систем были накрыты боевые порядки 1-го курсантского дивизиона. В паническом страхе около 400 лошадей, половина которых была в полном снаряжении, рванулись в сторону противника. В 1-й дивизионе оказалось четверо раненых и один убитый, 35 лошадей вышло из строя[147].

Противник, широко применяя огонь батареи реактивного действия, а также огонь танков из укрытия, старался, во что бы то ни стало, прорваться на южный берег Кумы, однако упорная оборона курсантов 2-го дивизиона училища воспретила переправу противника, в результате чего ни танки, ни мотопехота противника прорваться на южный берег реки не смогли.

В 11.30 разведкой было установлено большое количество танков в движении с севера в сторону хутора Левокумский и укрывающихся в лощинах севернее Левокумский. В 12.40 противник вновь предпринял попытку прорваться через реку Кума в районе моста, но встретив упорное сопротивление и потеряв еще 4 танка, вновь отошел. В 13.00 противник, видя, что прорыв с севера на Минеральные Воды не удастся, повернул подходящие с севера танки в направлении Цыганский, Канглы и потом вновь на юг, т.е. на левый фланг боевого порядка училища, на 1-й курсантский дивизион и соседа слева. Разведкой в это время было установлено движение до 200 автомашин с мотопехотой с северо-запада на Железноводск.

В 13.00 передовой отряд немецкой армии снова продолжил наступление на Каррас (Иноземцево). Боевая группа полковника Вестхофена, к которой присоединился 1-й батальон 394-го полка, захватила железнодорожную насыпь между горой Змейка и Минеральными Водами. Последовала короткая подготовка, затем – атака Пятигорска с севера и с запада. С ходу удалось выбить противника из северной части города.

К 14.00, дождавшись свежего подкрепления и введя в действие подошедшие резервы, 3-я танковая дивизия перешел в наступление по всему фронту, нанося главный удар уже по левому флангу 17-го кавполка НКВД, в результате чего 17-й полк был полностью рассеян и группами отошел в южном направлении. Этим был полностью оголен левый фланг училища, штаб которого не был об этом извещен. Танки и мотопехота противника частью устремились в направлении Каррас – Пятигорск, а частью начали обходить левый фланг 1-го курсантского дивизиона училища.

Одновременно не имея возможности прорваться на Минеральные Воды с севера, группа автомашин с пехотой и отдельные танки устремились по дороге по северному берегу Кумы в направлении Георгиевска, и, используя разрыв между соседом справа, стали охватывать училище на его правом фланге. Таким образом, создалась угроза окружения училища.

До 19.00 училище вело упорный бой с противником на ранее занимаемых позициях и не отошло назад ни на один шаг. Ураганный минометный и артиллерийский огонь противника, а также огонь автоматов и пулеметов, не сломили упорство личного состава училища, в результате чего к 19.00 противник, действуя на обоих флангах училища, едва не замкнул кольцо окружения. К этому времени станция, нефтяные баки, целый ряд других сооружений города Минеральные Воды горели или были взорваны, а частично было разрушено огнем противника[148].

Не имея соседей справа и слева, училище с 19.00 начало отход в направлении Лысогорской. В течение двух часов, используя строения и складки местности, под перекрестным огнем противника, училище выходило из боя и с наступлением темноты совершенно оторвалось от противника. В 22.00 училище сосредоточилось в Лысогорской, где приведя себя в порядок, с 23.00 ночным маршем двинулось в направлении станицы Зольской, выполнять поставленную задачу.

Управление боем со стороны командующего группой генерал-майора Тимофеева полностью отсутствовало, связи с ним никакой не было по причине отсутствия средств связи, а при наличии фронта группы около 80 км управлять с помощью офицеров связи, было невозможно.

Бой училища в районе Минеральных Вод предотвратил беспрепятственное продвижение противника в направлении Георгиевск – Прохладная. Одновременно был обеспечен выход всех железнодорожных эшелонов, находившихся в момент боя на станции Минеральные Воды. Упорная оборона училища в Минеральных Водах, вынудила противника, заняв Пятигорск, прекратить свое продвижение далее на юг, чем обеспечивалась подготовка обороны на новых рубежах, а также выход остатков Пятигорского гарнизона и войск из района Черкесск – Суворовская в направлении Нальчик.

В бою под Минеральными Водами по своим наблюдениям и показаниям разведчиков, возвращавшихся на другой день через территорию боя, противник потерял убитыми до 800 человек, было подбито и сожжено 9 танков и 25 автомашин.

К 6.30 следующего дня (10 августа) училище вышло в район села Куба, и занимало оборону до утра 13 августа, вело разведку справа в районе хутора Старо-Марьинский, слева – Горячеводск. Здесь 11 августа была уничтожена рота мотопехоты противника[149].

В тот же день 11августа училище на основании боевого распоряжения № 012 штаба 9-й армии от 9.8.1942 г. было переподчинено командиру 151 стрелковой дивизии и получило задачу, действуя в качестве передового отряда на удалении до 80 км методом подвижной обороны, вести противника на стык 392-й и 151-й дивизий, подводя его под фланговый огонь 151-й стрелковой дивизии.

В это же время был получен приказ штаба 37-й армии, которая выводила свои части из района Кисловодск – Ессентуки на фронт рек Баксан и Малка, о передаче участка обороны 2-й гвардейской дивизии и о переходе училища на рубеж Карагач – Лагода, для занятия обороны по южному берегу реки Малка.

Утром 13 августа училище сдало участок обороны 395-му стрелковому полку 2-й гвардейской дивизии и в 18.00 заняло оборону на рубеже Карагач – Лагода, имея резерв в Крем-Константиновская. Училище установило связь с соседом слева – 2-й гвардейской стрелковой дивизией. В ночь на 14 августа противник потеснил части гвардейцев и занял Кубу. По договоренности с командиром дивизии, училище выделило сводный отряд для совместных действий с частями дивизии по восстановлению положения. Однако противник к утру 14 августа прорвал фронт 2-й гвардейской стрелковой дивизии (о чем командование дивизии в известность штаб училища не поставило) и устремился танками и мотопехотой в направлении Крем-Константиновская – на командный пункт и тылы училища.

К 9.00 14 августа непосредственно во фланг и тыл училищу стали выдвигаться танки и мотопехота противника. В целях удержания

Крем-Константиновской был выслан резервный эскадрон с орудиями на северо-западную окраину села, однако в это же время до 100 машин мотопехоты противника с другой стороны подходили к Крем-Константиновской. По дороге Куба – Баксаненок двигались танки и мотопехота противника.

В 10.00 по приказанию командира 37-й армии училищу была поставлена задача сосредоточиться в районе хутора Баксаненок. Однако этот приказ был дан тогда, когда Баксаненок уже был занят противником. Командарм, ставя задачу, не знал об этом, вследствие чего училище шло прямо к противнику. Движение училища проводилось 3-мя колоннами под прикрытием резервного эскадрона с орудиями. Правую колонну вел подполковник Артемьев, центральную колонну – начальник училища, а левую – майор Гусаров. Путь отхода училищу на южный берег р. Баксан был отрезан. Штаб и отдельные подразделения училища оказались в окружении. Эскадроны, находившиеся на передовой линии, были в полуокружении. Отход училища от Крем-Константиновская к реке Баксан происходил при воздействии авиации противника (4 налета) и огня минометных батарей, установленных противником в районе Крем-Константиновская и Баксаненок. При подходе колонн училища к хутору Баксаненок, подразделения училища из-за закрытой местности почти в упор были встречены огнем танков и автоматчиков, находившихся в х. Баксаненок и окрестной кукурузе. Для выхода из окружения подразделения училища, где с боем, а где маневром, уклоняясь от огня противника и используя складки местности, кукурузные поля, прибрежные леса самостоятельно (колоннами) форсировали к вечеру (а некоторые и ночью) под огнем противника р. Баксан и вышли из окружения без потерь материальной части, за исключением перевернутой бурным течением повозки связи, где часть имущества была потоплена[150].

В упомянутой докладной начальник училища И.П. Калюжный писал о своих курсантах: «Калмыки дрались как львы. Будучи в окружении, выходили из окружения одиночками и группами, но с полным снаряжением и вооружением…»[151]. Приказом командующего войсками Закавказского фронта от 14 октября 1942 года № 018/Н за образцовое выполнение боевых заданий в районе Кавказских Минеральных вод орденами и медалями были награждены: заместитель командира эскадрона Г.Т. Каданов, командиры взводов М.Р. Бойко, И.Г. Качинский, А.К. Серебряков, младший командир И.П. Циндрин, курсанты М.Х. Ворванциков, Н.П. Захаров, И.В. Пахомов, А.И. Чалый. По достоинству была оценена и деятельность самого начальника училища. Из представления к награде Ивана Прокофьевича Калюжного явствует, что за период с 9 августа по 5 сентября училище под командованием полковника Калюжного подбило 20 танков, уничтожило до 3 рот мотопехоты и разогнало эскадрон румынской конницы. За личную храбрость, умелую организацию обороны, за отражение ряда атак численно превосходящего противника с нанесением ему большого урона в личном составе и технике полковник И.П. Калюжный был награжден орденом Красной Звезды[152]. Следует отметить, что в тот

Немецкие солдаты в окукпированном Пятигорске. 1942 г.

период войны награждения производились довольно редко, и орден Красной Звезды, полученный во время оборонительных боев при отходе войск, был высокой наградой.

Бок о бок с Новочеркасским училищем держала оборону 11-я стрелковая дивизия НКВД. Командовал дивизией полковник Хазов Иван Фролович. Согласно данным исследователей, в августе 1942 года по приказу начальника боевого участка она заняла неподготовленный для обороны район Минводы, Ессентуки протяженностью 45 километров. Утром следующего дня части дивизии отбивали первые атаки превосходящих сил противника. Дивизия имела всего 8 орудий и ни одного противотанкового ружья, не было полковой артиллерии и батальонных минометов. Ввиду отсутствия подвижных средств вторые эшелоны двух полков в район обороны дивизии еще не прибыли, поэтому в боях не участвовали. Против дивизии действовал противник силой не менее 100 танков, 400 автомашин с автоматчиками и около 150 мотоциклистов. На протяжении двух дней личный состав дивизии вел непрерывные бои с превосходящими силами врага. Далее обстановка вынудила дивизию отойти по приказу командования на новый рубеж. Основным недостатком боевых действий в районе городов Кавказских Минеральных вод, указывалось в донесении командира дивизии полковника И.Ф. Хазова, явилась межведомственная борьба в подчиненности 11-й стрелковой дивизии, которая одновременно вынуждена была выполнять приказы оперативной группы НКВД и штаба 9-й армии. Это не позволило своевременно организовать снабжение подразделений техникой и вооружением[153].

Как видно, времени для занятия обороны у 11-й дивизии было недостаточно, не хватало техники, вооружения и боеприпасов. В силу этих причин командование дивизии не смогло обеспечить одновременный ввод в бой всех своих частей. Однако в боях с противником бойцы и командиры дивизии приняли самое непосредственное участие.

9 августа 1942 года под Пятигорском в бою с численно превосходящим противником мужественно сражался 275-й стрелковый полк 11-й дивизии НКВД. Взвод младшего лейтенанта П.Ф. Краснощёкова в течение 5 часов удерживал правый фланг батальона. В критический мо-

мент боя с группой бойцов Павел Краснощёков бросился в атаку на группу автоматчиков и, уничтожив до 20 вражеских солдат, геройски погиб.

В неравном бою, проявляя стойкость и упорство, бойцы под руководством младшего сержанта А.О. Дроботько подожгли немецкий танк и уничтожили до 15 автоматчиков противника. Боец Г.Е. Солохин пулеметным огнем отразил пять атак противника и уничтожил до 30 немцев. На крики «рус, сдавайся», Григорий Солохин не оставил позиции и, ответив метким огнем, продолжал уничтожать врага. Когда погиб боец Солохин, его за пулеметом сменил красноармеец С.Я. Козлов, который также храбро, мужественно и стойко отражал немецкие атаки танков и автоматчиков. «Нанеся противнику значительный урон тов. Козлов бился до последнего момента и погиб у своего пулемета геройской смертью»[154].

Будучи связным при командире роты, «невзирая на губительный огонь и явную опасность для жизни», обеспечивал передачу приказаний взводам красноармеец В.Ф. Кулёмин. При встрече с тремя немецкими солдатами он вступил с ними в бой и всех уничтожил. Однако в другой схватке с фашистами Виктор Кулёмин погиб. Выполняя свой долг, сержант Н.М. Самохин тоже не отступил с позиции. Командуя отделением, он проявил личную храбрость и отвагу. Броском бутылки с горючей жидкостью поджег танк и своим метким огнем сразил до 15 гитлеровских автоматчиков. Как и его товарищи, Николай Самохин погиб в этом бою[155].

Из воспоминаний очевидца П.И. Федулова, бывшего командира роты 278-го стрелкового полка 11-й дивизии НКВД следует, что полк стоял в районе Нальчика и с приближением линии фронта к предгорьям Кавказа был переброшен к Пятигорску на рубеж вблизи горы Бештау. 13 августа полк вышел к назначенному месту, а к исходу 14 августа разгорелся бой перед фронтом оборонявшихся подразделений 2-го батальона (со стороны г. Ессентуки). Бутылками с горючей смесью и связками гранат бойцы сожгли 4 танка и несколько бронетранспортеров, но врагу удалось прорваться через линию обороны на западную окраину Пятигорска. Однако автоматчики, наступавшие за танками, были вынуждены отойти на исходные позиции, оставив на поле боя десятки убитых и раненых. Так полк оказался в окружении. В течение нескольких дней немцы загоняли советских воинов выше в гору. На исходе 16 августа подразделения 278-го полка одновременным ударом в направлении Ессентуков прорвали кольцо окружения и с потерями отошли в горы[156].

9 августа 6-я рота 2-го батальона 278-го полка, политруком которой был А.Л. Гончаров, обороняла основной узел сопротивления на подступах к городу Пятигорску. Противник, сосредоточив против роты превосходящие силы, как в личном составе, так и в технике, в 14.00 перешел в наступление. Личный состав роты, воодушевляемый своим политруком, смело вступил в бой и в течение дня оказывал упорное сопротивление, не уступил своих позиций и причинил противнику большой урон. В результате боя рота уничтожила 4 немецких танка и большое количество мотоциклистов-автоматчиков[157].

Храбро сражались с танками врага и бойцы 17-го кавалерийского полка НКВД. Расчет пулеметного отделения ефрейтора В.С. Улыбина во время боя 9 августа в районе горы Змеиная, в 5 км юго-западнее станции Минеральные Воды, со станковым пулеметом мужественно встретил 32 танка противника, которые двигались на позицию отделения. Пропустив танки, Улыбин скомандовал: «По пехоте противника, огонь!». Восемь гитлеровцев были уничтожены огнем пулемета, после чего танки повернули на отделение. Бойцы по команде командира приготовили бутылки с зажигательной смесью и притаились в щелях. В этот момент появились немецкие мотоциклисты, и по ним пришлось открыть огонь из пулемета. Два мотоцикла были уничтожены, но танки противника раздавили пулемет. Однако расчет Улыбина не оставлял позицию до тех пор, пока не получил приказ на отход на новую огневую позицию[158].

Младший сержант И.Ф. Головач – начальник рации 17-го кавалерийского полка Внутренних войск НКВД – был придан 2-му эскадрону полка, который находился в районе г. Бештау для связи со штабом полка. В его наградном листе записано: «Днём 9.08.42 г. колонна танков противника вклинилась в оборону полка, отрезав от основных сил 2-й эскадрон. Тов. Головач рацией не терял связь со штабом полка», а когда на следующий день питание рации закончилось, Головач вместе с другими бойцами эскадрона действовал как рядовой боец. В момент, когда бойцами эскадрона был захвачен штаб 23-й пехотной дивизии противника, Головач вывел 2 машины со всеми документами и доставил их в эскадрон, где оказались также трофеи и знамя части противника[159].

О том, как сражались бойцы и офицеры 11-й дивизии НКВД под Железноводском, дает представление приказ командующего войсками 37-й армии № 039/Н от 25 сентября 1942 года и представления к наградам, приложенные к нему. Так, старший лейтенант Е.Г. Сартасов с группой бойцов из 8 человек уничтожил штаб 23-й немецкой танковой дивизии, убил при этом 17 офицеров, 6 солдат и 2 мотоциклистов, захватив много ценных документов и два знамени, которые передал в 278-й стрелковый полк[160]. Также под Железноводском отличился командир отделения 17-го кавалерийского полка НКВД сержант В.И. Гальцев. 10 августа под его руководством был подавлен огонь минометной батареи и ручного пулемета противника, были взяты трофеи: несколько ручных гранат, полторы тысячи патронов в лентах, шанцевый инструмент. Из числа пулеметного и минометного расчетов противника был убит один и ранено три гитлеровца, со своей стороны отделение Гальцева потерь не имело[161].

Под Железноводском продолжил вести оборонительные бои личный состав 278-го стрелкового полка 11-й дивизии НКВД. Исполнявший обязанности начальника штаба полка старший лейтенант Н.В. Филатов в период с 9 по 14 августа настойчиво и твердо руководил штабом и боевыми порядками полка, неуклонно и немедленно проводил в жизнь все приказы командира полка, умело и четко организовывал разведку, управление подразделениями, чем обеспечивал командиру полка возможность принять правильное решение и гибкое управление боем. Стойкость и мужество

Филатов проявил в период боя 12-13 августа, когда полк, будучи в окружении, вел напряженный бой за город Железноводск с превосходящими силами противника. В сложной обстановке, когда положение становилось критическим, Филатов своим примером воодушевлял подчиненных, принимал правильные и смелые решения, чем способствовал успешному завершению боя. А когда возникла необходимость вывода полка из окружения, Филатов своевременной разведкой, гибким управлением и умелым построением боевого порядка обеспечил выход полка без потерь[162].

Заместитель командира 1-го батальона 278-го СП капитан Ф.Д. Накин в бою под Железноводском 12 августа, рискуя своей жизнью, все время передвигался от роты к роте и в самые критические моменты боя руководил подразделением. Благодаря умелому руководству боем, бойцы 1-го батальона весь день 12 августа стойко обороняли порученные рубежи и уничтожили большое количество немецкой пехоты, подожгли два танка и бронемашину. После боя капитан Накин хорошо и организовано вывел весь личный состав и материальную часть из окружения[163].

Минометная рота этого полка под командованием старшего лейтенанта Ф.С. Берсенева в течение двух суток 12-13 августа находилась на огневой позиции. Искусно маневрируя огнем, минометный взвод под командованием ротного беспрерывно наносил удары по вражеской пехоте. В целом рота Берсенева нанесла противнику ощутимые потери, выведя из строя до батальона пехоты. В бою за город Железноводск, когда рота была окружена противником, Берсенев продолжал командовать личным составом. Только после получения приказа подразделение Берсенева вышло из окружения, сохранив всю материальную часть и боеприпасы[164].

Политрук роты автоматчиков 278-го полка И.С. Одарий во время боев 12 и 13 августа находился в самых опасных местах, вместе с бойцами отражал наступление вражеских автоматчиков, три раза водил своих бойцов в атаку и отбрасывал немцев на исходное положение. В бою был ранен, но не оставлял свой пост, пока ему не изменили силы. 13 августа, когда немецкие автоматчики угрожали окружением КП полка, Одарий поднял личный состав в атаку и тем самым предотвратил захват командного пункта[165].

В бою за командный пункт полка отличился командир роты лейтенант Н.Ф. Хмызов. Когда противник был в 400-500 метрах от пункта управления Хмызов с одним из своих взводов перешел в контратаку против превосходящего противника и в течение трех часов теснил его, отогнав на 3-4 километра[166].

Красноармеец И.Д. Белецкий, телефонист 1-го батальона 278-го полка 12 августа находился на командном пункте батальона, поддерживая связь с командирами рот и штабом полка. При восстановлении связи Иван Белецкий был ранен, но, несмотря на ранение и сильный минометный огонь, продолжал ползком восстанавливать оборванную связь. После вторичного ранения Белецкий продолжал оставаться в строю, и только когда был разбит его телефонный аппарат и ему изменили силы, он был вынесен с поля боя[167].

Красноармеец Д.А. Лебедев, стрелок 2-го взвода 1-й роты 1-го батальона 278-го полка, находясь у населенного пункта Вороновский в период атаки танками переднего края нашей обороны бутылкой с горючей смесью зажег танк противника и, несмотря на то, что танки прошли через его окоп, огневой позиции без приказа не оставил, и продолжал метать гранаты под гусеницы немецких танков[168].

С 8 по 13 августа взвод автоматчиков лейтенанта П.И. Павлова беспрерывно находился в бою. В бою за Железноводск в течение суток противник предпринял до пяти атак против автоматчиков взвода лейтенанта Павлова. Но командир с твердой волей в трудные минуты боя, воодушевляя бойцов, подпускал немецких автоматчиков на 80-100 метров и в упор смело расстреливал их, искусно меняя позиции, вводил в заблуждение о количестве своих сил. 13 августа обозлившиеся своей неудачей немцы бросили против группы Павлова подкрепление. Взвод снова принял неравный бой и продолжал бить врага на опушке лесного массива горы Бештау. В конце дня фашисты, не добившись успеха, открыли минометный огонь по горстке смельчаков. Лейтенант Павлов был тяжело ранен, но продолжал командовать взводом. И только когда его покинули силы, его доставили на полковой медицинский пункт[169].

В боях за Пятигорск и Железноводск принимала участие медико-санитарная рота 11-й дивизии НКВД. Врач этой роты М.А. Парышева во время боя за Железноводск 12 августа, не считаясь с опасностью для жизни, переползала от окопа к окопу, и под непрерывным автоматным и минометным огнем оказывала помощь раненым бойцам и командирам. В момент эвакуации с поля боя сержанта Чернышева Парышеву обнаружили немецкие автоматчики и попытались взять их обоих в плен. Находясь в 50 метрах от врага, Парышева не бросила раненого, а применяя смекалку и хитрость, вынесла командира с поля боя и спасла ему жизнь. Врач 1-го батальона 278-го полка Л.И. Ездаков также под градом пуль и разрывами мин, несмотря на опасность для своей жизни, спокойно оказывал первую медицинскую помощь раненым бойцам и командирам на поле боя[170].

Умело выполняли поставленные задачи минометчики сержант А.И. Белоусов и красноармеец У. Шарипов, бесстрашно и результативно вел пулеметный огонь по врагу боец Н. Умаров.

О том, как оборонял Пятигорск 26-й мотоциклетный полк, докладывал в своем донесении от 15 августа 1942 года командующий опергруппой генерал-майор Тимофеев Г.Т. командующему СКВО генерал-лейтенанту В.Н. Курдюмову:

«Доношу, 26-й мотоциклетный полк под командованием подполковника тов. Петренко, отходя с места постоянной дислокации из гор. Ворошиловск, в ночь с 8-го на 9-е августа прибыл с полком в гор. Пятигорск, где я подчинил полк себе.

9-го августа 1942 года при наступлении противника с направления Канглы на Железноводск и далее на Пятигорск части 11-й стрелковой дивизии войск НКВД, прикрывавшие это направление, в беспорядке ото-

шли. На направлении шоссе Пятигорск – Нальчик остался 26-й мотоциклетный полк, который принял на себя всю тяжесть ударов противника.

Благодаря четкому и энергичному командованию подполковника тов. Петренко, мужеству и преданности всего личного состава полка, 26-й мотоциклетный полк, в составе немного более 400 человек, в течение ночи с 9-го на 10-е августа, весь день 10-го августа и в ночь с 10-го на 11-е августа вел уличные бои в гор. Пятигорск, нанося противнику тяжелые потери.

С 11-го до исхода дня 13-го августа 26-й мотоциклетный полк, искусно маневрируя по фронту, вводил в заблуждение противника и, отходя от рубежа к рубежу, сдерживал его численно и технически превосходящие силы, чем дал возможность частям 37-й армии занять для обороны рубеж по южному берегу р. Малка и изготовиться для обороны.

За время боев под гор. Пятигорск подразделениями 26-го мотоциклетного полка выведено из строя пять танков противника, сожжено десять автомашин с боеприпасами, взорван склад боеприпасов и уничтожено свыше сотни фашистов.

В ночь с 13-го на 14-е августа 26-й мотоциклетный полк был выведен из боя и отведен на южную окраину Баксан. Откуда по приказу Ставки Верховного Главнокомандования 14-го августа убыл в Закавказье на переформирование.

Ходатайствую о награждении правительственными наградами личного состава 26-го мотоциклетного полка, согласно приложениям при сем наградных листов. Приложение: Наградные листы на 65 листах»[171].

О своей встрече с командиром 26-го мотоциклетного полка в Пятигорске вспоминал бывший командир роты курсантов Полтавского тракторного училища, непосредственно участвовавшей в обороне Пятигорска: *«Мы представились друг другу. Это был командир 26-го пограничного полка Н.Т. Петренко. В этом полку имелось 10 мотоциклов М-72 с ручными пулеметами и две автомашины ГАЗ-АА со станковыми пулеметами в кузовах. Полк курсировал по шоссе Пятигорск – Нальчик и выполнял разведывательные функции. Его главная задача – входить в соприкосновение с немцами и сведения о их намерениях передавать в штаб 37-й армии, которая занимала оборону по реке Баксан, а передовыми частями у о. Тамбукан.*

Подполковник Н.Т. Петренко передал мне приказ командования – прочно удерживать оборону по реке Подкумок и не допустить прорыва немцев к Нальчику. Он сказал, что о нас знают начальник боевого участка генерал-майор Г.Т. Тимофеев, которому теперь подчинены все курсантские подразделения, а также и начальник училища полковник С.П. Садовский.

– Ни шагу назад! – предупредил подполковник. – А мы вас в беде не оставим. Обеспечим открытые ваши фланги, поможем пулеметным огнем и в случае надобности вывезем раненых[172].

Как видно, у этого полка была особая задача, которая не предусматривала его участия в непосредственной обороне Пятигорска.

Станислав Петрович
САДОВСКИЙ
(1899-1984)

О том, какую роль в обороне города Пятигорска принимало само Полтавское тракторное училище под командованием полковника С.П. Садовского, свидетельствуют воспоминания бывшего курсанта училища И.П. Павленко, записанные его дочерью Н.И. Бессоновой. Силы училища были разбиты на три части. Треть училища находилась в Пятигорске. Под Георгиевском отдельный курсантский батальон подполковника Каневского вел сдерживающие бои с противником, выполняя приказ командующего Северной группой войск Закавказского фронта генерала Масленникова. Вместе с этим отрядом находился начальник училища. В Нальчике стоял на железнодорожных путях последний неотправленный эшелон с имуществом училища и семьями комсостава. Отправку эшелона прикрывал курсантский заслон в Пятигорске, который затем должен был самостоятельно отойти в тыл[173].

К обороне города училище не готовилось, но принять в ней участие все же пришлось. Вот как вспоминал события 9 августа бывший командир роты курсантов Б.Н. Кириллов, находившийся тогда в центре города:

«Я к 13.00 пришел в столовую начсостава, чтобы там пообедать. Но она почему-то оказалась закрытой. Тогда меня пригласил к себе на квартиру командир 2-го взвода 9-й роты мл. лейтенант Г.Т. Верхуша, с которым я был в дружеских отношениях. Возле штаба училища мы увидели легковую машину и хлопотавшего возле нее лейтенанта Н. Бессонова, который состоял при ст. батальонном комиссаре Цыплакове. Появилась возможность получить последние известия из свежих рук. Пригласили и Бессонова на товарищеский обед. <…> Верхуша начал готовить на стол, а мы с Бессоновым повели разговор о неясной обстановке в городе и на фронте.

– Послушай, Николай, – обратился я к нему, – ты все время ездишь с начальством и должен знать, где сейчас немцы.

– Немцы вчера заняли Минеральные Воды, – отвечает он таким тоном, будто ничего не произошло.

– Так почему же нам об этом не говорят? – возмутился я. – Ведь они сегодня могут быть здесь!

– Не говорят, чтобы не было паники.

– Вот это здорово!?

В это время послышались взрывы снарядов и короткие пулеметные очереди. Мы выскочили на балкон и обомлели: по Советскому проспекту

двигался немецкий танк в сторону Цветника, а за ним, стреляя на ходу, бежали цепью автоматчики в знакомой мне серо-зелёной форме с засученными рукавами»[174].

Николай Федорович
ДВОРАК
(1918-1942)

Подразделения училища оказали врагу сопротивление, по оценке очевидца, «очаговое, неорганизованное, но смелое и дерзкое». Первыми заметили противника и вступили с ним в бой 14 курсантов под командованием младшего лейтенанта А.М. Дубовика, дежурившие на посту ВНОС (воздушного наблюдения, оповещения и связи) на вершине горы Машук. Увидев немцев, ехавших на машинах, они спустились вниз на более выгодную позицию и открыли по ним огонь из ручного и зенитного пулеметов и винтовок. Курсанты метким огнем уничтожили около десяти фашистов. Но и в их рядах появились убитые и раненые. Когда кончились патроны, группа отошла к Провалу, где соединилась с подразделениями училища[175].

Известный советский поэт С.Я. Маршак откликнулся на этот подвиг стихотворением «Баллада о пятнадцати», в котором есть такие строки:

Четырнадцать храбрых сражались с десантом
Винтовкой, гранатой, штыком.
Пятнадцать их было, с лихим лейтенантом,
Шестнадцать – с горой Машуком.

Немецкие каски усеяли склоны,
Дорогу у ног Машука,
Пока занимали рубеж обороны
Кавказские наши войска.

Дежуривший по городу взвод лейтенанта Н.Ф. Дворака встретил противника возле комендатуры. По улице прошли немецкие танки, которые нечем было «встретить». Вслед за ними следовала грузовая машина с немецкими солдатами, которая остановилась у комендатуры. Из кузова стали выпрыгивать немцы. И тут курсанты открыли меткий огонь из винтовок. Восемь уничтоженных немцев осталось лежать на земле, остальным пришлось спасться бегством на том же грузовике. Курсанты забрали

Герман Алексеевич
ПЕСТОВ
(1920-1942)

у убитых оружие и, переправившись через Подкумок, с победным видом прибыли к отряду Б.Н. Кириллова.

Одними из первых, кто попал под огонь немецких танков, были курсанты 1-го взвода 14-й роты, охранявшие аэродром. Когда последний советский самолет поднялся в воздух, начальник караула воентехник 2-го ранга Н.В. Березин, выполняя приказ командования, распорядился сжечь все объекты аэродрома. Когда в небо поднялись черные клубы дыма, идущие к аэродрому немецкие танки сходу открыли огонь по аэродрому. Под прикрытием дымовой завесы курсанты отошли к городской окраине[176].

Двое суток удерживали оборону на реке Подкумок курсанты Нижнего городка. Они не дали возможности немецким танкам переправиться через мост на шоссе, ведущее к Нальчику. Два танка подбили из противотанковых ружей курсанты Игнатенко и Кривобок. Один танк поджег бутылками с горючей смесью курсант 12-й роты Сегаль. Этот дерзкий поступок нуждается в том, чтобы о нем сказать отдельно.

Задачу уничтожения немецкого танка, который «стоял по эту сторону моста и нахально мозолил нам глаза», вызвался выполнить воентехник 2-го ранга Н.И. Сидоров. Его замысел состоял в том, чтобы незаметно подобраться к танку и забросать его бутылками с зажигательной смесью. Сделать это должны были один – два курсанта. Остальные 10 человек будут их прикрывать своим огнем. Самому быстрому смельчаку предстояло выскочить через калитку дома на улицу и в считанные секунды приблизиться к танку, бросить в него две бутылки и вернуться обратно. Для выполнения задания был определен курсант Фридрих Сегаль – самый молодой во взводе, чемпион города по бегу на 100 метров. Операция по уничтожению танка прошла успешно: танк загорелся, возле него валялись два трупа. Это был первый, но не единственный подвиг будущего генерал-майора Сегаль[177].

Особый подвиг совершил лейтенант Герман Пестов. По тревоге 9 августа он принял командование взводом из трех бронированных машин – тракторов «Комсомолец» и вместе со своими курсантами отошел к реке Юца. Здесь Пестов получил задание: двумя машинами ворваться в Пятигорск, создать панику в стане врага и тем самым обеспечить захват города другим подразделениям. Ночь прошла в приготовлениях к этой слож-

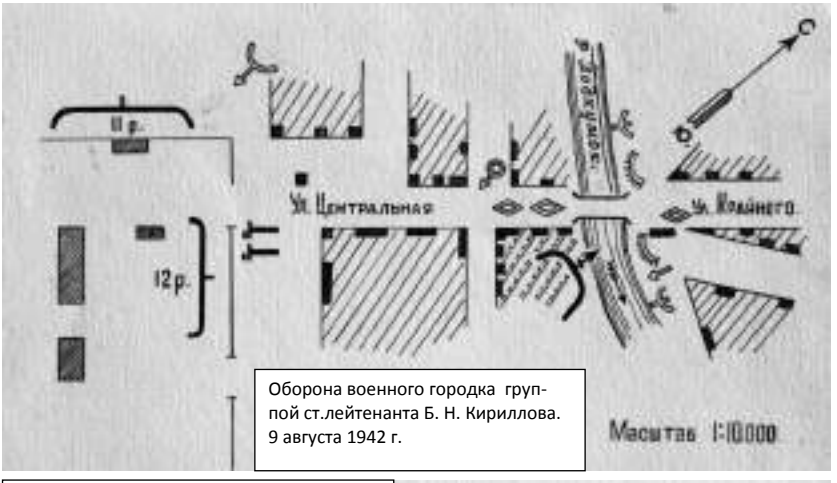
ной операции. Пестов проверял работу машин, диски к пулеметам, отбирал курсантов для десанта. Он знал, что в городе много немецких танков, с которыми придется наверняка встретиться. К утру приготовления были завершены. В 10.00 через трамвайный мост машины Пестова ворвались в город и вышли к Цветнику. Появление советских боевых машин стало для немцев полной неожиданностью. Направив их по Советскому проспекту (ныне проспект Кирова) к вокзалу, Пестов открыл огонь из пулеметов, автоматчики расстреливали разбегавшихся солдат, а стоявшие на обочинах машины забрасывали гранатами и бутылками с горючей смесью. Достигнув вокзала, Пестов вернулся обратно за патронами. Пополнив боекомплект, он снова ворвался в город. По пути на Базарную площадь и на улице Октябрьской снова было уничтожено много живой силы противника и машин. На третий раз немцы уже ожидали дерзких налетчиков. Около улицы Крайнева советскую танкетку, которая оставалась уже одна – на второй кончилось горючее, встретили два средних немецких танка. Пестов свернул на улицу Дзержинского и поехал к мосту через реку Подкумок. Здесь курсанты забросали гранатами и бутылками еще десяток немецких грузовиков. Но от моста навстречу «Комсомольцу» вышел средний немецкий танк и открыл по нему огонь. Одним снарядом сбило гусеницу, другой – попал в шаровую установку. Машина загорелась. Лейтенант Пестов был смертельно ранен, но он нашел в себе силы, чтобы перебросить через забор свои документы, которые потом подобрали местные жители. Немецкий офицер безжалостно добил умиравшего героя. Курсантам десантной группы удалось спастись, раненым оказался лишь механик-водитель[178]. Одна из улиц города Пятигорска была названа именем Германа Пестова.

НА РИСУНКЕ: комсомолец Герман ПЕСТОВ.

В. ЛЕОНТЬЕВ.

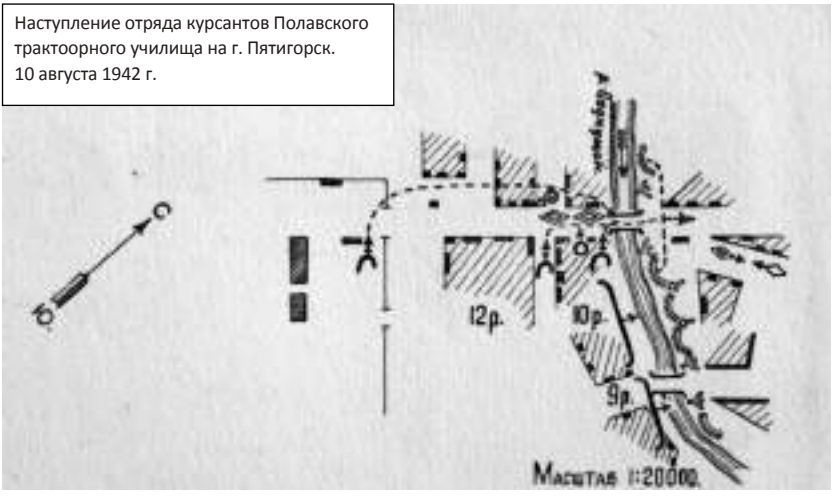
г. Пятигорск.

С началом боев в Пятигорске в Верхнем городке училища, где разме-



Оборона военного городка группой ст.лейтенанта Б. Н. Кириллова. 9 августа 1942 г.

Наступление отряда курсантов Полавского трактоорного училища на г. Пятигорск. 10 августа 1942 г.



щались остатки 4-го батальона курсантов, около 200 курсантов (примерно столько же осталось и в Нижнем городке), были подняты в ружье. Во взводе курсанта И.П. Павленко в наличии было 26 винтовок на 40 курсантов, одно противотанковое ружье с семью патронами и ящик противопехотных гранат.

Батальон курсантов из Верхнего городка занял оборону возле кладбища, за каменной стеной. Во все направления были посланы разведчики, а к штабу училища – посыльные. Вскоре они доложили, что в городе немецкие танки. В это время от разъезда к вокзалу двигалось несколько танков, два из них повернули с полдороги к Верхнему городку. Расчет

противотанкового ружья выдвинулся вперед. Когда передний танк приблизился метров на 250, его подбили со второго выстрела, а второй танк попятился назад и свернул к вокзалу. Командовал расчетом сержант Леонид Левченко.

Вскоре начались стычки с автоматчиками, которые пытались просочиться к городку по окраинным кварталам. Немцы стреляли очередями вслепую. Курсанты отвечали прицельным огнем из винтовок. Получив отпор, фашисты отошли, унося убитых и раненых. Курсанты 14-й роты во главе с младшим лейтенантом Плахотько преследовали их до больницы Красного Креста и школы. Там Плахотько был ранен, а один курсант убит.

Затем немцы обстреляли из минометов городок училища и кладбище, и пошли на приступ. Танков здесь они использовать не могли, так как не позволяла местность. Поэтому атаки автоматчиков курсанты отбили и даже стали их преследовать. Однако в этом бою погибли несколько курсантов и комсорг батальона младший политрук Максимов, возглавивший контратаку. Были также и раненые.

Из Нижнего городка прибыл посыльный, который передал приказ военинженера 3-го ранга Н.М. Самущенко: всем подразделениям отойти за Подкумок в район Константиновки[179].

За Подкумком, возле переправы, собралось 160 курсантов из Верхнего городка. На построение 4-го батальона прибыл начальник училища. Из его машины было вынесено Красное знамя училища, на фоне которого полковник С.П. Садовский отдал приказ следующего содержания: «Город занят вражеским десантом. Численность его невелика, но он имеет несколько легких танков. Ваша задача – с наступлением темноты кружным путем забраться к немцам в тыл и ударить по ним со стороны Машука и Лермонтовского разъезда, отрезать пути к отступлению и ворваться в северо-западную часть города. Одновременно с юга, из-за Подкумка, пойдут в наступление курсанты 3-го батальона. Они должны захватить центральный проспект города. Их поддержит пограничный полк (26-й – *Авт.*) в составе 300 штыков и артиллерийской батареи. Враг боится ночной атаки, а вам хорошо знакома каждая улица. Поэтому действовать надо смело и решительно. К утру город должен быть освобожден. Это будет для Вас, выпускников, экзамен на верность Родине и на будущие лейтенантские звания».

Такой приказ получил начальник училища от командующего Пятигорской оперативной группой генерала Тимофеева.

С наступлением сумерек отряд двинулся в сторону города. Вокруг то и дело рвались артиллерийские снаряды. Через речку переправились вброд. Сводный батальон курсантов под командованием преподавателя тактики капитана Быкова насчитывал более двухсот человек, к отряду пробился взвод из Кисловодска и несколько групп курсантов, несших в разных местах гарнизонную службу.

На подходе к Верхнему городку 15-я рота отделилась и пошла прочесывать заросли у подножья Машука с целью захвата Лермонтовского

разъезда. 14-я рота пошла мимо Машука через верхнюю часть кладбища, чтобы очистить свою полосу от возможных огневых точек противника, замеченных с вечера, а потом вместе с 15-й ротой повернуть на город и атаковать противника на его окраине.

13-я рота в количестве 70 человек тихо вошла в Верхний городок. Он был пуст. Выйдя из него, курсанты сосредоточились на своей дневной позиции в ожидании общего сигнала на атаку. Было примерно 23.00. До окраины, где по данным разведки разместилось тыловое охранение противника, оставалось метров 300-400. Из состава роты отобрали 30 человек. Безоружным выдали винтовки. Каждый получил по подсумку патронов и 2–3 гранаты. Отряду была поставлена задача: произвести разведку боем, незаметно приблизиться к домам, за которыми размещалось хозяйство бывшего кавалерийского училища и зацепиться за крайние дома. По сигналу двух красных ракет артбатарея должна была ударить по стогам сена и поджечь их, после чего на помощь должны были подоспеть 14-я и 15-я роты.

Примерно в 24.00 отряд двинулся на задание. Ночь была тихая и лунная, только трассирующие пули оставляли в воздухе свои следы. Иван Павленко вспоминал: «Мы шли молча и быстро, напряженные, готовые в любую минуту кинуться в рукопашную. Личным оружием, штыком и прикладом мы владели, как волк зубами. В темноте это могло дать нам какое-то преимущество при сближении с противником. Мимо кладбища вышли на голый простор. Надо было эти последние метры преодолеть быстро и незаметно. Пригибаясь, пошли почти бегом и у самой окраины, метрах в 70 от вражеских передовых постов, были обнаружены».

Вспыхнули осветительные ракеты, ударили автоматные очереди. В этот миг лейтенант Никитенко крикнул: «Вперед! Бей фашистов!» С криками «ура!» курсанты пошли в атаку, на бегу стреляя из винтовок.

С первых позиций немцев удалось выбить сходу, однако они отошли за дома и вели плотный автоматный огонь по курсантам, которые были вынуждены прижаться к земле. Обещанной артиллерийской поддержки из-за Подкумка не последовало. Правда, стали слышны звуки боя со стороны Машука. Это 14-я рота, увидев красные ракеты, пошла в атаку на огневые точки противника в своей полосе.

Чтобы воспретить курсантам захват «конного хозяйства» с флангов, немцы подожгли скирду соломы, стоявшую во дворе. Пламя взметнулось к небу и осветило боковые группы, которые находились на отрытой местности и были вынуждены, неся потери, отойти к спасительной ложбинке.

Бой после поджога скирды продолжался уже не в пользу курсантов. Помощь так и не подошла, а немцы получили подкрепление. У них появился миномет, а потом заработала артиллерия. В разгар боя курсант Александр Теслюк запел: «Легко на сердце от песни весёлой…». Немцы усиливали огонь, а он пел, и умолк лишь тогда, когда произнес последнее в своей жизни: «Я ранен», как будто извинялся, что больше не может петь.

Дальнейшая затяжка боя оборачивалась против курсантов. Патроны были на исходе. Число убитых и раненых росло. Скирда догорала, но забрезжил рассвет. Стрельба под Машуком прекратилась. Помощь не шла. Отступать назад по открытой местности было невозможно. Едкая гарь проникала в нос и горло, иногда нечем было дышать. Позже, из показаний пленных, выяснилось, что в Пятигорске вел бой минометный химдивизион немцев, применяя мины, начиненные химическими веществами.

В этих условиях лейтенант А.А. Никитенко решился на отчаянную атаку. Требовалось преодолеть одним броском 50-60 метров, достичь домиков и закрепиться на этом рубеже, тогда хоть какая-то часть курсантов под их прикрытием могла бы оторваться от противника и уйти по окраине города к кладбищу и Машуку. Раненые передали свои патроны тем, кто шел на прорыв. С криками «За Родину! За Сталина! Ура!» курсанты пошли в атаку, но сплошной шквал встречного огня на рассвете 10 августа 1942 года оборвал жизни 18 молодых ребят во главе с командиром отряда лейтенантом А.А. Никитенко.

В подтверждение рассказа очевидца стоит отметить, что его воспоминания о гибели товарищей подкрепляются сведениями ОБД Мемориал.

В обороне Кавказских Минеральных Вод принял участие партизанский отряд города Кисловодска. В августе кисловодские партизаны прикрывали эвакуацию населения из городов Кавказских Минеральных Вод, истребив при этом несколько бандитских групп, занимавшихся мародерством. Одновременно бойцы отряда вели разведку в глубоком тылу противника, данные передавались в штаб 37-й армии. Наиболее ярким эпизодом стало своевременное сообщение о появлении в Кисловодске тяжелой артиллерии, которая перебрасывалась на фланг, где противник накапливал силы для удара. Командованием 37-й армии были приняты немедленные меры, и противник был разгромлен на марше. Отряд взял на себя задачу по переброске в тыл противника диверсионных и разведывательных групп, высылаемых разведотделами и органами НКВД[180].

Таким образом, Пятигорск 10 августа остался в руках противника. Вслед за этим 11 августа вражеские войска заняли Железноводск и Ессентуки, а 14 августа – Кисловодск.

Возвращаясь к обороне Пятигорска, стоит привести описания боев за город и немецкого автора, который свидетельствует: советские части упорно его обороняли. Только с подходом 1-го танкового батальона 6-го танкового полка немцам удалось снова продвинуться вперед. Русская батарея 152-мм орудий, доставлявшая много неприятностей, была обстреляна из танковых пушек. При поддержке 1-го батальона 6-го танкового полка 3-й мотоциклетный батальон, 1-й батальон 394-го полка и 3-я рота 39-го саперного батальона смогли продвинуться дальше к городу. По сведениям немцев, город защищали солдаты дивизии НКВД, курсанты танкового училища и женский батальон.

Танки 1-го батальона 6-го танкового полка прошли через город с севера и с ходу проскочили по 60-метровому мосту через Подкумок. Однако без пехотного прикрытия они вынуждены были отойти назад. После второй атаки, в которой участвовали мотоциклисты 2-й роты 3-го мотоциклетного батальона при поддержке танков и 5-й батареи 75-го артиллерийского полка, немцам удалось создать плацдарм на южном берегу Подкумка.

К этому времени подошли другие боевые группы 3-й танковой дивизии. Группе полковника фон Либенштайна пришлось отбить атаку советского батальона у Суворовской, после чего по 100-метровому деревянному мосту через Куму она направилась в Пятигорск. В 16.00 боевые группы фон Либенштайна и Папе вошли в город и поддержали все еще продолжавшийся бой в южной части города.

С утра 10 августа 3-я танковая дивизия возобновила штурм южной части Пятигорска. К полудню 10 августа 1942 года город был полностью в руках немецких войск. После выполнения этой важной задачи 40-й танковый корпус остановил все передвижения, чтобы дать возможность отставшим частям, некоторые из которых находились еще на Маныче, догнать главные силы. Проводились лишь мелкие бои, чтобы обеспечить исходные рубежи для наступления вдоль гор на Баксан.

11 августа небольшая группа 23-й танковой дивизии (6-я рота 126-го мотопехотного полка, 2-й дивизион 128-го артиллерийского полка и два взвода легких зенитных пушек) провела атаку в юго-восточном направлении и захватила плацдарм за Лысогорской, который затем был усилен 128-м мотопехотным полком.

12 августа боевая группа противника под командованием генерала Курта фон Либенштайна прорвалась к городу Ессентуки и укрепила левый фланг 40-го танкового корпуса. 13 августа корпус продолжил наступление вдоль горного хребта: 3-я танковая дивизия наступала на правом фланге (вдоль дороги Пятигорск – Нальчик – *Авт.*), а 23-я танковая дивизия – на левом. Боевая группа майора Папе в 7.30 вышла на границу Кабардино-Балкарии в район севернее Малки[181]. Таким образом, передовые немецкие танковые части стали покидать территорию Орджоникидзевского края.

Тем временем по дорогам Кавказских Минеральных Вод продолжали передвигаться соединения и части вторых эшелонов немецкой армии. С ними вслед за 40-м танковым корпусом к подножью гор в районе Баксана ушли и части 2-й румынской горнострелковой дивизии, на помощь которой рассчитывали немецкие горные стрелки дивизии «Эдельвейс».

Подводя итог, следует отметить, что в августе 1942 года для обороны района Кавказских Минеральных вод, оказавшегося на стыке двух фронтов – Северо-Кавказского и Закавказского – была создана оперативная группа генерал-майора Г.Т. Тимофеева. Воинским частям и учреждениям, входившим в её состав, пришлось занимать оборону в сложных условиях, поспешно. При этом планы командования в преддверии сражения

неоднократно менялись. Обороняющиеся испытывали недостаток в силах и средствах. Советское командование понимало, что остановить врага на подступах к Кавказским Минеральным Водам не удастся, поэтому войскам группы заранее были определены следующие рубежи обороны и условия отхода на них. Несмотря на недостатки в организации обороны и управлении, войска группы, теснимые противником, самоотверженно сражались на своих участках. Группа генерала Тимофеева обеспечила прикрытие отходивших войск Северо-Кавказского фронта и нанесла ущерб противнику, наступавшему в направлении Главного Кавказского хребта со ставропольского направления.

1.3. Формирование линии боевого соприкосновения на востоке Ставрополья. Бои за Моздок

Иван Ефимович
ПЕТРОВ
(1896-1958)

В конце июля, когда передовые немецкие моторизованные и танковые колонны форсировали Манычский канал, заняли станицу Пролетарскую (ныне город Пролетарск) и вышли к Сальску, командованию Закавказского фронта стало очевидно, что выход противника на Северный Кавказ и далее к Главному Кавказскому хребту становится реальностью. Перед войсками Закавказского фронта была поставлена задача: всеми имеющимися силами прикрыть основные подступы к Махачкале и Баку на рубеже реки Сулак с целью недопущения прорыва противника к Дербентским воротам и в Закавказье. Главная роль при решении этой задачи отводилась 44-й армии. Полоса ее имела следующие границы: справа – Каспийское море; слева – Гудермес, вершина Доносмта (на границе Чечни и Грузии) и далее по границе Дагестанской АССР с Грузией. Передний край главной полосы проходил по реке Сулак и Андийскому хребту. Передний край предполья назначался на удалении 35-40 километров к северу от реки Сулак по реке Новый Терек до Гудермеса и далее до Ца-Ведено. Во второй половине июля Сулакские оборонительные позиции уже были заняты войсками[182].

По замыслу командующего фронтом И. В. Тюленева план защиты Кавказа на этом участке сводился к следующему: 44-я армии должна была создать глубоко эшелонированную оборону на подступах к Грозному и Баку с севера и северо-запада и во взаимодействии с Каспийской военной флотилией не допустить форсирования противником Терека[183].

В журнале боевых действий Закавказского фронта приводятся Указания Ставки по обороне Закавказья от 27 июля 1942 года. В них есть такие слова: «Поскольку это направление является основным, здесь должно быть и твердое руководство, т.е. ставится вопрос о командующем 44-й армией»[184].

Решением Ставки командующим 44-й армией назначался генерал-майор Иван Ефимович Петров. Это был опытный военачальник, прошедший Первую мировую и Гражданскую войны, в начале Великой Отечественной – командовал дивизией, обороняя Одессу, с октября 1941 – командующий Приморской армией, один из организаторов обороны Севастополя. Генерал Петров считался мастером оборонительных боев, поэтому именно ему поручалось организовать оборону Грозного и Баку[185]. 2 августа генерал-майор Петров вступил в должность командующего армией.

В середине августа Ставка Верховного Главнокомандования провела перегруппировку войск Закавказского фронта, в результате которой соединения 44-й армии, занимавшие оборону по реке Сулак, оказались во втором эшелоне, а рубеж по рекам Терек и Урух заняли более подготовленные соединения из других районов.

После перегруппировки в первом эшелоне на первом рубеже, проходившем вдоль южной границы Орджоникидзевского края, находились: 10-я и 9-я стрелковые бригады, 389-я стрелковая дивизия, усиленная полком УСВ и минометным полком, один полк 414-й СД. Во втором эшелоне первого рубежа находились 151-я СД, 52-я ТБр и один гвардейский минометный полк. На втором рубеже по реке Сулак оборону занимали 416-я СД и основные силы 414-й стрелковой дивизии. На тыловом рубеже в районе Дербентских ворот находились два полка с артиллерией от 223-й СД. Еще один полк этой дивизии располагался на рубеже реки Самур[188].

Сосредоточение крупных сил для обороны рубежа по рекам Терек и Урух на фронте протяженностью около 420 километров и значительное удаление штаба фронта от этого рубежа потребовали создания самостоятельного органа управления: 8 августа Ставка ВГК приказала создать Северную группу войск Закавказского фронта. Кроме 44-й армии в состав группы первоначально вошли 9-я армия и 11-й гвардейский стрелковый корпус[187].

Заняв свои рубежи, соединения и части 44-й армии приступили к оборонительным работам. По словам Героя Советского Союза, участника Великой Отечественной войны известного писателя В. В. Карпова, «оборонительные работы 44-й армии пришлось вести в крайне тяжелых условиях. В ее распоряжении не было специальных инженерных и саперных частей. Понятно, что своими силами, без соответствующей техники трудно было своевременно построить прочную оборону»[188]. Это при том, что еще до прибытия Петрова в 44-ю армию войска уже занимались строительством траншей и полевых укреплений, а местные жители – созданием оборонительных заграждений.

По опыту обороны Одессы и Севастополя генерал Петров знал, что не только оборонительными укреплениями придется сдерживать врага, первостепенное значение имел моральный фактор. «За короткое время Петров успел побывать во всех частях, ознакомиться с их состоянием, поговорить со строевыми командирами и политработниками. Он широко повел разъяснения, выдвигая на данный момент три основных задачи: за короткое время, прежде всего, укрепить моральное состояние войск, обучить их и строить оборону. И эта трудная и напряженная работа была развернута»[189].

Василий Сергеевич
ГОЛОВСКОЙ
(1895-1975)

До 29 августа соединения и части 44-й армии, не имея соприкосновения с противником, продолжали укреплять свои оборонительные рубежи и вели разведку противника на северном берегу реки Терек. С выходом 1-й танковой армии Клейста на рубеж рек Терек и Урух 44-я армия передовыми отрядами вступила в боевые действия на южной границе Орджоникидзевского края с противником, который пытался форсировать Терек[190].

В силу стратегической обстановки и условий местности между Сталинградской и Кавказской группировками советских и немецких войск образовался разрыв более чем в 200 километров. Левый фланг Сталинградской группировки, находившийся в районе поселка Хулхута в Яшкульском районе Калмыцкой АССР, отстоял от рубежа обороны 44-й армии не менее чем на 250 километров. Значительная часть этого расстояния приходилась на восточные районы Ставрополья. Линии фронта в этом районе как таковой не было, немецкие гарнизоны в селах и хуторах создавали опорные пункты. Нависла угроза выхода противника к Каспию, где стратегически значимой целью для него была железная дорога Кизляр–Астрахань, связывающая Сталинградский и Закавказский фронты, она являлась связующим звеном Закавказья с центральными районами страны. Поэтому обеспечение ее бесперебойной работы имело важное стратегическое значение.

Эта ветка стала возводиться вскоре после начала войны. 16 августа 1941 года СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О военно-хозяйственном плане на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии», в котором Наркомату путей сообщения было поручено приступить в IVквартале 1941 года к строительству железной дороги Кизляр – Астрахань. Открыть рабочее движение по ней предусматривалось 1 августа 1942 года[191].

Строительство железной дороги протяженностью 335 километров началось в октябре 1941 года. Железнодорожное сообщение имело главную цель: обеспечить вывоз бакинской нефти по кратчайшему пути в тыл страны. Строительство в основном было завершено 4 августа 1942 года, текущие работы продолжались до конца декабря. Однако магистраль заработала уже сразу: с августа по октябрь 1942 года по ней было перевезено около 1 млн. тонн горючего, большое количество составов с военными грузами[192].

16 августа 1942 года Ставка ВГК возложила на командующего Закавказским фронтом ответственность за оборону железной дороги Кизляр–Астрахань и дала следующие указания: «Использовать для обороны ж.д. Кизляр–Астрахань выделенные в распоряжение Командующего Зак. фронтом три дивизиона БЕПО, усилив их пехотными десантами, 11-м подвижным отрядом, действующим вдоль линии ж.д.»[193].

Выполняя указания Ставки, командующий ЗКФ возложил ответственность за оборону железной дороги Кизляр–Астрахань на командующего Северной группой войск и отдал следующие распоряжения:

«Для обороны ж.д. использовать имеющиеся в Вашем распоряжении дивизионы БЕПО и возвращающийся из Тбилиси ОТБП (отдельный тяжелый бронепоезд – *Авт.*) «Комсомолец Дагестана».

Бронепоезда усилить пехотными десантами, кроме того, выделить подвижные отряды, задачей которых поставить: действуя вдоль ж.д., оборонять ее на подступах на наиболее вероятных направлениях подхода противника, особенно:

а) со стороны Элиста

б) со стороны Буденновск.

Подвижные отряды обеспечить автотранспортом за счет мобилизации его в прилегающих к дороге районах Калмыцкой АССР. В первую очередь мобилизовать автотранспорт, эвакуированный из районов временно оккупированных врагом. <…>

Распоряжением командующего СГВ к обороне ж.д. привлечь все части Красной армии, которые окажутся в районе ж.д., а также истребительные отряды из местного населения вблизи лежащих районов»[194].

В августе 1942 года боевые действия с немецкими войсками, пытавшимися проникнуть на побережье Каспия, вели отряды Северной группы партизан Орджоникидзевского края. В частности, 17 августа отряды «Петр», «Сергей», «Максим» и «Гаврила» (Ипатовского, Апанасенковского, Благодарненского и Петровского районов края) вели бои с наступавшими немецкими войсками в селах Владимировское и Левокумское Левокумского района. С 3 по 18 августа отряд «Владимир» Воронцово-Александровского района вместе с Ростовским артиллерийским училищем вел разведку и оборону села Воронцово-Александровское (ныне г. Зеленокумск)[195].

К 20 августа 1942 года для охраны и обороны железной дороги в районе Кизляра была создана группа войск под командованием заместителя командующего 44-й армией генерал-майора А.Г. Селиванова. В ее со-

став назначались: один (4-й) батальон 10-й стрелковой бригады, 17-й, 18-й, 20-й и 66-й бронепоезда, 30-я Краснознаменная и 110-я Калмыцкая кавалерийские дивизии из состава Северо-Кавказского фронта.

30-я КД под командованием В.С. Головского представляла собой остатки частей дивизии в количестве 200-300 сабель, в виде разрозненных групп, собравшихся в районе Моздока.

В составе 110-й КД, которой командовал полковник В.А. Хомутников, насчитывалось до 400 человек. Для дивизии предусматривалось пополнение в количестве 1000 человек из состава резервов Северо-Кавказского военного округа. Боевым распоряжением № 062 штаба Закавказского фронта от 20 августа 1942 года обе дивизии были переданы в подчинение командующего 44-й армией генерал-майора И.Е. Петрова[196].

Василий Алексеевич
ХОМУТНИКОВ
(1891-1945)

Меры, принятые советским командованием по охране железной дороги Кизляр – Астрахань, которая находилась в разрыве фронтов, были весьма своевременными. 12 августа авангард 111-й пехотной дивизии 52-го армейского корпуса, наступавшей от Сальска на восток, занял Элисту. Другие части корпуса вели «зачистку» вдоль берегов Маныча. Для дальнейшего продвижения корпуса из калмыцких степей на юг Клейст добился замены корпуса на этом направлении 16-й моторизованной дивизией из группировки, наступавшей на Туапсе. Гитлеровское командование решилось на это только 15 августа. Потребовалось еще десять дней для прибытия ее передовых частей в Элисту. В ожидании замены соединения 52-го корпуса 18 августа заняли Буденновск. Прибывшая в Элисту 16-я моторизованная дивизия была переподчинена группе армий «Б», осаждавшей Сталинград. После этого 52-й корпус смог продолжить наступление на Терек, прибыв к Моздоку 2 сентября[197].

Назначенные в состав группы генерала Селиванова силы хоть и были истощены, но опыт и воля командиров, возглавлявших обе кавалерийские дивизии, внушали бойцам уважение и уверенность в победе над врагом.

Полковник Головской Василий Сергеевич (с апреля 1943 года генерал-майор) – кадровый офицер, участник Первой мировой и Гражданской войн, уже в сентябре 1941 года, воюя командиром кавалерийского полка на Западном фронте, был представлен к ордену Красного Знамени за личную храбрость, мужество, умелое руководство полком и образцовое выполнение приказа командования. Будучи ранен, он 10 дней

Бойцы 311-го кавалерийского полка
110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии

скитался по лесу в окружении немцев, самостоятельно вышел из него и присоединился к дивизии[198]. В ноябре 1941 полковник В.С. Головской был назначен командиром 79-й кавдивизии, а в апреле 1942 – командиром 30-й Краснознаменной кавалерийской дивизии. В представлении к одной из наград полковника Головского говорилось: «30-я кавдивизия выполняла целый ряд ответственных задач, будучи очень слабо вооружена в артиллерийском отношении, но благодаря умелому и твердому руководству со стороны полковника тов. Головского дивизия выдерживала крупные атаки противника…»[199].

Полковник Хомутников Василий Алексеевич – по национальности калмык, воевал в Первую мировую и Гражданскую войну, участник штурма Зимнего дворца. Военный разведчик, руководитель первой секретной экспедиции в Тибет. Свой первый орден Красного Знамени получил в 1925 году. С 1933 года после демобилизации находился на партийной работе в Калмыкии. В начале Великой Отечественной войны был вновь призван в армию и назначен командиром 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии[200]. Как видно, опыта и командных качеств обоим комдивам было не занимать.

Части 44-й армии в это время непосредственного соприкосновения с противником не имели, и бои носили несистематический характер. Батальон 10-й гв. СБр, высланный для охраны Кизляр-Астраханской железной дороги, поротно занял оборону в районах Черный Рынок (ныне село Кочубей, Дагестан), станция Улан-Хол, Кизляр и был готов встретить противника непосредственно вблизи от этих станций. Следует отметить, что этот заслон был поставлен своевременно – 22 августа немецкие войска предприняли попытку прорваться в районе села Черный Рынок. Для ликвидации прорвавшейся группировки противника был выслан бронепоезд с десантной группой[201].

Кавалеристы в этом бою участия не принимали: лишь к исходу дня 22 августа 110-я КД сосредоточилась в Кизляре. 23 августа прерванное движение на железной дороге было восстановлено. 25 августа сводный разведывательный отряд 44-й А, действовавший в направлении

Бойцы 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии – жители села Яшалта – во время обучения на сборах (слева направо): М.И. Матвиенко, Г. Кременной, И. Шульга, В. Демьяновский (возможно В.Ф. Демьяненко) и М.Н. Иваненко (владелец фото). Ставропольский край, с. Михайловское. 8.09.1941 г.

Ортатюбе в первой половине дня вел бой в окружении, а отдельный кавалерийский эскадрон сражался с группой пехоты в районе Терекли-Мектеб[202].

Авиационную разведку в районе железной дороги Кизляр – Астрахань вели экипажи самолетов 4-й воздушной армии. 26 августа было установлено выдвижение отдельных колонн из района Терекли-Мектеб (Кизлярский округ) в направлении города Кизляр. 29 августа авиация доложила об усиленном движении колонн, двигающихся в восточном направлении. По агентурным данным, разведгруппа противника, действовавшая в районе Терекли-Мектеб, изучала маршруты выдвижения в направлении Кизляр, Червленная.

28 августа 30-я КД из-под Моздока совершила марш в район Кизляра, откуда на доукомплектование в Улан-Хол накануне убыла 110-я КД. О том, что реально представляла собой в это время 110-я дивизия, видно из донесения от 4 сентября ее командира в штаб Северной группы войск: «Противник мелкими группами вел разведку в направлении Янкуль, Яндык, Зензели <…> Противник силою 19 танкеток, 3 танка, 5 автомашин из р-на Адык движется в направлении Улан-Хол. Прошу выслать бронепоезд и бомбардировочную авиацию»[203].

Накануне 30 августа на Кизлярском направлении у южной части ветки железной дороги отдельные группы противника, ведя бой с подразделениями прикрытия 9-й и 10-й СБр, заняли населенные пункты Херсонский, Асланбек, Терекли-Мектеб. Однако организованной контратакой стрелковых подразделений совместно со ставропольскими партизанами противник был отброшен в западном направлении[204].

Не слишком активные действия противника на востоке края компенсировались его натиском на южных рубежах: в горах Карачая и на подступах к Моздоку. Бои за этот город развернулись с 18 по 25 августа.

Моздок – город, расположенный на левом берегу реки Терек, второй по величине в республике Северная Осетия – Алания, с 1937 по 1944 год находился в составе Ставропольского края у административной границы с Северо-Осетинской АССР. На 1939 год в нем проживало более 19 тыс. человек.

После того как немецкие войска захватили Кавказские Минеральные воды 40-й танковый корпус Вермахта начал наступление вдоль горного хребта. Потерпев неудачу под Нальчиком, немецкое командование выбрало для нового удара район Моздока. Именно сюда устремились 13-я ТД генерал-майора Герра и 3-я ТД генерал-майора Брайта. Одновременно из района Элисты к Моздоку двигалась 111-я пехотная дивизия генерал-майора Рюкнагеля и 370 пехотная дивизия генерал-майора Клеппа, входившие в состав 52-го армейского корпуса[205].

Всего на Моздокском направлении противник сосредоточил до 160 танков 13-й и 3-й танковых дивизий и 5-го отдельного танкового батальона дивизии СС «Викинг», 23-й танковой дивизии без 128-го мотопехотного полка и две пехотные дивизии 52-го армейского корпуса[206].

С воздуха действия корпуса прикрывала 3-я группа 52-й истребительной эскадры, которой командовал майор Гордон Голлоб. В его дневнике есть такая запись: «21 августа 1942 года: Минеральные Воды. 3-я танковая дивизия идет сегодня через Аполлонскую и Советскую на восток, чтобы ударом с севера на Моздок захватить плацдарм за Тереком». 22 августа наступающие соединения 40-го танкового корпуса находились в районе Эдиссия, в 40 километрах севернее Моздока[207].

Взятие города обеспечивало немцам выход на перевал Терского хребта и дальнейшее продвижение на Грозный и Орджоникидзе. Далее открывался путь к Махачкале и Баку. Поэтому город Моздок в обороне советских войск в Предгорьях Кавказа имел ключевое значение.

К обороне Моздока готовились части 11-го гвардейского стрелкового корпуса (командир – генерал-майор К.А. Коротеев, с 1.09.1942 г. – генерал-майор И.П. Рослый). Распоряжением штаба 9-й армии 9 августа корпусу были подчинены 24-й мотоотряд майора Корнеева (быв. 24-й армии) в составе четырех мотострелковых рот и 1-е Ростовское артиллерийское училище (4 батареи, всего 16 орудий), которые занимали рубеж обороны Буденновск, Архангельское, Воронцово-Александровское. Вместе они составили передовой отряд корпуса.

Следует заметить, что 11-й гв. СК начал формироваться 3 августа

1942 года в районе Орджоникидзе на основании директивы Ставки ВГК № 994139 от 31 июля 1942 года и директивы заместителя НКО СССР № орг/2/2421.

В его состав были включены три стрелковые бригады.

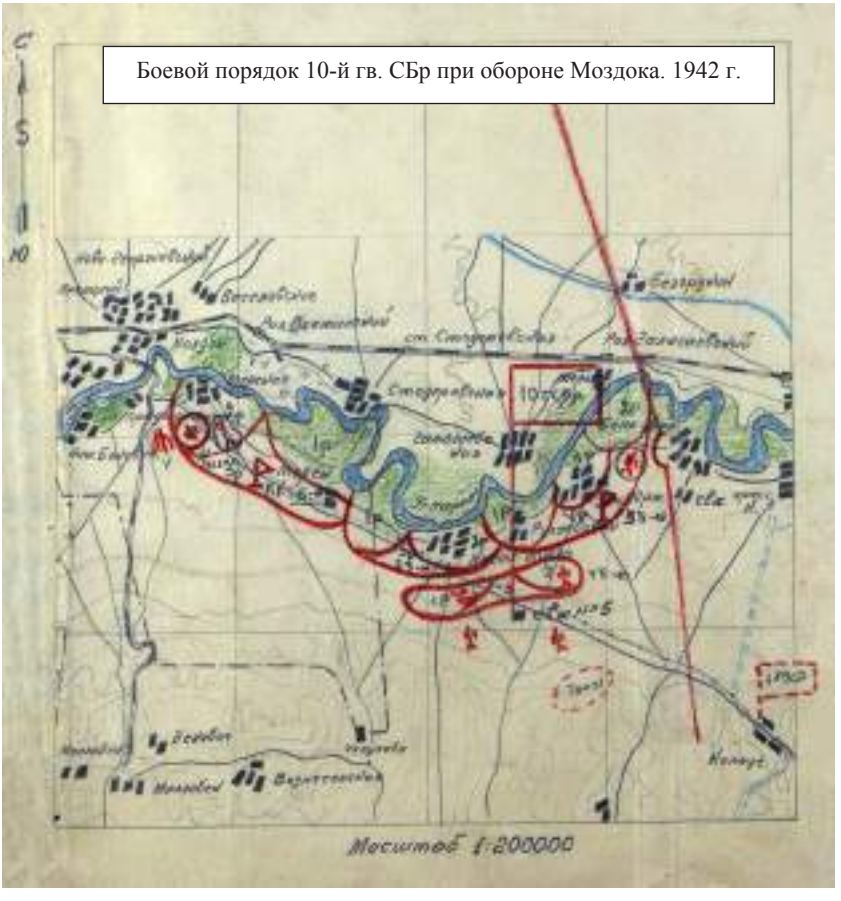
Константин Аполлонович КОРОТЕЕВ (1901–1953)

8-я отдельная гвардейская стрелковая бригада, сформированная в октябре 1941 года в городе Грозном как 4-я маневренная воздушно-десантная бригада (МВДБр). Командир – гвардии подполковник Павел Иванович Красовский. В течение 9 месяцев личный состав занимался боевой подготовкой. За это время личный состав трижды прошел (повторил) обучение по трехмесячной программе ускоренной подготовки Воздушно-десантных войск Красной Армии. 28 июля 1942 года бригаде было торжественно вручено боевое знамя. К моменту выступления на фронт бригада насчитывала 3300 человек личного состава в четырех парашютных батальонах, миндивизионе, развед-самокатной, зенитно-пулеметной, саперно-подрывной ротах и роте связи, обильно оснащенных автоматическим, противотанковым и минометным вооружением. На основании приказа командующего СКВО № 00394 от 4.08.1942 г. 4-я МВДБр была переименована в 8-ю отдельную стрелковую бригаду с присвоением ей звания гвардейской и введена в состав 11-го гв. СК 9-й армии Северной группы войск Закавказского фронта[208].

9-я отдельная гвардейская стрелковая бригада начала свое формирование 13 октября 1941 года в Сталинграде как 5-я маневренная воздушно-десантная бригада. 29 июля 1942 года приказом наркома обороны 5-я МВДБр была переформирована в 9-ю гвардейскую стрелковую бригаду и вошла в состав 11-го гв. СК. К моменту вступления в первый бой в бригаде насчитывалось 3689 бойцов и командиров. Командир бригады – подполковник Иван Афанасьевич Власов[209].

10-я гвардейская стрелковая бригада была сформирована в основном из состава 4-го запасного воздушно-десантного полка 6 августа 1942 года в г. Орджоникидзе. Не окончив полностью стадию формирования, бригада 6 августа заняла оборону верхний Наур, Бено-Юрт. Командиром бригады был назначен полковник Бушев Сергей Михайлович. К началу боев личный состав бригады имел законченную одиночную подготовку бойца[210], т.е. этапы боевого слаживания подразделений и бригады в целом пройдены не были.

Здесь под Моздоком бригады 11-го гв. СК получили боевое крещение.



Боевой порядок 10-й гв. СБр при обороне Моздока. 1942 г.

Но, не окончив формирования, 8 августа 11-й гв. СК получил задачу занять оборону по южному берегу Терека в районе Моздока. Войдя в состав 9 армии, корпус перекрывал направление главного удара противника.

6 августа 8-я гв. СБр заняла полосу обороны по рубежу: южный берег р. Терек в районе Стодеревской (12 км восточнее Моздока), Графский (на севере от Моздока), Сухотский (20 км западнее Моздока). Эта линия напоминала дугу, огибающую город с севера. Фронт оборонительной полосы достигал 36 км. Кроме того, он был увеличен на 10-12 км за счет создания тет-де-пона в г. Моздоке силой в один батальон. Оборона строилась по принципу создания взводных опорных пунктов и ротных узлов сопротивления. Эшелонирование обороны в глубину достигалось путем выделения резервов и расположения их в глубине

оборонительных районов батальонов. Один батальон (3-й), усиленный четырьмя 45-мм орудиями, оборонял тет-де-пон г. Моздока. Позднее с прибытием 10-й гв. СБр, занявшей оборону правее, а затем 9-й гв. СБр, занявшей оборону левее, фронт оборонительной полосы 8 бригады сократился до 25 км.

В системе обороны 11-го гв. СК и всей 9-й армии 8-я гв. СБр находилась на важнейшем направлении, обороняя Моздок, и прикрывая доступ противнику через р. Терек, с крупным железобетонным мостом, а также единственную здесь шоссейную дорогу, ведущую от Моздока через Терский хребет (с малгобекской нефтью) и Ачалукские ворота к городу Орджоникидзе[211].

Оборудование позиций соединениями и частями 11-го гв. СК продолжалось около 10 дней. В ходе оборонительных работ выявлялись и устранялись недочеты в организации системы огня, строительстве оборонительных сооружений, в тактической подготовке командиров взводов и рот[212].

Тем временем, немецкие войска продвигались по направлению к Моздоку. Вечером 17 августа 1942 года голова колонны 13-й ТД находилась у станицы Саблинской (Александровский район), на одной линии с охранением левого фланга 40-го танкового корпуса[213].

Между селами Арзгир и Левокумское в районе хутора Новогражданский 17 августа 1942 года в неравный бой с врагом вступил Гофицкий партизанский отряд под командованием Николая Фомича Гноевого. Вот как вспоминал те события единственный выживший в том бою боец этого отряда директор МТС И.Л. Лежебоков:

«В 8 час. утра 18[214] августа мы прибыли на смену ипатовцам. Сменили их и заняли посты. Мы должны были встретить вражеские машины: 2 мотоцикла и 1 автомашину, но примерно в 11 час. дня встретили другое. К нашей заставе из с. Арзгир подходило около 45 автомашин и до 15 мотоциклов.

Нас всего было 22 человека. Поравнявшись с нами, фашисты начали бить из орудий и пулеметов. Вылезло из машин примерно 250-300 фашистов. Мы начали отстреливаться и бить по ним. Я видел, что из наших товарищей ни один никуда не ушел. Все дрались до последней капли крови, а также я видел, что немецкие солдаты сносили с поля боя убитых и раненых своих бандитов.

Бой длился 35-40 мин., и в неравном бою с фашистами наш отряд погиб целиком. Я как боец этого отряда был уже ранен 4 раза и убил немецкого офицера, а потом еще был ранен два раза и случайно остался жив, получив в этом бою 6 ран. В этом бою погибло всего 19 чел., список которых прилагаю. В живых осталось три человека: я, И.Л. Лежебоков, и бывшие в это время в разведке, которые в бою не были, Нежданов и Батальский»[215].

На этот подвиг Гофицкого партизанского отряда газета «Ставропольская правда» откликнулась статьей «Смертный бой».

«В зное изнывает степь. Хрустят под ногами сожженные солн-

цем травы. Едкая горячая пыль оседает на лицах бойцов, разливается струйками пота.

Чуть приметен на степи маленький лесок, – чахлые кривые деревца утратили листву раньше времени. Под корнями растрескалась почва. Нет тени, и накаленный воздух неподвижен. Бойцы лежат на земле, неласковой, суровой, на родной земле, которую они оросили своим потом, теперь готовые оросить кровью своей. Но они прольют и кровь врага, немцам не будет сладко в этой степи.

Враг близок. Он пойдет по этой дороге, чтобы захватить стада мериносов, бычьи гурта, колонны тракторов – миллионное богатство колхозов. Не пускать врага, задержать, бить, выиграть время для увода машин и скота.

Пыль клубится вдали. Это враг. Ровно в полдень со стороны Арзгира должна здесь пройти на Левокумку вражеская разведка на грузовике и двух мотоциклах, – в отряде знают об этом и ждут.

Вышли из-за горы машины, не одна, а целая колонна в сорок пять машин, и при них не два мотоцикла, а около 15.

Оборону держит отряд Гофицкого района численностью двадцать четыре человека, да впереди у самой дороги в ста метрах от леса пост: еще десять человек, всего тридцать бойцов. Мало, очень мало бойцов в партизанском отряде. Но им приказано задержать врага, пока за Левокумкой отодвинутся в степь тракторы и стада. Значит, надо биться.

Немецкие машины остановились, две пушки ударили по лесу. Партизаны ответили ружейным огнем. Из машин высыпали враги – до трехсот человек – целая лавина пехоты двинулась к лесу с автоматами, пулеметами.

Партизаны вступили в смертный бой. На выбор они брали живые мишени и клали врагов мертвецами на пыльную землю. Немцы шли, не залегая. Их автоматы посылали целые ливни пуль.

В партизанском отряде не слышно команды. Командир Гноевой, комиссар Анисимов молча били, выбирая мишени, молча дрался отряд. Немецкие санитары уносили к машинам мертвых и раненых.

У дороги вблизи чуть приметной землянки дрался пост – шестеро партизан. Не сговариваясь с отрядом, они били врага. На посту бились насмерть Иван Лежебоков, Петр Ширин, Федор Кудинов, Яков Дорохин и два комсомольца – туркмена, недавно примкнувшие к отряду.

Враг шел во весь рост, партизаны били и отползали. Затихла винтовка Кирина. Ранен в плечо Кудинов – начальник поста, ранен в левую руку Лежебоков. Кровь смешивается с потом и пылью. Партизаны бьют отползая.

Замолк Кудинов, уткнувшись в пыль простреленной головой. Снова ранен Лежебоков, обе руки его залиты кровью. Но руки еще могут держать винтовку, он отползает и бьет. Новая пуля застряла в груди, еще одна ранила в голову. Лицо залито кровью, но сознание не потеряно. Окровавленной рукой он протирает залитые кровью глаза. Стоять на-

смерть. Там за Левокумкой может быть слышат, успеют уйти, увести машины.

Сотни хриплых немецких глоток орет: «Рус, сдавайсь». Разъяренные немцы кричат и падают, сражаемые партизанскими пулями. Враги окружают лесок широким кольцом и начинают затягивать смертельную петлю. У партизан нет выхода. Но никто и не ждет его.

Уже свыше получаса длится бой. Пал командир Гноевой, убит комиссар Анисимов. Убито и тяжело ранено более половины бойцов. Нет глотка воды, чтобы облегчить страдания умирающих. Нет минуты, чтобы перевязать, заткнуть рану истекающего кровью товарища. Враг подходит вплотную.

В ответ летят гранаты, из раскаленных винтовок сыплются пули. Никто не сдается. Ни один из бойцов не поколебался, хотя и знали, что умрут минутой раньше, минутой позже, но умрут все. Уже немногие остались в живых. Среди них были юноши и люди, чьи сыновья водили полки. Они продолжали биться с одинаковым упорством.

Свинцовым дождем скошен лесок, местами лишь стоят одинокие тощие стволы с отбитыми расщепленными ветвями. И выстрелы партизан становятся редкими, одинокими. И наконец, умолкают. Партизанский отряд Гофицкого района перестал существовать. В страхе перед мертвыми стоят враги. Победа не радует их. Они молчат тоскливо переглядываясь.

От дороги по кровавому следу идет офицер. Кровь свежа. Где-то укрылся раненый. В полутораста метрах от дороги офицер находит его.

– Эй, один рус, последний рус, сдавайся.

Раненый шесть раз, но еще живой, последний боец отряда Иван Лежебоков, собрав остаток сил, делает свой последний выстрел в офицерскую грудь, обвешанную аксельбантами. Скрипя зубами, офицер падает. К трупу его бежит автоматчик. Затем он подходит к партизану, делает выстрел в упор. Для окончательной проверки толкает тело ногой, поворачивает и уходит к машинам.

Так, 17 августа 1942 года в час дня, под хутором Новогражданским, между Арзгиром и Левокумкой, закончился страшный неравный бой между героическим партизанским отрядом Гофицкого района и колонной немецкой мотопехоты.

Убирая трупы, хуторяне нашли среди них изрешеченное, но живое, теплое, дышащее тело бойца Ивана Лукьяновича Лежебокова, – ныне здравствующего директора Высоцкой МТС, Гофицкого района.

Отрастет или не отрастет лес, опаленный боем, – к братской могиле будут приходить люди, чтобы склонить голову над прахом героев. Их именами назовут школы, улицы, колхозы. И эти имена останутся в поколениях, как гордое знамя, знамя великого мужества и беззаветной любви к Родине»[216].

Николай Фомич Гноевой родился в 1912 году в селе Нагуты Курсавского района, Ставропольского края. Свою трудовую деятельность начал в 1922 г., работал пастухом. В 1928 году поступил учиться в Минераль-

ные Воды в Фабрично-заводское училище, в 1932 году был призван в ряды Красной Армии, где прослужил 2 года. В 1934 году был зачислен и работал участковым инспектором. В 1939 году избран секретарем райкома ВЛКСМ, в 1940 году переведен на должность заместителя директора по политической части Высоцкой МТС[217].

В 1965 году он и комиссар отряда И.Г. Анисимов были посмертно награждены орденом Отечественной войны I степени, ордена Красной Звезды был удостоен И.Л. Лежебоков, медалью «За отвагу» посмертно награжден П.М. Кирин[218].

Данный пример – яркая иллюстрация для ответа на вопросы скептиков об эффективности партизанских отрядов на Ставрополье и паническом отступлении Красной Армии по территории края в августе 1942 года.

18 августа передовые отряды советских войск, оборонявшиеся в районе Левокумское, Буденновск и Воронцово-Александровское (ныне Зеленокумск), вступили в бой с частями 52-го армейского корпуса противника[219].

Запись в журнале боевых действий 11-го гвардейского стрелкового корпуса гласит: «С 18.08.42 г. противник повел наступление на Буденновск, Воронцово-Александровское. Передовой отряд после ожесточенного боя отошел на рубеж Полтавский, Привольный, Молоканский. За 18.08.42 г. Ростовское артиллерийское училище уничтожило 12 танков, две бронемашины, 15 автомашин и до 300 солдат и офицеров противника. К 21.08.42 г. РАУ и 24 мотоотряд заняли рубеж: Медведев, Русский-1, Русский-2, Губжоков и 7 рота 8 гв. СБр – Дементьевский».[220]

21 августа разведгруппы противника, действовавшего на направлении Буденновск, Грозный, где оборонялись части 9-й армии, вышли на рубеж Махмут-Мектеб (Нефтекумский р-н), Березкин (юг Курского р-на).

22 августа Северная группа войск ЗКФ передовыми отрядами вела бой с противником силой до двух пехотных дивизий на рубеже Авалов (ныне микрорайон села Серноводское), Графский, Русский-1, Русский-2 (все селения на юге Курского района). Противник силой до двух пехотных дивизий (предположительно 430-й и 111-й ПД) теснил отряды майора Корнеева и Ростовского артиллерийского училища в направлении Моздока. Отряд противника в составе свыше 30 танков с десантами автоматчиков прорвал фронт обороны передовых отрядов на рубеже Графский, Русский-1 и к 23.00 вышел на северную окраину Моздока[221].

Маршал А.А. Гречко в книге «Битва за Кавказ» отметил, что передовые отряды Северной группы войск были малочисленны, их действия носили в основном разведывательный характер. Такими силами было невозможно сдержать наступление танков врага. Поэтому эти отряды с тяжелыми боями отошли к Моздоку и присоединились к своим главным силам[222].

По мере продвижения к Моздоку сопротивление советских войск возрастало. Поэтому немецкое командование провело усиление своей группировки в этом районе. С Нальчикского и Прохладненского направлений, где противник потерпел неудачу, немецкое командование сняло часть сил (23-ю ТД) и бросило их в район севернее Моздока, где к этому времени 370-я ПД и 111-я ПД, усиленные танками теснили передовые отряды 11-го гв. СК (отряд майора Корнеева и РАУ) с рубежа реки Кума в направлении на Моздок. К 23 августа 23-я ТД противника вышла в район Авалов, Русский и оттуда совместно с частями 370-й и 111-й ПД повела наступление на Моздок.

Утром 23 августа противник нанес удар по советским войскам, оборонявшим город. Наступление на этом участке он организовал тремя колоннами: правый отряд – 30 танков и батальон пехоты; средний отряд – 15 танков и до батальона пехоты; левый отряд – 40 танков и два батальона пехоты. К 14.00 отряды вышли на канал имени Ленина в районы Дементьевский, Русский, Графский[223].

Капитан С.Н. Бородавко (слева) с боевыми товарищами. Июль 1942 г.

Упорный бой завязался на рубеже высот перед хутором Русский-2, где враг сосредоточил до 40 танков и неустановленной численности автомашины с пехотой. Танки и пехота стали обходить левый фланг РАУ. Бой продолжался в течение двух с половиной часов. В центре обороны РАУ танки прорвали фронт, и вышли в тыл. Начальник училища комбриг Румянцев принял решение на отход. В результате боя на этом рубеже было подбито 10 немецких танков, одна бронемашина, один мотоцикл, уничтожено до 200 солдат и офицеров противника. Однако передовой отряд советских войск отошел на южный берег реки Терек, и немецкие танки проникли в город.

К полудню 23 августа силы 3 танковой дивизии противника, сбив передовой отряд корпуса с рубежа Русский-1, Русский-2, вышли к северной и северо-восточной окраине Моздока.

Противник сделал попытку овладеть Моздоком сходу, но получив сильный отпор его защитников, начал окружать его. С направления разъезда Осетинский наступало до 20 танков, которые были рассеяны огнем бронепоезда № 20 под командованием капитана С.Н. Бородавко. С разъезда Луковский и станции Луковская наступало до 22 танков, одновременно противник действовал небольшими группами танков и авто-

матчиков с направления Веселовская. Ценой больших потерь вражеским войскам удалось к исходу дня занять вокзал, станцию Луковскую и просочиться отдельными танками и автоматчиками в город Моздок.

В боях 23 августа особо отличились 7 рота 3 батальона и два бронепоезда № 19 и 20, которые в неравной борьбе с танками противника, лишенные возможности маневрировать, погибли, уничтожив до 18 танков. В течение ночи на 24 августа прорвавшиеся группы противника были выбиты из города[224].

Вот как описывает бой танков с бронепоездами, произошедший в Моздоке 23 августа 1942 года, немецкий источник.

«Осторожно продвигался 4-й батальон 6-го танкового полка дальше по Моздоку. Фельдфебель Тевоц на своем танке приблизился на 300 метров к первым домам. И в этот момент из города вышел бронепоезд. Не успел Тевоц указать цель, как наводчик направил уже ствол орудия на нее. Внезапно из поезда ударили вспышки пламени.

«Цель – бронепоезд! Огонь!» – прокричал фельдфебель. Пушка его танка типа IV посылала в бронепоезд снаряд за снарядом. Это был сигнал! Теперь уже и другие танки вступили в борьбу бронированных гигантов. Бронепоезд бил из своих орудий по танкам 1-го батальона, а те ему отвечали. Озабоченно вращались бронированные башни ползшей вперед бронированной змеи. Клубы пара и паровозного дыма скрыли яростное чудовище, когда снарядом танкового орудия был разбит тендер. Затем сразу последовало попадание в вагон с боеприпасами. Со страшным грохотом бронепоезд взорвался. Вместе с ним погиб и его отважный экипаж <…>

Западнее 2-й танковый батальон 6-го танкового полка боевой группы Вестхофена в 16.00 вышел к окраине города. Преодолев противотанковые заграждения, танки 2-го батальона вместе с искусно действующей пехотой вступили в бой. В это время со станции Новогеоргиевская пришел второй бронепоезд. Его встретили немецкие танки, а он вынудил их переключиться на себя с прежнего противника. Бой был такой же, как и с первым бронепоездом. Его так же решили пушки немецких танков. Когда были подбиты оба паровоза и танки уже добивали обездвиженный состав, вдруг появился третий бронепоезд. Снова стали бить танковые пушки. На них злобно огрызались 76-мм и 127-мм орудия, заставлявшие танковые экипажи 2-го танкового батальона майора Франка предельно сконцентрироваться. И снова военное счастье оказалось на стороне немцев. Взорвался вагон с боеприпасами, и в тот же момент поезд повторил судьбу своих предшественников. Танки Франка пошли вперед, довершили разрушительную работу и стали ждать следовавших за ними гренадеров. С наступлением темноты к ним присоединился 2-й батальон 394-го мотопехотного полка, занявший оборону южнее железнодорожной линии»[225].

Однако экипажи бронепоездов нанесли значительный ущерб наступающему противнику. В приказе по войскам Северной группы войск от 18 сентября 1942 года отмечалось, что командир бронепоезда капитан

Степан Николаевич Бородавко и его комиссар – политрук Георгий Романович Абрамов, павшие смертью храбрых, проявили образец выполнения военного долга, личной храбрости и отваги. За свой подвиг оба они посмертно были удостоены орденов Ленина. Всему личному составу бронепоездов была объявлена благодарность.

23 августа погиб в бою за Моздок военком роты ПТР 3-го гв. стрелкового батальона 8-й гв. СБр политрук Аршак Шамирович Амбарцумян. В критический момент боя, когда погиб расчет противотанкового ружья младшего сержанта Луценко комиссар лег за ружье и в результате меткой стрельбы уничтожил один немецкий танк. В одиночку он продолжал вести огонь по противнику до тех пор, пока не пал смертью храбрых. Посмертно политрук был награжден орденом Красного Знамени[226].

Потеряв до 10 танков, несколько автомашин с пехотой, 3 бронемашины, 4 мотоцикла, до роты мотопехоты убитыми и ранеными, противник был вынужден отойти и приступить к подготовке более планомерного наступления против небольшого гарнизона, оборонявшего Моздок.

В этот день 3-й батальон, оборонявший тет-де-пон, потерял убитыми 8, ранеными 15 человек, одну 45-мм пушку, 3 противотанковых ружья и один станковый пулемет.

С утра 24 августа противник бросил на Моздок до 65 танков и полк мотопехоты. Весь день и в ночь на 25 августа шел ожесточенный бой. Всю тяжесть удара противника принял на себя гарнизон города в составе 3-го стрелкового батальона 8 гв. СБр, усиленного батареей противотанковых пушек и пулеметным взводом.

На северную группу батальона было направлено до 15 танков и около батальона автоматчиков противника. В результате первой схватки противнику ворваться в город не удалось. Встретив упорное сопротивление с фронта, он решил захватить переправу с флангов. Для этого выбросил автоматчиков и 16 танков, которые обошли северо-восточнее ее и вышли к мосту.

По мосту и его охране противник открыл огонь, которым была повреждена система зажигания для взрыва моста. Командир саперной роты попытался восстановить нарушенную систему, но взрыв произошел от детонации, которую вызвал очередной взорвавшийся снаряд, и мост рухнул.

Натыкаясь на ожесточенное сопротивление, противник на ряде мест неоднократно повторил атаки. Так, например, окружив 9 роту, он не смог ее уничтожить до конца боя. 11 роту он атаковал 6 раз и только путем обхода в ряде мест потеснил ее.

Ценой больших потерь противнику удалось вклиниться в систему обороны и просочиться в город. Бои шли до поздней ночи. Пользуясь превосходством в живой силе и многократным перевесом в технике, ему удалось подавить еще две 45-мм пушки, несколько ПТР и пулеметов. К ночи, неся большие потери, противник блокировал ряд опорных пунктов и начал их по одиночке уничтожать.

В силу сложившейся обстановки командир 11-го гв. СК 25 августа в 3.30 отдал приказ оставить Моздок. До командира батальона он дошел через час, когда стало светать. Довести приказ до всего состава батальона не удалось, так как связи с блокированными точками не было. К назначенному времени форсирования реки Терек на берегу собралось около 400 человек. По разработанному плану отход продолжался под прикрытием 7-й роты. В 8.30 противник заметил переправу и огнем артиллерии и минометов разрушил переправочные средства. Переправа продолжалась вплавь. Во время переправы несколько человек утонуло, ряд плотиков был разбит, а оружие, находящееся на них, затонуло. Прорвавшиеся к берегу танки противника рассеяли по южной окраине Моздока не успевших переправиться бойцов. Часть из них переправилась на южный берег Терека с наступлением темноты. Судьба остальных осталась неизвестной. Для поддержания переправы с южного берега р. Терек была подтянута 3-я рота и взвод станковых пулеметов. К этому времени стала отходить 1 рота 1 батальона, которая на своем пути встретила автоматчиков и танки противника, через них прорваться к переправе не смогла и двинулась в район взорванного моста. Воспользовавшись остатками повисших труб, сумела переправить 25 человек, остальные в бою с танками и пехотой противника погибли, а частично рассеяны.

Потери со стороны 8-й бригады составили: уничтожено огнем артиллерии и раздавлено танками РПД – 10, 45-мм пушек – 3, ППШ – 22, минометов 50-мм – 3, минометов 82-мм – 14, СВТ – 10, утонуло: минометов 50-мм – 4, РПД – 8, ПТР – 3, СВТ – 214, ППШ – 30, станковых пулеметов – 1.

Потери в личном составе: убито – 46 человек, ранено – 84, пропало без вести – 244 (из них большинство погибло).

Личный состав 3 батальона, несмотря на превосходство сил и техники противника, мужественно отражал атаки его пехоты и танков. Многие бойцы и командиры проявляли подлинное мужество и отвагу. Три танка подбило орудие комсомольца Михайличенко, один танк – орудие комсомольца К.С. Иванова. Гвардии сержант Луценко, подпустив танки противника на близкое расстояние, двумя выстрелами из ружья ПТР подбил 2 танка, а сам погиб смертью героя. Гвардии красноармеец Деревяк, несмотря на сильный огонь противника, проник в расположение врага, поджег заложенные саперами фугасы и, отбиваясь автоматным огнем, убил четырех фашистов. Получив четыре ранения, превозмогая боль, переплыл через р. Терек. Сержант Ширяев, переодевшись в форму убитого немца, съездил на мотоцикле в расположение немцев, провел там тщательную разведку и привез командованию бригады ценные сведения. Гвардии красноармеец Кудинов – боец 1-й роты 1-го батальона – после выбытия из строя командира взвода взял на себя командование и, несмотря на окружение автоматчиками противника, не растерялся, поднял взвод в атаку, с боем вывел его из окружения, при этом лично сам уничтожил 9 фашистов, вынес с поля боя всю материальную часть и раненых. Гвардии красноармеец Рыковский – боец 8-й роты 3-го батальона, под-

пустив вражеский танк на 20-25 м, поразил его противотанковой гранатой. Заметив второй надвигающийся танк, вторым броском гранаты он подбил и его. Из своего автомата уничтожил трех мотоциклистов. Один из немцев подкрался к окопу Рыковского и бросил туда гранату. В один миг Рыковский практически налету схватил ее и бросил обратно – немец разлетелся на куски.

По результатам боев за город Моздок командир 8-й гвардейской стрелковой бригады сделал следующие выводы: 1) несмотря на численное превосходство и технически более мощное оснащение, враг не смог сразу сломить оборону частей 8-й гв. СБр и занять г. Моздок; 2) на опыте этих боев личный состав бригады обрел большую уверенность в то, что можно бить врага, нанося ему большие потери меньшими силами; 3) политико-моральное состояние бойцов и командиров бригады находится на высоком уровне[227].

Как уже было отмечено, 9-я гв. СБр занимала оборону слева от 8-й бригады. В ходе обороны Моздока ей также пришлось принять в ней активное участие. Против бригады действовало до 48 танков противника и рота автоматчиков. В течение первого дня боев один из батальонов 9-й гв. СБр вел напряженный бой с танками и пехотой противника, в результате которого уничтожил 6 танков и до роты пехоты противника. В этом бою отличились сержант Жираков, политрук Минаев, сержант Карухин, красноармеец Даладеков. На второй день противник снова перешел в наступление на участке обороны 3 стрелкового батальона ротой пехоты и четырьмя танками. С большими потерями для противника наступление было остановлено. В этом бою отличился заместитель политрука Титов, взявший на себя командование ротой после выбытия из строя командира роты[228].

В журнале боевых действий 11-го гв. СК в качестве выводов в этот день записано: «1. Командиры и красноармейцы – гвардейцы мужественно и стойко дрались с численно превосходящим противником. 2. Недостаточно умело была организована оборона в городе. Баррикады не были созданы на улицах, дома не были приспособлены к обороне. 3. Переправа гарнизона была организована плохо, ею никто не руководил и не оборонял, вследствие чего батальон понес большие потери, особенно в технике. 4. Со стороны противника во взятии г. Моздок участвовало до 65 танков и полка пехоты 3-й ТД».

За период боев за Моздок 11-й гв. СК уничтожил до 500 солдат и офицеров, 17 танков, плюс 18 танков, уничтоженные бронепоездами. Младший лейтенант Никитин из противотанкового ружья сбил самолет Ме-109. Захваченный в районе Павлодольской пленный показал, что в боях за Моздок со стороны противника участвовала 3-я танковая дивизия в составе одного танкового полка (65 танков), до полка мотопехоты, одного мотоциклетного батальона и одного артиллерийского полка[229].

Таким образом, 25 августа 1942 года Моздок был оставлен частями Красной армии. Бои переместились к югу на территорию Чечено-Ингушетии и Кабардино-Балкарии. Вскоре весь северный берег Терека от

Ищерской до Прохладного (значительный участок южной границы Ставропольского края) оказался в руках врага.

Небольшой отряд советских бойцов, отходивших в эти дни от Моздока, был зажат немцами у изгиба Терека в районе станицы Стодеревской. Об этом случае стало известно журналисту:

«Жарким августовским днем сорок второго теснимые с севера наши части пересекли железнодорожное полотно и уперлись в окраину станицы Стодеревской. Дальше лежала береговая линия Терека. Подходы к реке были блокированы с востока и запада. Путь отступающих лежал только к воде. На это и рассчитывал противник – мощным рывком сбросить обороняющихся в реку. И это ему удалось к западу от станицы. Обрывистые берега реки как-то еще спасали отходивших бойцов от массированного огня немцев, а с востока открывался насквозь простреливаемый подход к воде. Здесь и разыгралась кровавая трагедия. Многие бойцы, видимо не умеющие плавать, остановились у кромки леса и сделались легкой добычей автоматчиков. Желтый прибрежный песок буквально на глазах окрасился в красный цвет и покрылся трупами.

А те, кто все-таки рискнул преодолеть водную преграду, попав разгоряченными в холодную воду, сводимые судорогами, теряли способность плыть и тут же, не достигнув южного лесистого берега, попадали под пули гитлеровцев. <…> Теперь на высоком мысу Терека в черте административного центра станицы под плитой обелиска лежат 17 воинов»[230].

По итогам боев за Моздок командование Закавказского фронта в лучшую сторону выделило действия отряда майора Корнеева и Ростовского артиллерийского училища, которые, войдя в соприкосновение с противником на рубеже Покойное, Буденновск, Прасковея, Орловка, Архангельское, Воронцово-Александровское с 18 по 22 августа отходили с боями, задерживаясь на отдельных промежуточных рубежах, в направлении Моздока. Упорное сопротивление этих отрядов заставило противника действовать осторожно, выжидая подтягивания основных сил, и поэтому сыграло положительную роль[231].

К сожалению, в списках награжденных комбрига Румянцева и майора Корнеева обнаружить не удалось. Но ряд командиров и бойцов 11-го гв. СК награды все же получили. Орденами Красной Звезды за оборону Моздока были награжден гвардии капитан Д.Г. Коваленко – командир батальона 8-й гв. СБр, военный комиссар батальона Г.Я. Фельдман, командир 7-й роты того же батальона старший лейтенант А.Д. Куренков, командир минометной роты того же батальона красноармеец М.А. Корниленко и ефрейтор Н.А. Плясов[232].

Личность майора Корнеева удалось установить с трудом: ни в архивных документах, ни в литературе, в которых он упоминался, не было даже его инициалов. Дополнительной зацепкой в поиске послужило указание на то, что его мотоотряд ранее принадлежал 24-й армии. Правда, период существования самой армии был настолько незначителен, что и отчетных документов ее на сайте «Память народа» не отложилось. На

сайте «Подвиг народа» по запросу «майор Корнеев» нашлось 368 документов. Беглое знакомство с ними результата не дало: майор Корнеев, служивший в 24-й армии, обнаружен не был. Медалью «За оборону Кавказа» было награждено несколько человек, но ни один по роду войск и занимаемой должности не соответствовал «нашему» майору Корнееву. Логично было предположить, что такой командир мог вскоре получить звание подполковника, и по запросу «подполковник Корнеев» отыскался только один человек, награжденный медалью «За оборону Кавказа». Им был Георгий Васильевич Корнеев, служивший командиром 1132-го стрелкового полка на Закавказском фронте. Но представления ко всем наградам этого человека никак не указывали на принадлежность его к 24-й армии и участие в боях под Моздоком в августе 1942 года. Догадку о том, что это был тот самый майор Корнеев, удалось подтвердить с помощью информации на сайте «1418 шагов по Дороге Памяти». В графе «место службы» были перечислены все части, в которых воевал Георгий Васильевич Корнеев с привязкой к дивизиям, армиям и фронтам. Сомнений больше не осталось, это был действительно тот самый майор Корнеев, который вместе с комбригом Румянцевым руководил отрядами защитников города Моздока. В результате было установлено:

Георгий Васильевич
КОРНЕЕВ
(1910–1980)

Корнеев Георгий Васильевич (30.04.1910–07.04.1980) родился на Украине в г. Чернигов. В рядах Красной Армии находился с 1 января 1929 года. На военную службу призывался дважды: Пролетарским РВК г. Москвы и Алуштинским РВК Крымской АССР. Воинское звание – подполковник, полковник. Место службы: 392-й СП 73-й СД 24-й армии ЮФ; 676-й СП 15-й СД 65-й армии СГВ ЗКФ; 1159-й СП 351-й СД 18-го гв. СК 60-й армии 1-го УкрФ; 139-й СП 351-й СД 22-го СК 56-й армии СКФ и ОПА; 1132-й СП 336-я СД 28-го СК 60-й армии 1-го УкрФ; 1159-й СП 351-й СД ЗКФ и СКФ[233]. В числе наград Г.В. Корнеева были: орден Красной Звезды, полученный в феврале 1941 года, ордена Красного Знамени (1943), Суворова III степени (1944), Александра Невского (1944), Красной Звезды (1944), Отечественной войны I степени (1945), Красного Знамени (1950), Ленина (1954) и многие медали[234].

Имя начальника Ростовского артиллерийского училища комбрига Румянцева удалось установить проще, помог «Форум RKKA», его звали Михаилом Дмитриевичем. В Красной Армии – с 1919 года. После описанных событий полковник Румянцев, 1887 года рождения, продолжил свой боевой путь в качестве заместителя командира по артиллерии 67-й гв. СД

Михаил Дмитриевич
РУМЯНЦЕВ
(1887–1970)

на 1-м Украинском, 2-м Прибалтийском фронтах, а затем заместителем командующего артиллерией 6-й гвардейской армии Ленинградского фронта. Получил воинское звание генерал-майора артиллерии. Был награжден двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны I степени и многими медалями[235].

Наряду с Ростовским артиллерийским училищем под Моздоком воевали и курсанты других училищ. Так, Георгий Емельянович Яценко – курсант Ейского военно-морского авиационного училища, 1924 года рождения, только что прошедший курс молодого бойца и принявший присягу, попал в сводный курсантский полк, который возглавил немолодой офицер – участник Гражданской войны и войны в Испании. Курсанты были вооружены старыми пулеметы системы «Максим», винтовками Мосина образца 1898 года, ручными пулеметами Дегтярева, противотанковыми ружьями, ручными гранатами и бутылками с зажигательной смесью.

На подступах к Моздоку курсантский полк Ейского училища занял оборону. Здесь он соединился с полком Винницкого пехотного училища, образовав сводную бригаду. Бывалый командир тщательно продумал систему обороны: кроме основной траншеи были вырыты боковые щели и круглые огневые точки в полный рост с нишами для боеприпасов. Три дня курсанты рыли окопы, а на четвертый день услышали артиллерийскую канонаду и увидели тучи пыли и дыма, это приближался к ним фронт боевых действий. Стояла жара около 40 градусов. Пот из-под касок струился по лицу, выедал глаза, гимнастёрки были насквозь мокрыми. Курсанты с тоской и тревогой смотрели на приближающийся смертельный ураган и мысленно прощались друг с другом. Однако, неожиданно из-за спины «заговорила» артиллерия 44-й армии.

Далее приведем опубликованный в интернете рассказ без сокращений:

«На позициях курсантов появились отступающие бойцы Красной Армии. Один из командиров, в чине капитана, грязный от пыли и пороховой копоти, с перевязанной рукой и головой, спрыгнул в траншею с горсточкой таких же израненных и измотанных бойцов. Оглядев добротные оборонительные сооружения и изготовившихся к бою курсантов, осипшим, сорванным голосом проговорил: «Спасибо ребятки, я думал, что мы последние!» Ночью бойцы этого полка были направлены на переформирование, а мальчишки остались в одиночестве ожидать врага.

В тот же день в небе появились немецкие разведывательные само-

лёты – «рамы». Со стороны противника в 23 часа заговорил медленно и отчётливо громкоговоритель: «Вы не солдаты, а дети. Вас обманули. Красная Армия разбита. Сдавайтесь, вам будет гарантирована жизнь!»

На рассвете появились Юнкерсы, начался сущий ад. Они летели волнами со стороны солнца, чтобы труднее было прицелиться в них, и сбрасывали на позиции сотни бомб, в том числе и кассетных, обстреливали окопы из бортовых пушек и пулемётов. Невозможно было понять, день это или ночь: дым, копоть, фонтаны земли – ужасающее зрелище. Вслед за авиацией по позиции курсантов ударила артиллерия. Ещё 30 минут Георгий, и его товарищи находились под обстрелом немецких пушек и миномётов. Затем из лощин и балок выползли танки Т2, вслед за ними передвигались автоматчики из частей СС, в серой форме с чёрными воротниками – отличительным элементом войск СС. Вооружены они были автоматами «Шмайсер» и скоростными ручными пулемётами МГА-42, не имевших на тот момент аналогов в мире по скорости стрельбы. Огненной волной они покатились на сводную курсантскую бригаду. Но мальчишки не торопились открывать огонь, они подпускали врага на дальность прицельного выстрела и только по команде нажали на спусковые крючки. Одни отсекали пехоту, другие, вооруженные ПТР, вели прицельный огонь по танкам. Часть боевых машин, пустив клубы черного дыма, остановилась в степи. Редели и цепи «чёрных воротников». Но враг упорно продолжал приближаться к обороняющимся. Когда до курсантских траншей оставалось 150 метров и мальчишки уже думали о последнем рукопашном бое, за их спинами вновь «заговорила» наша артиллерия, на этот раз – противотанковые сорока пяти миллиметровые пушки. Хвалёные немецкие вояки попятились, оставив на поле боя десятки горящих танков и сотни убитых и раненых.

Немцы снова запросили помощи авиации. Опять в небе появились самолёты. «Светопредставление» началось сначала. Так повторялось 7-8 раз в день. Мальчишки и артиллеристы из раза в раз заставляли немцев отползать назад. Десять дней продолжались бои и каждый день без решающего успеха. Но ряды обороняющихся таяли на глазах. Немцы уже доходили до траншей, иногда даже врывались в них. Выручали курсантов ручные пулемёты Дегтярёва.

С утра до вечера по траншее перебегал старый казак с санитарной сумкой через плечо, оказывал первую медицинская помощь раненым курсантам и командирам. На пятый день боёв ранение получил и Георгий Яценко. Увлекшись стрельбой по самолёту, он выставил правую ногу из узкой щели в более широкую траншею и осколок от разорвавшейся авиабомбы угодил ему в бедро. Старый казак был тут как тут. Залил рану йодом и тройным одеколоном, засунул в неё пинцет и вырвал осколок. От боли Георгий потерял сознание. Очнулся от острого запаха нашатырного спирта. Казак сунул ему в руку бинт, буркнув: «Перевяжи сам», побежал к другим раненым. С перебинтованной и отёкшей ногой Георгий ещё пять дней не покидал позиции, продолжал вести огонь по противнику.

Павел Тарасович
БЛИЗНЮК
(1915–1986)

На десятые сутки, ночью, в траншее появились бойцы свежих национальных частей из представителей северокавказских и закавказских республик, сменивших измотанных боями курсантов. В живых из 3500 курсантов осталось около пятисот человек. Большинство погибло, не уступив врагу ни пяди родной земли. Оставшиеся в живых продолжили учёбу на ускоренном курсе Краснодарского артиллерийско-миномётного училища, эвакуированного в Армению»[236].

Сложно сказать в каком именно месте держала оборону эта сводная курсантская бригада, и в какие дни развернулись эти события. Тем не менее, эта информация в значительной степени дополняет картину боев под Моздоком в августе 1942 года.

Противник, заняв Моздок, продолжал распространяться вдоль северного берега реки Терек. Так, в течение 26 августа силою до двух батальонов пехоты при поддержке свыше 50 танков сбил подразделения 389-й стрелковой дивизии, оборонявшие станицу Ищерскую, и к 16 часам занял ее[237].

В обороне Моздока активное участие принимал Моздокский партизанский отряд «Терек», командир – П.Т. Близнюк, комиссар – Г.Ф. Асмоловский. Еще до занятия района немцами отряд успел уничтожить парашютный десант в количестве 9 парашютистов, выброшенный противником 15 августа на станции Червленно-Узловой. 24 и 28 августа отрядом на дорогах Наурского района была подбита бронемашина и пять грузовиков противника. 22 августа на хуторе Графском отряд взорвал склад с боеприпасами и склад с горючим противника. Разведсведения, полученные отрядом, по радиопередатчику незамедлительно передавались в штаб 8-й гвардейской стрелковой бригады. По данным этой разведки авиация 4-й воздушной армии бомбила немецкие части, штабы и склады в районе Моздока[238].

После оставления Моздока фронт Северной группы войск прошел вдоль южных границ Орджоникидзевского края по рекам Терек, Малка, через устье реки Баксан, в 20 километрах северо-западнее Нальчика. На правом фланге оборону занимала 44-я армия, за ней 9-я и 37-я армии. Далее по перевалам Главного Кавказского хребта шел участок обороны Черноморской группы войск Закавказского фронта.

Подводя итог, следует отметить, что бои на подступах к Моздоку развернулись с 18 августа 1942 года. Непосредственная оборона города велась с 23 по 25 августа. Советские войска, несмотря на превосходство

противника в живой силе и технике, действовали стойко и упорно, проявляя мужество, героизм и бесстрашие перед смертью. После довольно быстрого захвата северной части Ставрополья под Моздоком, также как и на Кавказских Минеральных водах, противник получил серьезный отпор, сила которого продолжала возрастать вплоть до остановки врага в районе города Малгобека в тридцати километрах южнее Моздока, что позволило впоследствии войскам Закавказского фронта провести одну из важнейших операций битвы за Кавказ – Моздок-Малгобекскую оборонительную операцию.

1.4. Действия советской авиации в августе 1942 года

Боевые действия, развернувшиеся на территории Ставропольского края в годы Великой Отечественной войны, проходили при непосредственном участии авиационных частей и соединений. Об этом свидетельствовали участники битвы за Кавказ[239], об этом пишут историки[240]. Однако в большей степени исследователей интересовали воздушные сражения за Таманский полуостров[241], действия авиации в ходе Малгобекской оборонительной операции[242].

В своей статье, посвященной роли советской авиации в обороне Кавказа в 1942 году, В. В. Кушнерёв приводит большой фактологический материал о дислокации и подчиненности частей, количестве самолетовылетов и результатах боевых действий[243]. Делая попытку охватить действия всей авиации в оборонительный период битвы за Кавказ, автор не рассматривает вопрос передислокации авиационных частей из-под Ростова и Краснодара в предгорья Кавказа, ничего не говорит о действиях родов авиации в августе 1942 года, дает сведения о группировке, сложившейся примерно к сентябрю 1942 года. В его материале отсутствуют описания боев, фамилии командиров и летчиков.

Привести конкретные свидетельства массового героизма летного состава 4-й воздушной армии (ВА) не позволили объем и задачи исследования Е.А. Дзадзиевой, которая рассмотрела по большей части вопрос идентификации наземных объектов дислокации частей и соединений 4 ВА на Терском оборонительном рубеже в августе-октябре 1942 года[244].

Что касается мемуарной литературы: она посвящена более широким событиям, в силу чего из ее содержания выпадают малозначимые события, которые интересны в рамках данного исследования. Кроме того, эти произведения написаны в тот период, когда архивные источники по Великой Отечественной войне еще были закрыты. Вместе с тем, именно мемуары и воспоминания, по сути, являясь одним из важных типов исторических источников, способны своими эпизодами «раскрасить» сухой материал, взятый из архивных документов. Поэтому здесь и в других разделах придется не раз обращаться к книгам К. А. Вершинина, А. И. Покрышкина, Г. А. Пшеняника, Б. В. Емельяненко и других авиаторов, непосредственно участвовавших в битве за Кавказ.

Август 1942 года – наиболее драматичный период битвы за Кавказ. Но именно в это время, когда на земле обескровленные войска совершают отход по степям Ставрополья в предгорья Кавказа, в небе над его территорией разворачиваются активные двухсторонние действия советской авиации с силами 4-го воздушного флота Люфтваффе. Постараемся воссоздать картину этих событий.

Итак, советская авиация в небе Ставрополья в августе 1942 года. Она была представлена, в основном, силами авиации 4-й воздушной армии, здесь также работала авиация дальнего действия и 105-я истребительная авиационная дивизия ПВО Ростовского, а затем Грозненского района ПВО. Над территорией края проходили маршруты полетов самолетов и 5-й воздушной армии, которая в большей степени базировалась на территории Краснодарского края.

К началу битвы за Кавказ в состав 4-й ВА входили: 216-я, 217-я, 229-я, 265-я истребительные авиационные дивизии (ИАД), 230-я штурмовая авиационная дивизия (ШАД), 218-я ночная бомбардировочная дивизия (НБАД), 219-я бомбардировочная авиационная дивизия (БАД), а также отдельные части – 750-й армейский смешанный авиационный полк, 6-й отдельный учебно-тренировочный авиационный полк и 9-я отдельная авиационная разведывательная эскадрилья.

Самолетный парк 4-й ВА к концу июля 1942 года был следующим: истребители: Як-1 – 48, ЛаГГ-3 – 26, МиГ-3 – 5, И-16 – 13, всего – 92; штурмовики: Ил-2 – 17, И-153 – 11, И-15 – 6, всего – 34; бомбардировщики: Пе-2 – 11, Су-2 – 8, СБ – 15, Р-5 – 14, У-2 – 22, всего – 70[245]. Итого в боевом составе 4 ВА насчитывалось 196 самолетов. Нашим силам противостоял 4-й воздушный флот гитлеровцев. В группе армий «А», которую он поддерживал, насчитывалось до 1 тысячи самолетов[246].

Для того чтобы более ясно представить картину действий авиации, необходимо хотя бы в общих чертах вспомнить характер действий наших общевойсковых соединений в границах Ставрополья в августе 1942 года. Сплошной линии фронта не было. Немецкие танковые клинья рассекали отходившие части Красной армии – усталые и обескровленные, зажимая их в тиски окружения. Остатки войск прорывались на встречу к своим с боем. Оборона крупных населенных пунктов была возложена на местные гарнизоны, основу которых составляли подразделения и части НКВД, необстрелянные курсанты военных училищ и воины-зенитчики. Высшее командование, понимая, что остановить врага можно только в предгорьях Кавказа, тем не менее, ставило невыполнимые задачи отходившим войскам, но закрепиться на указанных рубежах им не удавалось[247].

В своих мемуарах бывший командующий 4-й ВА маршал авиации К. А. Вершинин писал: «Летчикам 4-й воздушной армии приходилось действовать в крайне сложной и напряженной обстановке. Они наносили удары по наступающему противнику, обороняли свои наземные войска от налетов вражеской авиации, следили за направлением их движения, выполняли другие важные задачи»[248].

Константин Андреевич
ВЕРШИНИН
(1900–1973)

Владимир Илларионович
ШЕВЧЕНКО
(1908–1972)

Дмитрий Павлович
ГАЛУНОВ
(1904–1990)

Павел Терентьевич
КОРОБКОВ
(1909–1978)

В каких условиях действовала наша авиация, становится понятно из воспоминаний одного из летчиков 16-го гвардейского истребительного авиационного полка (ИАП) В.П. Карповича. Он писал, что в конце июля действия советской авиации по поддержке наземных войск сократились из-за отсутствия самолетов. Из 216-й истребительной авиационной дивизии (ИАД) для получения новых самолетов временно убыл 103-й штурмовой авиаполк (ШАП). Дивизия в составе двух полков – 16-го гвардейского и 247-го ИАП 1 августа перелетела на аэродром Геймановская (Краснодарский край), и «с этого времени боевая работа дивизии сократилась до минимума, как из-за отсутствия материальной части, так и из-за быстрого отхода на юг». Смена аэродромов продолжалась: 3 августа гвардейцы базировались на аэродроме Ворошиловск (Ставрополь), а 5-10 августа – на аэродроме Архангельская. Менял место и штаб дивизии – 31 июля он находился в станице Геймановской, а через два дня – на аэродроме Петровское (Ставропольский край). 4 августа штаб дивизии перебазировался на аэродром Благодарное, 6 августа – в Архангельское, а 9 августа – в Советское. Но, несмотря на это, полки дивизии не прекращали своей боевой деятельности. Вскоре в состав дивизии возвратились 88-й истребительный и 103-й штурмовой авиаполки, пополнившиеся самолетами и летчиками.

8 августа 247-й ИАП, и 9 августа 16-й гвардейский ИАП вышли из состава 216-й ИАД, передали свою материальную часть и убыли на переформирование. Их сменил 45-й ИАП в составе 12 истребителей Як-1. В этот момент дивизия располагала девятью самолетами И-16 88-го ИАП, 21 самолетом Як-1 (из которых 9 самолетов было передано из 16-го гвардейского ИАП) 45-го ИАП и тремя Ил-2 103-го ШАП[249].

Как свидетельствуют архивные документы, в период отхода наших войск с южного берега Дона до реки Кубань силы 4-й ВА уничтожали мотомеханизированные части противника, выдвигавшиеся по 6 маршрутам, два из которых проходили через Ставрополье: один – по дороге Молотовское, Преградное на Ставрополь и Армавир, другой – от Ладовской Балки через Новоалександровск на Кропоткин. 4 августа 7 Ил-2 и 4 И-153 230-й ШАД штурмовали мотоколонну до 200 машин и танков подороге от Преградного до Безопасного. 7 Су-2 219-й бомбардировочной авиационной дивизии (БАД) – бомбили колонну до 200 автомашин и танков по дороге от Ладовской Балки на Новоалександровск. 5 Су-2 нанесли удар по скоплению автомашин (до 400) в Ладовской Балке[250].

Накануне, в том же районе произошел боевой эпизод, о котором рассказывали очевидцы. Утром 3 августа 1942 года над селом Преградным послышался нарастающий гул моторов. Со стороны сальских степей с направления Городовиковска на низкой высоте показались 10-12 советских самолетов-штурмовиков. Их полет доставил радость жителям села, а немецкому гарнизону – замешательство. Стали раздаваться одиночные хлопки вражеских зениток, затем их огонь усилился, вспышки разрывов плотным кольцом сопровождали штурмовики. Советские самолеты шли очень низко. Стреляя им вдогон, немцы смогли сбить один самолет. Жители села видели, как самолет развалился в воздухе на части. Когда местные

мальчишки подбежали к месту падения самолета, тела летчиков еще дымились. У одного горела нога, и тлел комбинезон, по-видимому, это был стрелок. Он лежал ничком, закрыв лицо руками, и был мертв. У летчика была оторвана рука, которая лежала в нескольких метрах от него. Он был еще жив, но скончался на глазах селян. Никаких документов при них не было. Летчиков похоронили на окраине села, на месте их гибели[251].

Тимофей Федорович
БАТУРЛИН
(1920-1942)

Установить фамилии членов экипажа штурмовика удалось совсем недавно. Ими были командир эскадрильи 214-го ШАП капитан А.Н. Игнатьев и старший техник эскадрильи младший воентехник Н.М. Матухно. Вместе с поисковой группой из детского дома № 8 в селе Преградном работал старший штурман командного пункта нынешней 4-й воздушной армии подполковник Александр Божинский, однокурсник автора по Ставропольскому училищу летчиков и штурманов. В ходе исследования документов авиационных частей из архивной базы Минобороны России было установлено, что 3 августа 1942 года 214-й ШАП, входивший в состав 238-й ШАД 5-й воздушной армии, совершал перелет с аэродрома Башанта (Калмыкия, ныне г. Городовиковск) на аэродром в станице Советской Краснодарского края. 214-й ШАП из Приволжского военного округа в тот день перешел в состав 5-й воздушной армии[252]. Этим объясняется тот факт, что штурмовики не наносили ударов по вражескому аэродрому, с которого били по ним зенитки, а шли по заданному маршруту в составе большой группы, скорее всего эскадрильи.

В тот же день 3 августа под хутором Верхнерусским возле Ставрополя потерпел катастрофу или был сбит противником большой бомбардировщик или военно-транспортный самолет. Об этом можно говорить в связи с тем, что у обломков самолета местными жителями были найдены тела семи человек. Документы при себе имелись только у одного из членов экипажа. Им был младший лейтенант Тимофей Федорович Батурлин – летчик-инструктор Краснодарского военного авиационного училища[253], которое в связи с подходом противника к Краснодару было эвакуировано в Азербайджан. Первоначально все семеро погибших были похоронены на месте гибели, а после освобождения края их останки были перезахоронены в братской могиле в селе Михайловском (ныне город Михайловск).

В ночь со 2 августа на пшеничном поле южнее Курсавки совершил неудачно вынужденную посадку истребитель И-15. Моросил дождь, мокрые стебли намотались на шасси и самолет перевернулся. Летчик пытался выбраться из кабины, он стал подкапывать землю. Но, когда ему

Открытие памятника погибшему экипажу в с. Преградном. 1981 г.

Открытие памятной доски с именами погибших летчиков. 2019 г.

на помощь прибежали колхозники, летчик был уже мертв. Его отвезли в морг райбольницы, а самолет 3 августа перетащили во двор школы, недалеко от райвоенкомата. По документам, найденным у летчика, установили его личность, это был старший лейтенант Шафран Юрий Григорьевич, 1911 года рождения, заместитель командира эскадрильи 267-го истребительного авиационного полка 236-й истребительной авиационной дивизии. Летчик вылетел по тревоге с аэродрома Кропоткин и пропал без вести.

4 августа в 11 часов на Курсавку налетели девять немецких пикирующих бомбардировщиков. С высоты 900-1000 метров летчикам хорошо было видно и санитарный поезд с красными крестами на крышах вагонов, и толпу гражданского населения у складов потребкооперации, но, несмотря на это, они сбросили десятка три осколочных и более десятка фугасных бомб. Очевидцы говорили, что около двух сотен погибло. Погибших и раненых на подводах воинской части доставляли в райбольницу и морг. Вместе с погибшими ранеными похоронили и летчика[254].

Таким было начало войны в небе Ставрополья. Подобные факты говорят в пользу того, что действия советской авиации носили спонтанный характер, но первое знакомство с боевыми документами частей и соединений авиации свидетельствуют о том, что с советской стороны борьба носила методичный характер.

Так, в ночь на 3 августа экипажи ночных бомбардировщиков У-2 частей 218-й НБАД бомбили мотомеханизированные части противника, выдвигавшиеся на юг из населенных пунктов Привольное и Молотовское.

Начиная с ночи на 5 августа, когда враг, захвативший Ворошиловск, устремился дальше на юг, части 4-й ВА уничтожали противника, выдвигающегося в сторону Невинномысска.

Ночами 7 и 8 августа экипажи 218-й НБАД продолжали работать на участке Ворошиловск – Невинномысская, но уже в ночь на 9 августа полки ночных бомбардировщиков получили задачу уничтожать мотомехчасти противника, выдвигающиеся от Петровского на Александровское, Саблинское и на Благодарное[255].

Выполнение боевых задач авиационными полками сочеталось с постоянной сменой мест их дислокации. Сложность обстановки для частей 4-й ВА состояла в том, что базирование частей в период отхода шло по оси Ставрополь, Солдато-Александровская, Советская, Моздок, то есть, на правом открытом фланге отходящих войск. В ряде случаев впереди базирования частей 4-й ВА наших наземных войск не было, и авиаторы вели боевую работу до тех пор, пока противник не приближался на угрожаемое расстояние, после чего происходило перебазирование. В силу таких условий сам штаб 4-й ВА оказался в Ставрополе под ударом передовых танковых частей противника, внезапно ворвавшихся в город, и был вынужден поспешно сменить место дислокации[256].

О том, как 3 августа чуть не оказался в руках врага легендарный летчик А.И. Покрышкин, приземлившийся на аэродроме в Ставрополе,

Летчик 750-го САП
Николай Хрисанфович
КУЦЕПАЛ
(1915-1942)

известно из его мемуаров. Появившиеся на окраине аэродрома немецкие мотоциклисты, заставили взлететь нашего аса на неисправном самолете и добираться к своим с неубранными шасси[257]. Немецкий автор пишет, что захват Ставрополя был настолько стремительным, что советские самолеты еще пытались садиться на аэродром. По его данным подошедшая на аэродром зенитная артиллерия сбила восемь низколетящих самолетов[258].

Наградной лист на младшего лейтенанта Н.И. Зорина – пилота 750-го армейского смешанного авиаполка – свидетельствует, что 3 августа 1942 года он сбил в групповом бою в районе Ворошиловска 2 самолета противника и один лично – Фокке-Вульф-189. 3 августа в районе Ворошиловска на самолете И-16 сбил немецкий самолет Хе-111 командир звена 750-го полка лейтенант Н.В. Хоцкий. В тот же день лейтенант М.И. Саяпин на самолете И-16 в районе Вознесеновской (под Дивным) сбил Ме-110[259]. Так что советская авиация выглядела не так уж беспомощно, как это показывает немецкий источник.

Архивные документы свидетельствуют, что 750-й смешанный авиационный полк (командир – майор А.И. Богачев) 56-й армии, оставив аэродром Хомутовская (под Ростовом), с 1 по 3 августа 1942 года базировался на аэродроме Ворошиловск. 3 августа около 17.00, когда передовые части противника овладели Михайловским и северо-восточной окраиной города, начался артиллерийско-минометный обстрел аэродрома в районе штаба полка. Ввиду отсутствия возможности свернуть и вывести штаб документы полка были сожжены. Однако склады горючего и боеприпасов уничтожить не успели. С потерей связи со штабом 56-й армии 750-й полк согласно распоряжению командующего 4-й ВА генерал-майора авиации К.А. Вершинина вошел в оперативное подчинение 217-й ИАД. С установлением линии фронта по рекеТерек с 13 августа полк перешел в оперативное подчинение 9-й армии[260].

Согласно схеме, содержащейся в «Отчете о боевой работе 4-й ВА за второй год Отечественной войны», штаб 4-й ВА, покинув 3 августа Ставрополь, 4 августа находился в Солдато-Александровской, 9 августа – в Экажево, 15 августа – в Троицкой[261].

О периоде базирования штаба 4-й воздушной армии в Ворошиловске вспоминал главный врач армии, в то время военврач 2-го ранга, А.Н. Бабийчук: *«Пожалуй, наиболее драматические события, свидетелем ко-*

торых мне довелось быть в дни отступления, разыгрались 4 августа (дата не верна, надо полагать, что речь идет о дне 3 августа – Авт.) в Ставрополе (тогда Ворошиловск).

Вплоть до подхода гитлеровцев город ни разу не подвергался бомбардировкам. Наполненный тыловыми воинскими частями, он жил сравнительно спокойной жизнью: работали все учреждения, кинотеатры, по вечерам в парке на танцевальных площадках звучала музыка.

В тот день, когда штаб 4-й воздушной армии прибыл в город и разместился в одном из флигелей городской больницы, немецкая авиация совершила первый налет на Ставрополь. Заполыхал огромный пожар на станционных путях, где стояли эшелоны с горючим. Черные клубы дыма окутали улицы. Гражданское население тотчас устремилось прочь из города. Начальник гарнизона, командир учебного танкового полка, выслал патрули, но они потонули в кишащем человеческом море. Не лучшим образом проявили себя командиры воинских тыловых частей и учреждений: они отдали приказ о немедленной эвакуации. Наспех погруженные автомобили ринулись из дворов и переулков. Образовались заторы. Этим воспользовалась авиация противника. Над городом появились «мессершмитты». Они сыпали мелкие бомбы, расстреливали людей из пушек и пулеметов.

С аэродрома авиационного училища, находившегося на окраине города, поднялось несколько наших истребителей. Над городом завязались воздушные бои. Пять-шесть «мессеров» было сбито.

Вдруг возник и мгновенно распространился слух, что в нескольких километрах в степи противник высадил крупный десант. Имея в своем распоряжении комендантский взвод, наш штаб смог оградить территорию больницы от метавшихся толп. Пожары вспыхнули и в городе. Комендант штаба приказал шоферам держать машины наготове.

К. А. Вершинин, его заместитель генерал Н. Ф. Науменко, дивизионный комиссар В. И. Алексеев всегда показывали пример мужества. Много раз штаб продолжал работать, когда неподалеку рвались бомбы. Сейчас командование тоже оставалось в помещении. Во дворе, в машине-радиостанции, то и дело начинал стучать движок: шел обмен радиограммами с авиационными частями и с соединениями.

Но было ясно, что в создавшейся обстановке штаб не сможет долго функционировать. Из Ставрополя нужно было уезжать.

Всего несколько часов провели мы в административном центре степного края. Приехали в оживленный, сравнительно спокойный город, покидали же горящий, почти опустевший. Пережить такое нелегко»[262].

Автор этих строк, Александр Николаевич Бабийчук – впоследствии доктор медицинских наук, профессор, генерал-майор медицинской службы, будучи помощником флагманского врача 4-й воздушной армии, 7 августа 1942 года, выполняя поставленную задачу, вывез из города Георгиевска все наряженное для 4-й воздушной армии имущество, и, несмотря на неоднократную бомбежку фашистскими самолетами склада, с честью выполнил поставленное задание. Орден Красной Звезды за этот подвиг

стал первой наградой Александра Николаевича Бабийчука в его долгой и непростой карьере военного врача[263].

Вместе со штабом 4-й воздушной армии в Ставрополе находились эвакуированные из Украины в начале войны Полтавские авиационные курсы усовершенствования штурманов ВВС. «Авиационные подразделения курсов, базировавшиеся на аэродроме в районе Ставрополя, занимались не столько плановой учебой, сколько боевыми действиями на различных направлениях по указаниям вышестоящего командования. После форсирования противником Дона личный состав курсов на бомбардировщиках Пе-2 участвовал в поддержке обороняющихся войск бомбовыми ударами по врагу и вел воздушную разведку»[264].

Гавриил Михайлович
ПРОКОФЬЕВ
(1907–1991)

Начальником Полтавских курсов был Герой Советского Союза полковник Г.М. Прокофьев. Судя по тому, что по прибытию в Ставрополь курсам было предоставлено помещение в здании краевой психиатрической больницы, аэродром, на котором базировалось это военно-учебное заведение, находился на юго-западной окраине Ставрополя (аэродром Хуторская).

В тот день, когда противник ворвался в Ставрополь, полковник Прокофьев находился на аэродроме.

«Немецкие танки с группой автоматчиков вышли к аэродрому и начали его обстрел. Прокофьев подал условный сигнал красной ракетой на подрыв складов, после чего вскочил на плоскость самолета, чтобы взлететь. В этот момент над плоскостью, на которой он стоял, разорвался снаряд, и Прокофьева вместе с крылом отбросило на несколько метров в сторону. В горячке он попытался встать, но ноги не слушались: они оказались перебитыми. Гавриил Михайлович почувствовал, что по спине течет кровь, кисть левой руки тоже была окровавлена. Анисимов, видя беспомощное состояние своего командира, устремился к нему, взял его на руки и побежал к спасительному кукурузному полю. Пробежав несколько шагов, он рухнул вместе с Прокофьевым на землю, придавив его своим телом, и замер, сраженный насмерть разрывом второго вражеского снаряда, выпущенного из танка.

В это время раздался оглушительный взрыв. Это группа подрывников, приняв сигнал, взорвала склады. Взрыв, видимо, ошеломил противника, обстрел прекратился. Танки изменили направление своего движения. Прокофьеву больше не на кого было надеяться. С трудом он выбрался из-под тела своего спасителя, накрыл его своим регланом и, превозмо-

гая боль, пополз к кукурузному полю. Подрывники, выполнив свою боевую задачу, забеспокоились: почему не взлетел самолет начальника курсов. Трое из них: М. Блинов, М. Плетнев и К. Хрущев, вызвались проверить, в чем дело. Под огнем врага они минут через тридцать–сорок нашли тяжелораненого, уже потерявшего сознание полковника в кукурузном поле. Проявив мужество и отвагу, они на подручных средствах вынесли его из-под обстрела, затем под покровом ночи с огромными трудностями доставили своего командира в госпиталь Невинномысска.

Прошло чуть более года после случившегося. Поправившись, будучи уже генерал-майором авиации, Г.М. Прокофьев по делам службы прилетел зимой на самолете СБ в Ставрополь, куда должны были возвратиться из эвакуации курсы. Вечером зашел он в один из домов и разговорился с его хозяевами. Речь, конечно, зашла о времени оккупации города гитлеровцами. Жители рассказали о том, как они тайно от немцев похоронили летчика – полковника Прокофьева (в кармане одежды был обнаружен пропуск на аэродром на его имя), сбитого в бою. После изгнания гитлеровцев на месте могилы поставили памятник с надписью «Герою Советского Союза полковнику Прокофьеву». Услышав это, Гавриил Михайлович был потрясен. Не менее были поражены и его собеседники, когда узнали, что Прокофьев жив и сейчас беседует с ними. Расставаясь со своими самоотверженными друзьями, генерал просил исправить надпись на памятнике: там должно быть имя старшего лейтенанта Анисимова, которого нужно чтить как героя, который отдал свою жизнь при спасении своего командира»[265].

Полтавские авиационные курсы усовершенствования штурманов ВВС, передав авиационную технику 4-й воздушной армии, из Ставрополя были перебазированы в г. Соль-Илецк Оренбургской области. А управление 4-й армии из Ставрополя переместилось на 160 километров в юго-восточном направлении. В период базирования штаба 4-й ВА в Солдато-Александровской в связи с отсутствием впереди наших наземных войск командованию армии приходилось самому организовывать наземную разведку силами батальона аэродромного обслуживания (БАО), чтобы не оказаться под внезапным ударом быстро продвигающихся частей противника.

Вместе со штабом армии поэтапно перебазировались на юго-восток и соединения, входившие в ее состав: 216-я, 217-я и 229-я истребительные, 219-я бомбардировочная, и 218-я ночная бомбардировочная и 230-я штурмовая авиадивизии.

Для летного состава и материальной части перебазирование проходило в основном успешно, чего не скажешь о наземных частях обеспечения. Это сказывалось на деятельности боевых частей, работать полкам приходилось с повышенной нагрузкой. Так, в 288-м ближне-бомбардировочном авиационном полку 219-й БАД (на самолетах Су-2), были периоды, когда полк оставался без батальона аэродромного обслуживания и, несмотря на это, боевая работа не прекращалась. Большая заслуга в этом принадлежала командиру полка майору И.И. Баутину. Военком полка

А.И. Корольков лично организовывал доставку горючего, боеприпасов и питания личному составу[266].

Смена мест базирования авиаполками – лишь видимая вершина айсберга той большой работы, которая кроме непосредственного перелета включала в себя мероприятия по рекогносцировке, штурманскому и инженерному обеспечению, охране и обороне аэродромов и другим видам боевого, технического и тылового обеспечения перебазирования авиационных полков. Значительный объем этой работы вели части обеспечения, входившие в состав районов авиационного базирования. В рассматриваемый период в составе 4-й ВА было пять таких районов. Личный состав, обеспечивавший перелеты экипажей, передвигался наземными видами транспорта, а иногда и в пешем порядке, испытывая те же трудности: окружение, бои на прорыв, то есть, все как в обычных наземных войсках.

Один из районов авиационного базирования 4-й воздушной армии 46-й РАБ, начальник – майор М.М. Фрахтман, за август 1942 года потерял 230 человек рядового и сержантского состава, а также 9 офицеров. Подавляющее большинство этих людей значились по документам пропавшими без вести. У многих в графе о дате выбытия стояло 3 августа 1942 года, место – станция Расшеватская Ставропольского края, или: «Кущевская, маршрут отрезан противником».

В 34-м РАБ, начальник – майор А.И. Егоров, пропало без вести 118 человек, часть из них при перебазировании из села Белая Глина, часть – из села Благодарное, другие отстали от своих подразделений при следовании вместе с тракторной колонной в районе села Птичье. Колонна 444-го батальона аэродромного обслуживания (БАО) по маршруту следования была рассеяна танками противника и к месту новой дислокации не прибыла в полном составе. Среди личного состава 34-го РАБ были раненые и погибшие. Под Ворошиловском 3 августа при налете автоматчиков противника были убиты военком отдельного инженерно-авиационного батальона (ОИАБ) батальонный комиссар А.И. Шрамко (похоронен в братской могиле в г. Михайловске) и начальник отделения вещевого снабжения техник-интендант 2 ранга А.Г. Корч…ский, под Курсавкой при налете авиации – младший воентехник С.Г. Василенко. Подобная ситуация с пропавшими без вести и погибшими наблюдалась и в частях 28-го и 25-го РАБ, начальники – полковник М.А. Васильев и подполковник И.А. Бадулин[267].

В такой обстановке авиационные полки 4-й воздушной армии выполняли свои задачи в первой половине августа 1942 года. Начиная с 4 августа (с выходом противника в район Ставрополя и Армавира) и до занятия противником Минеральных Вод, части 4-й ВА уничтожали переправы противника через р. Кубань у села Прочноокопское и скопление мотомехчастей противника в районе переправ и выдвигающихся по маршрутам: Ставрополь – Невинномысск; из района Преградное, Безопасное на Петровское, от Петровского на Александровское, Саблинское, Благодарное, Невинномысск – Минеральные Воды и Минеральные Воды – Пятигорск. Еще одной задачей было прикрытие патрулированием истребите-

лей района Минеральные Воды, Георгиевск, Моздок. Большое значение для советских наземных войск имело ведение разведки наступающих колонн противника.

В результате штурмовых и бомбовых ударов наших самолетов была разрушена переправа у Прочноокопского (Краснодарский край) и Григорополисской (Ставропольский край). Основными объектами штурмовки были большие колонны танков и автомашин от 50 до 300-400 единиц. Всего за период с 4 по 10 августа частями 4-й ВА было произведено 872 самолетовылета, уничтожено: танков – 44, автомашин – 420, бензоцистерн – 3, бронемашин – 3, живой силы до 1000 человек[268].

8 августа начался очередной этап перебазирования соединений и частей 4-й ВА дальше от линии фронта. В этот день 230-я ШАД получила задачу перебазироваться на аэродром Миропольский (в 15 км южнее села Степное) и на следующий день всеми силами уничтожать мотомехчасти противника, выдвигающиеся от Петровского на Александровское, Саблинское и южнее. На аэроузел Степное перебазировалась 265-я ИАД. Ей была поставлена задача 9 августа уничтожать мотомехчасти противника, выдвигающиеся от Петровского на Саблинское. 219-я БАД, закрепившись на аэроузле Моздок, действовала в том же районе и уничтожала колонны войск противника, выдвигающиеся от Петровского на Благодарное и от Петровского на Саблинское. 216-я ИАД, базируясь в районе аэроузла Советское, имела ту же задачу, что и 230-я ШАД. Одновременно ей было приказано прикрывать действия 219-й БАД. Частью сил 216-я ИАД в течение светлого времени 9 и 10 августа патрулировала в воздухе на подступах к городу Минеральные Воды. 217-я ИАД 9 и 10 августа продолжала осуществлять противовоздушную оборону города Моздока. Напряжение для истребителей и штурмовиков, согласно боевому распоряжению, составляло не менее 3 вылетов, для бомбардировщиков – 3 вылета в сутки[269]. Но, несмотря на полученные распоряжения, боевая работа частей 4-й ВА 9 и 10 августа ограничивалась из-за недостатка горючего и боеприпасов и необходимости перебазирования на новые аэродромы. С прибытием в район Моздока и южнее Терского хребта для частей 4-й ВА закончился период отхода и наступил этап напряженной боевой работы по обороне рубежа реки Терек[270].

На новом месте базирования авиация 4-й ВА продолжала выполнять боевые задачи над территорией Ставрополья. Так, в ночь с 10 на 11 августа 218-я НБАД уничтожала скопление войск противника в самом Пятигорске и выдвигающиеся из Пятигорска на Георгиевск. Еще одним районом боевых действий стал участок дороги Пятигорск – Нальчик до рубежа Малки.

Днем 11 августа 230-я ШАД, 265-я ИАД и 219-я БАД под прикрытием истребителей 216-й ИАД, вели боевую работу в районе Минеральных Вод, Пятигорска и Георгиевска. Как свидетельствуют архивные источники, ввиду сложности наземной обстановки в районе Пятигорска (в это время там шли ожесточенные бои) летный состав был предупрежден об исключительной внимательности, и авиаудары производились лишь при

Иван Терентьевич
БАТЫГИН
(1905-1944)

Павел Константинович
БАБАЙЛОВ
(1919–1944)

точном определении принадлежности войск. Архивные документы свидетельствуют, что активные действия в этом районе с аэродрома Эльхотово вел 805-й ИАП (265-й ИАД), вооруженный истребителями ЛаГГ-3. В августе 1942 года отличились летчики полка младшие лейтенанты Н.Т. Малецкий, В.Ф. Шмелев, сержанты С.М. Басов, А.И. Кокарев[271].

Штурмовку войск противника в районе Клухорского, Санчарского перевалов, поселка Теберда и деревни Псху вели летчики 790-го ИАП 5-й ВА Черноморской группы войск Закавказского фронта. Об этом свидетельствуют наградные листы П.Н. Алейникова, А.П. Балашева, П.К. Бабайлова и других летчиков полка. Автору книги посчастливилось служить в перестроечные времена в 790-м истребительном авиационном полку. В гарнизоне Хотилово единственная улица носила имя Героя Советского Союза Павла Бабайлова.

В дальнейшем основные действия нашей авиации разворачивались к югу от границ Ставропольского края. Так, с 17 августа 265-я ИАД, 216-я ИАД и 219-я БАД уничтожали мотомеханизированные части противника, выдвигающиеся из Зольской на Кубу, Карагач, Баксаненок (Кабардино-Балкария), не допуская их выдвижения на восток. В ночное время в том же районе работали полки 218-й НБАД. К 19 августа объектами удара стали войска противника непосредственно в населенных пунктах Алтуд, Солдатская, Карагач, Баксаненок.

Но с приближением противника к Моздоку боевые действия авиации 4-й ВА вновь вернулись в воздушное пространство Ставропольского края. 22 августа полки 219-й БАД, 216-й и 265-й ИАД выполняли задачи по уничтожению мотомеханизированных частей противника в районе Советское (Кировский р-н), Каново и Привольный (Курский р-н), не допуская их продвижения на юг и восток. В это время 217-я

ИАД прикрывала действия бомбардировщиков 219-й БАД. 23 августа полки 216-й ИАД и 219-й БАД под прикрытием истребителей 217-й ИАД выполняли задачи по уничтожению мотомеханизированных частей противника в районе Советская, Привольный, Ага-Батыр[272].

24 августа 216-й ИАД, 219-й БАД и 265-й ИАД ставились задачи по уничтожению войск противника в районе Авалов, Графский, Русский № 1, Русский № 2, искл. Моздок, Веселовское с целью недопущения переправы противника на южный берег Терека. 217-я ИАД была выделена для прикрытия действий 219-й дивизии. Напряжение для истребителей и штурмовиков устанавливалось 4-5 вылета в сутки, для бомбардировщиков – 3 вылета[273].

Экипажи ночных бомбардировщиков 218-й НБАД с 22 по 26 августа работали в том же районе. 588-й НЛБАП уничтожал мотомеханизированные части противника в Ага-Батыр. 650-й и 870-й НЛБАП действовали вдоль дорог: между населенными пунктами Советская, Привольный, Ага-Батыр, Дортуй, Луковский, Моздок, Веселовское, Испиров. 585-й полк работал в небе Кабардино-Балкарии. С началом боев за Моздок 23-25 августа ночные бомбардировщики воздействовали по противнику на северных подступах к городу, уничтожая его наземные войска в районе Графский, Русский № 2, Веселовское и по дороге от Моздока до Галюгаевской. Боевое напряжение в эти дни назначалось не менее 2 вылетов в сутки[274].

Ночью с 26 на 27 августа к экипажам 218-й НБАД присоединились силы 50-й авиационной дивизии дальнего действия. Их задачей было уничтожение противника в районе Ага-Батыр, Привольный, Каново, Лепелин, Дортуй[275].

Как упоминалось выше, совместно с частями истребительной авиации 4-й ВА в небе Ставрополья выполняли задачи по охране и обороне воздушных рубежей летчики 105-й истребительной авиационной дивизии противовоздушной обороны (ПВО), командир – полковник Л.Г. Рыбкин. После взятия Ростова, 26 июля с аэродрома Батайск эта дивизия перебазировалась на аэродромный узел Грозный и вошла в Грозненский дивизионный район ПВО. В ее состав входили 182-й и 234-й ИАП (командиры – майор С.А. Прокопович и подполковник Ф.В. Федорук). Дивизия находилась в составе войск ПВО территории страны и лишь в оперативном отношении подчинялась командующему 4-й ВА. 26 июля 182-й ИАП произвел посадку на аэродроме Грозный. В тот же день 234-й ИАП сел на аэродроме Минеральные Воды как на промежуточном. Однако здесь ему пришлось задержаться для выполнения задачи по прикрытию участков железных дорог Минводы – Георгиевск и Георгиевск – Прохладная, включая железнодорожные узлы Георгиевск и Прохладная. Дислокация и боевой состав 105-й ИАД на 1 августа 1942 года были следующими: 182-й ИАП (аэродром Грозный); боевых самолетов – 18: 9 ЛаГГ-3, 5 МиГ-3, 4 Як-1; летчиков – 24; 234-й ИАП (аэродром Минводы и частично – Грозный); боевых самолетов – 5: 2 МиГ-3, 3 И-16; летчиков – 24[276].

Василий Михайлович
СВИРИДОВ
(1915-1942)

Василий Михайлович
УСКОВ
(1911-2006)

5 августа в районе Минводы – Георгиевск было отмечено два одиночных пролета самолетов Ме-110. Но в этот день 105-я дивизия вылетов не делала. Задачи противовоздушной обороны выполнял 738-й ИАП ПВО, аэродром Минеральные Воды, из состава Грозненского дивизионного района ПВО 1-го формирования (с 12 августа полк вошел в состав 105-й ИАД ПВО). 5 августа пара истребителей И-16 этого полка вела воздушную разведку дорог Минеральные Воды, Курсавка, Невинномысская, Янкуль, Ворошиловск. Летчики – младший лейтенант Свиридов и старший сержант Казаков. Полет выполнялся на высоте 50-200 метров.

В результате боевой работы летчиками было вскрыто движение автомашин с пехотой противника из Янкуля на Курсавку и мирного населения из Ворошиловска и Армавира на Невинномысск. Невинномысск горел. В полутора – двух километрах от Невинномысска пара была атакована двумя вражескими истребителями Ме-110. Самолет командира звена младшего лейтенанта Свиридова загорелся и врезался в землю, летчик лейтенант Василий Михайлович Свиридов погиб[277].

6 августа в период с 16.00 до 16.30 до 20 Ю-88 группами по 3-5 самолетов произвели бомбардировочный налет на станции Георгиевск, Минеральные Воды и город Буденновск. 234-й полк 105-й ИАД произвел 16 самолетовылетов на патрулирование воздушного пространства над городами Георгиевск и Минеральные Воды.

В 16.00 6 (по другим данным 8) августа, патрулируя над Георгиевском на самолете ЛаГГ-3 на высоте 4000 м, командир эскадрильи капитан В.М. Усков заметил на встречном курсе два звена Ю-88 – одно на высоте 4000 и второе на высоте 3500 метров. Усков сверху и спереди атаковал ведущего первого звена. Атакованный

Ю-88 загорелся и упал в 8 км западнее Георгиевска. Проскочив под строй первого звена, Усков атаковал правого ведомого второго звена и, видя, что тот не падает, решил таранить его спереди в хвостовое оперение левой плоскостью. Удерживая самолет левой ногой, Усков направил его на Ю-88. От удара оба самолета рассыпались в воздухе. Ускова выбросило из самолета, и он спасся на парашюте. В результате боя было сбито 2 Ю-88, потерян один истребитель ЛаГГ-3[278]. В этом бою капитан Усков был ранен и контужен. После лечения его перевели на штабную работу. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 февраля 1943 года за образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом отвагу и геройство ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

7-9 августа противник вел воздушную разведку районов Минеральные Воды, Георгиевск, Грозный, Гудермес, Буденновск одиночными самолетами. 8 августа его авиация произвела несколько бомбардировочных налетов небольшими группами самолетов Хе-111 (до 18) на железнодорожные станции Кума (между Георгиевском и Буденновском), Терек (между Прохладной и Гудермесом) и Буденновск. 9 августа шестерка «юнкерсов» бомбила мосты через Терек и Аргун севернее Гудермеса.

8 августа летчики 234-го ИАП с аэродрома Минеральные Воды провели воздушный бой с группой самолетов Хе-111. В 14.30 во время патрулирования над Георгиевском на высоте 3500 м на самолетах ЛаГГ-3 старший лейтенант Абраменко и лейтенант Н.К. Дураков впереди себя на попутных курсах заметили два звена Хе-111, шедших с курсом 90 градусов (на восток). Абраменко подал сигнал «Переходим в атаку», увеличил скорость и пошел на догон. Сблизившись на дистанцию 400-500 м, Абраменко атаковал правого ведомого сверху и сзади. Дураков атаковал тот же самолет сзади в хвост. Из атаки летчики вышли на дистанции 200 метров и произвели последовательно еще две атаки. Самолет противника загорелся и упал в районе Георгиевска. 9 августа 234-й ИАП перебазировался с аэродрома Минеральные Воды на аэродром Грозный.

Дураков Николай Константинович (1918 г.р.) – участник войны с 22 июня 1941 года. Командир звена 234-го ИАП. К середине августа 1942 года совершил 248 боевых вылетов, участвовал в 47 воздушных боях. В паре с ведущим сбил один Хе-111 и лично один Хе-111. Указом ПВС от 14.02.1943 года награжден орденом Красного Знамени[279].

С 10 по 16 августа противник продолжал бомбардировочные налеты мелких групп самолетов Ю-88 и Ме-110 на промежуточные станции по дорогам Георгиевск – Буденновск, Георгиевск – Минеральные Воды, вел разведку в районах Минеральные Воды, Прохладный, Гудермес, Орджоникидзе. 182-й, 234-й и 822-й ИАП (последний передан 2 августа из состава Бакинской армии ПВО) совершили 26, 28 и 92 самолетовылетов соответственно. Однако встреч с противником не было. С 17 по 22 августа части дивизии продолжали вылетать на патрулирование данных объектов, но контакта с противником опять не случилось. С продвижени-

ем наземных войск противника, объектами патрулирования 105-й ИАД стали подступы к Грозному и Орджоникидзе[280].

Рассмотрим более подробно, как сражались в ставропольском небе в августе 1942 года авиационные части и соединения 4-й воздушной армии.

216-я истребительная авиационная дивизия (командир – Герой Советского Союза генерал-майор авиации В.И. Шевченко) к 11 августа 1942 года имела в своем составе 45-й, 84-й «А» и 88-й истребительные полки и 103-й штурмовой авиационный полк (ШАП). Согласно архивным данным, полки этой дивизии с 1 августа перебазировались с аэродрома Гетмановская (не «Геймановская» – Авт.) под Кропоткином через аэродромы Петровское, Благодарное, Архангельское, Советское, Спицевское. С 13 августа штаб дивизии, 88-й и 84-й «а» истребительные полки обосновались на аэродроме Тулатово (ныне город Беслан, Сев. Осетия), 103-й штурмовой и 45-й истребительные полки обживали аэродром Орджоникидзевская.

84-й «А» ИАП 216-й ИАД по приказу Военного Совета Закавказского фронта был сформирован путем выделения из состава 84-го ИАП Закавказского фронта и приступил к боевым действиям 1 августа 1942 года в составе двух эскадрилий с 20 самолетами И-153. Ранее личный состав полка в боевых действиях не участвовал. Командир полка – майор Я.И. Антонов (до 25 августа), капитан П.С. Середа (с 25 августа), военком полка – батальонный комиссар В.С. Барабанов.

Непосредственное участие полка в боях началось с 12 августа. В этот момент в его боевом составе насчитывался 21 самолет И-153. Главными задачами, стоящими перед его личным составом, были ведение воздушных боев и штурмовка наземных войск противника.

23 августа, получив задачу командования не допустить продвижения танков и моточастей противника в районы Майское и Привольный (на территории КЧАО), полк произвел 61 боевой самолетовылет на штурмовку войск противника. В результате удара авиации совместно с действиями наземных войск противник понес большие потери и был остановлен. В течение дня полком было уничтожено и повреждено 12 танков, до 20 автомашин с войсками и грузами, одна точка зенитной артиллерии.

В этот день, участвуя в штурмовке мотомехколонны противника в районе Каново – Привольный, отличился пилот младший лейтенант В.Н. Макутин. Он сделал 5 боевых вылетов. При этом он брал на самолет максимальное количество боеприпасов – бомб и патронов. Несмотря на сильный зенитный огонь, он точно бил по целям, эффективно используя каждую бомбу и каждый снаряд. За проявленное мужество и бесстрашие В.Н. Макутин был награжден орденом Красного Знамени. Представление к награде подписал 25 августа 1942 года первый командир полка Герой Советского Союза майор Я.И. Антонов[281].

24 августа противник сходу пытался ворваться в Моздок и форсировать Терек. Командованием 216-й ИАД перед полком была поставлена задача: штурмовать мототанковые колонны противника и сорвать операцию. В итоге полк с поставленной задачей справился: произвел 52 штур-

мовки, уничтожил и повредил 9 танков, 14 автомашин, 8 зенитно-пулеметных точек. Эффективность ударов авиации за 23-24 августа документально подтвердило командование 9-й армии: «По далеко неполным данным, только за два дня авиация и наземные части на нашем участке фронта уничтожили 68 танков, 140 автомашин, несколько броневиков и более батальона пехоты».

Яков Иванович
АНТОНОВ
(1908–не ранее 1942)

Примером храбрости и отваги летчиков полка стал воздушный бой, произошедший 25 августа. Восемь экипажей И-153 84-го «А» полка в сопровождении девяти истребителей И-16 88-го ИАП при налете на вражеский аэродром Дортуй (на юге Ставропольского края) встретили в воздухе двадцать «мессершмиттов» Ме-109. В результате воздушного боя было уничтожено десять самолетов, шесть из них сбили летчики 84-го «А» ИАП. На земле был сожжен один Ю-52. Свои потери составили два И-153 и один И-16.

В этом бою вновь отличился младший лейтенант В.Н. Макутин. При подходе к объекту штурмовки – аэродрому Дортуй – в 15 киломе-

Командир авиационной группы майор Гордон Голлоб (второй слева) и обер-лейтенант Адольф Диккфельд (третий слева) допрашивают майора Я.И. Антонова.

трах от цели он был встречен огнем Ме-109, в результате чего получил два тяжелых ранения и значительное повреждение самолета. Превозмогая сильную боль, летчик настойчиво продолжал выполнять поставленную задачу. Противник пытался добить самолет Макутина, но тот, отражая атаку, сбил Ме-109, отштурмовал аэродром. Уходя от цели, Виктор Макутин снова был атакован Ме-109, в результате чего его самолет загорелся, а летчик выбросился на парашюте в полутора километрах от вражеского аэродрома. Невзирая на сильные боли, Макутин 18 километров пробирался ползком на свою территорию и вернулся в свой полк.

В этом же бою, видя угрозу командиру полка Герою Советского Союза майору Я.И. Антонову со стороны атакующих его Ме-109, пилот младший лейтенант Г.Н. Павлов, пренебрегая своей жизнью, принял неравный бой, отразил атаки и сбил один Ме-109. Павлов также был награжден орденом Красного Знамени. Представление его к награде тоже успел подписать майор Антонов 24 августа – за сутки до того момента, когда Павлов пытался спасти своего командира в бою[282].

Однако самому майору Антонову в тот день вернуться с задания не удалось. Яков Иванович был участником советско-финской войны и звезду Героя Советского Союза получил еще в 1940 году. Несмотря на опеку со стороны ведомого, немцам все же удалось сбить самолет командира. Как следует из советских документов, Антонов пропал без вести, немецкий фотоснимок свидетельствует, что Антонов попал в плен. Дальнейшая его судьба точно не известна.

За образцовое выполнение боевых заданий командования в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество, 17 июня 1943 года 84-й ИАП получил наименование 101-го гвардейского ИАП.

В списке безвозвратных потерь 84-го «А» ИАП за август 1942 года, кроме майора Я.И. Антонова, значатся: заместитель командира эскадрильи лейтенант Петраков Г.С. (сбит 15.08.1942 г.), пилот младший лейтенант Литовченко Н.Д. (сбит 17.08.1942 г.), командир звена лейтенант Кузьмин М.М. (сбит 19.08.1942 г.), пилот младший лейтенант Кудряшев А.И. (сбит 19.08.1942 г.), командир эскадрильи старший лейтенант Егоров А.И. (сбит 29.08.1942 г.)[283]

Группу самолетов из восьми И-16, выделенных от 88-го ИАП, в бою 25 августа возглавлял капитан В.И. Максименко. Несмотря на численное и качественное превосходство противника, наши экипажи смело и решительно вступили в бой. Шесть из десяти сбитых «мессершмиттов» и Ю-52, уничтоженный на аэродроме противника на земле, были на счету 88-го полка. Своих потерь группа не имела. Ранение получил сам капитан Максименко, тем не менее, он благополучно довел и посадил самолет на своем аэродроме. В октябре 1942 года командованием Северной группы войск ЗКФ и 4-й ВА было подписано ходатайство о присвоении 88-му ИАП звания гвардейского[284]. В апреле 1944 года полк станет 159-м гвардейским ИАП.

Стоит отметить, что 88-й ИАП под командованием майора А.Г. Маркелова, вооруженный самолетами И-16, участвовал в Великой Отечественной войне с 22 июня 1941 года, в боях на Северном Кавказе – с 12 августа 1942 года. 29 июля полк перебазировался с аэродрома Терновский на аэродром Ворошиловск, 1 августа перелетел на аэродром Спицевская, а 3 августа – на аэродром Покровское. 4, 5 и 6 августа экипажи полка произвели 72 самолетовылета на разведку, сопровождение и патрулирование. Самолеты Су-2, прикрываемые полком, действовали в районах Московское, Ворошиловск и Новоалександровки. 6 августа было сделано 18 вылетов на разведку в район Александрия, Петровское, Ореховский, Кугульта, 18 вылетов – на штурмовку наземных войск в район западнее Петровское. В результате было уничтожено 17 автомашин и 50 солдат противника. К исходу дня полк перебазировался на аэродром Архангельское. 7 августа полк патрулировал в воздухе, прикрывая ж.д. узел Георгиевск. 8 августа полк продолжал выполнять патрулирование над Георгиевском и вел разведку в районе Благодарного. Столкновений с противником не было. В тот же день полк перебазировался на аэродром Советское.

10 августа полк разведывал и штурмовал войска противника в районе Минеральные Воды. Уничтожено 7 вражеских автомашин и до 25 солдат. Во второй половине дня полк перебазировался на аэродром Тулатово (г. Беслан), а на следующий день – на аэродром Орджоникидзевская (Ингушетия).

12 августа полк, приняв от 750-го смешанного авиаполка 18 самолетов И-16, вел боевую работу этими самолетами с аэродрома подскока Моздок, совершил 25 самолетовылетов, после чего на следующий день вернулся на аэродром Тулатово.

С 14 августа полк вел интенсивную боевую работу в небе Кабардино-Балкарии. Периодически объекты удара назначались в границах

Ставрополья и тогда самолеты 88-го ИАП появлялись в небе над Марьинской, Старопавловской, Новопавловской, Моздоком. За август 1942 года полком было сбито 13 Ме-109, и один Ю-52 был уничтожен на земле. В этих боях полк потерял 5 И-16 и 4 человека летного состава. Уничтожено 8 танков, 267 автомашин, 13 орудий зенитной артиллерии и зенитных пулеметов, 3 цистерны с горючим, 2 речных баркаса, 4 автобуса, 10 мотоциклов, убито и ранено 795 солдат и офицеров[285].

В небе Ставрополья отличился ряд летчиков этого полка. Штурман полка капитан В.И. Максименко много раз водил полк в полном составе на боевое задание. За август Максименко произвел 25 боевых вылетов, провел 8 воздушных боев, в которых в группе сбил 2 Ме-109, уничтожил 16 автомашин, убил и ранил до 50 вражеских солдат и офицеров. 23 августа, являясь ведущим группы 12 самолетов И-16, в результате штурмового удара вместе с группой уничтожил 2 танка и одну танкетку, 3 автомашины, мотоцикл, до 20 солдат противника. Сам В.И. Максименко в этом вылете уничтожил 2 автомашины и вывел из строя один танк. За образцовое выполнение боевых заданий приказом командующего войсками ЗКФ от 9 сентября 1942 года № 01/н был награжден орденом Ленина. Тем же приказом орденами Ленина были награждены командир

Командир 88-го ИАП А.Г. Маркелов (сидит) с группой лётчиков полка (слева направо): В.В. Собин, Е.А. Пылаев, В.А. Князев, В.И. Максименко, А.А. Постнов, В.Е. Потасьев, К.Л. Карданов, В.А. Колесник, А.П. Лукин. Август 1943 г.

полка майор А.Г. Маркелов, комиссар полка В.Е. Протасьев и заместитель командира эскадрильи старший лейтенант В.А. Князев[286].

Будущий дважды Герой Совет-ского Союза Д.Б. Глинка у своего самолета

Василий Александрович Князев начал боевую работу на Северном Кавказе с 12 августа. К концу месяца совершил 35 боевых вылетов, задерживая штурмовыми ударами продвижение немецких войск к Тереку. За этот период он в групповом бою сбил один Ме-109, убил и ранил до 70 солдат противника. Являясь в большинстве вылетов ведущим, В.А. Князев проявлял инициативу, находчивость, мужество и силу воли в выполнении поставленных задач. 18 августа, вылетев в составе группы из 5 самолетов И-16 на разведку погоды, на маршруте встретил низкую облачность, закрывавшую вершины горного хребта. Продолжать полет группой в таких условиях над территорией со скоплением мотомеханизированных частей противника было опасно. Отправив 4 экипажа на свой аэродром, он один по ущелью над рекой на высоте «бреющего» полета прошел к цели. Увидев перед собой скопление автомашин противника, он вернулся на аэродром. Немедленно был произведен боевой вылет. Самолеты прошли выше облачности и горных хребтов, после чего внезапно появились в районе цели и успешно произвели штурмовой налет.

24 августа, возвращаясь с группой 13 самолетов И-15 с задания, Князев увидел, как один из самолетов группы отделился от строя, резко пошел на снижение и произвел посадку в поле. Летчик вылез из самолета и лег на землю. Командир понял, что товарищ ранен. Подав остальным экипажам сигнал покачиванием, Князев приземлился рядом. Летчик лейтенант Бейгул был тяжело ранен в ногу. Князев, не выключая мотора, оказал первую помощь раненому вместе с бойцами наземной части. Прилетев на аэродром, доложил командованию о случившемся. Быстро принятыми мерами раненого доставили в часть и отправили самолетом в госпиталь[287]. В августе 1943 года Василий Князев будет удостоен звания Героя Советского Союза.

45-й истребительный авиационный полк (216-й ИАД), вооруженный истребителями Як-1, под командованием подполковника И.М. Дзусова вел активные боевые действия с 12 августа 1942 года. Адъютант эскадрильи старший лейтенант Д.Б. Глинка с 12 по 25 августа совершил 27 боевых вылетов на штурмовку, воздушную разведку, сопровождение штурмовиков и прикрытие аэродрома. За это время в составе группы он

Ибрагим Магометович
ДЗУСОВ
(1905-1980)

Виктор Иосифович
ДАВИДКОВ
(1913-2001)

уничтожил 40 автомашин, до двух рот солдат и офицеров, вывел из строя до 100 автомашин противника. 17 августа в воздушном бою он сбил Ме-109. Еще по одному «мессершмитту» в тот день сбили штурман полка капитан Д.И. Аленин и старший лейтенант И.Л. Шматко. Это были одни из лучших летчиков полка – мужественные, отважные, тактически грамотные, хорошо подготовленные для полетов в сложных метеоусловиях[288]. За бои в небе Ставрополья все трое были награждены орденом Красного Знамени. Позже в воздушных сражениях на Кубани Дмитрий Глинка дважды удостоился звания Героя Советского Союза, Иван Шматко погиб в лобовой атаке, таранив немецкий самолет, а Дмитрий Аленин – в авиационной катастрофе в феврале 1943 года. Орденами Красной Звезды за успешную штурмовку войск противника с 12 по 25 августа 1942 года были награждены командиры эскадрилий старшие лейтенанты М.Г. Петров и В.Д. Шаренко, командир звена лейтенант А.Г. Труфанов и пилот сержант В.И. Канаев[289].

217-я истребительная авиационная дивизия, сформированная в мае 1942 года, сражалась на Южном фронте в составе 4-й ВА под командованием полковника Д.П. Галунова. В августе 1942 года в дивизию входили 131-й, 40-й, 8-й и 862-й истребительные авиационные полки.

131-й истребительный авиационный полк (командир – Герой Советского Союза майор В.И. Давидков) на истребителях ЛаГГ-3 и Ла-5 перелетел 29 июля с аэродрома Терновский на аэродром Белая Глина, 30 июля – на аэродром Армавир, где 2 августа участвовал в отражении налета на город 9 «юнкерсов» Ю-88. Следующая запись в журнале боевых действий полка была сделана только 8 сентября, к этому времени полк уже базировался на аэродроме в станице Нестеровской. Из

этого следует, что больше в августе полк боевых действий не вел[290].

40-й истребительный авиационный полк (командир полка – майор П.Ф. Чупиков), вооруженный самолетами И-16. 8 августа командир эскадрильи капитан И.М. Пилипенко в паре с молодым пилотом вылетел на разведку войск противника в район Каново, Курская, Ага-Батыр. В районе разведки при плохих условиях погоды неожиданно из-за облака наша пара была атакована тремя Ме-109. Пилипенко принял бой, и умело применяя огонь и маневр, с первой атаки сбил один «мессершмитт». Остальные развернулись и ушли в облачность. Отлично выполнив задачу по разведке, летчики вернулись на свой аэродром, доставив ценные данные[291]. Во второй половине августа 40-й ИАП стал реже появляться над ставропольскими землями, выполняя задачи по большей части в небе Кабардино-Балкарии. Однажды южнее Пятигорска, это было 16 августа, по дороге к селу Малка (КБР) командир звена 40-го ИАП лейтенант Н.Ф. Клепиков обнаружил большую колонну автомашин численностью до 500 единиц, своевременно доставленная информация дала возможность нашим бомбардировщикам уничтожить эту цель[292].

Яков Архипович
КУРБАТОВ
(1907-1982)

2 августа из состава 229-й ИАД в 217-ю ИАД был передан *8-й истребительный авиационный полк* – командир подполковник Я.А. Курбатов. После боев под Ростовом, когда в полку оставалось только два исправных Як-1, часть была выведена на аэродром Кавказская (г. Кропоткин) и влилась в 6-й учебно-тренировочный авиационный полк. Вместе с ним она перебазировалась в Армавир. Здесь полк получил 2 самолета: один Як-1 и один учебный Як-7 (спарка). 1 августа они перелетели в Моздок. На этих двух самолетах летчики полка начали выполнять боевые вылеты в составе 217-й ИАД. Позже были получены истребители Як-7.

За десять дней боевой работы в районе Моздока (с 13 по 24 августа) полком было произведено 303 боевых вылета. Несмотря на то, что в это время полк действовал в основном по наземным войскам противника, было сбито 12 самолетов. Свои потери составили пять самолетов и четыре летчика. 24 августа оставшиеся 9 самолетов были сданы в мастерские, а личный состав вновь оказался в 6-м ОУТАП.

Летчики 8-го ИАП И.М. Горбунов и Н.Н. Печеный. 1943 г.

В ходе воздушных боев, штурмовок войск противника, сопровождения своих бомбардировщиков в небе Ставрополья в августе 1942 года отличились летчики 8-го полка: старший лейтенант И.М. Горбунов, сбивший со своим звеном Фокке-Вульф-189, старший сержант А.М. Шатов, удачно совершивший воздушный таран Хе-113. 28 августа в районе села Русского (на юге Ставропольского края) штурман полка майор Г.К. Гарбарец сбил Ме-109 и, будучи раненым, благополучно вернулся на свой аэродром Терская[293].

15 августа штурмовыми действиями полка в районе Русский-1, Русский-2 было уничтожено 43 автомашины с войсками и грузами, 11 бензовозов, 1 штабной автобус, 1 тягач, 2 радиостанции, в воздушных боях сбит один Ме-109ф[294].

Александр Афанасьевич ЦЫГАНКОВ (1909-1944)

16 августа в районе села Орловское Буденновского района на самолетах Як-1 погибли в воздушном бою пилоты младший лейтенант В.Р. Шалабаев и старшина Н.С. Штукин. Они были похоронены в 10 км западнее села. 17 августа на самолетах Як-1 не вернулись с боевого задания командиры звеньев лейтенанты А.Ф. Калинин и Е.В. Колдыбаев[295].

24 августа после передачи 9 самолетов в ремонтные мастерские 8-й полк, согласно приказу командира дивизии, перегнал 6 боеготовых самолетов в 45-й полк на аэродром под Орджоникидзе и убыл в тыл для получения новых самолетов и пополнение летным составом.

7 августа в состав 217-й ИАД влился *862-й истребительный авиационный полк*, сформированный в Закавказье на самолетах ЛаГГ-3 под командовани-

ем майора А.А. Цыганкова. 17 августа в групповом воздушном бою истребители полка подбили немецкий истребитель Ме-109, который с повреждениями вышел из боя. Но первая убедительная победа была одержана 24 августа в воздушном бою, в котором лейтенант В.И. Матыцин в 6-7 км севернее Моздока сбил немецкий Ме-109. После прикрытия бомбометания бомбардировщиков Бостон-3 пара Матыцина возвращалась на свой аэродром, но по пути ей встретились два Ме-109. Завязался бой. С первой атаки Матыцина один «мессершмитт» рухнул на землю. Пока шел этот бой, был сбит ведомый Матыцина и второй Ме-109 пробил радиатор самолета лейтенанта, пришлось выходить из боя и совершить вынужденную посадку на свою территорию южнее 7-8 км от Вознесенское. В ходе боя Василий Матыцин получил легкое осколочное ранение в ногу[296].

Василий Ильич
МАТЫЦИН
(1921-1942)

За месяц полк потерял троих летчиков. 19 августа на самолете ЛаГГ-3 был сбит огнем зенитной артиллерии штурман полка лейтенант С.П. Слукин, упав на землю, сгорел вместе с самолетом. 21 августа погиб при столкновении самолетов в воздухе после возвращения с боевого задания на самолете ЛаГГ-3 командир звена старшина Г.М. Хоботов. Похоронен на территории Орджоникидзевского края у МТС с. Балашов. 22 августа не вернулся с боевого задания пилот старшина Н.П. Барабанщиков[297].

229-я истребительная авиационная дивизия участия в боевых действиях не принимала. Ее полки – 494-й, 270-й, 484-й были выведены в тыл в 6-й ОУТАП и вернулись в состав дивизии к концу августа. 657-й штурмовой авиационный полк был передан в состав 265-й ИАД, а 8-й ИАП – в 217-ю дивизию.

265-я истребительная авиационная дивизия под руководством подполковника П.Т. Коробкова была передана в состав 4-й ВА из 5-й воздушной армии в конце июля 1942 года. В августе боевые действия вели три ее полка – 68-й и 805-й истребительные и 657-й штурмовой.

68-й ИАП под командованием майора А.П. Чавчанидзе, на 17 августа имел в боевом составе 14 самолетов: 8 И-153, 3 И-16 и 3 И-15бис. Боевые вылеты на штурмовку войск противника совершали: капитан Д.М. Новиков, лейтенанты В.И. Замарашкин, О.А. Зиядинов, П.А. Кальченко, старший сержант М.И. Кретов[298].

805-й ИАП, вооруженный истребителями ЛаГГ-3, под руководством командира полка майора Д.В. Жаркова с 12 августа, базируясь на аэродроме Эльхотово, вел боевую работу на Пятигорском направлении – в

районе Минеральных Вод, Пятигорска. Боевые вылеты совершались на штурмовку войск противника, на сопровождение своих бомбардировщиков, ведение воздушных боев. В августе 1942 года отличились летчики полка младшие лейтенанты Н.Т. Малецкий, В.Ф. Шмелев, сержанты С.М. Басов, А.И. Кокарев[299].

657-й штурмовой авиационный полк под командованием капитана А.Н. Волкова на самолетах Ил-2 был передан в 265-ю ИАД 1 августа 1942 года.

7 августа 1942 года группа штурмовиков из 6 Ил-2 657-го ШАП, ведущий командир эскадрильи капитан П.Г. Колесников, атаковала скопление танков и автомашин противника в районе северо-восточней Ворошиловска. В результате успешных действий летчикам удалось уничтожить 7 танков, 4 автомашины с личным составом и боеприпасами и 8 зенитно-пулеметных точек[300]. После выполнения боевого задания самолеты возвращались в район базирования, и попали в густой туман, который закрыл весь район базирования. Горючее было на исходе. Но Колесников, благодаря умелому самолетовождению нашел окно, незакрытое туманом и всю группу посадил нормально[301]. 10 августа полк штурмовал наземные войска противника на переправе через реку Кубань в районе г. Невинномысска.

Говоря о действиях штурмовой авиации в небе Ставрополья, необходимо отметить *103-й штурмовой авиационный полк* из состава 216-й ИАД, который приступил к боевым действиям с 12 августа (на 5 августа полк базировался в Благодарном). В середине августа 103-й полк располагал всего 2-3 исправными машинами, на которых летчики летали по очереди. 23 августа (в период боев за Моздок) в районе Веселовский (на северо-восточной окраине Моздока) пара штурмовиков Ил-2 этого полка в составе: ведущего – командира звена младшего лейтенанта М.И. Кузнецова и ведомого – пилота младшего лейтенанта Г.П. Коваленко под интенсивным огнем зенитной артиллерии произвела 4 атаки по замаскированным в лесу танкам и автомашинам и 3 атаки по зенитным батареям.

В тот же день во втором вылете пара произвела штурмовой удар по скоплению танков и автомашин противника в 2 км южнее совхоза имени К. Либкнехта и по дороге от Пиев на Русский (все пункты Курского района края). По данным штаба 216-й ИАД, пара уничтожила 10 машин и до 100 солдат и офицеров. При возвращении на свой аэродром наши самолеты были атакованы четверкой Ме-109 и, несмотря на ранения и сильное повреждение самолетов, оба летчика приземлились на своей территории[302] в районе Моздока. С этого дня полк остался без исправных самолетов и вскоре был отправлен в тыл на кратковременный отдых и пополнение летчиками и авиатехникой.

О характере боевых действий ночных бомбардировщиков в августе 1942 года свидетельствуют выдержки из архивных документов *218-й ночной бомбардировочной авиационной дивизии*, командир дивизии полковник Д.Д. Попов.

588-й ночной бомбардировочный авиационный полк под руководством командира полка капитана Е.Д. Бершанской отличился в августе дважды – над Ворошиловском и в районе Пятигорска.

В ночь с 4 на 5 августа заместитель командира эскадрильи младший лейтенант М.В. Смирнова уничтожала войска противника по дороге Ворошиловск – Михайловское. В результате ударов наблюдались взрывы, сопровождавшиеся густым черным дымом. Предположительно горели горючие материалы. 5 августа, выполняя задание по уничтожению техники противника в Ворошиловске, командир 2-й эскадрильи младший лейтенант Е.Д. Никулина сбросила бомбы на цель, после чего наблюдались сильные взрывы, сопровождавшиеся густым черным дымом. Летчик сержант З.И. Парфенова 5 августа, обнаружив скопление мотомеханизированных колонн и живой силы противника в лесу южнее Ворошиловска, сбросила бомбы в этот район, вызвав сильный взрыв с темным дымом[303].

Экипаж в составе пилота сержанта М.П. Чечневой и стрелка-бомбардира сержанта О.А. Клюевой 15 августа нанес бомбовый удар по мотомеханизированной колонне в районе станицы Константиновской (под Пятигорском), в результате которого были слышны сильные взрывы и видны вспышки с огнями. За выполнение боевых заданий летчицы были награждены орденами Красного Знамени и Красной Звезды соответственно. В тот же день другой экипаж 588 полка, в котором стрелком-бомбардиром была сержант Е.Б. Пасько, разрушил переправу на реке Куба (так записано в наградном листе, однако р. Куба находится в 250 км от Пятигорска, что превышает тактический радиус действия самолета

Евдокия Давыдовна
БЕРШАНСКАЯ
(1913–1982)

Марина Павловна
ЧЕЧНЕВА
(1922–1984)

По-2. Вероятно, это было село Куба на реке Малка – *Авт.*). Евдокия Борисовна была награждена орденом Красной Звезды[304].

В дневнике Марины Чечневой за 15 августа 1942 года сделана такая запись: «Мы были очень удовлетворены полетами в этот день – день моего рождения. Ольга Клюева, возвращаясь с задания, кричала в переговорный рупор «ура» и поздравляла меня с днем рождения и удачным боевым вылетом, который мы провели в эту ночь». Записи за 17 и 30 августа говорят о том, что девушки, работая в том же районе, поразили склад с боеприпасами и склад с горючим[305].

Еще одним полком в составе этой дивизии был *585-й ночной легко-бомбардировочный авиаполк*, командир полка – майор К.П. Жевнеров. В небе Ставрополья 585-й полк в августе 1942 года тоже оставил свой след. Так, стрелок-бомбардир, младший лейтенант Н.П. Любимов за период с 12 по 24 августа произвел 7 ночных боевых вылетов по уничтожению войск противника. В ночь с 12 на 13 августа, выполняя боевое задание по уничтожению мотомеханизированных войск противника на северной окраине г. Пятигорска, произвел сильный взрыв

Карточка заключенного
Н.Д. Бордиловского лагеря военнопленных Люфтваффе–2

с пожаром (по всем признаком была взорвана цистерна с горючим). В ночь с 14 на 15 августа пилот старшина Ф.Н. Вышлов на участке г. Пятигорск – с. Куба точным бомбометанием уничтожил 3 автомашины или танка[306].

Не обошлось в полку и без потерь. 8 августа не вернулся с боевого задания по разведке войск противника на самолете У-2 пилот младший лейтенант Н.Д. Бордиловский. Как потом стало ясно, он попал в плен в районе Минеральных Вод[307].

В ночь с 26 на 27 августа в районе Галюгаевской был сбит огнем артиллерии стрелок-бомбардир *650-го ночного бомбардировочного авиационного полка* младший лейтенант И.М. Дьячек. Этот полк также входил в состав 218-й ночной бомбардировочной авиационной дивизии.

219-я бомбардировочная авиационная дивизия – командир полковник И.Т. Батыгин – в августе 1942 года вела боевые действия силами 366-го, 859-го, 244-го и 288-го ближнебомбардировочных и 926-го истребительного авиационного полков: с 27 июля – с аэродромов в районе Белая Глина, с 30-го июля – с аэродромов в районе Изобильно-Тищенская, со 2 августа – с аэродромов в районе Петровское, с 4 августа – Архангельское, с 8-го августа – Моздок. 10 августа дивизия перебазировалась на аэродромы в районе Тулатово, а 11 августа – в районе Грозного.

366-й бомбардировочный авиационный полк под командованием майора А.С. Мозгового вел боевую работу с 12 августа. С этого момента до конца месяца командир звена этого полка капитан Н.М. Лазарев произвел 21 боевой вылет на разведку и бомбометание, в результате чего уничтожил 12 танков, 22 автомашины, рассеял и уничтожил до роты пехоты. 18 августа произвел бомбометание по разъезду Зольский, уничтожив 2 цистерны с горючим.

21 августа эскадрилья, в составе которой находились лейтенант Н.М. Лазарев, старшина Н.И. Пьяных и другие экипажи, в районе станицы Советской произвела бомбометание по скоплению автомашин и танков противника. В результате удара было уничтожено 8 танков, 27 автомашин и зенитная батарея с прислугой. 23 августа по дороге Советская – Ага-Батыр эскадрилья 366-го полка в составе 7 бомбардировщиков Пе-2 за два полета точными ударами уничтожила и вывела из строя 8 танков, 28 автомашин, рассеяла и уничтожила до батальона пехоты. В составе группы находился стрелок-бомбардир звена старший лейтенант П.А. Николаев[308].

В списке многих боевых побед командира эскадрильи 366-го БАП майора А.П. Бардеева одна из них пришлась на 24 августа 1942 года. В этот день противник пытался сходу ворваться в город Моздок и форсировать реку Терек. Но своевременной разведкой замыслы врага были разгаданы, отличными штурмовыми и бомбардировочными действиями авиации фашисты получили второй мощный удар. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13.12.1942 г. Александр Петрович Бардеев был удостоен звания Героя Советского Союза[309].

Александр Петрович
БАРДЕЕВ
(1910–1988)

859-й ближнебомбардировочный авиационный полк, командир майор А.Т. Орлов, вошел в состав 219-й БАД 11 августа 1942 года, имея 19 самолетов американского производства «Бостон» Б-3. Экипажи полка совершали боевые вылеты на уничтожение мотомеханизированных колонн противника в районе Минеральных Вод, Пятигорска и Георгиевска.

12 августа отлично отработала в районе Минеральные Воды, Пятигорск, Нагутская эскадрилья капитана П.Г. Егорова, уничтожив 15 автомашин и до 40 фашистских солдат. В составе группы находился экипаж пилота сержанта И.Ф. Лобарева, уничтоживший 4 автомашины с войсками и грузом и один танк. После бомбометания самолет снизился до высоты 40-50 метров и обстрелял колонну из пулеметов – поджег 3 автомашины и уничтожил до 20 солдат противника.

Также 12 августа группа во главе с ведущим – штурманом эскадрильи старшим лейтенантом И.С. Гусаковым в районе Минеральных Вод точным бомбовым ударом уничтожила и повредила 2 танка и до 10 автомашин с пехотой и грузом противника. В тот же день в районе станицы Суворовской по дороге на Черкесск экипаж лейтенанта А.Е. Кириченко метким бомбовым ударом уничтожил 4 автомашины с грузом и до 20 человек живой силы противника.

Экипаж командира звена младшего лейтенанта К.М. Чуевского точно сбросил бомбы на колонну войск противника, двигавшуюся по дороге из Курсавки в Минеральные Воды, записав на свой счет 10 уничтоженных автомашин врага с личным составом и грузом.

13 августа экипаж лейтенанта Н.Н. Соколова в результате удачной бомбардировки поджег ж.д. станцию Нагутская и эффективно бомбил движущиеся по дороге из Суворовской на Пятигорск войска противника, уничтожив 3 танка, 7 автомашин и до 35 человек фашистских солдат.

13 августа в районе Лысогорской и Минеральных Вод экипаж А.Е. Кириченко уничтожил 4 автомашины с живой силой и два танка противника, после чего, снизившись до бреющего полета, произвел интенсивный обстрел колонны, уничтожив еще одну машину и до 20 вражеских солдат.

13 августа экипаж И.С. Гусакова успешно бомбардировал колонну танков и автомашин в районе Минеральные Воды, Курсавка, в результате чего было уничтожено и повреждено: 2 танка, 5 автомашин и до

Личный состав 859-го БАП у самолета Бостон-3. 1942 г.

20 человек живой силы. В том же районе действовал и экипаж сержанта Лобарева, уничтоживший 4 танка, 8 автомашин, железнодорожный склад и ж.д. полотно.

В тот же день, 13 августа в районе станицы Суворовской группа самолетов полка отличным бомбометанием уничтожила до 4 автомашин, одну цистерну с горючим и до 20 человек живой силы. На следующий день группа самолетов Б-3 действовала в районе ст. Марьинская, с. Куба. Экипаж сержанта И.В. Говорова уничтожил 2 танка, 4 автомашины и рассеял до взвода пехоты.

Экипаж в составе летчика лейтенанта С.А. Яковенко и стрелка-бомбардира старшины Н.П. Комлевого 13 августа, действуя в районе движения противника Суворовская, Ессентуки, Минеральные Воды, в составе группы своим экипажем уничтожили 6 вражеских автомашин с войсками и грузом. Отличным попаданием двумя бомбами на станцию Минеральные Воды экипаж Яковенко разрушил пути и здание ж.д. станции. На следующий день в районе станицы Суворовской те же летчики уничтожили еще 6 автомашин, цистерну с горючим и до 30 человек живой силы.

14 августа экипаж А.Е. Кириченко выполнял боевое задание в районе Новопавловской вдоль дороги, ведущей на Баксан, удачным бомбометанием уничтожил 3 автомашины с войсками и грузом, автоцистерну с горючим и один танк. Экипаж лейтенанта Соколова в районе Марьинская, Куба отличным бомбометанием уничтожил и повредил 2 танка и 4 автомашины.

Особенно эффективными были вылеты полка 15, 16 и 17 августа, когда одна из эскадрилий 859 полка, ведомая своим командиром капитаном П.Г. Егоровым, вела успешные боевые действия.

Бостон-3 859-го БАП. 1942 г.

15 августа в районе севернее села Куба экипаж И.С. Гусакова успешно бомбардировал скопление автомашин и танков, двигавшихся по дороге на станицу Зольскую. Повредил и уничтожил 3 автомашины и до 15 человек живой силы, будучи обстрелянным интенсивным пулеметным огнем из вражеских машин.

16 августа экипаж Степана Яковенко эффективным бомбометанием уничтожил батарею зенитной артиллерии в районе станицы Марьинской, обеспечив последующим экипажам возможность уверенно и без потерь нанести большой силы удар по двигавшейся колонне врага.

Экипаж, в составе пилота старшего сержанта И.К. Лукьяненок и стрелка-бомбардира старшего сержанта К.В. Безина, в районе населенных пунктов Куба, Старопавловская, Малка уничтожил до 4 танков и 2 автомашины. На следующий день Лукьяненок и Безин в том же районе уничтожили одну зенитную батарею, 2 танка и 2 автомашины.

Также 16 числа хороший удар по скоплению танков и мотомехколонны в районе Куба нанес экипаж Николая Соколова, уничтожив 3 танка, 8 автомашин и 2 цистерны с горючим.

17 августа, несмотря на сильное воздействие зенитной артиллерии противника, в районе Куба эскадрилья капитана Егорова в составе девятки Б-3 успешным бомбометанием уничтожил около 19 автомашин, 5 танков и 2 зенитно-пулеметные установки противника. Своих потерь эскадрилья не имела. Хотя огнем вражеской зенитной артиллерии, при заходе на цель был подбит самолет сержанта Говорова. Однако пилот решительными мерами потушил пожар и сумел отлично выполнить боевое задание, уничтожив 5 автомашин с войсками и грузом и до 30 человек живой силы противника. На одном моторе летчик довел машину до своего аэродрома, блестяще произвел посадку и спас самолет и экипаж.

18 августа на разведку в район Армавира, Невинномысска, Отрадной и Черкесска вылетал экипаж А.Е. Кириченко. С поставленной задачей

экипаж справился отлично, доставив в часть ценные сведения о продвижении автоколонн с живой силой противника. Также 18 августа произвел два успешных боевых вылета экипаж Ивана Лукьянёнка со стрелком Константином Безиным. После выполнения задания в районе Старопавловская – Куба, точно накрыв скопившиеся танки и бронемашины своими бомбами, самолет был охвачен кольцом зенитных разрывов. Сержант Безин был тяжело ранен, но, не сообщая командиру экипажа о своем состоянии, не теряя ориентировки, мужественно привел самолет на свой аэродром.

19 августа силы полка снова был в воздухе, нанося удары по колонне из 100 автомашин в районе Микоян-Шахар (ныне Карачаевск). Обнаружил колонну в ходе воздушной разведки экипаж лейтенанта Яковенко, нанеся первый удар по цели. Он доставил на аэродром ценные разведданные для действий следующих экипажей.

21 августа группа самолетов 859-го БАП бомбила автоколонну и скопление танков в лесу в районе Советской, уничтожив и повредив 36 автомашин, 7 танков, зенитную батарею и 5 зенитных точек на автомашинах. В этот день экипажи полка вели исключительно напряженную боевую работу в районе Советской, Каново, Курская и Привольный. Метким бомбометанием экипажа лейтенанта Н.Н. Соколова было уничтожено или повреждено до 5 автомашин, один танк и зенитно-пулеметная установка. 23 августа звено Константина Чуевского – одного из лучших летчиков полка – бомбило скопление автомашин и танков противника в районе Советская, Привольный, Ага-Батыр, уничтожив 5 танков, 7 автомашин с войсками, рассеяв по округе до взвода пехоты[310].

За август 1942 года полк имел единственную боевую потерю. 18 августа не вернулся с боевого задания в районе Прохладной экипаж в составе заместителя командира эскадрильи капитана Л.Г. Карпова и штурмана эскадрильи старшего лейтенанта К.В Костромина.

244-й ближне-бомбардировочный авиационный полк под командованием майора К.С. Киселева имел на вооружении самолеты Бостон-3. Эскадрилья капитана Г.С. Попова с 18 по 24 августа совершила 77 боевых вылетов и, не имея потерь, уничтожила 9 танков, 149 автомашин и 14 цистерн с горючим. В этих вылетах отличились командир звена лейтенант Ф.П. Земсков и стрелок-бомбардир младший лейтенант Н.А. Чернуха[311].

288-й ближне-бомбардировочный авиационный полк формировался перед войной и был вооружен бомбардировщиками Су-2. С мая 1942 года полк воевал в составе Южного фронта. С 1 июля по 20 августа 1942 года полк произвел 434 боевых вылета с налетом 517 часов, сбросил 120 тонн бомб различных калибров. Уничтожил 952 автомашины с военными грузами, 45 танков, до 1500 солдат и офицеров. В воздушных боях сбил 4 самолета противника. С 3 июня 1942 года командовал полком майор И.И. Баутин[312].

Боевые действия бомбардировщиков 219-й БАД с 13 августа 1942 года прикрывал *926-й истребительный авиационный полк* – ко-

Валентин Аллахиярович
ЭМИРОВ
(1914–1942)

АЛЕКСАНДРОВИЧ
Яков Александрович
(1907-1947)

мандир полка капитан В.А. Эмиров. В боевом составе полка насчитывалось 20 самолетов ЛаГГ-3, вылетавших в течение месяца на сопровождение бомбардировщиков.

15 августа при внезапной попытке 5 Ме-109 атаковать наши бомбардировщики командир звена лейтенант Л.А. Чиркин со своим ведомым Толмачевым вступили в бой, сбив один истребитель противника и обратив остальных в бегство. Этим истребители обеспечили выполнение боевого задания бомбардировщиками.

22 августа в районе Моздока командир эскадрильи старший лейтенант Т.Т. Матвиенко заметил 4 истребителя противника, атаковавших наши бомбардировщики, и вступил с ними в бой своим звеном. Три самолета противника Ме-109 сбили его ведомые, последний спасся бегством.

23 августа командир звена 926-го ИАП младший лейтенант И.Ф. Филиппов вступил в воздушный бой с двумя Ме-109. Один был сбит, второй – подбитый – сел в расположении своих войск[313].

27 августа 10 ЛаГГ-3, сопровождавшие Бостон-3 в район Галюгаевской, вступили в воздушный бой с шестеркой Ме-109 и одним Макки-200. В результате боя было сбито 2 Ме-109, третий Ме-109 на встречном курсе протаранил старший лейтенант Я.А. Александрович, сохранивший при этом свой самолет и благополучно севший на свой аэродром[314].

Яков Александрович Александрович – заместитель командира эскадрильи был одним из лучших летчиков полка. С 11 по 29 августа он совершил 58 боевых вылетов с налетом 49 часов 42 минуты. Около половины всех вылетов сопровождались воздушными боями с численно превосходящими

силами противника. Благодаря своему умению ему всегда удавалось заставить противника уйти с поля боя побежденным, нанося ему ощутимый ущерб. В бою под Моздоком 27 августа 1942 года во время сопровождения бомбардировщиков в район бомбометания Александрович принял удар противника на себя и в упор двумя короткими очередями сбил один Ме-109. В этот момент на сближение шел второй «мессершмитт». Летчик нажал на гашетки, но огня не последовало. Тогда, чтобы не упустить врага, он решил пойти на таран. Со скоростью 500 км/ч Александрович резанул консолью своей плоскости по центроплану врага. Тот, разрушаясь в воздухе, пошел к земле. Потеряв две машины, враг бежал с поля боя. Александрович, сделав после удара полуторную бочку, вывел машину из беспорядочного полета. Преодолевая большие трудности он довел поврежденный истребитель до своего аэродрома и мастерски совершил посадку, несмотря на то, что у самолета была отбита половина левой плоскости. Через час Александрович снова был на боевом задании. За этот бой Я.А. Александрович был представлен к званию Героя Советского Союза, однако был награжден лишь орденом Ленина[315].

Вместе с 4-й воздушной армией в небе Ставрополь вела боевые действия *50-я авиационная дивизия дальнего действия* (АДДД). Командовал дивизией полковник Сергей Сергеевич Лебедев (1906–1965) – уроженец Москвы, выпускник Борисоглебской школы пилотов 1929 года по специальности разведывательной авиации. Службу начал в 30-й авиационной эскадрильи ВВС. С марта 1942 по май 1943 – командовал названной дивизией. С мая по ноябрь 1943 – командир 1-й гвардейской Орловской АДДД. С ноября 1944 – исполнял обязанности заместителя командира 45-й авиационной Гомельской дивизии дальнего действия, впоследствии переименованной в тяжелую бомбардировочную авиационную дивизию. Демобилизован в августе 1946 года.

Дивизия не входила в состав 4-й воздушной армии и подчинялась командующему Авиацией дальнего действия СССР генерал-лейтенанту авиации А. Е. Голованову.

В состав 50-й АДДД входило два полка:

5-й гвардейский авиационный полк дальнего действия (до 18.08.1942 г. – 81-й АПДД), командир гвардии майор Александр Михайлович Омельченко.

21-й дальний бомбардировочный авиационный полк (с 18.09.1943 г. – 24-й гвардейский АПДД), командир подполковник Донцов Виктор Кононович. Основным самолетом дивизии был бомбардировщик Ил-4 (в прошлом ДБ-3Ф). Вполне возможно, что на вооружении полков могли находиться и скоростные бомбардировщики СБ.

13 августа в небе над горой Бештау, между городами Железноводск и Пятигорск, разгорелся воздушный бой. Два советских бомбардировщика СБ были атакованы немецкими истребителями. Свидетелями этого поединка стали местные жители. Профессор С.И. Линец в книге «Пяти-

горск в период немецко – фашистской оккупации. Август 1942 г. – январь 1943 г.» пишет, что через несколько дней после захвата Пятигорска фашистами в небе над городом появились два советских бомбардировщика «СБ». Тут же им навстречу поднялись с городского аэродрома два немецких истребителя «мессершмитта». Через несколько минут оба бомбардировщика были сбиты. О двух сбитых советских самолетах сообщала жителям Пятигорска немецкая оккупационная газета «Пятигорское эхо» за 15 августа 1942 года.

Место падения одного из самолетов было найдено местными жителями у поселка Новотерский. Здесь и были первоначально захоронены останки членов экипажа бомбардировщика, после освобождения края их перезахоронили в братской могиле в поселке Терконзавода. Выживший штурман экипажа Георгий Александрович Говязин помог установить имена остальных членов экипажа. Ими были: стрелок-радист старшина Григорий Моисеевич Гицелевич и воздушный стрелок старший сержант Николай Васильевич Сорокин. Выжил также и командир экипажа Иван Серебренников.

Гвардии капитан Иван Константинович Серебренников (1918–1943) – заместитель командира эскадрильи 5-го гвардейского авиационного полка дальнего действия (АПДД) 50-й авиационной дивизии дальнего действия (АДДД) в июне 1942 года был награжден орденом Красного Знамени. Следующую свою боевую награду – орден Отечественной войны I степени он получил в декабре 1942 года. В наградном листе Серебренникова был отмечен вылет в ночь на 27 августа, в ходе которого его экипаж наносил удар по скоплению войск и техники противника в населенном пункте Ага-Батыр. В результате меткого бомбометания произошло три больших взрыва, разгорелся один пожар. В момент бомбометания стрелки пулеметным огнем расстреливали живую силу и технику противника[316]. Иван Константинович Серебренников не вернулся с боевого задания в районе Донбасса в конце июля 1943 года.

В книге воспоминаний Г.А. Говязина, изданной в Железноводске в 2005 году, есть сведения о судьбе второго экипажа: «Одновременно ищу глазами ведущего. Он с пологим снижением уходит влево. «Нужно пристроиться, могут быть вражеские истребители», – пронеслось в голове. По СПУ спросил: «Ванюшка! Ведущего видишь?». В ответ в телефонах услышал: «Да!». Но не понимаю, почему он не увеличивает крен и скорость для того, чтобы пристроиться к ведущему. Осматриваюсь кругом и вижу: на правой плоскости элерон висит перпендикулярно на одном шарнире. С правого мотора выбивало пламя. Все ясно. Ведущий, видимо, также заметил наше положение, уменьшил скорость и прекратил разворот. Дистанция между нами уменьшалась, но в это время слева снизу заметил двух «мессеров», они шли в атаку на нашу машину. Крикнул: «Истребители слева, снизу!». Иван рывком отжал рули, но машина уже плохо слушалась, видимо, заклинило управление. Желая помочь летчику, вставил ручку. Раздались очереди из пушек «мессе-

ров», затрещала обшивка от разрывов снарядов. Словно кто-то неведомый с неуловимой быстротой дырявил наши плоскости, оставляя рваные дырки в обшивке. Загорелся и левый мотор... Кабина заполнялась дымом. Оглянулся на Ванюшку, СПУ, видимо, не работало, его фонарь сбит, нет ни одного стекла. Он сидел, прикрывая лицо от пламени. В его кабине – дым и пламя. Машина зарылась носом, перешла в глубокую правую спираль...

Попробовал помочь Ивану вывести машину, но она все больше заваливалась, не слушая рулей. Справа сверху мелькнул истребитель с противными желто-черными крестами. Он еще раз атаковал нас. Ударив из пушек и пулеметов по правой плоскости, выходил из атаки на параллельных курсах с небольшим превышением. Я бросился к пулемету. В открытую форточку увидел истребитель; мелькнула рыжая, вытянутая, противная морда фрица. Он прошел метрах в 25–30 от нас. Но моя установка не позволила вести стрельбу; малый угол разворота оружия. Кроме этого, словно угадывая мои желания, немецкий летчик взмыл вверх и с разворотом вправо ушел от обстрела. Глаза моментально запечатлели неравный бой. С усилием открыл выходной люк; сильно прижимало влево, подтянувшись, выбил ногой люк и выбросился. Не открывая парашюта, падал спиной вниз... Падал в долине между гор Бештау и Развалкой... Я увидел, как внизу по дороге медленно шли грузовые автомашины с откинутым брезентом, полные солдат. Впереди – легковая синяя машина, передняя дверка открыта, и в нее высунулась голова немецкого офицера. Видимо, решили меня брать живым. Проверил пистолет. В голове неслись роем мысли: «Неужели конец». Но тут же властный внутренний голос: «Живьем не сдаваться. Лучше смерть, чем плен»...»[317].

Во главе второго экипажа находился гвардии капитан В.М. Шанаев. Из представления его к награде становятся известны детали событий 13 августа в небе над Железноводском:

«13.8.42 года в паре днем произвел налет по бомбометанию скопления войск противника в Железноводске. По наблюдениям штурмана экипажа капитана Кожевникова, сброшенные им бомбы разорвались в колонне танков и автомашин. Над целью самолет был обстрелян сильным огнем ЗА. Экипаж наблюдал до 20 разрывов одновременно, и при отходе от цели самолет был атакован пятью истребителями противника Ме-109. В этом неравном воздушном бою экипаж сбил один истребитель противника, остальные самолеты противника уклонились от боя.

Самолет Шанаева в воздушном бою получил большое количество пробоин, пробит бензобак, выведен из строя один мотор, но благодаря отличной технике пилотирования капитана Шанаева, он привел свой самолет и посадил благополучно на своей территории.

После посадки самолета Шанаева пролетел самолет-разведчик противника, сделал два круга и улетел, капитан Шанаев принял правильное решение: мобилизовал колхозников и перетянул самолет на пятьсот

метров от места посадки в сторону, тщательно замаскировав его. Через 40 минут прилетели истребители противника и обстреляли опушку леса, где первоначально произвел посадку капитан Шанаев».

Командир эскадрильи Владимир Михайлович Шанаев был опытным советским летчиком. В 1940 году за успешно совершенные 32 боевых вылета награжден орденом Красного Знамени. За этот боевой вылет Шанаев – уже гвардии майор – был награжден орденом Отечественной войны I степени. Представление к награде подписано командиром полка гвардии майором А. М. Омельченко[318].

Из наградного листа гвардии капитана Кожевникова Архилия Архильевича – штурмана эскадрильи того же полка – становится известно, что два других члена экипажа радист лейтенант Акулов и стрелок сержант Рыжих были тяжело ранены. Кожевников, проявив исключительную энергию, организовал медицинскую помощь товарищам, направив их в полевой госпиталь. Ночью командир и штурман восстановили поврежденный мотор, исправили другие дефекты и утром перегнали самолет на свой аэродром. За проявленное мужество и бесстрашие в бою А. А. Кожевников был награжден орденом Отечественной войны II степени[319].

Так что немецкий журналист поторопился посчитать второй бомбардировщик сбитым.

14 августа в районе Пятигорска по скоплению войск противника вновь работали бомбардировщики 50-й АДДД. В сложных метеоусловиях точно нанес удар по заданной цели, вызвав 6 крупных очагов пожара, экипаж капитана Григория Елизаровича Ткачева – штурмана эскадрильи 21-го дальнего бомбардировочного полка, командир полка подполковник В. К. Донцов. На следующий день он выполнял боевое задание в районе Старопавловской в небе Ставрополья. И вновь 4 очага пожара стали результатом его успешных действий. 7 сентября 1942 года Г.Е. Ткачев был представлен к званию Героя Советского Союза. Однако Президиум Верховного Совета СССР удостоил Григория Елизаровича этого звания лишь 29 июня 1945 года.

Август 1942 года по интенсивности боевых действий авиации 4 ВА стал одним из самых напряженных периодов битвы за Кавказ (см. табл. 1).

Боевые вылеты бомбардировщиков распределялись следующим образом: 1446 – было совершено днем, 1643 – ночью. 2493 – на бомбардировку войск, 70 – мостов и переправ, 7 – по аэродромам противника, 519 – на разведку.

Потери противника в боевой технике и живой силе от действий частей 4-й ВА за август 1942 года составили: танков – 280, грузовых автомашин – 3142, легковых машин – 11, бронемашин – 10, автобусов – 25, мотоциклов – 8, тракторов – 2, автоцистерн – 109, орудий ЗА – 56, орудий ПА – 23. Подобные потери части армии нанесли противнику лишь в июле и сентябре того же года. В дальнейшем такого успеха повторить не удалось.

Таблица 1

Боевое напряжение 4 ВА за август 1942 года (летных дней – 29) [320]

Виды авиации	Исправных самолетов	Самолето-вылетов	Среднесу-точное напряжение	Среднее месячное напряжение
Бомбардиров-щики	79	3089	1,3	39,1
Штурмовики	21	214	0,4	10,2
Истребители	64	4929	2,6	77,0
Итого	164	8232	1,7	50,2

За август 1942 года силами 4-й ВА в воздушных боях было уничтожено 89 самолетов противника, в том числе: 72 Ме-109, 2 Ме-110, 4 Хе-113, 8 ФВ-189, 3 Ю-88[321].

За август 1942 года в 4-й ВА погибло 119 человек летного состава, в том числе: командиров полков и их заместителей – 1, командиров эскадрилий и их заместителей – 12, летчиков и пилотов – 59 (6 в авиакатастрофах), штурманов эскадрилий – 3, летнабов – 13, стрелков-радистов – 18, воздушных стрелков – 13. Август стал одним из тяжелейших месяцев для авиации в ходе всей битвы за Кавказ. Больше погибших было лишь в сентябре 1942 года – 175 человек, когда сражения в предгорьях Кавказа достигли своего наивысшего напряжения. В материальной части потери за август 1942 года составили: 59 истребителей (27 ЛаГГ-3, 21 Як-1, 11 И-16); 18 штурмовиков (Ил-2 – 5, И-153 – 13), 23 бомбардировщика (8 Пе-2, 14 Б-3, 1 Су-2). Восемь самолетов было уничтожено противником на земле – 6 истребителей, 1 бомбардировщик и 1 штурмовик[322].

О состоянии немецкой авиации в это время свидетельствует немецкий источник. После оставления города Минеральные Воды на его аэродроме разместилась 3-я группа 52-й истребительной эскадры (нем Jagdgeschwader 52) под командованием майора Гордона Голлоба, действовавшая в интересах 40-го танкового корпуса. По штату в группе насчитывалось 30 самолетов. Но в наличии имелось лишь половина исправных самолетов. Во время боев на Тереке боеспособными оставались лишь четыре истребителя. Поэтому на задание немецкие летчики обычно вылетали парой. Несмотря на это, им удавалось наносить ощутимый урон советской авиации. По свидетельству автора, 23 августа в районе Моздока было сбито 17 советских самолетов. 29 августа 1942 года майор Голлоб над Тереком сбил 150-й самолет противника. С 14 по 29 августа в районе Минеральные Воды, Моздок за 38 боевых вылетов он сбил 32 самолета противника, одерживая две победы ежедневно[323].

Гордон ГОЛЛОБ
(1912-1987)

В составе эскадры JG 52 на Северном Кавказе в августе 1942 года начал свою боевую карьеру лучший ас люфтваффе Эрих Хартман, одержавший в годы войны 352 победы. Во время третьего вылета, оказавшись в эпицентре группового воздушного боя, он растерялся, вышел из строя, заблудился и сел на поле, повредив самолет. Добравшись до своего аэродрома, Хартман был отстранен от полетов на три дня[324]. Так неудачно поначалу складывалась служба Хартмана. Первую свою победу, единственную в период боев за Ставрополье, Хартман одержал только 5 ноября 1942 года, сбив штурмовик Ил-2. Но это было к югу от границы края. Хартман взлетел с аэродрома Солдатская в Кабардино-Балкарии, а бой произошел в небе над Дигорой, Северная Осетия[325].

Таким образом, боевая работа советской авиации в небе Ставрополья в августе 1942 года проходила в сложных условиях отхода своих наземных войск. Маршруты перебазирования большинства авиационных полков 4 ВА прошли через территорию Орджоникидзевского края. Аэродромами базирования были Ворошиловск, Изобильная, Тищенская, Бешпагир, Спицевская, Благодарное, Петровское, Минеральные Воды, Невинномысск, Александровское, Новоселицкое, Нагутская, Обиленская, Архангелькое, Буденновск, Воронцово-Александровское, Солдато-Александровское, Советское, Курское и другие. За короткое время части сменили по 5-6 аэродромов. Несмотря на то, что авиация была почти полностью лишена прикрытия на земле со стороны наземных войск, эта работа была проделана без существенных потерь и происшествий. Благодаря инициативной работе командования полков, летного и технического состава, отставание батальонов аэродромного обеспечения от своих полков почти не сказывалась

Эрих Хартман
(1922-1993)

на интенсивности боевой работы подразделений и экипажей в воздухе.

Бомбардировочная авиация вела боевую работу в районе Ворошиловска, Невинномысска, Георгиевска, Кавказских Минеральных вод, Моздока, над территорией Советского, Курского и других районов. Объектами их ударов были крупные скопления войск, склады с горючим, железнодорожные узлы и станции, вражеские аэродромы и другие объекты. Части штурмовой и истребительной авиации уничтожали мотомеханизированные колонны противника, выдвигавшиеся по дорогам края к линии фронта. Одной из важнейших задач для всех родов авиации была воздушная разведка, которая велась в интересах самой авиации и наземных войск. Бесстрашно сражались в воздушных боях подразделения и экипажи истребителей. В августе 1942 года в небе Ставрополья летчиками было совершено три воздушных тарана. За один из них, совершенный над городом Георгиевском, капитан В.М. Усков был удостоен звания Героя Советского Союза. Пополняли счет своих побед будущие Герои Советского Союза Д.Б. Глинка, В.А. Князев, П.Г. Колесников, Е.Д. Никулина, З.И. Парфенова, М.В. Смирнова, М.П. Чечнева и другие асы.

К сожалению, не обошлось без потерь. В небе Ставрополья четырех летчиков потерял 8-й ИАП, троих – 862-й ИАП, одного – 650-й НБАП. В числе сбитых в небе под Моздоком оказался командир 84-го «А» ИАП Герой Советского Союза майор Я.И Антонов, попавший в плен. В районе Минеральных Вод попал в плен лейтенант Н.Д. Бордиловский – летчик 585-го НБАП. Тем не менее, авиация 4-й ВА приобрела неоценимый опыт боевых действий, который был востребован в ходе других этапов обороны Кавказа.

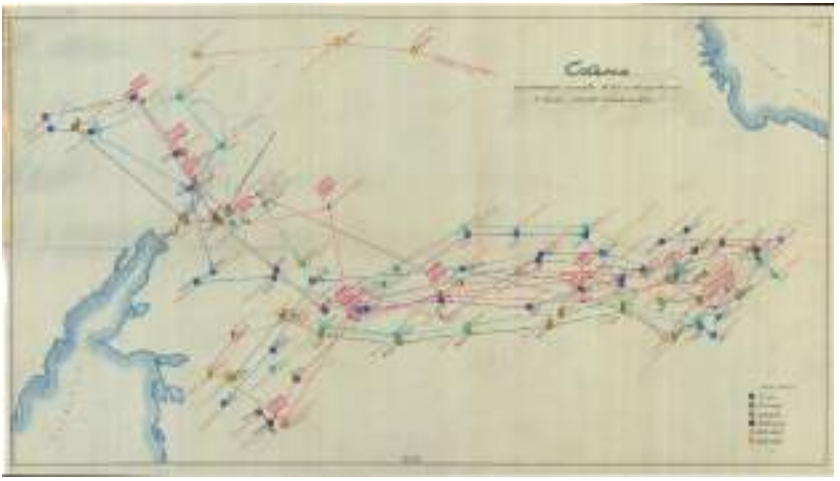


Схема дислокации штаба 4-й ВА и авиационных дивизий
в период с июля 1942 по февраль 1943 г.

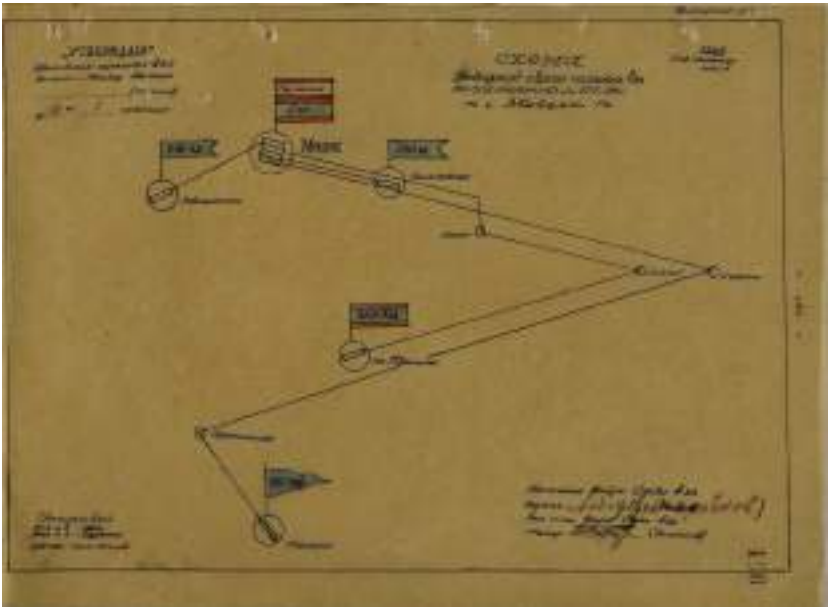


Схема проводной связи штаба 4-й ВА по состоянию на 11 января 1943 г.

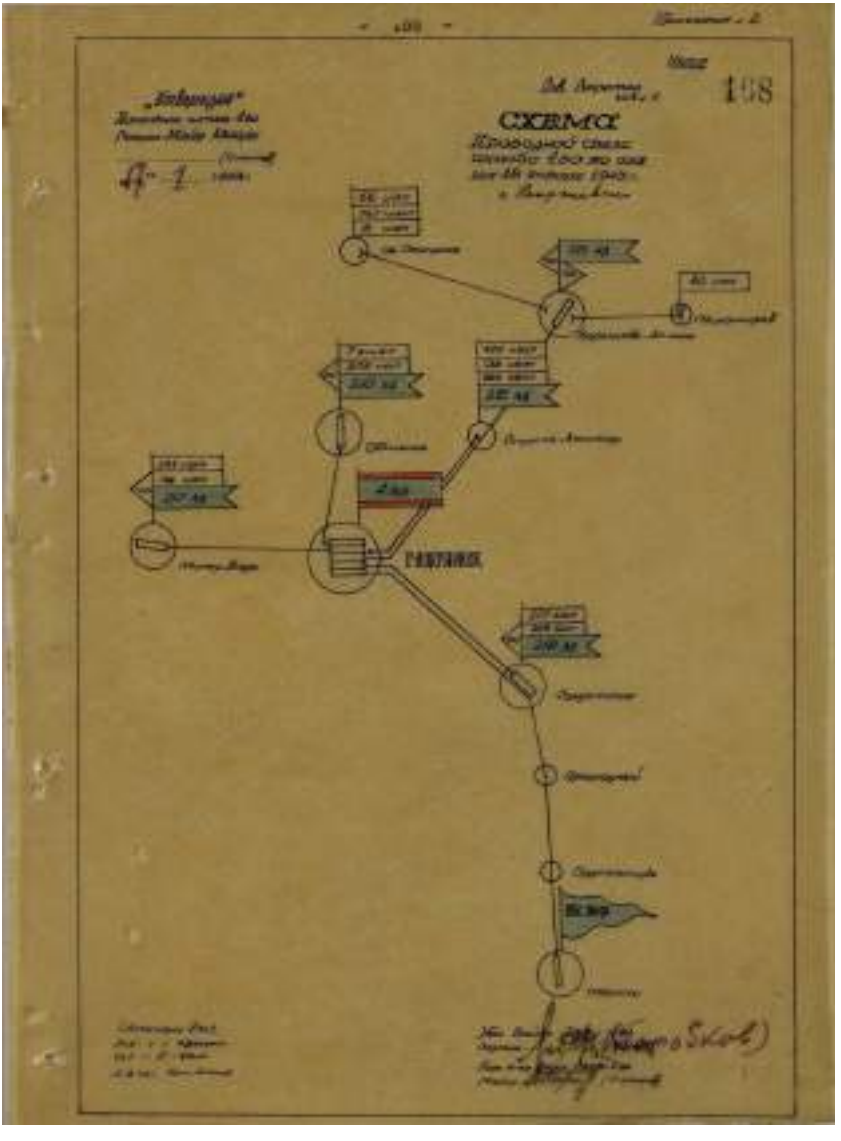


Схема проводной связи штаба 4-й ВА по состоянию на 18 января 1943 г.

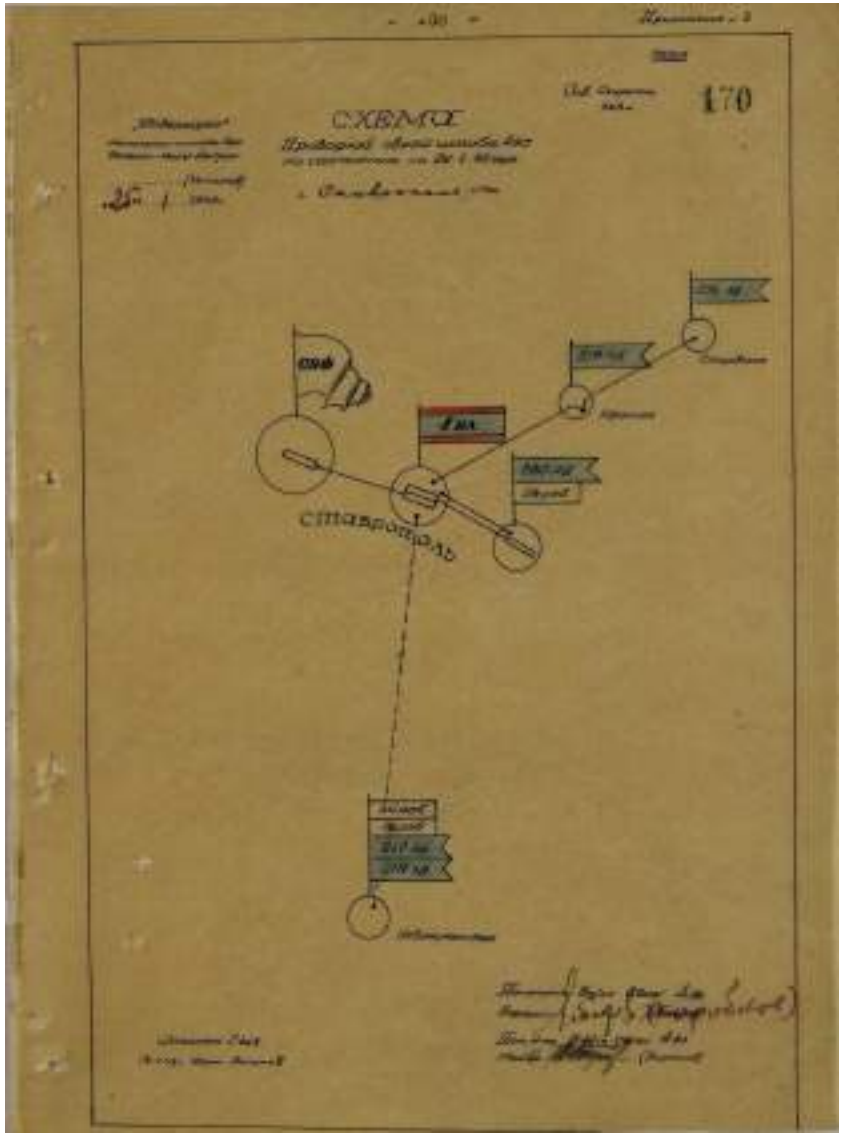


Схема проводной связи штаба 4-й ВА по состоянию на 26 января 1943 г.

Графики численного соотношения истребителей и бомбардировщиков
за второй год войны перед фронтом 4-й ВА

График количественного соотношения сбитых самолетов противника, приходящихся на одну нашу потерю, в воздушных боях за второй год войны

Район базирования и боевых действий 40-го ИАП в период взаимодействия с 4-м гвардейским Кубанским кавалерийским корпусом

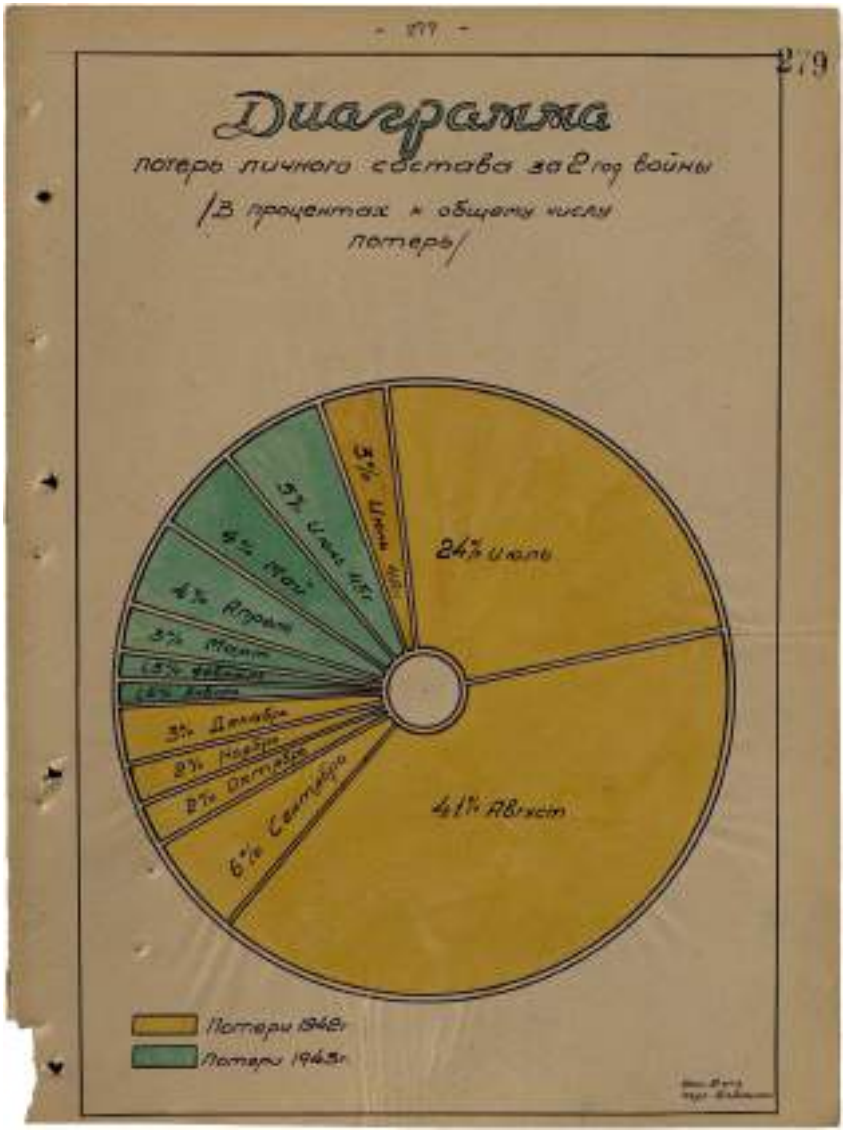


Диаграмма потерь личного состава 4-й ВА за второй год войны

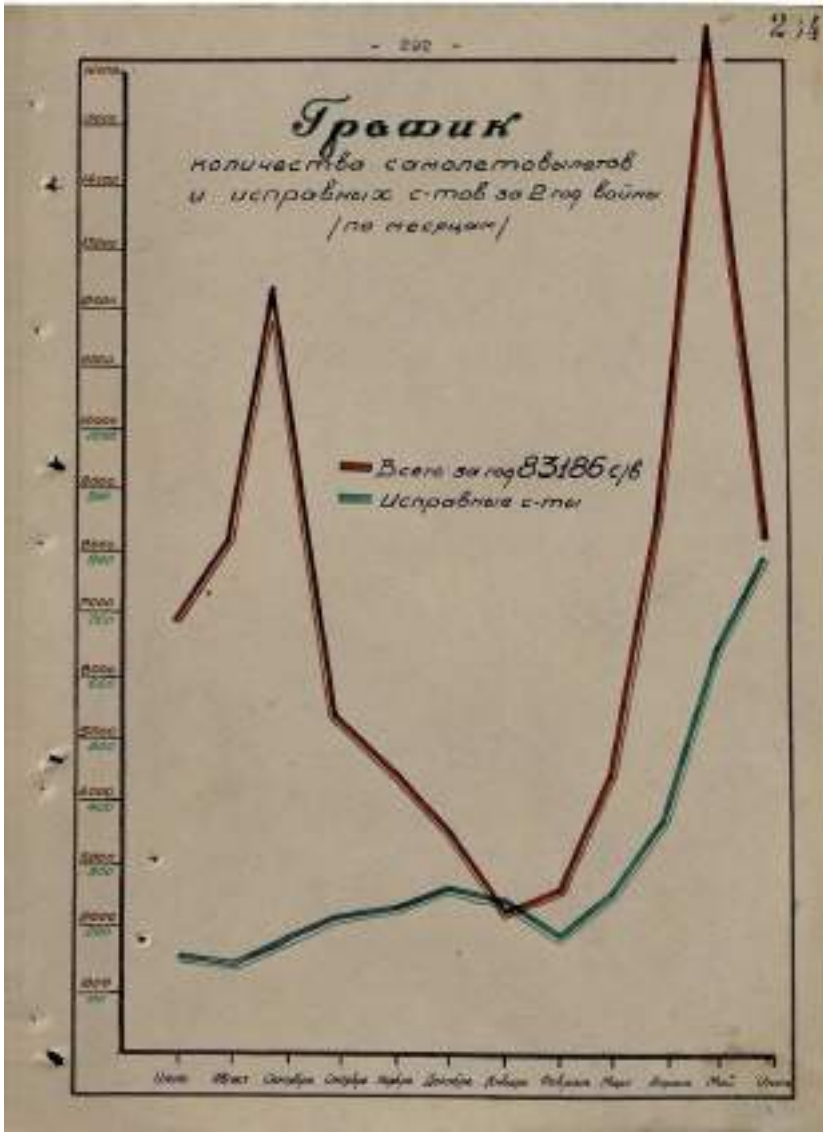
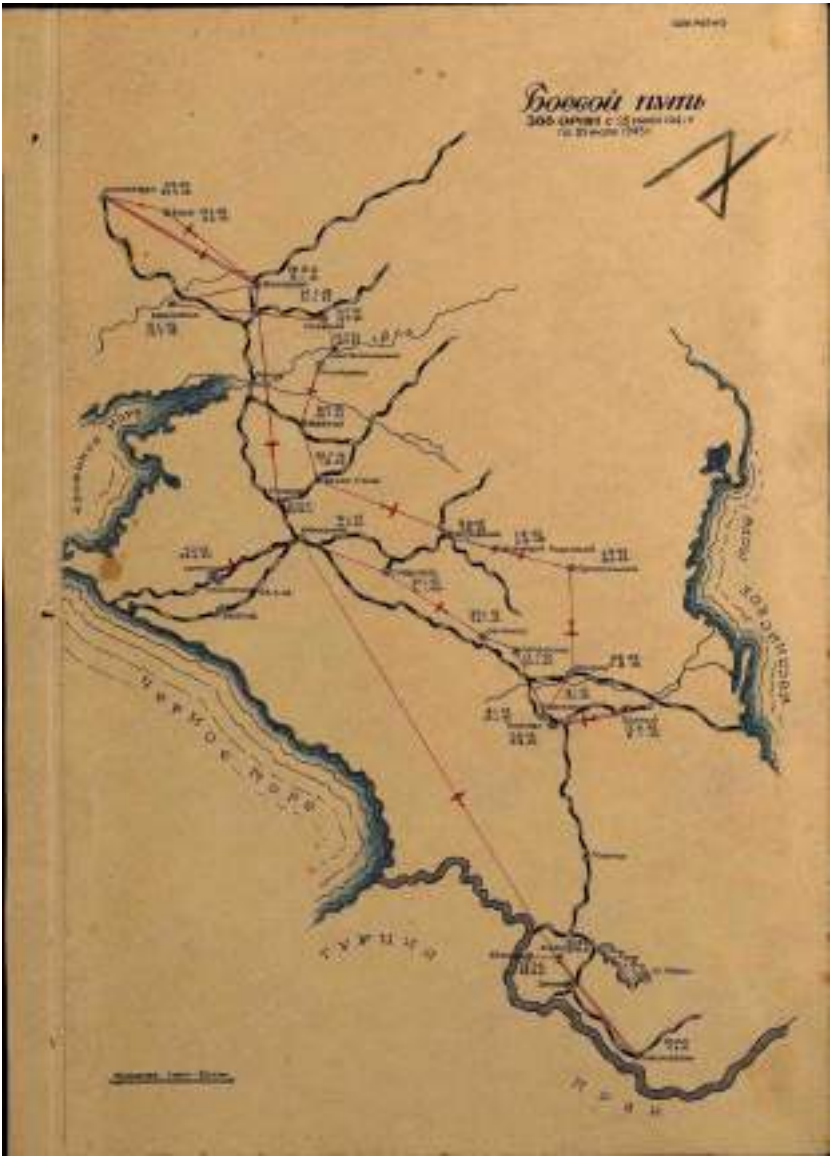


График количества самолетовылетов
и исправных самолетов за второй год войны



Боевой путь 366-го отдельного разведывательного авиационного полка
с 25 июля 1941 по 25 июля 1943 года

Боевой путь 249-го ИАП с 22 июня 1941 по 1 сентября 1943 года

ГЛАВА II.
ОБОРОНА ГОРНЫХ ПЕРЕВАЛОВ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССИИ

2.1. Бои у Клухорского перевала

Главный Кавказский хребет протянулся грядой на 1200–1300 километров от Апшеронского полуострова на Каспии до берегов Черного моря. От своих наивысших точек – Эльбруса и Казбека – он постепенно снижается к побережьям. От Сочи через Сухуми и от Махачкалы до Баку вдоль морей пролегли автомобильные магистрали, соединяющие Северный Кавказ с Закавказьем.

В центральной части хребта через перевал Крестовый пролегает Военно-Грузинская дорога Владикавказ – Тбилиси, а через перевал Мамисон – Военно-Осетинская, ведущая от Владикавказа на Кутаиси. К западу от Эльбруса, через перевал Клухор, по территории Карачаево-Черкессии и Абхазии проходит Военно-Сухумская дорога, соединяющая Черкесск с Сухуми. Эти дороги строились в XIX веке, и сами названия говорят об их стратегическом значении. Из одного ущелья в другое через перевалы идут дороги и тропы, пригодные в основном для вьючного транспорта и пешеходов. Эти пути приобретают важнейшее значение во время военных действий в горах, так как именно по ним можно зайти во фланг или в тыл противника[326].

Кроме Клухорского территории Орджоникидзевского края принадлежали Марухский, группа Санчарских и ряд других перевалов, расположенных ближе к Черноморскому побережью. Все они не приспособлены для автомобильного движения, но хорошо проходимы пешим порядком, за исключением зимних месяцев, когда горы покрываются снежными заносами. С августа 1942 года на большинстве из них начались тяжелые бои.

С подходом войск противника к предгорьям Кавказа командование немецкой группы армий «А» доложило в ставку Гитлера,

Павел Иванович
БЕЛЕХОВ
(1895-1965)

что советские войска утратили боеспособность и не смогут оказать значительного сопротивления. Поэтому с середины августа противник приступил к перегруппировке войск с целью одновременного развития наступления на Баку и Батуми. 1-я танковая армия должна была наступать из районов Пятигорска и Прохладного через Орджоникидзе (ныне Владикавказ) в направлении Грозный – Махачкала – Баку. 17-я армия получила задачу развивать наступление вдоль Черноморского побережья от Анапы до Поти, а затем – на Батуми. 49-й горнострелковый корпус, преодолев перевалы Главного Кавказского хребта, должен был выйти в район Сухуми[237].

В это же время войска Закавказского фронта (командующий – генерал армии И.В. Тюленев) перегруппировали свои силы и организовали оборону Кавказа с севера. Была создана также вторая линия обороны по рекам Терек и Урух и на перевалах Главного Кавказского хребта. Основное внимание уделялось прикрытию Бакинского направления и подступов к Грозному.

Следует отметить, что командование Закавказского фронта недооценило значение перевалов в центральной части Главного Кавказского хребта. Оно считало, что перевалы недоступны для противника, и поэтому не уделило должного внимания их укреплению. Командующий фронтом генерал армии И.В. Тюленев впоследствии вспоминал: «Некоторые из нас считали главной задачей войск фронта – оборону Черноморского побережья, где и были развернуты основные силы 46-й армии. Лишь вмешательство Ставки исправило нашу ошибку»[328].

К моменту выхода немецких войск к Главному Кавказскому хребту не только северные склоны, но и многие перевалы оказались незанятыми советскими частями, а на занятых – почти не имелось оборонительных сооружений. Это объяснялось тем, что войска армии были разбросаны на большом фронте и некоторые командиры не придали должного значения подготовке перевалов к обороне, считая Главный Кавказский хребет непреодолимой преградой для противника[329].

Начальник штаба инженерных войск Северокавказского фронта полковник Б.В. Баданин в своих мемуарах писал:

«… к началу немецкого вторжения на Северный Кавказ перевалы через хребет к обороне подготовлены не были. В частности, на перевалы не были завезены в достаточном количестве взрывчатые вещества и

другие материалы для устройства заграждений. Поэтому направленные в первых числах августа в горы саперные подразделения не смогли провести в требуемом объеме заградительные работы и вынуждены были ограничиться лишь разрушением отдельных участков обходных троп и установкой на дорогах небольшого количества мин. Вместе с тем выдвинутые на перевалы небольшие стрелковые и кавалерийские отряды 3-го стрелкового корпуса, не зная из-за плохой связи сложившейся общей обстановки на фронте, а также из-за недостаточного контроля со стороны штабов корпуса и армии проявили медлительность в оборудовании позиций. Так было, например, на Клухорском перевале. Прибывшая для его обороны 10 августа стрелковая рота одного из полков 394-й стрелковой дивизии, хотя и имела в запасе шесть суток до выхода к перевалу противника, не подготовила за это время никаких оборонительных сооружений, так как командир роты решил, что естественные каменные глыбы представляют вполне надежное укрытие»[330].

Впоследствии, уже в ходе боев, в результате принятых мер Клухорское, а также Марухское и Санчарское направления были надежно прикрыты плотной системой заграждений, в том числе электризованных, выполненных частями 27-й инженерной бригады. Первое время проблема в создании оборонительных сооружений была связана также с нежеланием личного состава тратить много труда и времени для окапывания в горах. Стрелковые подразделения старались избавиться от шанцевого инструмента как от ненужного груза еще до подъема в горы, считая, что и камень может служить надежным укрытием[331].

Немцы знали, что задача обороны кавказских перевалов была возложена

Начальник штаба 394 СД
Тихон Макарович
ЖАШКО
(1911–1989)

Зам командира 394 СД
Александр Евстигнеевич
ФИЛАТОВ
(1906–не ранее 1954)

Командиры и бойцы 810-го СП 394-й СД.
27 сентября 1942 г.

на 46-ю армию, соединения и части которой были сильно растянуты по всей линии фронта – от южного побережья Черного моря до перевала Мамисон. Дорога на перевалы была практически открыта. Войска 49-го горного корпуса генерала Рудольфа Конрада, разделившись на несколько частей, стремительно двинулись в горы при поддержке танков. Отступающие части Красной армии, прижатые к предгорьям, оказывали немцам, где могли, разрозненное сопротивление[332].

Клухорский перевал, высота которого 2781 метр – самый высокогорный участок Военно-Сухумской дороги. Длина перевального участка составляет 45 километров. Именно этот участок до сих пор не приспособлен для движения автомобильного транспорта. Работа всей Военно-Сухумской дороги полностью зависит от погоды на перевале. Зимой здесь часты снежные заносы, преодолеть которые сложно даже пешим порядком[333]. Тем не менее, из всех, в данном случае трех, перевалов Клухорский считался наиболее важным в оперативно-стратегических планах гитлеровского командования, и немцы знали горные маршруты, по которым можно было его преодолеть.

Справедливости ради стоит отметить, что расхожее мнение о том, что противник хорошо знал Кавказские горы еще до войны и имел точные сведения о местности, не вполне соответствует действительности. Так, В. Тике отмечал «Проходы через высокогорные перевалы описаны неточно. Данные о важнейшем проходе – Военно-Сухумской дороге ненадежны. Она местами сильно разрушена, и ширина ее не превыша-

ет ширину одной повозки»[334]. Тем не менее, карты местности у горных егерей действительно были, правда, советские и не слишком подробные, и, как пишет современный исследователь войны в горах Кавказа, «немецкое командование при разработке операции по движению через Кавказ имело достаточно адекватное понимание возможностей и особенностей горных условий в зоне Военно-Сухумской дороги и Клухорского перевала и рассматривало этот путь как один из основных, если не основной»[335].

При всех недостатках обороны перевалов, о которых много писалось в исторической литературе, командование Закавказским фронтом и 46-й армии придавало Клухорскому направлению немаловажное значение. Об этом свидетельствовали соответствующие решения, принимаемые после его захвата: организовать оборону перевала исключительно строевыми частями Красной Армии, направить на отпор прорвавшемуся противнику больше сил, чем на другие направления, в том числе авиацию[336].

Но для начала боев сил на перевалах у защитников Кавказа было явно не достаточно. Оборона Клухорского, Марухского и Санчарского перевалов была поручена 394-й стрелковой дивизии 46-й армии Закавказского фронта. В состав дивизии входили: 808-й, 810-й, 815-й стрелковые полки, 956-й артиллерийский полк, отдельный учебный стрелковый батальон и подразделения обеспечения. Все они размещались в районе Сухуми, Очамчире, Зугдиди. Дивизия имела задачу обороны участка побережья Черного моря и перевалов Главного Кавказского хребта на участке: справа – перевал Даллар, слева – перевал Санчаро.

Согласно «боевой характеристике», 394-я стрелковая дивизия формировалась в Грузии в первые месяцы войны. Поэтому неслучайно, что среди командиров и бойцов значительную долю занимали грузины, абхазы и представители других народов Кавказа. Командовал дивизией полковник Иван Георгиевич Кантария, но в связи с его болезнью со 2 сентября в командование соединением вступил полковник Белехов Павел Иванович – начальник отдела боевой подготовки войск НКВД по охране железных дорог. Командирами полков были: 808-й – майор Шалва Васильевич Телия, 810-й – майор Владимир Александрович Смирнов, 815-й – майор Александр Анатольевич Коробов.

К 10 августа 1942 года из Абхазии для непосредственной обороны перевалов на каждый из них было выдвинуто по одному батальону от 815-го, 810-го и 808-го стрелковых полков соответственно.

С 15 августа в районе Клухорского перевала начались боевые действия, в связи с чем были выделены самостоятельные направления: Клухорское, Марухское и Санчарское. На каждом из них предусматривалось совместное применение не только частей 394-й стрелковой дивизии, но и других сил армии. Общее руководство боевыми действиями возлагалось: на Клухорском направлении – на штаб дивизии, на Марухском – на штаб группы войск Марухского участка, на Санчарском – на штаб группы полковника И.И. Пияшева. Штабу дивизии были подчинены: 815-й СП, ОУСБ, 121-й ГСП, 220-й кавалерийский полк, 2-й дивизион 956-го

Рудольф КОНРАД
(1891-1964)

артполка, 3-й батальон 155-й СБр, спецотряд Сухумского пехотного училища. Штабу войск Марухского направления – 808-й, 810-й СП, 4-й батальон 155-й СБр и батарея 2-го дивизиона 956-го артиллерийского полка[337].

Со стороны противника наступление на перевалы вели соединения 49-го горнострелкового корпуса (ГСК) генерала Р. Конрада в составе двух горнострелковых и двух легкопехотных (егерских) дивизий. Кроме того, для действий на горных перевалах командование группы армий «А» нацелило две румынские горнострелковые дивизии (ГСД). Задачей 49-го ГСК было наступление двумя дивизиями (1-й и 4-й) через высокогорные перевалы западнее Эльбруса в направлении Сухуми, чтобы открыть путь в Закавказье 17-й армии, наступающей вдоль узкой прибрежной полосы через Туапсе.

4-я горнострелковая дивизия («Горечавка»), командир – генерал-лейтенант К. Эгльзеер, действовала на правом фланге, ей ставилась задача захватить перевалы у истоков Большой Лабы. В дальнейшем ей предстояло продвигаться через труднодоступную долину Большой Лабы к истокам Бсыби, впадающей в 64 километрах северо-западнее Сухуми в Черное море.

Хуберт ЛАНЦ
(1896-1982)

1-я горнострелковая дивизия («Эдельвейс») под командованием генерал-майора Х. Ланца, наступавшая на левом фланге, захватывала перевалы в истоках рек Теберды и Кубани, частью сил контролировала Баксанское ущелье и перевалы Эльбруса. 1-я ГСД должна была наступать по Военно-Сухумской дороге, южная часть которой в Кодорской долине в 16 километрах юго-восточнее Сухуми соединяется с прибрежной дорогой[338].

Перед началом наступления на Кавказ в обеих дивизиях насчитывалось 12 горнострелковых батальонов. Для их усиления 20 июля 1942 года были сформированы предназначенные для

действий в высокогорье 1-й и 2-й высокогорные егерские батальоны, которые в начале августа были включены в состав 1-й горнострелковой дивизии. 2-я и 13-я румынские горнострелковые дивизии, входившие в группу армий «А» насчитывали 12 горнострелковых батальонов[339].

О том, что предшествовало захвату перевалов, сообщает немецкий источник. 10 августа 1942 года передовой отряд 1-й ГСД под командованием Лаваля (54-й горно-вьючный артиллерийский дивизион с четырьмя эскадронами, один взвод 54-го горносаперного батальона, группа фон Хиршфельда, группа Грота) вышел к предгорьям у Невинномысска. 11 августа этот отряд подошел к Черкесску и захватил там неразрушенный мост через Кубань[340].

С советской стороны вход оккупантов в Черкесск выглядел так. *«Часов в семь утра за Кубанским мостом с запада послышались взрывы и частые пулеметные очереди – возможно, немецкий десант напоролся на наших, пытавшихся взорвать мост. А в городе уже немцы. Мотопехота без стрельбы вошла в Черкесск со стороны Пятигорска. Впереди на мотоциклах с пулеметами по три человека, потом крытые грузовики и бронетранспортеры с солдатами. Немцы входили в город быстро и очень уверенно. Противотанковые укрепления, которые горожане упорно строили два месяца, фашисты просто объехали. Часть войск, не останавливаясь, продолжила движение на Джегуту, из кузовов выглядывали улыбающиеся запыленные солдаты в зеленых мундирах с обязательно закатанными рукавами, в пилотках или стальных касках»*[341].

Оба рассказа свидетельствуют о том, что противник вошел в город без особых затруднений, более того, похоже, что боев на подступах к Черкесску и вовсе не было.

Более детально оборону Черкесска рассмотрел в своей книге С.П. Твердохлебов. Он пишет, что командующий 37-й армией генерал-майор П.М. Козлов рассматривал Черкесск, как крупный и удобный для обороны населенный пункт, в котором можно было переформировать отступающие из станиц Отрадной и Ахметовской части 30-й кавалерийской и 242-й стрелковой дивизий, 40-й и 41-й мотострелковых бригад, пополнить их личным составом, дать им отдохнуть, и только после этого направить в Кабардино-Балкарию в район рек Малки и Баксана, где создавался оборонительный рубеж. В Черкесске был размещен штаб 37-й армии.

Через город в сторону Главного Кавказского хребта отходили также другие соединения и части, в частности, 2-я гвардейская и 275-я стрелковые дивизия, а также 295-я дивизия, о которой мы уже упоминали выше. Подразделения и части этих соединений оказались разбросанными на обширной территории. Так, 883-й стрелковый полк 295-й СД сражался на линии Минеральные Воды – Пятигорск в составе группы войск генерал-майора Тимофеева. Штаб 295-й СД потерял связь с полком после тяжелых боев под Ставрополем и мощного налета вражеской авиации у села Татарка.

При этом в Черкесске оказалась часть сил 12-й армии, отходившей по территории Краснодарского края. Это были остатки 1-го отдельного стрелкового корпуса, 74-й и 349-й стрелковых дивизий. Здесь они вошли в состав 37-й армии. В Черкесске войска пополнились новобранцами. Так, в состав 295-й дивизии было мобилизовано около 300 мужчин в возрасте от 45 до 50 лет и досрочно призванная молодежь 1924 года рождения. В нее же влился личный состав полков 349-й СД. Общая численность 37-й армии возросла до 15 тыс. человек. Личный состав успел привести себя в порядок, были пополнены запасы продовольствия.

295-я и 2-я гвардейская дивизии были включены в боевую группу, которая заняла оборонительные рубежи восточнее Черкесска. Первоначально рубеж обороны города пролегал севернее аула Икон-Халк, а после подхода авангарда 49-го ГСК – по линии Икон-Халк – Чапаевский. Восточный рубеж перед нынешним поселком Кавказским появился, когда выяснилось стремление фашистов запереть 37-ю армию в Черкесске со стороны станицы Суворовской.

Именно туда, в Суворовскую, для выхода на Пятигорск, а затем в Грозный выдвинулась из Черкесска 19-я стрелковая дивизия НКВД, командовал которой полковник Н.П. Подоляко. В ее рядах насчитывалось до 6 тыс. бойцов и командиров. 8 августа авангард дивизии в составе роты расположился на восточной окраине Суворовской. Неожиданно появилась колонна немецкой техники. Рота, заняв круговую оборону, приняла бой. Политрук с двумя автоматчиками, скрыто обойдя колонну, обстреляли гитлеровцев. У противника создалось впечатление двойного удара, он замешкался. В итоге этого боя были сожжены четыре автомашины и уничтожено более 80 гитлеровцев.

А 9 августа с направления Черкесской дороги к Пятигорску внезапно прорвались 17 немецких танков, отрезав выходящую из Пятигорска машину ЗиС-101 в которой находился командир и комиссар 19-й СД НКВД и 3-тонную машину с тридцатью красноармейцами, сопровождавших штаб. Завязался бой, в ходе которого бойцы буквально грудью защитили командование и боевое знамя дивизии. Руководили боем капитан А. И. Синяк и политрук В. К. Онуфриенко. С тридцатью красноармейцами они забросали врагов гранатами. Командование дивизии и знамя были спасены. В этой схватке геройски действовали все, до последнего бойца. Сержанты П. П. Ищенко и Ф. И. Золотых были посмертно награждены орденами Красной Звезды[342].

С 8 на 9 августа Черкесск покидали воинские части, вместе с ними ушел и штаб 37-й армии, силами советских саперов был взорван железнодорожный мост через Кубань. А 9 августа в 15–20 километрах к северу от Черкесска 2-я гв. СД вступила в бой с подразделениями 1-й горно-егерской дивизии 49-го ГСК. Попытка немцев с ходу ворваться в город не удалась. В отражении вражеских атак отличились артиллеристы 423-го гвардейского артиллерийского полка дивизии. Понеся потери, артиллеристы отбили несколько атак, сожгли несколько броневиков и бронетранспортеров и устояли. В наградном листе батальонного комис-

сара И.Т. Ковбасюка записано: «В районе боев под г. Черкесск противник внезапно атаковал огневые позиции нашего орудия, где расчет орудия был выведен со строя, тов. Ковбасюк принял решение из-за его инициативы вывел его из-под обстрела, после чего огневая позиция была быстро изменена, орудие развернулось и прямой наводкой уничтожило танк и до 20 солдат и офицеров противника». Вместе с комиссаром батальона находился секретарь комитета ВЛКСМ младший политрук Н. Ф. Щичков, в бою он был ранен, но не покинул позиции. Оба смелых и находчивых политработника были награждены правительственными наградами[343]. Это был типичный бой на прикрытие отходящих войск.

41-я стрелковая бригада с приданной артиллерией, имея средства борьбы с танками, получила приказ: выбить немцев из станицы Суворовской. Атаковав находившийся в ней немецкий гарнизон, бригада не смогла развить успех, и была вынуждена отойти к станице Бекешевской, где в то время находился штаб 37-й армии. Бригада взяла под свой контроль дорогу на Кисловодск и смогла восстановить связь с защитниками Кавказских Минеральных Вод.

Того же числа, 9 августа немцы, пытались наступать на г. Черкесск из станицы Суворовской, у фермы № 3 столкнулись с подразделениями 19-й дивизии НКВД, которые имели сильную артиллерию. Эта дивизия следовала из Черкесска на Кисловодск. Во время боя, длившегося сутки, было уничтожено 15 вражеских бронемашин. Но дорога осталась под контролем противника. В ночь на 10 августа красноармейцы выбили гитлеровцев из фермы, добравшись до Суворовской, обошли ее с запада, захватили восточную часть станицы с выходом на Кисловодск и ушли на соединение со своими частями.

Красная армия покидала Черкесск в ночь на 9 августа, последними через город прошли бойцы 395-го и 535-го гвардейских стрелковых полков 2-й гвардейской стрелковой дивизии.

Однако, по свидетельству С.П. Твердохлебова, даже утром 10 августа на восточной окраине Черкесска одна из советских артиллерийских батарей вела бой с группой немецкой техники, двигавшейся через кукурузные поля, уничтожив 5 бронемашин. Такое можно себе представить особенно, если иметь в виду, что были части советских войск, попавшие под Черкесском в окружение. Так, 875-й полк 2-й гв. СД, сражавшийся с врагом в окружении севернее Черкеска, вышел к Кубани лишь 11 августа и спустя несколько дней присоединился к своей дивизии в районе реки Баксан.

Оставив Черкесск, 2-я гв. СД из станицы Бекешевской, что в 30 километрах к юго-востоку от Черкесска, контратаковала наседающего противника, с разных сторон посланные в рейды отряды дивизии вводили немцев в заблуждение и препятствовали его продвижению. Тем временем основные части дивизии проселочными дорогами уходили в Кабардино-Балкарию, где советские войска встречали врага сплошной линией фронта. Последние части 37-й армии оставили территорию Карачаево-Черкесии в ночь на 16 августа. Однако небольшие разведы-

вательно-диверсионные группы армии оставались здесь еще несколько суток[344].

Такое описание существенно дополняет картину отхода советских войск по территории Орджоникидзевского края. Еще один эпизод событий под Черкесском становится известным из воспоминаний военкома 242-й стрелковой дивизии, которой 8 августа была поставлена задача: с утра 9 августа начать отход на новый рубеж Благодарное, Попутная, Отрадная, к исходу дня занять его и оборонять. Все населенные пункты находились к югу от Кубани на 40 километров. К вечеру 9 августа было получено новое распоряжение, которым дивизии предписывалось: к исходу 10 августа занять и оборонять Эркен-Халк, Старо-Кувинский, Удобная. (Рубеж проходил от севера к западу от Черкесска на расстоянии 15, 24 и 40 км соответственно – прим. авт.).

По решению командира дивизии 900-й СП (130 активных бойцов) с 1-м дивизионом 679-го артполка (3 орудия) занял оборону на северной окраине Эркен-Халк; 897-й СП (100 активных бойцов) занял оборону на северной окраине Старо-Кувинской и 903-й СП (120 активных бойцов) – в станице Удобная. Отряд невооруженных людей (4000 человек) сосредоточился в станице Подгорная.

Следует отметить, что 242-я стрелковая дивизия как боевое соединение не было сформировано. В ее строю насчитывалось до 5500 человек, собранных из разных частей, 350–400 винтовок, 30 автоматов, 10 ручных пулеметов, 3 станковых пулемета, 4 орудия полковой артиллерии, из которых 2 неисправных, 2 орудия ПТО, 7 противотанковых ружей и 7 орудий 152-мм калибра. Боеприпасов и горючего почти не было, запасов продовольствия хватало не более чем на двое суток…..

Вечером 10 августа в штаб дивизии Бесланей поступило устное распоряжение от командующего 37-й армией: 242-й дивизии к утру 14 августа сосредоточиться в районе Баксан в резерве армии[345].

Вильгельм Тике («Марш на Кавказ») писал, что после захвата Черкесска горнострелковый батальон фон Хиршфельда, сформированный из двух лучших рот 98-го и 99-го горнострелковых полков, устремился в сторону гор по Военно-Сухумской дороге. У слияния рек Теберда и Кубань к северу от Микоян-Шахара (Карачаевска) немцы преодолели сопротивление крупных сил советских войск, которые понесли большие потери. 11 августа Микоян-Шахар был взят[346].

И тут снова уместно обратиться к воспоминаниям А.Н. Гервасиева, который вместе с 900-м полком 242-й дивизии участвовал в обороне Микоян-Шахара, ибо скупых строк немецкого автора явно не хватает для целостности восприятия картины событий.

«Отдав распоряжение командиру 900-го полка об изменении движения на Микоян-Шахар и ускорении движения, сам с группой автоматчиков и двумя ружьями ПТР выехал в город с целью перехвата моста и организации обороны до подхода частей.

В Микоян-Шахаре мне встретился облвоенком, который доложил, что противник на подходе в 20–25 километрах от города и что доро-

га, проходящая по узкому дефиле в районе населенного пункта Хумара (севернее города на 10–12 км), заминирована, а скала подготовлена для обвала на дорогу. Мною было отдано распоряжение немедленно произвести обвал дороги, дабы преградить, хотя бы на какое-то время, путь танкам и мотопехоте противника. Для обороны дефиле выслана группа автоматчиков с двумя ружьями ПТР. К 17–18 часам передовая часть войск противника подошла к месту обвала, но пройти не смогла и повернула обратно. И так как мост в Красногорской не был взорван, вражеские части переправились на левый берег р. Кубань и с утра 12-го повели наступление на станицу Зеленчукская (свернули вправо по дороге, на запад от Микоян-Шахара – Авт.). <…>

Попытки немецких частей прорваться на Микоян-Шахар с севера окончились безрезультатно. Зато совсем неожиданно для нас к вечеру 12-го противник появился с тыла, южнее города и в самом городе, перерезав дороги на Кисловодск и Теберду. Как выяснилось, его провели по малоизведанным горным тропам проводники из местных жителей. В городе засели подразделения пехоты и автоматчиков, имеющие и тяжелые пулеметы <…>

В течение всей ночи полки вели бой, стремясь прорваться через город по дороге на Кисловодск, но безуспешно. Узкое дефиле простреливалось кинжальным огнем тяжелых пулеметов; участок дороги от южной окраины города до северной Хоста-Хетагурово протяженностью в два километра был фактически превращен в зону смерти. С целью установления возможности движения частей дивизии через Микоян-Шахар на Кисловодск, Теберду командир дивизии выслал начальника штаба дивизии подполковника Пономарева Иннокентия Константиновича и начальника 3-го отделения штаба капитана Калмыкова в Микоян-Шахар, а комиссара штаба, батальонного комиссара Толкачева – в направлении Теберды. Это было в 3 часа ночи 12 августа. Обратно никто из них не возвратился. <…>

К утру 13 августа окончательно выяснилось, что прорваться через Микоян-Шахар по дороге на Теберду или на Кисловодск невозможно. Нельзя и на месте оставаться. Противник мог обойти и с востока, занять незначительными силами высоты вокруг нас, и мы бы очутились в ловушке. К тому же патроны на исходе, кончились запасы продовольствия, не было связи с вышестоящим штабом. Дивизия оказалась изолированной от наших войск, в положении более чем критическом, под угрозой потери боевой чести и достоинства. Допустить это – равносильно измене Родине. Мы решили: драться до последнего патрона, до последней капли крови, но честь дивизии не уронить!

Было принято единственно возможное решение: материальную часть уничтожить, а людей со стрелковым оружием и конский состав вывести по горным тропам в восточном направлении…»[347].

Так части 242-й стрелковой дивизии, оборонявшие Микоян-Шахар (ныне Карачаевск), оказались отрезанными противником от дорог на Кисловодск и Теберду, и были вынуждены двигаться по тропам через Приэльбрусье в Закавказье.

В такой же ситуации оказались части 30-й кавалерийской дивизии. 15 августа дивизия вышла в район села Хасаут-Греческое, где местные жители и партизаны передали, что Микоян-Шахар, Верхняя Теберда и Теберда заняты противником. Таким образом, все пути дивизии для выхода на восток были отрезаны. Командир дивизии полковник Головской принял решение преодолеть Главный Кавказский хребет через Марухский перевал и соединиться с частями Красной Армии в Закавказье.

Интересно взглянуть на всю эту обстановку и глазами рядового бойца. Ниже приведем воспоминания Александра Петровича Попова (1923-1989), который в то время – молодой красноармеец, отступал по территории Карачаево-Черкессии.

«Когда доехали до аула Адыге-Халки поднялись на гору, то увидели, что в Эркен-Шахаре двигаются немецкие части. Повернули на Адыге-Хабль и далее, минуя основные дороги, вышли к станице Кардоникская. Был дан приказ пока не вступать в соприкосновение с немцами. Проехав за Кардоникскую, мы увидели на нескошенной пшенице, то там, то здесь, лежавших убитых наших солдат и стоявшую 122-мм гаубицу. Это была первая встреча с гитлеровским разбоем.

Миновав это место, мы поехали дальше в направлении аула Кумыш. Приехав туда, мы увидели отступавших беженцев со скотом, переправлявшихся по мосту через реку Кубань. Было время перед заходом солнца. Прилетела «рама», т.е. немецкий самолет «Фокке-Вульф», покружила над этим местом, сбросила несколько бомб и улетела. Дивизия подтянулась, и сходу вся основная группа двинулась дальше, отступив в сторону Микоян-Шахара (сейчас г. Карачаевск). Была сформирована группа прикрытия отступавших войск, в которую я попал вторым номером дегтяревского пулемета. Мне вручили тогда, вместо трехлинейки, СВТ. Утром мы заняли оборону в пойме р. Кубань и на прилегающих к ней высотах.

Мы попали с моим напарником на высоту, соприкасающуюся с дорогой из станицы Кардоникская. Противник двинулся в нашу сторону часов в 10 утра 13 августа 1942 года. Мы заставили его остановиться и вступили с ним в неравный бой. Бой длился весь день. Часов в 12 дня со стороны Кардоникской по дороге показалась танкетка, мы ее заставили откатиться назад. После этого немцы установили на господствующей высоте, с левого от нас фланга, минометы и начали обстрел. Мы на нашей высоте перед ними были как на ладони. Часов в 5 вечера немцам удалось прорваться в тылу у нас в с.Осетиновку (так тогда мы называли Коста-Хетагурово). Наши части завязали там бой. Мы оказались окруженными с трех сторон. Приказ был, несмотря ни на что, держать оборону. Мост через р. Кубань, когда начало темнеть, наши взорвали, и нам был отрезан путь на ту сторону реки.

Командир взвода ушел разведать обстановку и не вернулся. После этого пошел узнавать командир нашего отделения. Он также не вернулся. Мы оказались зажатыми со всех сторон кинжальным огнем. К тому же у нас иссякли боеприпасы. Оставшимися в живых было

принято решение прорываться через окружение мелкими группами – по 2 человека. Опустились мы с напарником с высоты и при попытке в темноте перебежать дорогу были освещены мотоциклами немцев и обстреляны. Мы залегли. Но тут же были схвачены. Как помниться, ко мне, лежащему, подбежал немец. Пнул меня в правый бок кованым альпийским ботинком и заорал: «Ауфштейн!» («встать!») – и к этому еще добавил: «русский швайн» («русская свинья»), а потом ударил еще в спину прикладом автомата. Это был здоровенный, чистокровный ариец, как я позже разглядел: весь в веснушках, с рыже-красным чубом. Согнали нас группами со всех участков обороны и погнали в Микоян-Шахар (ныне Карачаевск).

Пригнали в бывшую тюрьму, которая была огорожена высокой каменной стеной с проволочными ограждениями вверху. Днем нас держали во дворе, а ночью загоняли в камеры, причём, напихивали человек по двадцать, так что нельзя было даже сесть. По утрам каждый день – проверки, пересчет. Часть забирали под конвоем на работу. Нас кормили один раз в сутки кухонными отходами (кожура картофеля, кожура помидор и немного дерти). Вот такую давали похлебку без хлеба и больше ничего.

Продержали нас таким образом полтора месяца, и в один из дней построили, отсчитали группу примерно в 150 человек и погнали под усиленным конвоем через Красногорскую на Кардоникскую. Куда – мы не знали. По пути мне удалось у конвойного немца, шедшего недалеко от меня, узнать, куда нас гонят. Я тогда немного разбирался в немецком языке. Только что окончил 10 классов и имел словарный запас, достаточный для разговора. Немец сказал, что нас гонят в Архыз на перевал. Будем подносить снаряды. Если не будем подчиняться, то «пух-пух» (и при этом повертел автоматом) и «капут». Я, конечно, не подал виду, что собираюсь совершить побег, но на ус себе намотал и решил при первой возможности бежать. А она, такая возможность, вскоре представилась»[348].

Приведенные выше свидетельства участников обороны Микоян-Шахара существенно расширяют картину того, что Вильгельм Тике описал буквально в двух словах.

Заняв административный центр Карачая, 1-я ГСД продолжила движение в направлении Клухорского перевала. Группа фон Хиршфельда продвигалась непосредственно вслед за отходящими советскими войсками и, как говорится, наступала им на пятки. 14 августа она вела бой на окружение за овладение поселком Теберда. В результате боя было захвачено 23 советских орудия, среди них – 7 тяжелых, большое количество минометов и пулеметов, два танка, 96 грузовиков и 180 бронемашин. Вечером эта группа южнее поселка Теберда захватила небольшой плацдарм за рекой, восстановила разрушенный мост и создала условия для продолжения наступления.

С этими событиями соотносится бой партизанского отряда «Мститель» за базу «Гоначхир» в 13 километрах к югу от Теберды.

Партизанский отряд «Мститель», сформированный в основном из сотрудников НКВД и милиции города Микоян-Шахара, не принимая фронтального боя с немцами, отошел от курорта Теберда и укрепился на туристической базе «Гоначхир». От нее шло две дороги к Кавказским перевалам: первая – через Северный приют на перевал Алибек и в Клухорскую долину, вторая – на Марухский перевал.

К горному перевалу Клухор отходили подразделения частей Красной Армии, которые под городом Черкесск были отрезаны от основных частей, отходивших на город Пятигорск. Последним к Клухорскому перевалу шел через базу Гоначхир артиллерийский полк, уничтоживший у камнепада за Гоначхиром свои орудия и автотранспорт. Командование артполка и других команд стрелковых частей договорились с отрядом, что он примет на себя лобовой удар наступающих немецких частей и задержит их у базы на несколько часов с тем, чтобы дать возможность артполку и стрелковым командам добраться до Клухорского перевала, а там, соединившись со свежими частями Красной Армии, сойти в долину к базе Гоначхир и удержать за собой дорогу к Клухорскому перевалу.

Отряд хорошо был осведомлен через свою разведку, что по его следам идут и стремятся навязать ему бой части немецкой горно-егерской дивизии. Прибыли они с запада, в боях против Красной Армии не участвовали и были в полном составе, имея на вооружении: танки, вездеходы, мотоциклы, много минометов, автоматов и станковых пулеметов. Отряд знал, что если он примет бой в широком Тебердинском ущелье, где могут его схватить со всех сторон, то он попадет в затруднительное положение. Это заставило оставить без боя курорт Теберда и укрепиться на базе Гоначхир. Принимая на себя задачу: задержать наступавших немцев у базы Гоначхир, отряд учитывал трудности боевого задания, но больше надежды возлагал на помощь Изобиленского партизанского отряда, который 12 августа 1942 года прибыл из Ставрополя и занял базу Бу-Ульген, километрах в 10–12 от базы Гоначхир в сторону Клухорского перевала.

Отряд «Мститель» в своем составе имел 140 бойцов и командиров, на вооружении одно противотанковое ружье, 5 автоматов, один ручной пулемет и винтовки французские, английские и немецкие. Запас патронов имелся только для русских винтовок, на все остальные было от 100 до 150 штук патрон на винтовку.

Разведка отряда беспрерывно вела наблюдение за движением немцев, ввязывалась в короткие перестрелки с немецкой разведкой, и отряд был в курсе событий. 14 августа утром немецкая разведка была у базы Гоначхир. Подрывная команда отряда подорвала в нескольких местах дорогу, уничтожила мост через реку Бу-Ульген, который связывал базу с Тебердинским ущельем и дорогой на Клухор. После уничтожения моста сведений о немцах отряд не имел до 14 часов 14 августа, так как разведка не могла действовать из-за отсутствия моста. Отряд приготовился к обороне, т.е. не нарушая линии обороны, производил обед. В это время наблюдатели доложили, что у самой базы появились немцы. Отряд бросил обед, занял оборону. Со стороны Теберды ясно доносились звуки моторов

и лязг металла. В 15 часов в узкой долине за рекой Бу-Ульген по дороге, идущей к Клухорскому перевалу, появилось несколько танков средних и малых. Они с ходу открыли огонь по линии обороны партизан, прошли вверх над рекой Бу-Ульген и дальше горы Камнепад двигаться не могли, дорога была подорвана. Стоя на месте и затем, двигаясь задним ходом, били из орудий и пулеметов. В это же время в лесу началась перебежка немецких автоматчиков, которые прибыли к месту боя на автомашинах. На опушке леса, в грудах камней, немцы установили минометы и били по лесу, который был позади партизан, где артполк оставил много снарядов и мин. Разделяла немцев и партизан река Бу-Ульген, всего метров двести. Партизаны вели огонь из автоматов и винтовок, на левом фланге были сосредоточены гранатометчики, так как ожидалось, что танки пойдут вброд. Часа через два после начала боя немцы нащупали в лесу склад снарядов. Произошло несколько взрывов, а также немецкие пулеметчики и автоматчики заняли высокую гору против базы «Гоначхир» и открыли огонь по линии обороны. Эта гора за рекой Бу-Ульген господствовала над окружающими долинами, откуда была видна база «Гоначхир» и передний край обороны партизан.

Когда немцы при помощи местных бандитов-карачаевцев заняли эту гору, они стали обстреливать из автоматов, пулеметов и минометов передний край обороны партизан. Стремясь подавить немецкие пулеметы автоматчиков, автоматчик отряда Семененко Георгий несколько раз вылезал из укрытия камня и почти с открытого места бил по горе. Его огонь поддерживали автоматчики Тарасенко и Сухоребров. Несколько раз они заставляли замолчать немецких пулеметчиков и автоматчиков на горе, но часов в 5–5.30 был убит Семененко, затем Сухоребров и еще несколько человек из партизан Либкнехтского района. Тяжело было ранено три человека, с перебитыми ногами Семыкин и человек до 20 с легкими ранениями. Бой длился 5 часов, т. е. до темноты. В этом бою было убито до 30 немцев и ранено человек 60. В отряде «Мститель» было 7 убитых, 3 тяжелораненых и до 20 легкораненых. Отряд, выполнив свою задачу, отошел к базе Домбай, оставив прикрытие человек 15.

Отход отряда прикрывала Зоя (Залихат) Эркенова – партизанка, карачаевка. Укрывшись за кустами и валунами, она в течение трех часов вела непрерывный огонь из автомата, чем задержала гитлеровцев и дала возможность отряду выйти на новые позиции, но сама попала в плен и была расстреляна[349].

Зоя – Залихат Биболатовна Эркенова родилась в 1913 году (по другим данным – в 1911) в карачаевском ауле Учкулан в многодетной семье. Ее родители занимались скотоводством, работали в колхозе. После окончания профтехшколы в своем родном ауле Залихат была направлена на годичные юридические курсы в г. Ростов. Вернувшись на родину, работала в Учкуланском народном суде делопроизводителем и секретарем, а затем была народным судьей. С 1929 года состояла в рядах ВЛКСМ, а в 1932 – в разгар коллективизации вступила в члены ВКП(б). В конце 30-х годов – трудилась на должности уполномоченного областного лито,

Залихат Биболатовна
ЭРКЕНОВА
(1913–1942)

заместителем ответственного секретаря в редакции областной газеты «Красный Карачай», заместителем заведующего отдела кадров Карачаевского обкома партии.

В годы войны на фронт ушли ее братья, воевал и муж Ю. Г. Урусов. Оставив пятилетнюю дочь на попечение своей матери, в августе 1942 года Залихат Эркенова вступила в отряд «Мститель». В отряде она выполняла обязанности заместителя комиссара партизанского отряда. Выполняла ответственные задания по разведке в интересах отряда и строевых частей Красной Армии, проводила массово-политическую работу среди местного населения на оккупированной территории, разоблачая лживую политику нацистов, рассказывала о положении на фронтах.

Во время боя в Архызском ущелье, заняв выгодную позицию, метким огнем смогла задержать наступление немецких горных стрелков, чем дала возможность партизанскому отряду выйти из окружения.

Попав в плен, Залихат мужественно перенесла пытки и издевательства гестаповцев и не выдала информацию о партизанском отряде. В ноябре 1942 года, не добившись от нее ничего, фашисты расстреляли Залихат вместе с другими патриотами за городом Кисловодском у горы Кольцо. В своей предсмертной записке отважная партизанка написала: «Мы знаем, куда нас везут. Оттуда никто живым не возвращается. Мы едем без страха. Нет страха на душе. Если будет жить Советская власть, значит, и мы будем жить, а она будет вечно жить».

Посмертно Залихат Эркенова была награждена орденом Красного Знамени и медалью «Партизану Отечественной войны» I степени[350].

Немцы, остановленные 14 августа, на следующий день, 15 августа подтягивали свои силы к базе «Гоначхир». Весь день шла редкая перестрелка с прикрытием, и лишь затем противник снова пошел в наступление. Сбив прикрытие, враг устремился в долину к Клухорскому перевалу. Частью сил, немцы построили мост через реку Бу-Ульген, взяли базу «Гоначхир» и устремились за партизанским отрядом «Мститель». В этом бою исключительное хладнокровие и мужество проявили: командир взвода Зайцев Иван Яковлевич, автоматчики Семененко Георгий, Тарасенко, Резниченко и Рогузько, а также партизаны Каляда, Сухоребров, начальник особого отдела отряда Володин Федор Никитович и другие[351].

По сведениям немецкого источника, 15 августа группа фон Хиршфельда пошла в наступление. Южнее Теберды начался настоящий горный бой. Горную дорогу, становившуюся хуже и хуже, все теснее обсту-

пали еловые леса и склоны гор, и вскоре она уже превратилась лишь в тропу. Укрываясь за скалами и деревьями, с боем отходили тыловые прикрытия советских войск. Два раза взводы горных егерей вынуждены были идти вброд по ледяной горной реке. У лагеря лесорубов передовое охранение вышло к «Серпантинному приюту» у подножья Клухора[352].

Немецкие егеря в горах Кавказа. 1942 г.

Документы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации свидетельствуют, что непосредственная оборона перевалов Нахар и Клухор была поручена 815-му СП, который выдвинул 1-й батальон и занял перевалы, имея непосредственно на перевале одну роту, ведя непрерывную разведку в направлении Верхняя Теберда, и имея от роты сторожевую заставу – стрелковый взвод в районе туристической базы ЦДК[353].

Историки уточняют: одна рота занимала площадку на верхней точке перевала, еще две роты находились южнее перевала, оборона на северном склоне организована не была[354]. А.Р. Мирзонов с помощью умозаключений и расчетов пришел к выводу: гарнизон РККА на Клухорском перевале составлял около 500 человек[355]. Это говорит о том, что оборону перевала вел целый батальон, причем усиленный, судя по тому вооружению, которое попало в руки немецких егерей в качестве трофеев после взятия ими Клухорского перевала.

16 августа конная разведка 815-го СП в районе Верхняя Теберда была обстреляна неприятелем. Неожиданно противник силой одного горно-пехотного егерского полка вплотную подошел к подразделениям 1-го стрелкового батальона, обороняющим Клухорский перевал, уничтожил все огневые средства и в ночь с 16 на 17 августа занял Клухор. Этот момент был зафиксирован в советской историографии как время захвата противником Клухорского перевала. Понеся большие потери, почти полностью уничтоженный, в количестве 17 человек батальон 815-го СП стихийно, без приказа отошел на южные скаты перевала[356].

Автор исследования А. Р. Мирзонов обращает внимание на то, что продвижение немцев к перевалу также не обошлось без потерь. На одной из фотографий немецких захоронений ему удалось прочитать текст на табличке «Лейтенант Харер 6/98 16.8.42». Такая же дата гибели была у

двух оберфрейторов, одного ефрейтора и егеря той же 6-й роты 98-го горно-егерского полка. Второй момент – по немецким данным, перевал был захвачен лишь к вечеру 17 августа[357].

О том же свидетельствовал В. Тике, описавший захват Клухорского перевала, в частности, о том, что 16 августа движение немецких войск было остановлено советской обороной. Майор фон Хиршфельд, введя противника в заблуждение атакой с фронта, незаметно направил в обход другую группу егерей. Командир группы охвата обер-лейтенант Нойхаузер позже вспоминал:

«Были образованы две боевые группы – одна под командованием капитана Пёссингера, другая – моя. Один взвод в высокогорном снаряжении, но без снаряжения для скалолазания, взвод егерей, взвод станковых пулеметов, взвод тяжелых минометов – такой состав обеих боевых групп. У каждой группы была своя задача. В то время как Пёссингер сначала атаковал с фронта, я со своей боевой группой должен был отклониться далеко вправо, чтобы с тыла выбить противника, окопавшегося на перевале. Мы так часто отрабатывали подобные задачи еще на Кранцберге под Миттенвальдом! Рассчитанные три часа марша и восхождения были для нас наиболее утомительными за все время наших прежних действий на Кавказе. По склону горы тянулась плоская впадина, которая мне показалась подходящей для того, чтобы незаметно для противника достичь своей цели. Добравшись до верхней трети, мы отклонились влево, при этом мы должны были миновать широкое снежное поле, и там уже нас обстрелял противник. Тогда нам пришлось вернуться и спуститься. За второй горной цепью повторилось все снова. Теперь я шел впереди усталой группы, чтобы разведать местность. Стрелки медленно продвигались за мной – у каждого из них за спиной была «большая туча» – рюкзак и оружие. Из-за валуна показались двое русских с поднятыми руками. Это были солдаты поста охранения. Они предоставили нам ценную информацию. Я добрался до гребня и получил полную картину жизнедеятельности противника в долине. В 500 метрах на противоположном склоне происходило постоянное движение противника. Почти на таком удалении у подножья горы у костров сидели группы противника, готовили еду и ели. На перевале было много войск. Подходившие одна за другой группы егерей равномерно распределялись вдоль гребня. Боевая задача как таковая, могла быть выполнена. Я счел нашу позицию настолько удачной, что решил нанести после тщательного измерения расстояний огневой налет по группам противника, находящимся в лагере. Очереди станкового пулемета, минометные мины и даже выстрелы из карабинов настолько ошеломили противника, что результат налета был потрясающим. Общее впечатление было такое, что русские в этой неожиданной обстановке почувствовали себя очень неуверенно, так как, в общем, мы оказались у них за спиной.

В 14.00 я сам в качестве посыльного отправился назад, чтобы доложить капитану фон Хиршфельду о выполненной задаче, моих наблю-

дениях и предположениях. Я получил приказ атаковать противника с тыла. В том случае, если это окажется невозможным, я должен буду подать сигнал ракетой, и Пёссингер будет атаковать перевал с фронта, тогда как мы будем поддерживать его огнем. После двух с половиной часового восхождения я снова был со своей боевой группой. Но обстановка изменилась. Противник отходил двумя группами, каждая из которых поочередно прикрывала другую огнем. Группа Пёссингера сразу же начала наступление с фронта, опередила прикрытие противника, и мы открыли огонь по отступавшим русским. Перевал наш! Наступила ночь. Все мы смертельно устали, настолько устали, что даже жесткий скалистый грунт не мешал сну»[358].

Стоит согласиться с тем, что в этих воспоминаниях есть много неувязок: какая из групп выполняла роль основной – группа Пёссингера или Нойхаузена; как они взаимодействовали между собой; как после обстрела группа охвата смогла беспрепятственно продолжать движение, а защитники перевала – безмятежно готовить еду и принимать пищу?

Немецкий источник свидетельствует о том, что для 1-й ГСД взятие Клухорского перевала стало бескровной операцией, если не считать одного раненого. Со стороны защитников перевала 84 человека попали в плен, 4 комиссара и 3 офицера были расстреляны. Наличие двух десятков советских военнопленных подтверждается снимком из книги Алекса Бухнера «От Эйсмеер до Кавказа», на котором запечатлены русские солдаты, спускающиеся с Клухорского перевала[359].

Итак, вечером 17 августа 1942 года Клухорский перевал был взят немецкими егерями. Самая высокая точка на Военно-Сухумской дороге оказалась в руках противника. Стремясь сохранить успех, немцы частью сил продолжили двигаться вперед.

О боях на Клухорском перевале командованию 46-й армии стало известно 17 августа. Для выяснения ситуации на место боев прибыли командир 815-го СП и командир 3-го стрелкового корпуса генерал К.Н. Леселидзе. Ночью была организована выброска учебного батальона дивизии и оставшиеся силы полка, минометный взвод и саперное подразделение. На перевал было завезено 200 килограммов взрывчатки[360].

На усиление Клухорской группе из района Сухума был выслан 3-й батальон 815-го стрелкового полка, учебный батальон 394-й стрелковой дивизии, отряд Сухумского пехотного училища и спецотряд НКВД[361]. Согласно другому документу, с целью восстановления положения на Клухорском перевале 17 августа по указанию командующего фронтом были выброшены на автомашинах два батальона 815-го СП и учебный батальон дивизии с задачей уничтожить противника на северных скатах перевала Клухор[362].

Изначально речь шла об усилении обороняющихся на перевале сил двумя полками пехоты и поддержке бомбардировочной авиации. Об этом докладывал Верховному главнокомандующему Л.П. Берия – представитель ГКО и член Военного Совета Закавказского фронта, прибывший в Тбилиси по указанию Сталина 22 августа 1942 года[363].

22 августа 1942 года в журнале боевых действий Закавказского фронта были записаны следующие выводы:

«а) Оборона основных перевальных точек ГКХ в должной мере не была организована. Командарм 46, его штаб и командиры соединений уделили больше времени составлению различных планов, нежели укреплению перевальных точек. Ввиду невыполнения указаний командующего фронтом командармом 46 и его штабом, обороняющиеся части оказались слишком слабы для задержания противника. Кроме того, деморализация частей СКФ и бывшего Южного фронта, которые прошли через боевые порядки войск 46 А, повлияла на отдельные подразделения, оборонявшие перевалы, в силу чего Клухорский перевал был сдан противнику почти без боя.

б) Противник, используя проводников-карачаевцев, сравнительно легко и быстро подошел к наиболее доступному пути к Клухорскому перевалу и, так как подразделения 815 СП вели очень слабую разведку, неожиданно напал на гарнизоны, сломил их сопротивление и форсировал перевал, развивая наступление на его южных склонах.

в) Ликвидация прорвавшегося противника потребовала сосредоточения больших сил и материальных средств, тогда как при своевременно и хорошо организованной обороне, какую требовал в своих директивах и указаниях командующий фронтом, он мог быть задержан на северных скатах»[364].

Командующий Закавказским фронтом Тюленев 23 августа направил командующему 46-й армией Сергацкову оперативную директиву, в которой были такие слова: «События последних дней показали, что глубоко ошибаются те командиры, которые думают, что Кавказский хребет сам по себе является непроходимой преградой. Примером этого служит позорная сдача врагу Клухорского перевала, который мог быть сдан лишь потому, что части, оборонявшие его, не оказали упорного сопротивления противнику и совершили преступление, отступив без приказа командования»[365].

Вероятно, отходом без приказа батальона 815-го стрелкового полка с Клухорского перевала можно объяснить ту разницу во времени его оставления и захвата противником, которая отложилась в документах обеих сторон.

Спустя 20 лет после войны командир 815-го СП майор А.А. Коробов вспоминал: *«После захвата немцами перевала пришлось серьезно подумать о более удобных для обороны позициях. Они были хорошо подготовлены. И с тех позиций немцы уже не смогли нас сбить»*[366].

Между тем, ситуация на самом перевале после его захвата продолжала развиваться следующим образом. Архивный документ из фондов Центрального архива МО РФ гласит: «Противник, развивая наступление, к 19.8.42 г. подошел к Южному приюту, стремясь прорвать линию нашей обороны. На помощь прямо с марша был введен в бой отдельный учебно-стрелковый батальон дивизии, который, ведя тяжелые оборонительные бои в течение 20-22 августа, неся большие потери, сдерживая наступление противника, медленно отходил». 22 августа к исходу дня на

помощь учебному батальону прибыл отряд Сухумского пехотного училища в составе 300 человек. Объединенными усилиями батальона и училища наступление противника 23 августа было приостановлено, подразделения закрепились в районе «Водопада». Многочисленные попытки со стороны противника в течение 23-26 августа ударом с фронта и выходом на фланги и в тыл прорвать линию обороны наших подразделений успеха не имели.

Иван Иванович
АРШАВА
(1905-1942)

Одновременно командование 3-го СК и 46-й армии вело подготовку к ликвидации Клухорской группировки противника. Основной трудностью стало сосредоточение войск. Из-за отсутствия надлежащей сети дорог войска опаздывали с выходом в исходные районы. Поэтому командующий фронтом дал командиру 3-го СК и командующему 46-й армии указание: «Если Вы еще не подготовлены и у Вас нет полной уверенности в разгроме противника, рекомендуем операцию отложить на 1–2 дня. Занятие противником Клухора является позором и этот позор нужно немедленно смыть»[367].

Для развития наступательных операций на Клухорском направлении решением командующего 46-й армии генерала В.Ф. Сергацкова были введены в действие 121-й горнострелковый полк (ГСП) 9-й ГСД из Батуми и 220-й кавалерийский полк (КП) 63-й кавалерийской дивизии (КД), которая в августе 1942 года участвовала в обороне перевалов Кавказа. Согласно записям в журнале боевых действий 9-й горно-стрелковой дивизии, 121-й ГСП 27 августа вступил в контакт с противником и, окружив его группировку в районе с. Гвандры, уничтожил до двух усиленных рот противника. Благодаря помощи 121-го ГСП попытка врага 27 августа сломать оборону советских войск на Клухорском перевале заброской в тыл 815-го СП трехсот (по другим данным ста) автоматчиков была сорвана. Прорвавшийся противник был полностью уничтожен[368].

В дальнейшем до наступления снегопадов 121-й горно-стрелковый полк наступал в двух направлениях – на Клухор и Нахар, после чего 3 октября сдал свой участок 394-й стрелковой дивизии и убыл к месту дислокации в Батуми. За Клухорскую операцию 121-й ГСП был награжден орденом Красного Знамени[369].

В боях за Клухорский перевал пал смертью храбрых командир 121-го ГСП майор Иван Иванович Аршава. Умелым руководством он обеспечил уничтожение группы автоматчиков противника в количестве 250 человек, которые прорвались к штабу полка. Майор Аршава лично

из пистолета уничтожил двух из них. 3 сентября он подготовил наступление, организовал его. В результате противник был разбит и отброшен на 14 километров. В этом бою майор Аршава погиб. Награжден посмертно орденом Ленина[370].

Теперь обратимся к действиям 220-го кавалерийского полка из состава 63-й кавалерийской дивизии. Согласно записям в журнале боевых действий дивизии, по приказу штаба дивизии от 8 августа 1942 года к 11 августа полк прибыл в район Клухорского перевала. «Несмотря на непривычные условия горной местности, кавалеристы успешно отбивали попытки лучших частей противника овладеть перевалом. Своими действиями во фланг 220-й КП способствовал частям 394-й СД успешному продвижению и занятию перевала Клухор»[371]. Возникает вопрос, где находился и как действовал 220-й КП 17 августа, когда немцы захватили перевал? Почему в других источниках этот полк не упоминается? В журнале боевых действий 63-й КД эпизод боевой деятельности 220-го кавполка на Клухоре подробно не описан. В книге «Дыхание лавин» в главе «На Клухорском перевале» упоминаний об участии 220-го полка в боях за перевал нет.

Известно, что командовал 220-м кавалерийским полком капитан Кочкарев Андрей Михайлович, 1907 года рождения, осетин, кадровый военный, служивший в Красной Армии с 1929 года. Он имел неплохой боевой опыт: 1941 год – участие в Иранской операции, 1942 – в боях под Воронежем[372]. До апреля 1943 года наград не имел. В наградном листе на капитана А.М. Кочкарева, подписанном в марте 1943 года, ни слова не говорится о его участии в боях за Клухорский перевал.

Тем не менее, в документе отмечалось, «в результате длительных наступательных операций и выхода 220-го КП в тыл противника по юго-западным скатам гор противник, опасаясь окружения, в ночь с 7 на 8 сентября отошел на перевалы, где и закрепился»[373].

Более или менее вразумительная информация об участии 220-го кавалерийского полка встретилась А. Р. Мирзонову в одном из немецких документов. Действовавший в долине Гвандры 220-й полк, насчитывавший в своем составе от 1500 человек, имел задачу атакой овладеть Клухорским перевалом и отрезать путь отхода Клухорской группировке 1-й горной дивизии с Клухорского перевала. Но выход трех немецких рот в тыл советским войскам заставил 220-й полк уйти из долины[374]. К этому можно добавить выдержку из приказа представителя ГКО и Военного Совета Закавказского фронта № 0012 от 28 августа 1942 года, которую процитировал С. В. Януш: «Двадцать первого августа текущего года по приказу 46 армии из Хаиши (село в Абхазии – *Авт.*) на перевал Клухор в пешем строю вышел 220 кавалерийский полк 63 КД, полк был снабжен продовольствием только на три дня. Между тем полк до сего дня к месту назначения не прибыл, и, так как командование дивизией не удосужилось организовать связь с полком, место нахождения его не было известно в течение 7 суток»[375].

Примечательно, что с судьбой 220-го кавалерийского полка связано

имя знаменитого советского ученого и альпиниста Александра Михайловича Гусева. В то время он имел звание воентехника 1 ранга и занимал должность инструктора альпинизма 394-й стрелковой дивизии. Фактический А.М. Гусев был проводником-консультантом по району боевых действий дивизии. Судя по наградным документам А. М. Гусева, именно он вывел 220-й кавалерийский полк 63-й кавалерийской дивизии в тыл противника на Нахарский перевал по ледникам и трудно проходимым местам[376]. В своей книге «Эльбрус в огне» А.М. Гусев несколько раз упоминает кавалеристов 220-го полка, но подробности своей работы в качестве проводника не приводит.

Авторы книги В. Гневушев и А. Попутько писали, что преимущество противника «вынудило командование срочно перебросить с Марухского перевала 3-й батальон 808-го полка, который был в оперативном подчинении командира 810-го полка майора В.А. Смирнова»[377]. Эти сведения вносят путаницу, ибо на Клухорском перевале находился 815-й полк. О реальных действиях 3-го батальона становится ясно из журнала боевых действий 808-го СП. На самом деле 19 августа 3-й батальон под командованием старшего лейтенанта В.Р. Рухадзе без одной роты и одного взвода ПТР согласно приказу штаба дивизии выступил на Клухорский перевал в распоряжение командира 815-го СП. Однако в районе Аджары Рухадзе получил приказ командира корпуса генерал-майора К.Н. Леселидзе, во изменение ранее отданного приказа выступить на Марухский перевал в распоряжение командира 810-го СП майора Смирнова[378]. Таким образом, 3-й батальон 808-го СП до Клухорского перевала добраться не успел и в пути изменил маршрут движения.

О том, какие части еще обороняли Клухорский перевал, становится ясно из воспоминаний командира 815-го СП майора А.А. Коробова: «А вскоре подкрепление мы начали получать, правда, не со стороны Марухского перевала – подразделения майора Смирнова не смогли к нам пробиться. Пришел к нам 956-й артиллерийский полк, несколько подразделений 155-й стрелковой бригады, 121-й горнострелковый полк под командованием майора Аршавы, а также специальные горнострелковые и альпинистские отряды»[379]. Известно, что на Клухорском перевале дислоцировался отдельный горно-стрелковый отряд (ОГСО) № 1 под командованием лейтенанта С. А. Глазкова, инструкторами в нем были лейтенанты И.Е. Березнев, В.М. Цыганков, А.И. Калашников, И.И. Табакин, Г.И. Хатенов[380].

С 10 сентября по 10 октября 1942 года советские части Клухорской группировки вели наступательно-оборонительные бои, имея задачей овладеть перевалами. Но наступательная операция советских войск значительного успеха не имела, так как противником были заняты господствующие высоты, позволяющие ему простреливать местность и уничтожать приближающиеся советские подразделения на значительном расстоянии. Эти строки из документа 1942 года наводят в очередной раз на риторический вопрос: а почему наши войска, не могли занять подобные позиции в августе 1942 года?

Тем не менее, в результате наступательно-оборонительных боев на Клухорском направлении силами 815-го СП, учебного стрелкового батальона, отряда Сухумского пехотного училища и 121-го ГСП были нанесены серьезные потери двум горно-пехотным полкам противника (98-му и 99-му). В основном разгромлена 1-я горно-пехотная егерская дивизия и окончательно приостановлено продвижение противника на юг. Такой вывод сделал командующий 46-й армией генерал К.Н. Леселидзе в декабре 1942 года по итогам боевых действий на Клухорском направлении[381]. Конечно, дивизия «Эдельвейс» разгромлена не была.

Для ясности картины на Клухорском перевале обратимся к описанию ситуации со стороны противника. После взятия Клухорского перевала боевой группой фон Хиршфельда было организовано преследование отходящих подразделений советский войск. Двигаясь дальше по Военно-Сухумской дороге, эта группа 21 августа была уже в селении Клыч (оно же Клыдж), однако здесь ее встретила прочная советская оборона, организованная 3-м стрелковым корпусом. Путь немецким войскам был прегражден, когда до Черноморского побережья оставалось менее 50 километров.

Пока боевая группа фон Хиршфельда с усиленным 3-м батальоном 99-го ГСП сковывала оборону советских войск с фронта, полковник Герман Кресс направил 2-й батальон 98-го ГСП для охвата главных советских сил с востока. Однако он был контратакован советскими частями, рассеян и опрокинут. Осуществить запланированное совместное наступление 3-го батальона 99-го полка и 2-го батальона 98-го полка не удалось. Несмотря на то, что Кресс постоянно присылал в наступление новые роты, вырваться на равнину немцам не удавалось.

Другая боевая группа 2-го батальона 99-го полка прикрывала наступление фон Хиршфельда у Нахарского перевала, продвигаясь на юг от Учкулана. Главные силы 1-й ГСД оставались все позади: по долине Теберды шел 98-й ГСП, по долине Кубани – 99-й горнострелковый полк.

До 26 августа силы двух немецких батальонов укреплялись на позициях у селения Клыч. Постепенно немцы начинали ощущать усиление натиска советских частей. У них появилось много раненых, которых было очень трудно эвакуировать в тыл. Сутками без отдыха работали немецкие медики[382].

Да, натиск советских войск действительно усилился. Но и противник не хотел уступать захваченных позиций. «Перешедший с 5 ч. 30 м. 26.8.42 г. в наступление 815-й СП (с приданными подразделениями) за 3 дня наступательных действий продвинулся всего на 1 км, встречая сильное огневое сопротивление противника (пулеметный и минометный огонь). В течение 29, 30, 31 [августа] – поиски разведчиков с обеих сторон и руж. мин. перестрелка. В ночь на 27.8 группа автоматчиков противника в количестве 100 чел. просочилась в тыл нашей Клухорской группировке 1,5 км сев. слияния р. Гвандра и Клыдж. К исходу дня 27.8 группа противника была ликвидирована…»[383]. К сожалению, эта скупая инфор-

мация из советских архивных источников не дает полного представления о происходивших событиях.

В своей книге «Эльбрус в огне» А.М. Гусев описывает события по взятию перевала Клыч, южнее Клухора, в которых ему пришлось участвовать в качестве командира группы. В наступлении от селения Генцвиш по ущелью реки Клыч участвовали основные силы 394-й стрелковой дивизии.

«Наступление в лоб вверх по ущелью реки Клыч было трудной задачей. Поэтому наше командование решило сочетать его с фланговыми обходами и с выходом в тыл основным силам противника. Командир корпуса поинтересовался, возможен ли переход из ущелья Гвандры в ущелье реки Клыч, где находился немецкий штаб. Мы знали, что недалеко от «Южной палатки» начинается тропа, ведущая в ущелье Гвандры. Этой тропой пользовались сваны для перехода на пастбища в зону альпийских лугов на хребте Клыч и в верховьях реки Гвандры. Там имелось несколько пастушьих хижин – кошей. По этой тропе можно было провести большой отряд с вооружением до батальонного 80-миллиметрового миномета включительно.

Для выхода в тыл немецкому штабу требовалось около полутора суток при условии, что на пути не окажется заслонов. Но сведения, поступившие от отряда разведки, ходившего в ущелье раньше, были туманны и разноречивы. 220-й полк, поднявшийся по ущелью Гвандры почти до кошей, откуда начинается тропа на гребень хребта, противника не встретил. Однако немцы могли с успехом замаскироваться на склонах.

В результате обсуждения сложился следующий план боевых действий на Клухорском направлении. Отряд 220-го кавалерийского полка, вести который было поручено мне и Гусаку, должен был проникнуть из ущелья реки Гвандры в расположение штаба полка гитлеровцев, находящегося в районе «Южной палатки». Подойдя к «Южной палатке» к 10 часам утра 31 августа, отряд начнет атаку штаба полка. За час до атаки артиллерия дивизии, подтянутая к передовой в ущелье реки Клыч, произведет массированный обстрел расположения штаба и всей обороны противника. 815-й стрелковый полк вместе с его резервными подразделениями нанесет удар по гитлеровцам в направлении вверх по ущелью реки Клыч»[384].

Умело используя особенности горной местности и погодных условий в горах, А. М. Гусев с командирами во главе отряда смогли выполнить поставленную задачу и за несколько дней, тесня противника, вверх к перевалу Клыч, отбили его у противника.

В книге А. Р. Мирзонова «Битва за перевалы. Другой взгляд» приводится текст уникального документа из фондов американского архива – доклада командира боевой группы Клухорского направления майора Залмингера командиру 1-й горной дивизии генералу Ланцу от 3 сентября 1942 года. Из этого отчета и других документов фонда картина боевых действий, которые развернулись в районе Гвандра и Клыч с 25 по 29 августа, становится более наглядной.

После того, как 25 августа в долине реки Клыч атаки егерей были остановлены, капитан фон Хиршфельд организовал маневр, направив в обход справа три роты 98-го горного егерского полка – 8-ю, 6-ю и 13-ю. Однако обойти и охватить советские подразделения егерям не удалось. 6-я и 13-я роты, направлявшиеся на Гвандру, были атакованы на марше двумя батальонами, один из них – курсантский, и перешли к обороне. 8-я рота должна была ударить в направлении Клыч с запада и блокировать долину Гвандры, открыв проход в долину реки Клыч с севера другим ротам. Но и она была встречена защитниками перевала. Четверо суток все три роты вели бои в окружении. Они были практически полностью лишены связи и продовольствия. Мелкими группами егеря возвращались в свой лагерь. При том, что советские источники свидетельствуют о полном разгроме немцев в этих боях, реальных потерь было относительно немного. В 6-й роте погибло 4 человека, 9 пропали без вести. В 8-й роте 6 погибло, 1 пропал без вести. В 13-й роте погибло – 8, 14 пропали без вести. От передового дозора 2-го батальона – 2 человека пропали без вести[385]

Масштабы потерь советских войск в этих боях за Клухорский перевал оценить очень сложно. Списки погибших в базе данных ОБД «Мемориал» по 394-й стрелковой дивизии содержат имена лишь 25 офицеров 815-го полка, погибших 27 и 28 августа на Клухорском перевале. Отсутствуют данные и по 121-му горно-стрелковому полку, за исключением погибшего командира полка майора И.И. Аршавы.

Автор книги «Битва за Кавказ» Б. В. Соколов со ссылкой на А. Статиева приводит такие данные: «20–25 августа (главным образом 20–23 августа) 1942 года учебный батальон 394-й стрелковой дивизии в долине Клыч, одного из истоков р. Кодори, потерял 447 человек из 524 убитыми, ранеными и пропавшими без вести (одних только офицеров 13 убитыми и пропавшими без вести – *Авт.*), тогда как противостоявший ему полубатальон 98-го горнострелкового полка 1-й горнострелковой дивизии, которым командовал Харальд фон Хиршфельд, потерял 20–22 августа только 5 убитых и 47 раненых, когда он сражался против учебного батальона и остатков одного из батальонов 815-го стрелкового полка. Однако с прибытием новых советских подкреплений потери группы Хиршфельда возросли за 23–24 августа еще на 42 убитых и 151 раненого»[386].

Тем не менее, немецкие егеря были остановлены. Правда, какой ценой!?

Картину боев на Клухорском перевале с советской стороны воссоздают воспоминания командира 815-го СП майора Коробова Александра Анатольевича: «Особенно донимала наши позиции одна высота, на которой собрались довольно крупные силы фашистов. Ни ночью, ни днем по существу наши подразделения не могли скрытно провести ни одного маневра. И решили тогда уничтожить эту высоту с теми, кто на ней находился».

Скрытно, со строгими предосторожностями заложили под высоту заряд аммонала. Когда мощный взрыв потряс горы, на переднем крае фашистов началась паника. А рота автоматчиков во главе со старшим

лейтенантом Воробьевым, поддержанная другими подразделениями, смяла егерей и пошла дальше. Потеснили немцев метров восемьсот, заняли их позиции и захватили пленных[387].

Александр Самойлович АНДГУЛАДЗЕ (1912–не ранее 1945)

Дополняют описания боев сведения из наградных документов участников сражений. Храбро и решительно в боях на перевале действовал капитан Николай Георгиевич Каркусов – начальник штаба 815-го СП. Оказавшись со штабом в окружении, он принял решительные меры для предотвращения паники, мобилизовал около командного пункта полка командиров и красноармейцев, распределил их по группам и лично командовал ими в бою. Когда пулеметный расчет разбежался, он сам стал у пулемета и в упор расстреливал врага. Видя смелость и отвагу офицера, бойцы вернулись на свое место. За этот подвиг Н.Г. Каркусов был награжден орденом Красной Звезды[388].

Посмертной награды – ордена Красного Знамени – был удостоен лейтенант Павел Михайлович Мариков (1921–1942) – командир минометного взвода 815-го стрелкового полка. В его наградном листе было записано: «В период боя при выбытии из строя минометного расчета под губительным огнем противника сам вел огонь с миномета и при переходе на новый рубеж, организовал вынос материальной части с поля боя и своевременно быстро установил огневые позиции. По приказу командования тов. Мариков в трудных условиях нес охранение расположения минометного батальона, ведя одновременно огонь с минометов. Во время прорыва вражеских автоматчиков в тыл наших частей, ему было приказано с группой минометчиков направиться на уничтожение прорвавшихся фашистов. В борьбе с фашистскими автоматчиками погиб смертью храбрых».

Будучи больным малярией, политрук роты связи 815-го СП младший политрук Ризван Валиевич Ибрагимов продолжал выполнять свои обязанности, мобилизуя личный состав на выполнение боевых задач. Только в бессознательном состоянии его эвакуировали в медпункт, и уже через два дня он снова был в строю. За участие в обороне Клухорского перевала Р. В. Ибрагимов был награжден орденом Красной Звезды[389].

В базе данных «Подвиг народа» есть наградные листы бойцов и командиров 956-го артиллерийского полка, сражавшихся за перевал. Комиссар батареи политрук Андгуладзе Александр Самойлович во время нападения на огневую точку вражеских автоматчиков, зашедших в тыл подразделений, возглавил оборону батареи и разгром противника. Под

его руководством немецкие автоматчики были отогнаны от батареи и уничтожены. Материальная часть батареи осталась невредимой. Комиссар дивизиона политрук Даневич Александр Николаевич организовал разгром группы немецких автоматчиков в количестве до роты, прорвавшихся в тыл обороны дивизиона и захвативших мост через реку Клыч, который имел важное тактическое значение для переброски боеприпасов, продовольствия и продвижения подразделения. Своим лихим примером политрук Даневич повел подразделение в контратаку, чем обеспечил разгром группы противника. Старший лейтенант Калинин Василий Матвеевич – командир 2-го дивизиона 956-го артполка, будучи ранен, до последней минуты оставался на боевом посту пока силы не покинули отважного воина. Примеры героизма и мужества в боях за Клухорский перевал показали командир отделения связи сержант В.Н. Аксенов, командир орудия младший сержант С.А. Бурда, наводчик орудия красноармеец Л.Ф. Василенко, командир огневого взвода младший лейтенант Б.В. Грачев и многие другие бойцы и командиры[390].

Боевые действия за Клухорский перевал продолжались вплоть до 21 октября, но выбить противника с тактически удобных позиций на южных склонах перевала советским войскам не удавалось. Однако после окружения под Сталинградом германской 6-й армии, немецкие войска начали покидать Северный Кавказ, и в январе 1943 года перевал был ими оставлен[391].

В журнале боевых действий 46-й армии было записано следующее: «Начиная с 19.10, прошел сильный снегопад, сопровождаемый буранами и метелями. В районах перевалов снег до 3-х метров, обвалы, камнепады, мороз. Такие изменения погоды послужили прекращению операций, и на всех направлениях начался переход на зимний план обороны. То же делал и противник. Боевые действия сменили работы по строительству землянок, оборонительных сооружений и лишь только велись поиски разведчиков и периодически обстрелы из минометов и редко ружейно-пулеметный огонь. Проходимость дорог и троп крайне затруднена…»[392].

Александр Мирзонов пишет: «Клухорский перевал так и не был отбит частями РККА. Немцы сами покинули его при отступлении 10–11 января 1943 г. 13 января на перевал поднялся разведотряд под командованием командира 3 батальона 815 СП лейтенанта Худобина»[393].

Так закончилась оборона Клухорского перевала.

2.2. Боевые действия на Марухском направлении

Марухский перевал расположен в 40 километрах западнее Клухора в верховьях реки Марухи́ (именит. – Маруха́). Он имеет высоту 2739 метров над уровнем моря. Дорога на него начинается от станицы Зеленчукской и идет вдоль Марухской долины. В Средние века через Марухский перевал проходил один из торговых путей между городами Черноморского побережья и Аланским государством. В двух с половиной киломе-

трах к юго-востоку от Марухского перевала возвышается гора Каракая, высота 3893 метра. У ее северного склона простирается Северо-Каракайский ледник, приближающийся вплотную к Марухскому перевалу с северо-востока. В непосредственной близости от горы Каракая к юго-западу расположена гора Марух-Баши, высота 3803 метра. С Марухского перевала ведет крутой спуск на Южный Марухский ледник. Он пологий, почти не имеет трещин, что делает его безопасным для прохождения. Тропа приводит в лесистое ущелье реки Чхалты и далее ведет в селение Чхалта, расположенное на Военно-Сухумской дороге. От верховьев Марухской долины до Военно-Сухумской дороги переход занимает 2 дня[394].

Марухский перевал стал для немецких горных егерей одним из мест преодоления Главного Кавказского хребта, однако, как отметил А. Р. Мирзонов, он «изначально вообще не рассматривался планировщиками вермахта в качестве одного из проходов в высокогорной части Кавказа для продвижения к черноморскому побережью <…> Марухское направление стало пятым по счету и внеплановым по сравнению с другими направлениями для выхода в Закавказье»[395].

Дело в том, что в селении Чхалта дорога через Марухский перевал сходится с дорогой, идущей с Клухорского перевала. Поэтому, как пишет И. Б. Мощанский, от успеха действий на одном направлении в значительной мере зависела судьба другого направления. Это учло командование 49-го горнопехотного корпуса, совершая при штурме Клухора обходной маневр через Марух[396]. Тем не менее, из хроники событий видно, что командование 1-й ГСД не сразу обратило внимание на данное обстоятельство, коль скоро действия на Марухском перевале начались позже, чем на Клухорском направлении.

Другой исследователь боев в горах Кавказа К.-М. Алиев отметил: «на Марухском направлении события складывались иначе и в привычную для нас схему боевых действий не укладывались». Марухский перевал входил в полосу обороны 810-го стрелкового полка 394-й стрелковой дивизии. Ввиду критического положения, сложившегося на Клухоре, и первых временных неудач на Эльбрусе командование Закавказским фронтом «под давлением Л. Берии и его генералов» (автор не забывает о том, что Л.П. Берия – враг народа – *Авт.*) потребовало выдвинуть на Марухское направление два полка с целью предотвратить захват противником этого перевала. Поэтому сюда было решено направить 810-й полк в полном составе и два батальона 808-го полка. Но позже был разработан другой план, согласно которому предусматривалась не только оборона Марухского перевала, но и удар в тыл Клухорской группировке противника[397].

Как видно, Марухский перевал имел то же тактическое значение для советских войск, что и для противника. Александр Мирзонов образно назвал это явление «зеркальной идентичностью», а характер боевых действий на Марухском направлении – второстепенным или вспомогательным. С этим сложно не согласиться, учитывая, что и в журнале боевых действий Закавказского фронта удар советских войск из района Марухского перевала в тыл Клухорской группировке противника назван вспомогательным. Кро-

Командир 810 СП
Владимир Александрович
СМИРНОВ
(1907–1969)

ме того, стоит посмотреть на карту для того, чтобы понять: путь от Марухского перевала к селению Чхалта пролегает на восток, то есть, в обратную сторону от побережья Черного моря, маршрут порядка 40 километров идет по долине реки Чхалта. На его преодоление требовались силы и время. Как бы то ни было, но бои на Марухском направлении развернулись не менее кровопролитные.

810-й стрелковый полк, как и другие части 394-й стрелковой дивизии, перед началом боев за перевалы находился на побережье Черного моря. Местом его дислокации был город Сухуми. Это была обычная советская воинская часть, не имевшая боевого опыта и не предназначенная для ведения войны в горах. Несмотря на то, что основной контингент в полку составляли представители народов Грузии, в числе командиров и начальников было немало русских, украинцев.

Командовал полком майор *Владимир Александрович Смирнов* (1907-1969). Это был кадровый офицер, русский по национальности, призванный в ряды Красной Армии в 1929 году Яранским райвоенкоматом Кировской области. Непосредственный участник Великой Отечественной войны с 15 августа 1942 года. До 2 ноября командовал 810-м стрелковым полком, после этого занимал должности заместителя начальника оперативного отдела штаба 46-й армии, начальника оперативного отдела штаба 6-го гвардейского стрелкового корпуса, представителя Генерального штаба при штабе 3-го Украинского фронта. В боях за Марухский перевал 13 октября 1942 года был ранен. Участвовал в освобождении Украины, Бессарабии, Венгрии. После войны полковник Смирнов продолжил службу в рядах Советской Армии. Жил в Москве. Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Кутузова III степени, орденами Отечественной войны I и II степеней, двумя орденами Красной Звезды и многими другими наградами.

Военным комиссаром 810-го полка был старший политрук Никифор Степанович Васильев – 1910 года рождения, кадровый военный, призванный в армию в 1932 году Вяземским РВК Смоленской области. После марухских боев был в действующей армии до конца войны, воевал в Приморской армии, освобождал Северный Кавказ и Крым, вышел в отставку в звании подполковника, жил и работал в Краснодаре.

Обязанности начальника штаба 810-го стрелкового полка в период боев за Марухский перевал исполнял капитан *Федор Захарович Коваленко* (1909 – не ранее 1955) – кадровый офицер, украинец, в армии с 1929 года, в боях на Марухском участке с 27 августа 1942 года. Во вре-

мя боев с немецкими захватчиками в районе горы Мысты-Баши[398] и Каракая четко и смело, а иногда с риском для жизни выполнял задания командования полка по управлению боем. Исключительную заботу и маневренность проявил при эвакуации раненых с поля боя. Несмотря на все трудности эвакуации в горных условиях, все раненые, благодаря его чуткости и заботе были доставлены на полковой медицинский пункт. В период обороны перевалов активно занимался вопросами создания оборонительных сооружений и организации активной разведки сил противника и системы его огневых точек. Под его непосредственным руководством была проделана большая созидательная работа по устройству войск в горах – зимних землянок, складов и других помещений[399]. После войны подполковник Ф.З. Коваленко продолжил службу в армии. Был награжден орденом Ленина, Красного Знамени, тремя орденами Красной Звезды и многими другими наградами. Как видно, оба командира были хорошими военачальниками. Но, к сожалению, свой первый боевой опыт они приобрели именно при обороне Марухского перевала.

Инженером полка был Сергей Михайлович Малюгин (будущий генерал-лейтенант инженерных войск), начальником связи полка – Александр Иванович Журин, помощником начальника штаба полка – Михаил Александрович Окунев, командиром взвода разведки – младший лейтенант Василий Федорович Толкачев[400].

810-й стрелковый полк выступил для выполнения боевой задачи по обороне перевалов Марухский, Химса, Аданге и Наур. Заблаговременно в район перевалов был направлен лишь 2-й стрелковый батальон полка, который выступил 5 августа и уже 10 августа

КОВАЛЕНКО
Федор Захарович
(1909–не ранее 1955)

Сергей Михайлович
МАЛЮГИН
(1921–2002)

Михаил Александрович
ОКУНЕВ
(1917–1943)

занял оборону. 1-й стрелковый батальон со спецподразделениями выступил с места дислокации 19 августа и прибыл на Марухский перевал 26 августа. 3-й стрелковый батальон с минометной ротой вышел для обороны перевалов 5 августа и прибыл на перевал Наур 24 августа[401].

Интерес представляют воспоминания бывшего заместителя командира 3-го стрелкового корпуса Василия Леонтьевича Абрамова, который в августе 1942 года был назначен на эту должность и прибыл для представления командующему Закавказским фронтом:

«И тут же генерал Тюленев обратился ко мне:

– Товарищ Абрамов, 3-й корпус должен, во что бы то ни стало удержать Марухский перевал. Если противник займет его, то перед ним откроется путь на Сухуми и в тыл нашим частям, наступающим на Клухор. На Марух следует выслать не менее двух полков. Вам лично надлежит возглавить этот отряд и быстро выйти на перевал, упредить противника»[402].

Прибыв в Гудауту, где дислоцировался 808-й стрелковый полк, Василий Леонтьевич познакомился с командованием части:

«Командир полка майор Телия – молодой и темпераментный офицер. Спрашиваю его:

– Как идет подготовка к выступлению?

– Туго, товарищ полковник. Очень туго. – Он говорит быстро, отрывисто. – Сухарей нет. Интендантство не дает. Сами организовали сушку. Пока есть только суточная норма. Завтра будет вторая. Идти на перевал надо семь дней. Значит, неделю будем сушить сухари.

– Выступать завтра обязательно. Приказ получили?

– Получил. Но еще нет положенного комплекта боеприпасов, телефонного имущества, нет ишаков. Лошадей под вьюки не хватает, да и самих вьюков мало...

– О чем вы только раньше думали? – прервал я поток его жалоб. –

Потрудитесь сделать так, чтобы завтра полк был готов к выступлению. Заставьте своих подчиненных волчками крутиться, свяжитесь с местными властями, попросите у них помощи. И никаких возражений я слушать не хочу.

– Вот так, товарищ Телия, – поддержал меня Буинцев (комиссар 3-го СК полковник Л.И. Буинцев – *Авт.*). *– Имейте в виду, отсрочки не будет. А сейчас я пройду к вашему комиссару Арутюнову, помогу ему нажать по партийной линии»*[403].

По воспоминаниям В.Л. Абрамова, который шел вместе с личным составом двух полков, 808-й полк к 12.00 26 августа должен был вступить на Марухский перевал, а 810-му предстояло расположиться у водопада и дальше двигаться в сторону Клухорского перевала. Полк майора В.А. Смирнова шел на усиление защитников Клухорского перевала, который к этому времени уже был захвачен противником.

В различных источниках майор В.А. Смирнов называется начальником войск Марухского направления. Действительно, до момента прибытия усиления на перевал ему подчинялись подразделения своего и 808-го полка 394-й СД, находившиеся здесь. Однако с прибытием на перевал подразделений 155-й СБр и 12-го ОГСО с 10 сентября 1942 года командующим группой войск Марухского направления был назначен полковник Степан Капитонович Тронин (1904 – не ранее 1960), исполнявший до этого обязанности командира 76-го полка НКВД. Это был кадровый офицер, находившийся в Красной Армии с 1925 года, участник боев на КВЖД в 1929 году, воевавший с первого дня Великой Отечественной войны на Западном фронте[404].

Активные бои на Марухском направлении, по словам маршала А.А. Гречко, начались 5 сентября. К исходу 7 сентября противнику удалось преодолеть сопротивление двух батальонов 808-го и 810-го полков и овладеть Марухским перевалом[405]. Однако первое знакомство с архивными документами, воспоминаниями и другими источниками свидетельствует о том, что боевые действия в районе Марухского перевала начались раньше.

В журнале боевых действий Закавказского фронта 19 августа 1942 года (спустя два дня после захвата Клухорского перевала) была сделана такая запись:

«Одновременно организуются вспомогательные удары:

а) отрядом 810 СП в составе усиленной роты из района перевала Марухский в направлении Кош (10 км. вост. г. Каракая). Верх. р. Теберда с задачей отрезать подход новых сил противника из Теберда на перевал;

б) отряд в составе двух усиленных рот 810 СП через хребет Мысты-Баши, перевал Мухинский, на Теберда, с задачей уничтожить противника в районе Теберда и севернее»[406].

На совещании командования 1-й горно-стрелковой дивизии, которое проходило 21 августа, впервые был упомянут Марухский перевал. В это время группа фон Хиршфельда находилась на южной стороне Клухорского перевала. Группе предстояло продвинуться еще вперед и

закрепиться в верховьях долины реки Клыч. После обновления сил Хиршфельд должен был продвинуться в район Чхалты. В протоколе совещания было записано:

«Чхалта является для дивизии важнейшим пунктом на Сухумской Военной дороге, так как у Чхалты имеется ответвление долины Аданге на северо-запад. По этой долине мы получаем доступ через пер. Марухский (проходим для вьючных животных) в долину Марухи. <…> Стоит ожидать, что в случае запланированного наступления на вражескую группу в Красном Карачае противник для его отступления воспользуется этим перевалом»[407].

21 августа в 10.30 штаб 1-й ГЕД отдал приказ первому батальону 98-го ГЕП выделить взвод с высокогорным снаряжением для прояснения обстановки напротив Марухского перевала, овладения им и, если позволит обстановка, то и его удержания. При этом основные силы батальона должны были выполнять поставленную ранее задачу – выйти к аулу Красный Карачай (в долине р. Аксаут, соседней с востока от долины р. Маруха) и очищать местность от советских войск. По данным штаба 49-го горного корпуса, в районе Красного Карачая находилось около 400–500 красноармейцев, «важный штаб и много офицеров». Утром 21 августа 1-й батальон 98-го ГЕП вышел из Кардоникской в верховья реки Аксаут[408].

Одновременно в этот день 21 августа параллельным маршрутом, но в обратном направлении по долине реки Марухи, спустившись с Марухского перевала в сторону станицы Зеленчукской, вышла конная разведка от 810-го стрелкового полка. В течение двух дней сведений о разведке в полк не поступило, и 24 августа по долине реки Маруха от 2-го стрелкового батальона полка на рекогносцировку был отправлен новый разведотряд в количестве 29 человек. Но и от этого подразделения сведений не поступило.

Вместе с тем, у командования полка имелись данные, полученные из других источников, о том, что противник сосредоточил до дивизии горных частей в станице Зеленчукской и разведывательные отряды, усиленные автоматчиками и минометами в населенных пунктах Красный Карачай, Маруха и Архыз. Подтягивая резервы, амуницию и ишаков, враг готовился к захвату Марухского перевала[409].

Запись в журнале боевых действий 810-го стрелкового полка за 23 августа 1942 года гласит: «5 с[трелковая]. р[ота]. в районе 12 км севернее пер. Марухский. [Задача –] Оборона подступов к пер. Марухский». Далее записано, что рота была обстреляна группой противника и вступила в бой. Потери со стороны немцев составили 8-9 человек убитыми, в роте потерь не было. Противник попытался обойти роту с фланга по скатам хребта Ужум и хребта Мысты-Баши[410]. Получается, что первый бой за Марухский перевал состоялся 23 августа далеко на северных подступах.

Из немецких источников становится понятно, что в этот день в долину реки Марухи через перевал Чигордали из Архыза вышла 3-я рота 13-го горно-егерского полка 4-й горной дивизии. Здесь, в долине в тот же

день было отмечено столкновение роты с советским подразделением[411].

Похожие сведения приводит в своей книге Вильгельм Тике. Не сильно детализируя обстановку на Марухском направлении, он пишет о том, что Марухский перевал немцы брали дважды, заняв его первый раз без боя. Точной даты овладения перевалом он не называет, но отмечает: «Усиленная активность советских войск проявилась и на правом фланге 1-й горнострелковой дивизии. Здесь им удалось ночью подразделениями 808-го и 810-го стрелковых полков, а также саперными и минометными подразделениями пробиться на Марухский перевал и 25 августа отбросить на север слабое немецкое охранение, состоявшее из подразделений 13-го горнострелкового полка 4-й горнострелковой дивизии»[412]. Возможно, Тике ошибся числом – бой произошел не 25, а 23 числа.

На эту же мысль наводят и записи в журналах боевых действий 810-го и 808-го полков. Сведения в журнале за 24 августа говорят о том, что встречи с противником у 810-го СП в этот день не было. Запись за 25 число вообще отсутствует. В журнале боевых действий 808-го стрелкового полка имеется запись о том, что 3-й батальон этого полка 25 августа прибыл на перевал Марухский и расположился в районе ворот у подножия горы Марух-Баши. О боях в этот день записей в журнале нет[413]. Из этого следует, что советские подразделения 25 августа не пробивались на Марухский перевал и не отбрасывали на север «слабое немецкое охранение», как писал В. Тике.

Однако очевидец – немецкий горный стрелок Алекс Бухнер – свидетельствовал, что бой 25 августа[414] все же имел место. «Еще в то время, когда 1-й батальон 98-го ГСП продвигался, противник, предупрежденный к этому времени воздушной разведкой, ударил с юга. На рассвете 25 августа Советы захватили нас врасплох, и в одной из энергично проведенных атак, небольшой, выдвинутый вперед к Марухскому перевалу гарнизон сбил наш батальон. Противник занял перевал, укрепляясь на ходу, и одновременно направил силы в северном и восточном направлении по северному краю Марухского ледника и там укреплялся. Одновременно враг устремился дальше вперед через перевал в направлении Марухской долины. Этот вражеский прорыв угрожал серьезно не только

флангу, но и тылу тяжело сражающейся боевой группе в долине Клыдж» (Клухорское направление – *Авт.*)[415]. Эта ситуация схожа с той, которую описал А. Бухнер.

Советская оборона **26 августа** была построена следующим образом: три роты (4, 5 и 6-я) 810-го СП занимали оборону в долине реки Марухи с целью не допустить подхода противника к Марухскому перевалу. При возвращении из района выполнения задачи на рассвете 26 августа 4-я стрелковая рота была обстреляна противником силой до взвода из Аксаутского ущелья. В результате боя рота потеряла убитыми трех человек – двух рядовых и одного младшего командира, шесть человек пропали без вести, трое сдались в плен. С хребтов Ужум и Мысты-Баши была обстреляна 5-я рота. Бой с автоматчиками противника вела и 6-я стрелковая рота 810-го СП. Здесь потерь не было[416]. Вероятно, что три роты 2-го батальона 810-го полка находились на боевых позициях с предыдущего дня – 25 августа, и вступили в бой на рассвете 26 числа. Этим можно объяснить отсутствие каких-либо записей за 25 августа 1942 года в журнале боевых действий 810-го полка.

Эти сведения дополняются воспоминаниями полковника В.Л. Абрамова. Он свидетельствовал, что вечером 26 августа немцы стали окружать высоты на Марухском перевале. Затем со стороны высот донесся грохот рвущихся мин, треск пулеметных и автоматных очередей. Это противник атаковал силы 808-го полка на Марухском перевале. Ночью поступило тревожное донесение от майора В. А. Смирнова, полк которого шел на Клухор. Оба его отряда (командиры – майоры Смирнов и Кириленко) были замечены противником и подверглись обстрелу[417]. Фактор внезапности не сработал. Это заставило 810-й полк задержаться у Марухского перевала.

Вместе с тем, как отмечали сами немцы, 1-я ГСД оказалась в довольно критическом положении. Поэтому рано 26 августа дивизия «Эдельвейс» получила приказ: наступлением на Марухский перевал ликвидировать вражеский прорыв и снова взять перевал. Для этого была сформирована боевая группа альпинистов, в которую входили 1-й батальон 98-го ГСП и вновь прибывший 2-й высокогорный батальон под командованием майора Бауэра, известного своими восхождениями в Гималаях.

План боя по захвату Марухского перевала немецкой стороны выглядел так: 98-й ГСП должен был с фронта медленно теснить врага в Марухской долине, а 2-й высокогорный батальон слева (восточнее), продвигаясь по соседней Аксаутской долине, выйдя на перевал через горы, должен был атаковать советскую оборону с фланга[418].

Высокогорный батальон Бауэра, придававшийся 1-й горнострелковой дивизии, имел в своем составе около 2000 человек. Он состоял из пяти высокогорных рот и одной смешанной роты, в которую входили подразделения обеспечения: саперный взвод, взвод связи и т.д. На каждую роту приходилось по 7 офицеров. Вооружение и снаряжение соответствовало предназначению этого специального подразделения. Ба-

тальон имел 80 грузовых автомобилей[419]. Однако в этом наступлении участвовала лишь часть батальона.

Алекс Бухнер писал:

«В то время, когда 98-й горнострелковый полк медленно продвигался вперед по Марухской долине с боями, все более возрастающими, прячась в лесах и скалах, вводя в заблуждение советы, 2-й высокогорный батальон двигался навстречу Аксаутскому ущелью в убийственно изнурительном марш-броске по высотам и долинам. <…> Между тем, как 2-й высокогорный батальон готовился пройти по близлежащей бездорожной Аксаутской долине, боевая подвижная разведывательная партия, обученная альпинизму, спешила вперед на разведку.

Батальонный командир предусмотрительно выставил три офицерских дозора с двумя отрядами для наблюдения за Марухским перевалом и расположенным на востоке Кара-Кайским массивом, чтобы разведать возможные подъемы и переходы к перевалу и своевременно, опережая Советы, занять их.

Уже 26 августа[420] после обеда средний дозор К, приблизившийся к Кара-Кайскому гдебню (точка 3163) неожиданно наткнулся на русских.

После жестокой схватки дозорный отряд отступил перед превосходящим в силе врагом на север и доложил о встрече с противником.

Майор Бауэр, собиравшийся с 3-й ротой по возможности быстрее достичь верховья Аксаутской долины, получив это известие, понял, что враг на правом фланге упредил батальон в его намерениях.

Чтобы воспрепятствовать по возможности дальнейшему проникновению врага в Аксаутскую долину, он приказал вновь прибывшей 2-й роте возле точки 2639 на фронте в южном направлении занять важную скалистую вершину. Батальон был задержан в районе точки в районе точки (высоты) 1928 в Аксаутской долине.

Не было никакого донесения от дозора, который должен был через Аксаутский ледник достичь Марухской вершины (точка 3412), занять ее и закрыть для продвижения батальона.

Так как опознанный противник на северовосточном краю Марухского ледника сначала не проявлял никаких намерений к бою, внизу Аксаутской долины батальон (после того, как собственная планомерная атака стала неизбежной) лелеял мысль взять Марухский перевал благодаря обходу вражеского восточного крыла. В спешном порядке решался вопрос о том, чтобы провести в высокогорной, тяжелой по природным условиям местности, разведку и основную рекогносцировку, после чего выработать точный план нападения. Для этой индивидуальной разведки выступил рано утром 27 августа (скорее всего это было 29 августа – *Авт.*) *командир батальона и поднялся по Аксаутскому леднику к Марухской вершине севернее Марух-Баши. Здесь встретился с дозором Д, который объяснил ему причину своего прежнего молчания отказом радиоаппарата. Враг еще сюда не выступил. От скалистой вершины простирался прекрасный вид на Марухский перевал, на котором кишели Советы.*

В районе вершины и западнее от нее находились хорошо прикрытые готовые для боя позиции. После подробной разведки и указаний дозору Д, оставаться здесь дальше и держать эту важную цель, командир батальона возвратился в Аксаутскую долину, чтобы повести отсюда батальон к Марухской вершине. Но в последний момент Советы одним штрихом перечеркнули все расчеты. Неожиданно они прорвались через Кара-Кайскую вершину, чему не могла помешать 2-я рота, и спустились в огромном количестве через Кара-Кайскую долину в Аксаутскую долину, где батальон мог взять их в плен с большим трудом. С огромным усилием удалось 3-й роте воспрепятствовать врагу, перейдя горную реку. Рота вела острую боевую атаку, находясь от русских на ближайшем расстоянии в зарослях кустарника возле шумящей воды. О принятии прежде запланированного боя нельзя было и думать, необходимо было сначала уничтожить противника в долине. В следующие дни удалось благодаря ударным отрядам занять горную пирамиду 3021 и сделать ее в качестве огневого бастиона. Благодаря этому дорога продвижения врага от Кара-Кайской вершины была закрыта, и противник оказался в Аксаутской долине под таким огнем, что не мог сдвинуться с места и продвигаться больше, медленно изматывался, занимая леса на склонах гор, и отводя отряды в горы. Об этом своевременно узнала закрепленная на точке 2639 2-я рота, ударила ожесточенно по ослабевшему врагу и заняла Кара-Кайскую вершину и расположенные по обе стороны горные хребты к вечеру 31 августа»[421].

Согласно записям в журнале боевых действий **27 августа** 810-й СП действовал в районе хребта Ужум с задачей не допустить движения противника к северным скатам перевала Марухский. Этот день был отмечен перестрелкой с группой немецких автоматчиков, которую вела 6-я стрелковая рота. Разведывательная группа противника под прикрытием ночи скрылась в Марухском ущелье.

Но задачи полков остались прежними. 810-й полк получил приказ: выйти в тыл подразделениям противника, действующим на Клухоре, а 808-й стрелковый полк остался на обороне Марухского перевала.

В связи с этим **28 и 29 августа** 810-й СП находился на марше. По маршруту следования подразделения полка в оба дня попали под автоматно-ружейный огонь противника. Атаковав неприятеля, бойцы 810-го СП убили одного унтер-офицера и захватили в плен вражеского солдата, по опросу которого стало понятно, что против полка действовала рота 101-го отдельного горного стрелкового полка (полка с таким наименованием у противника не было, но была 101-я горная дивизия, в состав которой входило несколько батальонов различного назначения с номером 101 – *Авт.*), личный состав которого был призван на службу в 1941 году. В следующие три дня – с 30 августа по 1 сентября – 810-й полк, будучи задержанным огнем противника, вел позиционные бои в районе горы Кара-Кая[422].

К сожалению, журнал боевых действий 46-й армии не содержит записей за август 1942 года, а первое столкновение советских войск с

противником в журнале Закавказского фронта отмечено лишь 29 августа: «Севернее перевала Марухский в 15 км наши разведгруппы вошли в соприкосновение с противником»[423].

О ходе дальнейших событий на Марухском перевале повествуют записи в журнале боевых действий 808-го стрелкового полка. Так, **28 августа** на рассвете 7-я и 8-я роты этой воинской части силой в 240 штыков по приказу начальника группы войск Марухского участка майора В.А. Смирнова под командованием старшего лейтенанта В.Р. Рухадзе пошли в наступление в составе отряда 810-го СП (800 штыков) на противника силой до 300 человек, вооруженных автоматами, пулеметами и минометами, оборонявших юго-восточные отроги горы Кара-Кая. Первым ворвался в район обороны противника 1-й взвод 7-й стрелковой роты лейтенанта Барашидзе и своим огнем расстроил систему обороны правого фланга противника, чем обеспечил 7-й роте атаку под прикрытием огня своего оружия. 2-й взвод 7-й роты пошел в атаку, и в этот момент погиб командир взвода. Командование принял помощник командира взвода старший сержант Цвинцадзе. Взвод развил успех атаки, продвинулся через хребет и вышел к реке Хасаут (она же Аксаут), уничтожив при этом огневые точки противника с тыла, расположенные фронтом на юг и юго-восток. Атака правого фланга противника была закончена, противник понес большие потери в живой силе и технике. Командир батальона старший лейтенант Рухадзе был со 2-м взводом.

8-я стрелковая рота под командованием лейтенанта Светладзе (командир роты был ранен в начале боя), сбив боевое охранение противника, занялась сбором трофейного имущества и ценностей и задержалась с атакой огневых точек противника перед фронтом своего наступления.

1-й взвод 7-й роты ударил фланкирующим огнем во фланги противнику перед фронтом 8-й стрелковой роты. 2-й взвод нанес удар по противнику с тыла. Атака противника, обороняющегося перед фронтом 8-й стрелковой роты, была обеспечена. Бой длился в течение двух суток. Вместе с тем оборона противника в районе отметки 1327 и на северном отроге горы Кара-Кая не была сбита. Левофланговая группа отряда советских войск залегла в обороне.

30 августа к исходу дня противник в помощь обороняющимся бросил подкрепление с восточного направления численностью до 200 человек. 7-я стрелковая рота своим огнем задержала идущее подкрепление и приковала его к земле на правом берегу р. Джаловчат у впадения в р. Аксаут.

31 августа в связи с резким похолоданием отряд получил приказ выйти из боя. Положение советских войск было невыносимым: люди были одеты по-летнему, без шинелей, в пилотках, даже плащ-палатки были не у всех. 3-й стрелковый батальон прибыл на перевал без запаса продуктов. Последняя выдача мяса была 27 августа. Из-за того, что его не на чем было сварить, мясо было выдано в сыром виде. Часть людей взяли сырое мясо в наступление с собой, и употребляли его в пищу, но в основном личный состав отказался от него, оставив в исходном районе. Хлеба

или сухарей не было. За весь период боя никаких продуктов не выдавалось. Их доставка на перевал была организована неудовлетворительно. Боеприпасов имелся всего один боекомплект, и пополнить их было не откуда. При выходе из боя группа 3-го стрелкового батальона понесла большие потери погибшими от холода и провалившимися в расщелины ледника. На исходное положение в район подножия горы Марух-Баши отряд вернулся 1 сентября. Из 240 человек осталось 140.

Тем не менее, 7 и 8-я роты в схватке с врагом уничтожили десятки гитлеровцев и взяли трофеи – радиостанцию, штабные документы, одного пленного, много винтовок и боеприпасов. В бою отличился командир 3-го стрелкового батальона старший лейтенант Рухадзе Василий Рожденович. За умелое руководство подразделениями в бою он был награжден орденом Красной Звезды.

Военком батальона политрук Г.К. Киладзе сумел поднять бойцов и командиров в бою на врага. Сам много раз был в первых рядах атаковавших. Из личного оружия в момент атаки расстрелял двух немцев. В бою был ранен и эвакуирован в госпиталь, награжден орденом Красной Звезды. Командир 8-й роты лейтенант Светладзе был награжден орденом Красного Знамени, помощник командира взвода старший сержант Цвинцадзе – орденом Красной Звезды[424].

1 сентября в горах резко ухудшилась погода. Буря неистовствовала несколько дней, после сильного дождя выпал снег. Тропы в долинах утопали в воде. Но немецкие егеря 2-го высокогорного батальона, воспользовавшись непогодой, совершили подъем в сторону перевала. «Это были молодые, крепкие парни, хорошие солдаты и бойцы, предварительно обученные и натренированные», – вспоминал Алекс Бухнер, воевавший в составе дивизии «Эдельвейс». «Тяжело нагруженные оружием, амуницией и продовольствием, поднимались человек за человеком по размеченному маршруту подъема, дрожа в ознобе от бьющего в лицо снега. Рота <…> поднялась по морене и языку Аксаутского ледника. <…> В поперечном направлении верхней части ледника <…> продвигалась третья рота…». На следующий день совершали подъем штаб батальона, четвертая рота и часть пятой[425].

Вот как описывал события тех дней В. Тике:

«Первый батальон 98-го горнострелкового полка и 2-й высокогорный батальон встретились в долине Аксаута. Первый батальон повернул на запад в долину Марух. Теперь оба батальона, один за другим, продолжали двигаться на юг, но уже скоро 1-й батальон встретил сильное сопротивление противника и остановился. Разведка доложила, что Марухский перевал занят крупными силами противника и с ходу взять его не удастся. Генерал Ланц поручил командование теперь уже объединенным 1-м батальоном 98-го горнострелкового полка и 2-м высокогорным батальоном подполковнику Айсгруберу. Штурм Марухского перевала готовился тщательно. На высоте 3145, находящейся между долинами, было проведено совещание генерала Ланца с подполковником Айсгрубером, командирами батальонов и передовыми наблюдателями горной артиллерии.

Пасмурный облачный вечер 4 сентября перешел в ясную морозную ночь. На седловине горы Марух залегли солдаты 2-го высокогорного батальона и обеспечили превосходную огневую точку. Ледяной ветер дул через гребень перевала и гнал поземку. Третья и четвертая роты зарылись в снежные пещеры и ждали результатов разведки. Потом пришло сообщение: «Дорога свободна». Начался обходной маневр двух высокогорных рот»[426].

Советская сторона тоже готовилась к новой встрече с врагом. Командование 394-й дивизии, воспользовавшись передышкой в боях, произвела перегруппировку сил. На смену 3-му стрелкового батальону 808-го СП на Марухский перевал прибыл штаб полка со 2-м батальоном. 3-й батальон получил задачу занять оборону в ущелье реки Марух-Чхалта и защищать штаб группы войск Марухского направления, который располагался в районе впадения реки Карась в реку Марух-Чхалта. Рассмотрим, как действовал 808-й стрелковый полк в обороне Марухского перевала.

В ночь на **5 сентября** противник из Аксаутской долины по Аксаутскому леднику зашел в тыл обороны полка и укрепился на горе Марух-Баши. Линия обороны и КП полка оказались под обзором и обстрелом противника с тыла. Бой с наступающим противником начался в 5.00 5 сентября. Сначала враг повел наступление на 4-ю стрелковую роту, заходя на нее с трех направлений – с фронта, справа и с тыла. Одновременно вражеская авиация наносила бомбоштурмовые удары по линии обороны и командному пункту полка. В 7.00 противник ворвался в район обороны 4-й роты, состав которой был до 40 штыков. Под напором численно превосходящего противника рота понесла большие потери и пала.

В восьмом часу противник подобным образом с трех направлений и с воздуха атаковал 6-ю роту. Одновременно начался обстрел КП полка. В разгар боя в 9.00 погиб командир батальона капитан В.Р. Татарашвили. Командование принял на себя старший адъютант батальона лейтенант М.Е. Заец.

К 11.00 положение 6-й роты было крайне тяжелым. Военком 2-го батальона 808-го СП через посыльных и по телефону попросил о помощи. Командир полка майор Ш.В. Телия собрал до 30 штыков из числа курсантов полковой школы, разведвзвода полка и роты связи, и направил их на помощь 2-му батальону. Одновременно он доложил обстановку начальнику группы войск на Марухском направлении майору В.А. Смирнову и попросил его о помощи. Майор Смирнов послал на помощь 808-му полку роту автоматчиков 810-го полка, но уже к этому времени группа вражеских автоматчиков вышла с тыла к КП 808-го СП и взяла под контроль ущелье реки Марух-Чхалта. Отсеченная огнем противника рота 810-го СП, прикованная к земле, не смогла оказать помощь в районе «ворот» 808-му полку.

В 12.00 6-я рота, понеся большие потери, была разбита противником. В это время был окружен и атакован врагом командный пункт 2-го батальона 808-го СП. Пулеметная рота полка обрушила весь свой огонь на врага и вывела из строя значительные силы противника. В этот мо-

мент противник с воздуха нанес удар на пулеметную роту и КП полка. Осколками бомб было убито свыше 10 человек рядового и командного состава роты связи, взвода ПТР и комендантского взвода, оборонявших КП полка.

Одновременно противник усилил напор на передний край обороны роты автоматчиков. В 16.00 политрук роты Василенко прибыл на КП полка и доложил, что противник ворвался в район обороны роты автоматчиков, и, не закончив доклада, погиб на месте от вражеской пули. Сбив правый фланг обороны полка, противник зашел в тыл пулеметной роте и совместными действиями со всех сторон подавил пулеметную роту.

В 17.00 нависла угроза окружения КП полка. Командир полка майор Ш.В. Телия и военком полка батальонный комиссар А.С. Арутюнов покинули КП полка и отошли в ущелье р. Марух-Чхалта. Ранее из-за ранения в тыл был отправлен начальник штаба полка лейтенант Фролов. На КП полка оставались: начальник связи полка лейтенант В. Сухотин, начальник противохимической службы полка лейтенант Васильев, начальник инженерной службы младший лейтенант Линецкий, командир роты ПТР лейтенант Поплавский, помощник начальника штаба по тылу лейтенант Ярусевич, помощник начальника штаба полка по шифровально-штабной службе младший лейтенант Концелидзе, начальник санитарной службы полка военврач 3-го ранга Арошидзе и несколько красноармейцев роты связи и комендантского взвода.

Командный состав роты ПТР под огнем противника вынес ружья ПТР и ушел с ними в тыл, остальная группа бойцов и командиров до последнего обороняли КП полка. Ярусевич, Концелидзе и Арошидзе скрывались за камнями и не вели огня по противнику.

В 19.00 противнику удалось захватить КП полка. Многие из его защитников пали смертью храбрых. Лейтенанты Васильев и Сухотин с боем отошли в район ущелья р. Марух-Чхалта, военврач Арошидзе, лейтенант Ярусевич и младший лейтенант Концелидзе сдались в плен[427].

Пример мужества показал телефонист роты связи 808-го стрелкового полка красноармеец Федор Андреевич Пшеничный. 5 сентября на Марухском перевале, будучи раненым, он не уходил с поста, а когда приблизились фашисты, он гранатой уничтожил трех из них, а сам героически погиб[428].

Вызывает интерес описание того же боя, сделанное немецким автором. Как отмечалось ранее, противник знал, что Марухский перевал был занят крупными силами советских войск, поэтому его штурм готовился тщательно. В ночь с **4 на 5 сентября** на седловине горы Марух егеря 2-го высокогорного батальона развернули тактически выгодную огневую точку. Две высокогорные роты совершили обходной маневр в тыл советским подразделениям, внимание которых было сосредоточено на находившемся перед ними 1-м батальоне 98-го полка. На выгодных позициях были установлены станковые пулеметы. Ниже них разместились минометные расчеты. Тщательно были выбраны передовые наблюдательные позиции артиллерийского полка. Даже с рассветом советские солдаты

снизу на перевале не заметили, что немецкие горные стрелки стоят у них за спиной. По сигналу одна из рот открыла огонь. Минометы и тяжелые пулеметы превратили гору за спиной советских бойцов в «пышущий огнем ад». После этого по ним открыли огонь семь горных орудий.

Курсанты пехотного училища. Третий слева И.А. Дутлев – погиб в ходе боев на Марухском перевале. 1942 год. ГАСК. 1-5885.

Затем начала атаку во фланг другая рота горных стрелков, спустившись с гребня по веревкам и веревочным лестницам. С более высокого рубежа у русских отбивалась позиция за позицией. А в 11.00 перешел в наступление и 1-й батальон 98-го полка, располагавшийся на переднем крае советских подразделений. Шансов выстоять у них не было никаких. Лишь немногим удалось сквозь бреши в боевых порядках немецких стрелков пробиться на запад. Так, в 18.45 5 сентября Марухский перевал снова оказался в руках у немцев.

Тике свидетельствует о 7 погибших и 8 раненых со стороны немецких войск. Потери с советской стороны, по его данным, составили 300 убитых и 557 пленных. Наряду с большим количеством стрелкового оружия было захвачено 19 тяжелых пулеметов, 13 тяжелых минометов, 117 противотанковых ружей и большое количество боеприпасов[429].

Потери всей германской 1-й горнострелковой дивизии за 5 и 6 сентября составили 13 убитых, 34 раненых и 1 пропавший без вести. При этом в районе Марухского перевала немцы потеряли лишь 7 человек убитыми и 8 ранеными[430].

Однако для дальнейшего продвижения у 49-го горнострелкового корпуса не было сил. Итальянский альпийский корпус вместо Кавказа шел маршем на Сталинград. Горные егеря обеих дивизий были вынуждены воевать одни, на смену и помощь надеяться не приходилось.

Современный российский исследователь А. Р. Мирзонов называет штурм немецкими егерями Марухского перевала, как «один из наиболее впечатляющих глубоких охватов (с фланга и с тыла), примененных немецкими егерями при штурме перевалов на Кавказе». Он сопровождался использованием альпинистских навыков и альпинистского снаряжения составом группы охвата. Со стороны Красной Армии этот пример пока-

зал, насколько безграмотно была выстроена оборона перевала подразделениями 808-го и 810-го стрелковых полков, имевших достаточное количество солдат и вооружения[431].

Дальнейшее продвижение немцев было остановлено в двух километрах южнее Марухского перевала подразделениями 810-го стрелкового полка на рубеже у горы Марух-Баши, у входа в Марухское ущелье. После нескольких дней боев за обладание этим рубежом, **7 сентября** к бойцам 810-го полка пришло подкрепление в виде трех батальонов из состава 107-й, 155-й стрелковых бригад и 2-го Тбилисского пехотного училища. Боевые действия за этот рубеж шли с переменным успехом весь сентябрь и октябрь 1942 года. Как отмечал маршал А. А. Гречко, 25 октября советские части захватили ряд ключевых позиций на подходах к перевалу, закрепились на них и уверенно отбивались от контратак противника до конца 1942 года. В январе 1943 года, с переходом советских частей в общее наступление противник оттянул свои части с Марухского перевала на север[432]. К этому необходимо добавить то, что из Марухского ущелья, где располагались немецкие подразделения, на Марухский перевал была проложена канатная дорога, по которой егеря получали продовольствие и боеприпасы.

Для полноты картины обороны Марухского перевала приведем фрагмент воспоминаний офицера 808-го СП А.-К.Г. Шуаева, который участвовал в обороне прохода между горами Марух-Баши и Кара-Кая. Вот, что он вспоминал:

«Противник, обнаружив, что проход между Марух-Баши и Кара-Кая обороняется, и невозможно взять его, начал усиленно бомбить с воздуха крупными минометами. Бомбежка в горах и ледниках очень страшное дело, много обвалов получается из-за разряженности воздуха и сильно влияет на психику людей, но наш батальон <.....> стоял насмерть. <...>

Противник не прекращал бомбить, да плюс сильные морозы, холод и голод давали о себе знать. Положение было тяжелое, чувствовалась явная гибель всего батальона. Раненые оказались без медицинской помощи. Медикаменты отсутствовали, запасы продовольствия были полностью съедены. <...>

Учитывая важность стратегического значения занимаемого нами рубежа, я собрал под вечер почти всех, оставив только караул, и поставил вопрос, как быть нам, о приказе на отход не могло быть речи. Я в своем выступлении сказал: «Я – ваш командир и член ВЛКСМ, отступать я не буду, буду защищаться до последнего патрона и до последней капли крови. Я принял нашу военную присягу и буду выполнять ее до последнего момента моей жизни».

<...> Когда я кончил, все защитники заявили, будем биться до последнего дыхания, фашисту не пройти. Я им сказал, что другого ответа я и не ожидал.

<...> После очередной бомбежки утром мы посчитали: 7 человек боеспособных и около 40 раненых и обмороженных. Тогда я изменил свой приказ и послал помкомвзвода старшего сержанта Зыкова и Му-

худдинова, чтобы они доложили. Одновременно приказал сопровождать раненых, оказывать им всячески помощь и по прибытию в штаб полка немедленно доложить о состоянии батальона и разведчиков и передать от моего имени, чтобы помощь ускорили, <…> ибо противник начал захватывать фланги. <…>

После их ухода нас осталось пять человек: я, Ципляев, Саркисянц, Шашиашвили, Симоненко. Мы приняли бой против превосходящих сил противника после ухода связных и раненых. В первый день погибли Симоненко и Шашиашвили. Нас осталось трое, без куска хлеба, без воды, и мы вступили в бой на высоте около 4000 м с тремя врагами: голодом, холодом и немецко-фашистскими егерями. Три дня мы вели неравный бой. Много фашистов мы уничтожили. Знание местности нас спасало. На третий день тяжело ранило моего друга Саркисянца Вараздата, а потом опять ранило в живот. Он скончался на наших руках. Мы с Ципляевым оттащили его под глыбу льда и укрепили его. Под вечер тяжело ранило в грудь Ципляева, а меня в руку и в ногу. Ночью Цепляев умер на моих руках. На рассвете, когда немцы начали обстрел, я принял бой, изредка меняя позиции, чтобы у врага создалось впечатление, что я ни один на обороне. Начали пухнуть нога и рука, чувствовал близость смерти. Собрав последние силы, я метнул гранату и тут же услышал близкую автоматную очередь. Это была посланная нам помощь. Вскоре я получил еще одну рану от мин или гранат в грудь и потерял сознание»[433].

Что касается участия 808-го стрелкового полка в обороне Марухского перевала, то после оставления перевала 3-й батальон 808-го СП оборонял ущелье р. Марух-Чхалта (к югу от Марухского перевала на территории Абхазии) до 13 сентября, затем был отведен в тыл, сдав участок обороны 107-й стрелковой бригаде. С 21 сентября 808-й СП прикрывал правый фланг обороны Марухского перевала. До октября 1942 года включительно подразделения полка участвовали в боевых стычках и перестрелках с противником, выполняя задачу обороны Марухского перевала. Таков был вклад 808-го стрелкового полка 394-й стрелковой дивизии в оборону Марухского перевала.

Ратный труд бойцов и командиров 808-го СП был оценен командованием. Орденом Красного Знамени были награждены: мл. лейтенант П.В. Асатиани (посмертно), ст. сержант И.М. Дачвили (посмертно), лейтенант Ш.М. Марджанишвили, лейтенант Н.С. Схиртладзе, лейтенант А.К. Усиков (посмертно), лейтенант А.М. Ципляев (посмертно); орденом Красной Звезды: лейтенант Г.А. Барамидзе, красноармеец Г.Д. Гогуа (посмертно), лейтенант А.С. Кудрявцев и другие[434].

Надо сказать, что и немцы высоко оценили оборону советских войск на Марухском перевале: «Советы держали здесь оборону с настоящим презрением к смерти. <…> Русские укрепления на перевале были отлично оборудованы, каждый пулемет и каждый миномет был полностью укрыт. С огромным трудом были нагромождены друг на друга скалистые камни, являвшиеся <…> полной защитой от выстрелов пехоты»[435].

Хроника действий 810-го стрелкового полка в журнале боевых действий представлена следующим образом.

5 сентября. Район действий – высота 1176. Противник ведет усиленный минометно-пулеметный огонь. До роты противника спустилось на ледник южный Марухский. 810-й СП под прикрытием взвода автоматчиков начал отход в район слияния рек Маруха и Чхалта. Дальнейшее решение – создать отряд с целью не допустить противника в район слияния рек Маруха и Аданге.

6 сентября. Район действий – слияние рек Маруха и Аданге. Противник вел артиллерийский обстрел района сосредоточения полка и бомбит авиацией тылы. Разведчасти противника выдвинулись в район слияния рек Маруха и Карась и обстреляли нашу командирскую разведку и до взвода пехоты со станковым пулеметом были в районе Водопада и автоматчики на высоте 857. Из подразделений полка созданы отряды с задачей обороны высот 1171, 1128 и Петер. Дальнейшее решение – оборонять высоты 1171 и 1128 и разведотрядом продвигаться с боем в район Водопада.

7 сентября. Слияние рек Маруха и Аданге. Противник ведет разведку по долине и обстрел артиллерией северных скатов высоты 1128. Разведчики противника отошли к Водопаду. Разведотряд Мельника получил задачу с боем выдвинуться к штабу корпуса. Отряд майора Кириленко начал выдвижение на высоту 1128, отряд Коломникова – 1171. Отряд Мельника достиг слияния рек Маруха и Карась. Разведотряду Мельника с боем захватить и закрепиться на Водопаде.

8 сентября. Противник вел разведку и огонь с Водопада и южных хребтов высоты 1176. Отряд Мельника, получив задачу, с боем начал продвигаться на Водопад. Противник оказывает сильное сопротивление. Отряды Кириленко и Коломникова занимают высоты 1171 и 1128. Отряд Мельника остановлен огнем противника на рубеже южнее Водопада 300 метров.

9 сентября. Южнее Петера в 1 км. Отряд Мельника с боем занял Водопад. Противник отошел севернее Водопада 1 км. Отряд Коломникова достиг высоты с отметкой 1171. Отряд Мельника усилен автоматчиками. Отряду Кириленко приказано занять высоту с отметкой 1128.

10 сентября. Южнее Петера 1 км. Отряд Мельника ведет улучшение своих позиций и с боем продвигается вперед. Отряд Кириленко занял высоту с отметкой 1128. Прибыл в распоряжение полка отряд 155-й бригады под командованием капитана Арсеньева. Отряду капитана Арсеньева приказано выдвинуться в район Водопада. Отряду Мельника ночными действиями овладеть опорным пунктом противника у отметки 1176. Отряду Коломникова к 11.9 занять высоту с отметкой 1617.

11 сентября. При выдвижении отряд Мельника был встречен сильным ружейно-пулеметным огнем противника и был остановлен в районе камней севернее в 1 км от Водопада. Отряд Коломникова встретился с непроходимой местностью. Отряду Коломникова поставлена задача: спуститься в долину реки Маруха. Отряду Мельника организацией ночных действий захватить ворота Марухского перевала.

12 сентября. Севернее слияния рек Маруха и Карась 1 км. Пулеметная рота из отряда Мельника попала в засаду и была уничтожена. Осталось 3 раненых и 3 здоровых. Лейтенант Мельник убит.

Посмертно лейтенант Виктор Тимофеевич Мельник (1922–1942) был награжден орденом Ленина. В представлении к награде было отмечено: *«В бою с немецкими захватчиками в ночь с 11 на 12.09.42 года перед командиром развед. отряда лейтенантом Мельник была поставлена задача захватить хребты высоты 1176, захваченные немецкими оккупантами. Высота 1176 являлась главным проходом на Марухский перевал. Лейтенант Мельник организовал взаимодействие огня и движения пехоты, и в 1 час 20 минут 12.09.42 года выступил двумя группами, из которых одну вел лично сам. Не боясь страха перед врагом и не щадя своей жизни, вел свою группу смело и настойчиво в бой, и на рассвете 12.09.42 г. был сражен вражеской пулей. Лейтенант Мельник пал смертью храбрых, как героический сын советского народа, выбивая из рук немецких захватчиков высоту 1176»*[436].

Далее в журнале боевых действий 810-го стрелкового полка в этот день было записано следующее.

Отряд 155-й бригады (капитан Арсеньев ранен) продвигался с боем и занял безымянную высоту у ручья, что южнее надписи «Урочище Марух». Отряд Коломникова выдвинулся на линию Водопада. Противник ведет яростное сопротивление. Полк несет большие потери. Отряд Ревенко (Мельника) с боем, продвигаясь, занял и удерживает безымянную высоту в 1 км севернее Водопада. Подтянуты минометы 3-й минометной роты в район Водопада. Дальнейшее решение – захватить ворота к перевалу Марух.

14 сентября. Разведотряд лейтенанта Ревенко (Мельника) достиг безымянной высоты с камнями севернее Водопада в 1 км, занял оборону.

Александр Иванович
КОЛОМНИКОВ
(1923–не ранее 1953)

Отряд лейтенанта Коломникова обороняет рубеж на линии Водопада восточнее 500 метров. Отряд 155-й стрелковой бригады обороняет безымянную высоту у ручья, что южнее надписи «Урочище Марух».

15 сентября. Боевая задача – оборона занятых позиций. Произвести замену подразделений 810-го СП и приданных подразделений подразделениями 1-го батальона 107-й стрелковой бригады. Ведется перестрелка с обеих сторон. Противник минометным огнем обстреливал Водопад. 1-я рота 107-й СБр выдвинулась на линию Водопада и сменила отряд Коломникова. Отряд Коломникова отошел к реке Карась (в рощу). 3-я стрелковая рота 107-й СБр выдвинулась в район безымянной высоты севернее Водопада в 1 км и безымянной высоты у ручья, и сменила разведотряд лейтенанта Ревенко и отряд 155-й СБр, которые отошли в район слияния рек Маруха и Карась.

Коломников Александр Иванович, 1923 года рождения, уроженец Тамбовской области, в Красной Армии с 1940 года, воевал с августа 1942. На сентябрь 1943 – старший лейтенант, командир батареи 120-мм минометов 810-го стрелкового полка. Прошел до конца войны в составе 3-го Украинского фронта. Из армии демобилизован в 1953 году в звании майора.

16 сентября. Произвести переформирование подразделений полка. Полк отошел в рощу южнее отметки 8571,5 км. В результате переформирования из отрядов созданы две стрелковые роты, пулеметная рота, взвод пешей разведки и минометная рота (без минометов) и отдельно из 808-го СП минометный батальон без 8-й роты.

17 сентября. Подготовка зимних помещений. Полк приступил к постройке зимних шалашей и землянок. Произведена замена взводов 1-го батальона на высоте 1128 взводом пеших разведчиков полка.

21 сентября. Произвести переформирование и занять оборону на широком фронте. 1. Из подразделений полка выделены подразделения 155-й стрелковой бригады и отправлены в распоряжение полковника Огородова. 2. Минометный батальон 810-го СП без взвода (4 миномета 82-мм) направлены в 808-й СП. 3. 1-й стрелковый батальон 810-го СП выступил на высоту 1128, остальные подразделения (рота связи, комендантский взвод, саперный взвод) выступили по маршруту до отметки 748.

22 сентября. Оборона на широком фронте (высота 1128, перевал Аданге, перевал Наур). Произведена рекогносцировка высот 1128 и 1321. 1-й стрелковый батальон в составе двух взводов со станковым пулеме-

том, двумя минометами сменил взвод пешей разведки на высоте 1128 и обороняет: справа высота с отм. 1128, слева высота с отметкой 1381. 7-я рота обороняет перевал Аданге. 8-я стрелковая рота обороняет перевал Наур. 2-му стрелковому батальону в составе 56 человек отправлено приказание выдвинуться к отметке 748. Минометная рота заняла оборону на высоте 1044. 2 миномета 808-го СП и станковый пулемет пулеметной роты полка занимает оборону на безымянной высоте западнее отметки 748,6 1 км.

23 сентября. Полк производит окопные работы и постройку зимних сооружений. Выслана разведка в составе 12 человек (начальник – лейтенант Семенов) по маршруту высоты 1183, 1381, 1431, 1460 и Родн., что западнее отметки 1460.

27 сентября. Полк производит окопные работы и постройку зимних сооружений. Замечено движение группы противника до 16 человек на высоте с отметкой 1316. Станковый пулемет противника с отметки 1316 ведет огонь по западным скатам высоты с отметкой 1171. Станковый пулемет 1-го СБ 810-го СП открыл огонь по противнику. Противник начал спускаться в долину реки Маруха. Выслана разведка в составе взвода пешей разведки в направлении отметки 857 для прочесывания леса по пути движения. Выслана разведка в 19.00 в составе отделения от 1-го СБ в направлении отметки 894. Получено донесение от майора Кириленко с перевала Наур. Майор Кириленко доносит: противник силою до взвода, усиленного автоматчиками, минометами и пулеметом, произвел налет на перевал Наур. Бой длился до 18.00. Имеются убитые – 2 чел., и раненые – 3 чел.

28 сентября. Полк производит окопные работы и постройку зимних сооружений. Для связи с перевалом Наур выслано 4 человека от 7-й СР. Разведка, выделенная по маршруту: высоты 1183, 1381, 1431, 1460 и Родн., что западнее отметки 1460, возвратилась, достигнув отметки 1481. Для усиления 1-го СБ сформирован отряд из подразделений, находящихся на КП. В полк прибыло пополнение: из армейской школы – 54 младших командиров; из Сухумского пехотного училища – 33 младших командира и 381 рядовой.

29 сентября. Полк производит окопные работы и постройку зимних сооружений. Противник замечен на высоте 1316 (мелкие группы) открыт минометный и пулеметный огонь. Противник скрылся за обратный скат. Из прибывшего пополнения сформирована 3-я СР, которая направлена в распоряжение командующего. Взводом пешей разведки организованы засады в районе отметки 894. Выслана разведка в составе 11 человек (начальник лейтенант Семенов) в направлении высоты 1316 для захвата и удержания ее.

30 сентября. Выделенная группа бойцов из 7-й роты для связи с перевалом Наур, возвратилась с данными: а) с 25.9 противник движется вперед, ведя наблюдение по долинам реки Пшишь, 3-й СБ периодически ведет огонь по противнику из станковых пулеметов и минометов. Полк принял пополнение и формируется. 1-я рота выступила в район отметки 1128, 3-я рота – в распоряжение начальника группы[437].

Полных сведений о потерях 810-го стрелкового полка за сентябрь 1942 года привести нет возможности. Однако в списках безвозвратных потерь полка за первую декаду месяца значатся 17 человек офицерского состава, в том числе: трое убитых, семеро раненых и еще семеро пропавших без вести. Среди убитых были: переводчик лейтенант Ротт Семен Яковлевич, командир взвода лейтенант Шевченко А.П., командир роты младший лейтенант Рогачев П.М. Пропали без вести: командиры рот лейтенанты Щербань И.Ф. и Додонов А.И., заместитель командира роты лейтенант Пчельников В.А., командиры взводов лейтенант Долженко М.Ф., младшие лейтенанты Шпилевой Д.В., Кохадзе С.П., Бажанов К. В.[438]. Остается только догадываться, сколько рядового и сержантского состава погибло только в этом стрелковом полку за те же 10 дней.

В течение сентября 1942 года 46-я армия в районе Марухского перевала потеряла 424 убитыми, 376 ранеными и 409 пропавшими без вести. С 1 по 26 сентября немецкая 1-я горнострелковая дивизия потеряла 44 убитых, 133 раненых и 6 пропавших без вести на всех перевалах одновременно. При этом с 13 по 26 сентября 1-я ГСД убитых вовсе не имела[439]. Превышение потерь по числу убитых с советской стороны – десятикратное.

Однако вернемся к журналу боевых действий 810-го стрелкового полка.

1 октября. Полк производит формирование и оборудование сооружений. По приказу № 8 отдано распоряжение о создании заградотрядов на перевалах Аданге и Наур.

2 октября. Событий оперативного характера не было. В 6.30 на северных скатах высоты 1316 замечена красная ракета. Ведется наблюдение. Для захвата высоты 1316 выделено две разведгруппы. Во исполнение приказа № 8 выставлены заставы: а) в районе отметки 894 восточнее 300 метров; б) в районе высоты 1381 (№ 3), от которой ведется разведка в направлении высоты 1431. Силами полковой разведки в количестве 11 человек ведется разведка по маршруту: высоты 1381, 1610, 1460, Родн. Выступившая в 15.00 2.10 разведгруппа № 2, в 16.30 достигла вершины высоты 1249 и дала две белых ракеты. Заградотряды № 1 и 2 выступили на перевалы Аданге и Наур в 16.00 2.10.

3 октября. Разведгруппы Семенова и № 1 к 20.00 2.10 достигли высоты 1316. Группа Семенова находится в 300 метрах от противника. Для усиления разведгрупп по приказу командующего выделено две группы в составе: двух средних командиров, 1 – замполит, младшего и рядового – 30. Группы выделены из 4-й роты, в движении с 1.20 3.10. Разведка вела бой с утра 3.10 с противником на высоте 1316. На высоте 1316 по северо-восточным скатам противник подтягивал резерв до 40 человек. К 16.30 наше пополнение было согласно схеме. Разведка удерживает южный скат гребня высоты 1316. Выслана разведка в направлении высоты 1431.

4 октября. Резерв, высланный на высоту 1316, соединился в 12.00 с нашей разведкой и вступил в бой. До подхода резерва разведгруппа № 1

лейтенанта Ревенко в составе 8 человек вступила в 14.00 в рукопашную схватку и потеряла 3 человек убитыми, после чего отошла к 19.30 к отметке 894. Разведгруппа № 2 вела бой в окружении. 3-й взвод 4-й СР в составе 19 человек соединился с разведгруппой Семенова южнее отметки 1316 и до исхода дня вел бой. 4-й взвод 4-й СР – 16 человек – наступал слева от ледника с тремя водопадами – попал под огонь двух станковых пулеметов и автоматчиков, понеся потери 50% отошел к 18.30 к отметке 894. Убитых с нашей стороны за 3.10 7 человек, в том числе лейтенант Каталаев. Ранено – 6 человек. Пропало без вести 3 человека рядового и МНС. Разбит 1 РП, не собраны 45 человек убитых, винтовки. Потери противника по неполным данным: убито – 11, ранено – 3. В целях воспрепятствия распространения противника на ледник на отметке 1131 в 17.00 выдвинуто одно отделение с РП.

5 октября. Взвод, выделенный для усиления обороны перевала (Нарзан) прибыл на место в 16.00 5.10.42 г. Группа Семенова достигла хребта и возвратилась. Вправо и влево обнаружено до 24 солдат. С ними ведется перестрелка. Для усиления разведгруппы Семенова подготовлена группа 20 человек, находится в районе отметки 894. Выступает с рассветом 6.10, и по достижении группы Семенова будут действовать вместе согласно обстановке.

6 октября. На усиление разведгруппе Семенова в 5.00 6.10 выступила группа Климова в количестве 20 человек. Наблюдением установлено движение по хребту высоты 1316 солдат от одного до трех. Обнаруженный противник 2.10 в количестве 10 солдат южнее 500 метров ледника находится между высотами 1425, 1616 отступил по маршруту левее высоты 1645 3.10.

7 октября. Группа альпинистов, выступившая в 21.20 6.10.42 г., достигла подножия трех водопадов и продолжает двигаться вперед. На остальных перевалах без изменений.

8 октября. Разведгруппа лейтенанта Педченко 7.10 достигла высоты 1649. Противника не обнаружила. Полк занимает оборону, расположен: а) 1-й СБ (без 3-й СР) с минвзводом (808-го СП), 1-й минометной ротой обороняет высоты с отметками 1128, 1381, 1044 и прикрывает долину Аданге; б) 2-й СБ (без 4-й СР) производит работы по строительству землянок. 4-я СР (без двух взводов) расположена в отметке 748; в) 3-й СБ обороняет 7-й ротой перевал Аданге. 1-м взводом 4-й СР и остатками 2-го СБ (44 человека) обороняет Минеральный источник (Нарзан) и 8-й СР – перевал Наур. 9-я рота (караульная) – в Сухуми. Штаб полка со спецподразделениями – отметка 748.

9 октября. Противник на высоте 1316 ведет бой с РГ Семенова. Минеральный источник (Нарзан) – разведка была выслана 7.10. Не доходя отм. 1013 800 метров были обстреляны огнем двух станковых пулеметов (на скатах) и автоматов из ущелья. Обнаружено 2 палатки. На высоту 1316 выслана в 23.30 разведка. Группа немцев (5-8 чел.) подошла с правого фланга нашей обороны (перевал Наур, 8-я СР) и открыла огонь из пулеметов и автоматов, был дан ответный огонь, немцы отошли. Прибы-

ло пополнение – 11-й отряд альпинистов. Отряд выходит для выполнения задачи.

10 октября. Положение части без изменений. На усиление РГ Семенова в 13.00 вышел 2-й взвод 4-й СР – 38 человек с отметки 748.

12 октября. Полк получил задачу: захватить высоту 1316. В 5.30 выступила с исходного положения для наступления 1-я СР в составе двух взводов, минометной батареи 50-мм в количестве 72 человек, 4-я СР в количестве 1 взвода, РГ Семенова – 20 человек, батальон 50-мм минометов и 1 станковый пулемет (13 человек). Ротами командует командир 1-го СБ старший лейтенант Жорник. Наступление поддерживает 2-я минометная батарея (82-мм). Атака – на 5.00 13.10. КП и опергруппа штаба полка – на северных скатах высоты 1128.

13 октября. 5.30 – три белых ракеты. Атака. Противник не оказывает сопротивления. Высота 1316 занята без боя. С отметки 1316 выслана разведка на высоту 1460 и северо-восточные скаты 1316 с задачей: связаться с группой майора Савичева. 16.30 противник вел минометный огонь по северным скатам высоты 1316. С высоты 1460 – станковый пулемет противника.

14 октября. Старшему лейтенанту Жорник приказано: прикрыть гребень высоты группами, основными силами продвигаться вперед, имея впереди разведку. Дополнительно поставлена задача: обнаружить место боя альпинистов и найти группы. Во время минометного обстрела по высоте 1316 убито 2 и ранен 1 боец. Разведкой обнаружен труп противника на тропе, идущей по леднику. Поставлена задача старшему лейтенанту Жорник лично руководить разведкой, в особенности на высоте 78.

15 октября. Разведка под командованием лейтенанта Жабского достигла подножия высот 1460, в 12.30 разведка вступила в бой с противником на высоте 1460. Подразделения с утра 15.10 выдвигаются к высоте 1460 с целью ее занятия, закрепляя за собой занятые вершины. 9-я СР 3-го СБ, находившаяся в карауле в г. Сухуми, прибыла на перевал Наур и направлена на источник Нарзан. Противник в количестве 10 солдат обнаружен на высоте 1460. На отроге, идущем от высоты 1460 на восток – автоматчик.

16 октября. Подразделение Подопригора заняло оборону на юго-западных скатах высоты 1460. Дальнейшее продвижение задерживает огонь станкового пулемета, автоматчиков и стрелков противника. С рассветом 17.10.42 г. поднимало 82-мм миномет на высоту 72. Для руководства наступлением на высоту 72 поднялся 200 (вероятно, позывной командира «200-й» – *Авт.*).

17 октября. Противник силой до взвода со станковым пулеметом обороняет высоту 1460. Подразделения Подопригора в 6.00 начало наступление на высоту 1460. Наступление на высоту 1460 организовать нельзя (Донесение от 200 5.30). До получения распоряжения по охране высоты 72 оставлен штабат 1, Жорник и его личный состав.

18 октября. Новых данных о противнике нет. Подразделение Жорника продолжает вести охрану высоты 72. Выпал снег толщиной до 75 см на высоте 1316.

19 октября. На высоте 1316 оставлена застава (мл. лейтенант Клен, ком. взвода лейтенант Жабский, 3 стр. отделения, одно пульотделение, один 82-мм миномет, один РП).

20 октября. Новых данных о противнике нет. Производится смена обороны участка хозяйства Савичева. Приняла участок обороны рота автоматчиков в количестве 83 чел. В 13.00 выступила для принятия участка обороны 1-я пульрота и 6-я стр. рота. На обороне перевала Аданге, Мин. источник (Нарзан) изменений нет. С перевала Наур сведений не поступало[440].

21 октября командование 46-й армии отдало приказ, согласно которому войска Марухского направления перешли на зимний план обороны. На перевале остались 810-й стрелковый полк с 5-й батареей 956-го артиллерийского полка, 11-й и 12-й отдельные горнострелковые отряды (ОГСО).

О последних отрядах, ввиду того, что о них еще не было написано ни слова, стоит сказать особо.

11-й ОГСО располагался на перевале Наур. В момент подъема к перевалу в нем насчитывалось 294 человека. Организация отряда была следующей: две роты автоматчиков, по три взвода в каждой; минометно-пулеметный взвод; взвод разведки; взвод связи; горновьючный взвод; саперный взвод и медико-санитарная часть. На вооружении было 240 автоматов, остальное оружие – карабины, 4 ручных пулемета, 4 миномета 50-мм, 4 ПТР. Командиром отряда был Савченко. Отряд находился в составе действующей армии с 8 сентября 1942 года[441].

12-й ОГСО прибыл на усиление войск Марухского направления также 8 сентября. Как и другие отряды, он формировался из числа курсантов Бакинского, Орджоникидзевского и Тбилисского пехотных училищ. Это была молодежь из Краснодарского и Ставропольского краев, республик Закавказья. В отряде насчитывалось 300 человек. Организация отряда была типовой и не отличалась от 11-го ОГСО. Отряд был оснащен специальным обмундированием и снаряжением. В течение 15 дней бывшие курсанты прошли курс горной подготовки. Первым командиром отряда был майор Диденко, через месяц его сменил старший лейтенант Д.Е. Швец[442].

Появление советских горных стрелков на Марухском перевале немецкие егеря почувствовали сразу: «Уже первые пленные заявили, что прошла пора, когда мы, немцы, диктовали свою волю русским. Теперь «зеленые черти» не дают нам покоя ни днем, ни ночью. Они, как дьяволы, нападают на нас и тут же исчезают. Среди наших солдат, говорили пленные, поползли слухи о неких «зеленых призраках» или «зеленых дьяволах», появившихся в здешних горах. Зелеными бойцов и командиров немецкие егеря прозвали за цвет костюмов, а чертями – за дерзкие и смелые действия в бою»[443].

Но вернемся к непосредственным событиям на Марухе.

Одновременно противник, минируя тропы, начал отход к вершине Марухского перевала. 25 октября одна из рот 810-го СП заняла вы-

соту 1176, оставленную немецкими егерями. Немцы удерживали вершину Марухского перевала до середины января 1943 года, регулярно обстреливая передовые позиции советских войск из различных видов оружия, и срывали попытки советских разведгрупп достичь вершины перевала[444].

О характере действий в районе перевала после того, как горы были укрыты глубоким снегом, наглядно свидетельствует запись в журнале боевых действий 810-го СП за 19 декабря 1942 года: «Противник в течение дня активности не проявлял. В 11.00 со стороны пер. Марухский произведено 6 винтовочных снайперских выстрела. В 10.45 над расположением подразделений появился самолет противника типа «Фоке Вульф», который из пулемета обстрелял посадочную площадку и сбросил 3 бомбы, которые разорвались южнее 1000 метров от аэродрома. Жертв и разрушений нет. Подразделения полка удерживают занимаемые рубежи и в течение дня производили работы по расширению аэродрома. 3-й СБ находится в движении к месту дислокации. Продолжаю вести разведку»[445].

Несмотря на то, что активных боев на Марухском перевале в ноябре – декабре 1942 года не было, один боевой эпизод заслуживает особого внимания. О нем вспоминал участник обороны перевала Иван Васильевич Подкопаев:

«Разведчики в белых маскхалатах и автоматчики в обычном обмундировании, но без маскхалатов, начали свой путь к воротам перевала. Двигаться пришлось по крутому, засыпанному глубоким снегом склону. Метель сразу же заметала их следы. Разведчики двигались быстрее и оставляли автоматчиков далеко позади. Хотели уже сворачивать к перевалу, но напоролись на засаду. Не зря вчера кружила над нами «рама» – немецкий воздушный разведчик. Немцы, видно, поняли замысел наших, и приняли контрмеры.

Бойцы бросились назад, но и там были встречены плотным автоматным огнем. Отрезаны! Где-то далеко ведут бой автоматчики, но им не пробиться к разведчикам, потому что все новые и новые группы немецких егерей спускаются по леднику к месту боя.

Разведчики, двадцать два человека, отстреливаясь, пробились к скалам и заняли оборону под одним из каменных навесов, достаточно укрытом от пуль, но не от снега и ветра.

Немцы простреливали выход из-под навеса со всех сторон. Нашему снайперу, грузину, удалось сбить немецкого пулеметчика, засевшего сверху. Немец упал перед нами на снег, и все увидели на его шапке маленький горный цветок из жести – эдельвейс…

Погиб старшина взвода Иван Казак. Убит старший лейтенант и несколько солдат. Иван Васильевич сквозь теряющееся сознание помнит кольцо немцев у входа под навес с автоматами в руках. Помнит, как выхватил один из них винтовку с оптическим прицелом из рук снайпера-грузина, хряснул ею о скалу. Остальные бросились снимать с них теплые вещи и тут же напяливали их на себя. Какой-то немецкий офицер, рыжий, в пенсне, вынул правой рукой парабеллум, висевший у него с левой

стороны, взвел его и начал показывать, как он всех сейчас перестреляет, и как матери их будут плакать о них – совсем еще безусых ребятах, все показал жестами.

Все же их не убили, а приказали нашим военнопленным, работавшим на канатке, вывезти на санях на хребет, а потом спустили вниз по канатной дороге и отправили на машине в Красный Карачай»[446].

Это был один из немногих боевых эпизодов на заключительном этапе обороны Марухского перевала.

По воспоминаниям другого участника боев на Марухском перевале В.Г. Филимонова, 810-й стрелковый полк занимал позицию за Марухским перевалом вплоть до конца декабря 1942 года[447].

Как свидетельствует историк, 10 января 1943 года на перевале было отмечено движение мелких групп противника, а в ночь с 10 на 11 января – взрывы складов, землянок и дзотов. 14 января советская разведгруппа, поднявшаяся на вершину перевала Марух, противника на нем не обнаружила[448]. Так, Марухский перевал снова оказался в руках защитников Кавказа.

*****

Жаркое лето 1962 года вызвало интенсивное таяние ледника на Марухском перевале. В сентябре того же года местным пастухом М.У. Кочкаровым были обнаружены следы боев и останки воинов, показавшиеся из-под снега и льда. Для обследования места боевых действий в район высот 3024,5 и 3127,4, северной части высоты 3893,3 (г. Кара-Кая) и ледника Марухский в конце сентября была направлена комиссия Ставропольского крайисполкома, в которую вошли военные специалисты, представители КГБ и милиции, медицинские работники, журналисты, альпинисты. В районе боевых действий были обнаружены ракеты, ракетницы, телефонный провод, телефонные аппараты, радиосредства, медикаменты, остатки продовольствия, зимнее обмундирование, кухни для приготовления пищи.

Также было найдено три 50-мм миномета и боеприпасы к ним, две двуноги лафета от 82-мм минометов, коробки от ротных и станковых пулеметов, гранаты и остатки предметов вещевого имущества, один партийный и два комсомольских билета, письма, открытки, записная книжка. Против оборонявшихся подразделений советских войск действовали превосходящие силы противника, о чем свидетельствовали фронт действий, огневые позиции, большое количество стреляных гильз, мин, снарядов в т.ч. и химических.

Это дало комиссии основание полагать, что оборонявшиеся подразделения не имели связи с внешним фронтом, не пополнялись боеприпасами, продовольствием, зимним обмундированием и другим необходимым для боя имуществом и вели тяжелые бои в зимних условиях.

Патологоанатомами было установлено, что в исследуемом районе находилось не менее 40 человек, хотя черепов было обнаружено всего

22. Подсчет шел по левым бедренным костям, которых оказалось больше всего. Они принадлежали людям преимущественно молодого возраста. Отсутствие мягких тканей, органов и одежды на останках трупов, а также многих костей скелетов не дало возможности установить точную причину гибели людей и характер имевшихся повреждений у большинства из найденных трупов.

Останки воинов были захоронены в станице Зеленчукской Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края. Со всеми воинскими почестями в братской могиле[449].

2.3. Оборона перевалов Санчарского направления

В советской историографии, видимо, благодаря авторам «Тайны Марухского ледника», укоренилось понятие «оборона Санчаро», «оборона Санчарского перевала». Однако бои на этом участке фронта не ограничились перевалами Санчарской группы, в которую входят Санчаро, Адзапш и Аллаштраху, они развернулись в полосе от перевала Наур, который граничил с Марухским направлением до перевала Чмахара на стыке с Малолабинским направлением на западе Главного Кавказского хребта. Этому участку принадлежат перевалы Чамашхо, Чибисха, 46-й армии, 25-го погранполка, Васильева, Чертовы ворота, Грибза, Командирский, Цегеркер, Лаба, Наур, Бгалар, Доу, Пшиш, выс. 3002 (нем. Маттерхорн) и другие. Это направление было самым большим по числу перевалов. Боевые действия развернулись здесь более чем на двух десятках перевалов и вершин. Некоторые из них в то время были безымянными и свое название получили позднее[450].

Сам Санчарский перевал расположен на высоте 2589 метров к западу от Марухского перевала. От Клухорского перевала его отделяет 80 километров. Не одно тысячелетие Санчаро связывал кавказцев севера и юга. Через перевал проходит самая короткая и доступная дорога к Черному морю, на Гудауту вдоль реки Бзыбь и на Сухуми по долине реки Гумисты. По этим горным тропам с древнейших времен перегонялся на пастбища скот, в район Сухуми с Зеленчука и Кубани доставлялись зерно и шкуры. Обратно через перевалы увозили ткани, соль, оружие и посуду. От Нижнего Архыза до моря можно добраться за 5 дней. Перевал довольно прост для преодоления, имеет пологую тропу с севера и довольно несложный спуск в южном направлении[451].

Вся эта местность лежала в полосе наступления 4-й горноегерской (горнопехотной) дивизии «Горечавка», которой в августе–октябре 1942 года командовал генерал-лейтенант Карл Эгльзеер. В состав дивизии входили 13-й и 91-й горноегерские (горнопехотные) полки, 94-й горноартиллерийский полк и ряд специальных подразделений дивизионного подчинения. С сентября район Архыза перешел в зону ответственности 1-й горноегерской дивизии, после чего на перевале Наур появились егеря этого соединения.

В документах германского командования название Санчарского перевала впервые упоминается в приказе командира 49-го корпуса генерала Конрада от 14 августа 1942 года «О наступлении через Кавказ к Черному морю». Здесь же называется и перевал Цегеркер, в связке с Санчаро оба перевала были местом сосредоточения сил 4-й дивизии перед выходом к Сухуми. При этом ясности в вопросе возможных путей преодоления Кавказских гор на этом участке наступления у немецкого командования первоначально не было. Егеря были обеспечены картами масштаба 1 : 200 000. По ним сложно планировать бои даже на равнине, не то что в горной местности. Более точная информация поступала в штаб дивизии по мере продвижения горнопехотных подразделений вглубь гор[452].

Карл ЭГЛЬЗЕЕР
(1890-1944)

Наступление в Санчарском направлении вела боевая группа под командованием полковника Штеттнера – командира 91-го ГЕП. В нее входили штаб полка со взводом разведки, врач и санитарное отделение, три высокогорные разведывательные отделения и саперный взвод 1-й роты 94-го горного саперного батальона, и два горнострелковых батальона. Один из батальонов принадлежал полку Штеттнера, другой был придан группе из 13-го ГЕП. Состав каждого батальона был примерно следующим: штабная рота, состоящая из взвода связи, саперного взвода и взвода легких пехотных орудий (2 легких пехотных орудия калибра 75 мм); рота тяжелого оружия, состоящая из взвода станковых пулеметов, в каждом – по три пулеметных отделения (6 станковых пулеметов), и минометный взвод, состоящего из двух минометных отделений (по четыре 81-мм миномета); три горнострелковые роты, в каждой – по три взвода из четырех отделений (12 ручных пулеметов), в каждой роте – отделение станковых пулеметов (2 станковых пулемета), в каждой роте одно минометное отделение (два 81-мм миномета). Общая численность батальона составляла 900 человек, боевая численность – около 550 человек. Боевой группе Штеттнера была придана артиллерийская группа из 6 75-мм орудий общей численностью 250 человек при 80 вьючных животных[453]. Итого в группе полковника Штеттнера насчитывалось примерно около 2050 человек.

Упомянутый 13-й горноегерский (горнопехотный) полк 4-й горнострелковой дивизии под командованием полковника Бухнера продвигался к группе Санчарских перевалов по долине Большого Зеленчука через Архыз. Как свидетельствует В. Тике, Бухнер выделил часть сил для дальнейшего продвижения на юг для того, чтобы взять под контроль пере-

валы Пшиш и Марухский, тем самым обеспечить правый фланг 1-й горнострелковой дивизии. Главные же силы полка двинулись на запад, в сторону Санчаро, и 22 августа соединились с полком Штеттнера в районе деревни Пхия[454]. Маршрут, которым шел Бухнер через долину Большого Зеленчука, Архыз на соединение с группой Штеттнера к перевалу Санчаро, когда-то был участком Великого Шелкового пути из Китая в Европу.

Скорее всего, именно часть сил 13-го полка полковника Бухнера вступила в бой с Черкесским партизанским отрядом в Архызском ущелье 16 августа 1942 года.

15 августа Черкесский городской и районный партизанские отряды закончили переброску своих вещевых и продовольственных баз с передаточного пункта Буковый участок на следующий передаточный пункт, ниже аула Архыз вглубь Архызского ущелья по реке Большой Зеленчук, где в это время был расположен штаб Западной группы партизанских отрядов Орджоникидзевского края.

Разведка, посланная штабом для выяснения обстановки в направлении станицы Зеленчукской 15 августа в 10 часов утра донесла, что Зеленчукская занята немецкими войсками. Руководство штаба приняло решение задержать продвижение немецких войск по Архызскому ущелью с таким расчетом, чтобы выиграть как можно больше времени для переброски партизанских баз с перевалочного пункта Архыз в недоступное место для врага.

Наиболее удобным местом для проведения операции против немецких войск был Буковый участок в 20 километрах от аула Архыз вниз по течению реки Зеленчук.

Для выполнения этого боевого задания были посланы две боевые единицы от Черкесского городского отряда 80 человек и от Черкесского районного отряда 16 человек, которые на Буковом участке сделали засаду.

Около 11 часов 16 августа на эти засады двигалась немецкая разведка в составе 2-х мотоциклистов, вслед за которыми появилось 25 автоматчиков.

Первой засадой мотоциклисты были пропущены, а по автоматчикам был открыт ружейный и пулеметный огонь на расстоянии 120–150 метров. Ошеломленные внезапным обстрелом немецкие автоматчики бросились бежать в разные стороны, потеряв при этом убитыми и ранеными 11 человек.

Наскочив на вторую засаду, немецкие мотоциклисты были обстреляны. Один мотоцикл был выведен из строя, а мотоциклист ранен. Второй мотоциклист при попытке вернуться обратно, был убит на месте.

Не более чем через 40–50 минут после непродолжительного боя с немецкой разведкой, примерно с расстояния 600–700 метров по засаде партизан открыли огонь из минометов. Но так как расположение засад точно не было установлено, то мины рвались далеко от цели, и поражений не наносили. Обстрел был интенсивным и продолжался более 2-х часов. Затем немцы, выдвинув на одну возвышенность два пулемета, стали

прочесывать местность пулеметным огнем. Под прикрытием минометного и пулеметного огня стали двигаться немецкие части группами по 30–40 человек, на расстоянии 300–400 метров от расположения первой засады группы стали рассредоточиваться и, продвигаясь вперед, вели огонь из автоматов. Пропустив две первые группы немцев, первая засада с противоположного берега реки Зеленчук открыла огонь по третьей группе автоматчиков, подошедших к засаде метров на 150. В то же время вторая засада открыла огонь по первым двум группам немцев. Первыми же выстрелами много немецких солдат было убито и ранено, некоторые бросились бежать обратно. Раненый немецкий офицер, продолжал кричать какую-то команду, часть немцев залегли и открыли беспорядочный огонь из винтовок и автоматов. Завязался бой, во время которого немцам удалось точно установить место расположения засад и скорректировать минометный и пулеметный огонь. Однако и на этот раз огонь был малоэффективным, так как засады на противоположном берегу реки Зеленчук находились в скалистой местности в лесу, являвшимся хорошим укрытием.

Придавленные огнем партизан к земле, немцы не могли продвигаться вперед и отойти обратно, а кто из них пытался встать, уничтожался огнем партизан.

На помощь своим автоматчикам немцы выслали 5 танков и две роты пехоты на автомашинах. Подошедшие танки на расстоянии около 200 метров стали бить прямой наводкой из пушек и пулеметов. Из противотанковых ружей партизаны подбили два немецких танка и одну автомашину. К концу дня немцы переправили одну роту через реку Зеленчук, которая стала заходить в тыл засадам. Однако до наступления темноты она не успела по скалистым обрывам осуществить полное окружение засад.

Под прикрытием ночной темноты засады вышли из окружения, так как дальнейшее сопротивление против во много раз численно превосходящих немецких войск небольшой группы партизан было немыслимо. Партизаны отошли. Утром 17 августа немецкие войска подвергли ураганному обстрелу из всех видов оружия то место, где находились засады, но засад там уже не было.

В результате этого боя было убито 60 немецких солдат и офицеров, подбито два танка, одна автомашина и мотоцикл. Продвижение немецких войск по ущелью было задержано на целые сутки[455].

Возможно, что об этом бое, спустя двадцать с лишним лет, писала черкесская областная газета «Ленинское знамя»:

«Небольшой отряд партизан города Черкесска, стоявший на пути немцев к Архызу, получил задание нашего командования:

– Задержать подход передовых немецких частей к хребту. Дать возможность нашим подразделениям свободно выйти на перевалы.

И партизаны стали готовиться к встрече. Командовал группой секретарь обкома партии Г.М. Воробьев. У дороги были устроены засады.

На правом берегу Зеленчука заняли позиции работники милиции: Мацибурук, Сыпко, Фетисов, снайпер Саша Стручков, Григоров. В своем распоряжении они имели два ручных пулемета.

На левом берегу залегли старший лейтенант с сержантом, партизан Михаил Коваленко, Агния Деменшина, дед Макаркин и другие. Остальные заняли позиции позади засад.

16 августа в 12 часу дня на дороге показался передовой отряд частей альпийской дивизии «Эдельвейс». Он двигался по направлению к Архызу.

Мотоциклы в сопровождении двух танкеток были встречены мощным огнем нашей правобережной засады. Потеряв двух мотоциклистов, немцы отошли. Но тут же из автомашин высыпали их автоматчики. Но и они были вынуждены отойти под огнем нашей второй засады. На дороге валялись раненые и убитые оккупанты. Вскоре вступили в бой немецкие пулеметы.

С правого берега меткими выстрелами Саша Стручков клал одного фашиста за другим. А пулеметные очереди Мацибурука не давали возможности сосредоточиться немецким автоматчикам для броска вперед.

Против правого берега немцы направляют весь свой огонь. Идет долгий и жаркий бой. Немцы несут большие потери.

Шквал огня по правому берегу мог уничтожить бойцов, не имевших надежных укрытий на равнинной местности. И Воробьев посылает Николая Ростокина на правый берег передать приказ: постоянно менять позиции и тем самым выйти из-под огня минометов.

Ростокин переправляется на виду у немцев. Его стремительный бросок в воду, на мгновение мелькнувшая в потоке голова и неожиданная перебежка от берега в кустарник вызвали запоздалые очереди немецких автоматчиков.

Николай, передав приказ Стручкову, пробирается к пулеметам Мацибурука. Но последний со своей группой уже сам стал менять позиции. В этот момент погиб любимец отряда Саша Стручков. Пробиваясь к новому укрытию, он был сражен пулеметной очередью. Все попытки Ростокина подползти к Саше, лежавшему на виду у немцев, не увенчались успехом.

Бой длился до полной темноты. Фашисты за весь день смогли продвинуться лишь на несколько сотен метров.

С утра 17 августа они пустили в ход горную артиллерию. На открытые позиции вышли их танкетки и бронетранспортеры, стараясь выбить партизан из естественных укрытий. Но – безуспешно. Партизаны сдержали продвижение немцев.

Задача, поставленная перед отрядом, была выполнена. Двухсуточная задержка частей немецкой дивизии позволила нашим войскам выйти на перевалы и занять оборону[456].

После освобождения Ставропольского края, в феврале 1943 года разведчица Преградненского отряда Деменьшина Агния Ананьевна,

1912 года рождения, сражавшаяся в этом бою, была награждена орденом Красного Знамени. В ее наградном листе значилось: «В выполнении боевых заданий тов. Деменьшина показала себя смелым разведчиком, умело проводя разведку, постоянно обеспечивала командование необходимыми данными о противнике. В одном из боев тов. Деменьшина была ранена».

Орденом Красного Знамени был также награжден боец партизанского отряда г. Микоян-Шахара Ростокин Николай Дмитриевич, 1910 года рождения, член ВКП(б), служащий. В том бою, поддерживая связь отряда со штабом, он трижды переплывал реку Зеленчук[457].

Геннадий Максимович
ВОРОБЬЕВ
(1905–1942)

Спустя двадцать с лишним лет и другие участники этого боя были удостоены боевых наград: ордена Отечественной войны I степени – командир отряда Геннадий Максимович Воробьев, медали «За отвагу» – Адам Данилович Мацибурук, медали «За боевые заслуги» – Александр Михайлович Стручков (все трое посмертно).

После боя Г.М. Воробьев стал уходить с группой партизан на восток, в верховья реки Малки на границе с Кабардино-Балкарией, рассчитывая на соединение с частями Красной Армии. На переход требовалось четверо суток. В районе прииска Мушт группа наткнулась на засаду. Воспользовавшись плотным туманом, нацисты и полицаи незаметно приблизились к партизанам и открыли по ним огонь.

При прорыве вражеского огневого кольца погибли Г. М. Воробьев, 32-летний политрук отряда Петр Моисеевич Мирошников, до войны работавший первым секретарем Черкесского райкома ВКП (б) и 34-летний связной краевого штаба партизанского движения (южная группа) в отряде «За Родину» Федор Васильевич Кобзев[458].

Другая часть отряда под командованием И.С. Маточкина перешла зону Скалистого хребта и присоединилась к Хабезскому партизанскому отряду «Красный Кавказец» под командованием секретаря Черкесского обкома ВКП(б) Ф.П. Соловьева. 28 августа в бою с немцами из 27 партизан этого отряда трое погибли, трое изменили Родине и помогли немцам захватить семерых товарищей по отряду. Партизанский отряд был рассредоточен, а группа И.С. Маточкина скрытно по балкам ушла к хутору Ново-Георгиевский[459].

В 1966 году у южной окраины населенного пункта Нижний Архыз был установлен памятник, на котором были указаны 20 фамилий погиб-

ших партизан, среди них: Амелькин Г.А., Воробьев Г.М., Кобзев Ф.В., Курашев И.С., Маточкин И.С., Мирошников П.М. и другие.

Согласно господствующей точке зрения, оборона перевалов Санчарского направления, как и других перевалов Кавказа, советскими войсками заблаговременно не создавалась. В «Описании действий войск Закавказского фронта по обороне Кавказа» есть даже такая запись: «До конца августа, благодаря запозданию выхода частей на перевал Санчаро, не был обнаружен подход к нему противника (наши части находились в районе пер. Доу)»[460].

Однако в журнале боевых действий 808-го стрелкового полка 394-й стрелковой дивизии приводятся другие сведения:

«10.8.42 г. В связи с угрозой просачивания противника через перевалы Главного Кавказского хребта, в исполнение приказа штадива (штаба дивизии – Авт.), по приказу полка 1-й стр. б-н, 5 стр. рота, полковая школа, взвод полковой роты ПТР, взвод роты автоматчиков и взвод конной разведки снялись с обороны побережья Черного моря и заняли оборону перевалов Цегеркер, Доу, Чамашха с задачей: не допустить противника на южные скаты Главного Кавказского хребта в районе указанных перевалов, создать взводные узлы сопротивления, контролировать систему «кзотов» и «дотов». По дополнительному приказу 1-й стр. б-н с приданными подразделениями несет охрану и оборону авиапосадочной площадки в районе с. Псху.

Обороняя перевалы, 1-й стр. б-н с приданными подразделениями контролирует переход через перевалы войск 3-го гвардейского корпуса, выходивших из боя с Сев. Кавказа: поверяет документы и разоружает мелкие группы и отдельных бойцов и командиров, поверяет документы эвакуирующегося гражданского населения с Сев. Кавказа»[461].

Таким образом, информация о том, что советские войска были лишь на перевале Доу, не совсем точна.

Для понимания боеспособности 808-го стрелкового полка и его возможностей по обороне перевалов Кавказа стоит уделить внимание характеристике этой воинской части. Командир полковой разведки 808-го стрелкового полка лейтенант Абдул-Керим Гамзатович Шуаев так характеризовал готовность части по выполнению поставленных боевых задач:

«1. 808 СП в составе 394 СД 3-го корпуса 46 армии Закфронта, в задачу которого входила оборона Черноморского побережья, не был подготовлен для ведения боевых действий в горах, тем более на ледниках.

2. Войска не были обеспечены надлежащим оружием, обмундированием, альпинистским снаряжением, продовольствием и кадрами офицеров для ведения боевых действий в горах и ледниках.

3. Отсутствовали подвижные дороги, средства транспорта для обеспечения действующих войск на перевале бесперебойно.

4. Самое главное – это наше командование Закфронта считало, что Главный Кавказский хребет сам по себе не проходим для противника, не было принято своевременных мер для обороны перевалов.

5. Отсутствовала надлежащая оперативная связь с высшим командованием.

6. Состав войск не имел боевого опыта ведения боевых действий в горах и на ледниках.

7. Отсутствие в достаточном количестве людского резерва у командования.

8. Отсутствие у наших войск поддержки с воздуха и артиллерии».

К этому стоит добавить, что 808-й стрелковый полк был недавно сформирован, в начале 1942 года, и с 28 мая 1942 года занял оборону Черноморского побережья в районе города Гудаута. В боевых действиях участия не принимал. В начале августа 1942 года ему было вручено боевое знамя. Личный состав полка в целом был интернациональный, с преобладанием жителей Грузии. Полком командовал майор Ш.В. Телия, комиссаром полка был А.С. Арутюнов[462].

Ашот Сумбатович
АРУТЮНОВ
(1902-1965)

Шалва Васильевич Телия (1904 г.р.) – грузин, был кадровым военным с 1922 года, членом ВКП(б), командир 808-го стрелкового полка, майор, позже – подполковник. Награжден орденами Ленина (за выслугу лет), Александра Невского, Красного Знамени (за выслугу лет), медалями «За оборону Кавказа», «За победу над Германией» и другими наградами[463].

Ашот Сумбатович Арутюнов – армянин, уроженец г. Тбилиси, батальонный комиссар, позже – майор, подполковник, заместитель командира 808-го стрелкового полка по политической части, член ВКП(б), в Красной Армии с 1918 по 1928, а затем с 1940 года. Награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией» и другими наградами[464].

О том, как попал в 808-й полк лейтенант Шуаев, следует из его воспоминаний: «Нас, курсантов, только что окончивших училище, подняли по тревоге в городе Сухуми и взяли направление в горы Кавказского хребта. По пути нам разъяснили о том, что немецко-фашистские войска прорвались через Марухский перевал и что наши войска оказывают им упорное сопротивление. Мы, отряд Сухумского военного училища, должны помочь частям 394 стр. дивизии, 808 и 810 стрелковым полкам и меня направили в 808 с.п. 394 с.д. в качестве командира полковой разведки»[465].

В авангарде колонны 808-го стрелкового полка шла группа разведчиков, во главе которой находился помощник начальника штаба 808-го стрелкового полка по разведке лейтенант Степан Иванович Голик. Эта группа первой прибыла к Санчарскому перевалу. Ждать встречи с про-

тивником долго не пришлось, гитлеровцы шли по пятам отходящих с Северного Кавказа советских войск. Они появились сразу за последней группой красноармейцев. По этой причине разведотряд не успел заминировать перевал, и был вынужден вступить в бой.

Ночь прошла относительно спокойно. Утром к перевалу прибыл заместитель командира 808-го полка по строевой части майор Гогуа с небольшой группой бойцов. Первый батальон во главе с командиром капитаном Александром Ираклиевичем Бакрадзе, пробираясь к перевалу Доу окружной дорогой, попал под огонь просочившегося в это место противника и понес большие потери. Выжившие в том бою рассказали, что большая группа бойцов попала в окружение на перевалах Санчаро и Аллаштраху[466].

Абдул-Керим Гамзатович Шуаев эту ситуацию вспоминал так: «для обороны Санчарского перевала был послан 1-й батальон 808-го полка в полном составе, «который впоследствии по пути к Санчарскому перевалу сбился с пути и вследствие бездарности командира батальона майора Гогол (возможно, речь идет о заместителе командира полка майоре Гогуа, так как батальоном командовал капитан Бакрадзе – *Авт.*), понес крупные потери и потерял боеспособность»[467].

Советская историография свидетельствовала, что боевые действия на Санчарском направлении начались 25 августа. Сосредоточив в долине реки Лаба свыше полка 4-й горнострелковой дивизии против одной роты 808-го СП 394-й стрелковой дивизии и сводного отряда НКВД, противник перешел в наступление и, захватив перевал Санчаро, начал почти беспрепятственно продвигаться на юг. Так описывал события на Санчарском направлении маршал А.А. Гречко[468]. На самом деле военные события в этом районе стали разворачиваться на двое суток раньше.

Немецкий автор писал, что перевал Адзапш был занят егерями еще 23 августа. Правда, произошло это без боя, советских войск здесь не оказалось[469]. Взятие перевала Адзапш обеспечивало противнику выход в тыл защитникам Санчаро.

В 4 километрах севернее Санчарского перевала разведкой немцев был обнаружен заслон, вероятно, 808-го стрелкового полка. Численность красноармейцев по подсчетам противника составляла около 150 человек. На следующий день, 24 августа, 3-й батальон 91-го ГЕП с боем потеснил советский заслон, взяв в плен 13 бойцов 808-го полка.

В тот же день, спустившись с перевала Адзапш на южную сторону Главного Кавказского хребта, егеря 2-го батальона 13-го ГЕП вышли в тыл защитникам Санчарского перевала и отрезали их от основных сил. А взвод 3-го батальона 91-го ГЕП к 19.00 вышел на перевал Чмахара и без боя занял его, советских войск на нем не было.

В 5 часов утра 25 августа 3-й батальон 91-го полка атаковал перевалы Санчаро и Аллаштраху. К 11.00 немцы заняли Санчаро, а в 18 часов – Аллаштраху (согласно ЖБД ЗакФ захват Санчарского перевала произошел в 15.40 – *Авт.*). Оставшиеся силы 808-го СП отошли к югу в сторону

перевала Чамашхо[470]. Таким образом, к исходу 25 августа в руках немцев оказались 4 основных перевала Санчарского направления.

Точных сведений о погибших в этот день с советской стороны нет. Более того, в журнале боевых действий 808-го стрелкового полка записи за 23–25 августа полностью отсутствуют. Из материалов, опубликованных В.Г. Гнеушевым и А.Л. Попутько, следует, что вышедший из окружения комбат Бакрадзе, командир роты Шнукашвили, командир взвода Попхадзе с группой бойцов влились в сводный полк (вероятно, НКВД – *Авт.*). В его составе вместе с 25-м погранполком они сражались у хутора Решевого и села Псху, в котором капитан А.И. Бакрадзе погиб и был похоронен возле школы[471].

В базе данных ОБД «Мемориал» указана дата гибели А.И. Бакрадзе – 25 августа. Однако бой за село Псху был позже. Село Псху, которого не было на картах, немцы назвали «Глухомань у ручья». Они вошли в него в 17 часов 26 августа[472]. В ряде документов ОБД «Мемориал» время гибели А.И. Бакрадзе указано – октябрь 1942 года. Таким образом, есть основания полагать, что Александр Ираклиевич Бакрадзе погиб не 25 августа, а позже, как минимум 26 числа, если считать информацию советских журналистов Гнеушева и Попутько достоверной. На неточность времени гибели капитана Бакрадзе накладывается и ошибка в месте его смерти, отмеченной в списках безвозвратных потерь как район Марухского перевала.

Село Псху, расположенное в северной части Абхазии между Главным Кавказским и Бзыбским хребтами, находится в 10 километрах по прямой от Санчарского перевала, с учетом протяженности горных троп – более этого расстояния. До города Гудаута – ближайшей точки на берегу Черного моря – оставалось 60 километров по прямой. После захвата села Псху подразделения боевой группы полковника Штеттнера с боями стали продвигаться вглубь Абхазии к перевалам Ачовчар, Доу и Гудаутский.

28 августа 1942 года представителем ГКО и Военного совета ЗКФ Л.П. Берия был издан приказ № 0012, в котором отмечалось: «Противник упредил части 46 армии и занял перевалы Клухор, Санчаро и подошел к Белореченскому перевалу. Это явилось следствием того, что командование 46 армии неправильно организовало свои действия по обороне Кавказского хребта, не стремилось к активной борьбе за перевалы на северных склонах гор, ограничилось высылкой на перевалы небольших отрядов под командованием малоопытных командиров, потеряв сразу с ними связь. Преступно, халатно организовано снабжение войск боеприпасами, продовольствием и обмундированием: в ряде частей и подразделений 50–70% бойцов оказались разутыми и без шинелей»[473]. Этим приказом отстранялось от должностей прежнее руководство армии. Вместо генерал-майора Сергацкова командующим 46-й армии был назначен командир 3-го СК генерал-майор Леселидзе. Его заместителями стали полковник Пияшев и полковник Микеладзе. Оборона Клухорского и Марухского перевала была возложена на 394-ю

стрелковую дивизию, а Санчарского – на 51-ю стрелковую бригаду. Как отмечает С.В. Януш, мероприятия, безусловно, очень нужные при обороне перевалов, проводились несвоевременно, однако снятие с должностей командующего 46-й армией, его заместителей, других командиров и начальников носило больше запугивающий и пропагандистский характер[474]. Здесь можно поспорить с автором этих строк, потому что ошибки в действиях командования армией были явно налицо, были недостатки в организации обороны войск, их управлении и обеспечении. Результаты этой неподготовленности продолжали сказываться в период активной фазы обороны перевалов Кавказа.

Для ликвидации прорыва на Санчарском перевале командование 46-й армии сформировало группу войск Санчарского направления. Ее возглавил заместитель командующего 46-й армии полковник И.И. Пияшев. В состав группы входили: 25-й погранполк НКВД, сводный полк НКВД, 307-й стрелковый полк и рота 1-го батальона 808-го полка[475].

25-й пограничный полк НКВД в отличие от многих частей Закавказского фронта имел большой боевой опыт в войне против немецко-фашистских захватчиков. В первый свой бой он вступил в 4 часа 22 июня 1941 года на реке Прут на западной границе Советского Союза с Румынией. В дальнейшем полк оборонял города Бендеры, Николаев. Отходя с частями Красной Армии, полк обеспечивал переправы и охрану мостов, нес службу по охране тыла 9-й и 56-й армий Южного фронта. В июле 1942 года бойцы 25-го погранполка участвовали в наведении понтонных переправ через реку Дон, а с 19 августа по 24 октября полк сражался на перевалах Кавказа. Командовал полком подполковник Архипов Василий Борисович.

307-й стрелковый полк входил в состав 61-й стрелковой дивизии, сформированной на территории Армянской ССР в октябре–ноябре 1941 года. 22–26 августа из-под Еревана полк в составе дивизии передислоцировался в Сухуми и вошел в подчинение 46-й армии ЗКФ. Около половины личного состава, представителей горских народов, была отправлена в национальные части и заменена русскими, украинцами и белорусами. Командовал полком майор Погиян.

Иван Иванович Пияшев родился в 1907 году в городе Минеральные Воды, оставшись сиротой, в 1920 году стал воспитанником кавалерийских курсов в Новочеркасске. Окончив кавалерийскую школу, получил начальное образование – 5 классов вечерней школы. До Великой Отечественной войны проходил службу в погранвойсках НКВД на командных должностях. В октябре 1941 года сформировал из разрозненных групп пограничников мотострелковый полк, участвовал в Тульской оборонительной операции. После контрнаступления советских войск под Москвой полковнику Пияшеву было поручено сформировать 7-ю мотострелковую дивизию войск НКВД, с которой он с января 1942 года воевал на Западном фронте в качестве ее командира. 27 августа 1942 года директивой Ставки ВГК № 994172 был назначен заместителем командующего 46-й армией[476].

Марухский перевал. 1962 г. Фонд ГАСК

Иван Иванович
ПИЯШЕВ
(1907-1956)

Сергей Калинчев – современный российский писатель – так охарактеризовал личность генерала Пияшева:

«…он без изъянов выполнял специальные боевые задания Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР тов. Берия на стратегическом перевале Санчаро. Сколачивал из рассыпанных, оглушенных отступлением и неопытных красноармейцев ударные отряды, которые своими жизнями выколачивали из ущелий Абхазии экипированную по последнему слову техники горнострелковую дивизию Вермахта. Защищал будущую счастливую жизнь, тех, у кого ее не отняла война, и мстил, как за себя за тех, у кого ее война отняла. <…>

За свою более чем тридцатилетнюю боевую службу он прошел путь от тринадцатилетнего кавалериста в Новочеркасске до командира личной гвардии Наркома Берии. Для этого ему не потребовалось никаких школ и Академий. Достаточно было личной смелости, личной преданности Родине и тем вождям, которые эту Родину олицетворяют, военной смекалки и житейской находчивости и самое главное воли, воли и воли, чтобы все это воплощать в жизнь. Так что, пока была живая боевая работа, а она была каждый день, на протяжении почти, что всех лет его службы, он был уверен в себе и в том, что с этим делом ни в поле, ни в горах никто никогда лучше него не справится»[477].

Судя по описанию личного боевого подвига и заслуг в наградном листе, полковник И.И. Пияшев лично руководил боевыми операциями группы войск в направлении перевала Санчаро. Ему как командиру волевому, настойчивому и инициативному в сложной горной обстановке быстро удалось объединить части и подразделения, действовавшие на Санчарском направлении и взять их под свое руководство. За короткое время (с 28 августа по 8 сентября) части группы полковника И.И. Пияшева освободили северные скаты перевала Доу, хутор Решевой, высокогорное селение Псху и перевал Адзапш. В дальнейшем части Санчарского направления продолжали успешно развивать наступление на перевалы Санчаро, Чамашха и Чмахара.

Указом Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом доблесть и мужество 13 декабря 1942 года генерал-майор И.И. Пияшев был награжден орденом Красного Знамени[478].

Однако успех группы советских войск под командованием полковника И.И. Пияшева объяснялся не только его волевым руководством и

упорным натиском бойцов и командиров, желавших, во что бы то ни стало исправить ситуацию в обороне перевалов. В первую очередь дело было в действиях противника.

Несмотря на успех, достигнутый боевой группой полковника Штеттнера – до Черноморского побережья оставалось всего 30 километров, 31 августа между ним и командиром 4-й ГЕД по только что проложенной линии связи состоялся разговор, в ходе которого генерал Эгльзеер заявил, что боевая группа в связи с трудностями снабжения должна отойти. Оборону необходимо будет занять севернее реки Бзыбь на высотах перед «Глухоманью» (с. Псху). Командование дивизии предупредило, что отход, возможно, будет продолжен[479]. Эта версия отхода немецких войск, укоренившаяся в немецкой и советской литературе, становится сомнительной после изучения данного вопроса современным исследователем, который обратился к архивным документам из фонда 4-й ГЕД.

В переводе автора запись, сделанная в немецком журнале боевых действий, выглядит так: «В телефонном разговоре об обстановке между командиром дивизии и командиром 91 горно-егерского полка снова подтверждено, что положение группы Штеттнера не является угрожающим, поэтому отступление не является необходимым». Разговор состоялся 31 августа в 11.15, а в 18.15 полковник Штеттнер все же получил приказ на отход. Но в нем о причинах отхода, то есть о проблемах со снабжением его группы ничего не говорилось. Первые записи по поводу трудностей со снабжением войск в горах появились в документах служб тыла 4-й ГЕД только через 4 дня после начала отхода боевой группы Штеттнера. Сопоставив все факты, А.Р. Мирзонов пришел к выводу, что «проблема со снабжением» стала хорошим прикрытием нехарактерного для немецкой армии вида маневра – отхода: «если такие проблемы и были, то они не носили критического характера и никак не могли привести к отступлению Штеттнера». Здесь же исследователь доказывает несостоятельность другой возможной причины оставления Штеттнером захваченных рубежей – отказ ему в подкреплении. Автор пришел к выводам, что идея прекращения наступления на Санчарском направлении созрела даже не в штабе 49-го горного корпуса, а, скорее всего, на уровне командования группой армий «А», которое решило перенести основные усилия своих войск на Туапсинское направление[480].

Свою точку зрения на причины отхода 49-го корпуса высказал Роберт Форчик, книгу которого «The Caucasus 1942–1943» цитирует Б. В. Соколов: «Конрада победили не Советы, а совместные силы местности и погоды. Даже если бы Конрад смог каким-то образом добраться до побережья, ему пришлось бы с горсткой своих батальонов разгромить основные силы 46-й армии, чтобы захватить Сухуми, а затем его коммуникации через Кавказ были бы перерезаны снегом на всю зиму. Если бы корпус оказался на другой стороне перевалов в момент наступления зимы, он, в конце концов, был бы уничтожен. Ни кригсмарине, ни люфтваффе не смогли бы снабжать горнострелковый корпус в горах Кав-

Снайпер 25 полка НКВД А.И. Квит в горах Абхазии. 1942 г.

каза целую зиму. На самом деле весь план ОКХ по отправке горных стрелков Конрада в Сухуми был непродуманным и игнорировал рельеф местности и погоду, и создавал риск того, что эти элитные войска будут изолированы и, возможно, уничтожены, и все это ради достижения третьестепенной цели»[481]. Сначала немецкий автор незаслуженно принизил роль Красной Армии в данной ситуации, однако далее он показал ее силу в лице 46-й армии, с которой отдельным группам горных стрелков вряд ли бы удалось справиться. Да, условия обстановки были не в пользу 49-го корпуса. Но проблемы корпуса горных стрелков не ограничивались исключительно невыгодными природно-климатическими условиями, стратегическая и оперативная обстановка на театре военных действий складывалась не в его пользу (о чем косвенно свидетельствует Форчик) благодаря тому, что героически сражались защитники Новороссийска, Туапсе, других городов Черноморского побережья и, разумеется, бойцы и командиры, оборонявшие непосредственно перевалы Кавказа.

Так или иначе, с 1 сентября группа Штеттнера начала отход с занятых позиций. Однако бои на перевалах Санчарского направления продолжались вплоть до 19 октября, когда пошел сильный снегопад, сопровождавшийся буранами и метелями, и перевалы были занесены трехметровым слоем снега.

Следует обратить внимание на потери сторон в борьбе за перевалы Санчарского направления. Автор книги «Битва за Кавказ» Б.В. Соколов со ссылкой на книгу А. Статиева приводит такие данные: «С 26 августа по 3 сентября группа полковника Вальтера Штеттнера из 4-й горнострелковой дивизии потеряла 208 убитых и раненых, а противостоявшая ей группа полковника Ивана Пияшева – 342 убитых и раненых в период с 28 августа по 3 сентября. Правда, пропавших без вести с советской стороны было в несколько раз больше. Немецкие потери убитыми в период с 29 августа по 1 сентября составили 34 человека, но в своем донесении Пияшев увеличил это число до 1079, т.е. в 32 раза» [482].

Как уже отмечалось, в обороне перевалов Кавказа со стороны Орджоникидзевского края участвовала Южная группа партизанских отрядов, комиссаром в которой был И.П. Храмков. Несмотря на то, что

подавляющее большинство отрядов этой группы вскоре прекратило свое существование, в августе 1942 года они еще отчасти были боеспособными.

19 августа отряд Усть-Джегутинского района, находясь в Хасаутском ущелье, прикрывал отход частей Красной Армии к перевалу. Отряд отбил трехкратное наступление немцев. Потери противника составили несколько десятков убитыми и ранеными. Партизаны захватили трофеи: винтовки, патроны и пулеметные ленты, потеряв в бою двух человек.

20 августа отряд Изобиленского района в Учкуланском районе Карачая в горах, недалеко от перевалов, будучи окруженным изменниками Родины – карачаевскими бандитами, принял бой, в результате которого погиб командир отряда. Отряд был частью уничтожен, а частью рассеян.

22 августа отряд Усть-Джегутинского района по Хасаутскому ущелью оборонялся против наступавших на него немецких частей. Бой длился 6 часов. Немцы понесли немало потерь. Отряд отошел на новые позиции, потеряв одного убитым и одного раненым. На следующий день, подбросив дополнительные силы, немцы предприняли вторичное наступление на этот отряд. Отряд, отбиваясь с боем, укрылся от немцев, потеряв свою продовольственную базу, одного бойца убитым и пять бойцов попало в плен. Потери немцев были, но не учтены.

24 августа отряд Кировского района отбивался от налета на него карательной экспедиции в районе ущелья Уруп. Потери противника составили 10 убитых и 3 раненых, потери отряда – двое убитых и двое раненых. Отряд Новоалександровского района произвел налет на немецкий гарнизон, расположенный в хуторе Круглом Преградненского района. В результате налета было уничтожено 25 солдат, 2 офицера, 5 лошадей и свыше 20 человек раненых. Потерь отряда не было.

Как описывалось выше, 25 августа под руководством штаба Западной группы остатки партизан с 20 красноармейцами устроили удачную засаду на подступах к Марухскому перевалу. Нарвавшаяся на засаду рота немцев почти полностью была уничтожена. В этой схватке было убито 32 немецких солдата, 2 офицера и ранено 13 человек.

28 августа отряд Кувинского и Икон-Халкинского районов, преследуемый противником по Марухскому ущелью, вступил с ним в бой. В результате боя партизанами было уничтожено 15 немецких солдат и два офицера, ранено еще четверо. Отряд потерял убитыми 7 человек.

28 августа группа партизан в количестве 11 человек из отряда Хабезского района по дороге между станицами Зеленчукской и Сторожевой из засады уничтожила мотоцикл с фашистом.

В тот же день 9 партизан Преградненского отряда вечером проникли в станицу Преградную, и внезапным налетом гранатами и автоматным огнем уничтожили бронемашину, двух офицеров и водителя, захватили оружие, боеприпасы, немецкие документы, около 20 тысяч метров немецких агитационных кинолент и другое имущество.

Адам Данилович
Мацибурук
(1901–1942)

29 августа отряд Хабезского района, приняв бой в районе прииска Кизилчук по реке Кяфар-Агур с крупным отрядом немцев, пытавшихся окружить отряд. Потери противника составили 30 человек убитыми и несколько десятков ранеными. Потери отряда: убит один, ранено двое, два человека попали в плен.

В числе тех, кто достойно сражался в рядах бойцов Западной группы партизанских отрядов Ставропольского края, были люди различных профессий, национальностей и возрастов, сложивших свои головы в боях на перевалах Кавказа. Приведем лишь несколько имен.

На сайте Министерства внутренних дел по Карачаево-Черкесской Республике размещена информация об одном из сотрудников НКВД города Черкесска, воевавшем в партизанском отряде Западной группы. Это *Мацибурук Адам Данилович,* 1901 года рождения, член КПСС, работавший старшим милиционером Черкесского городского отдела милиции. В годы войны он был пулеметчиком Черкесского партизанского отряда, принимал непосредственное участие в боях с карателями. 28 августа 1942 года погиб в неравном бою с немцами в Марухском ущелье. За боевые заслуги в 1965 году посмертно награжден медалью «За отвагу»[483].

В газете «Ленинское знамя» Черкесского обкома партии приводится краткая информация и о других партизанах. Несмотря на свои 40 лет *Прасковья Павловна Гречкина* – коммунистка Черкесской городской партийной организации – добровольно вступила в партизанский отряд. Неоднократно ходила в разведку, и каждый раз приносила ценные сведения о противнике. 28 августа 1942 года, будучи в разведке в районе Марухского перевала, уничтожила гранатой двух фашистов, но и сама героически погибла. В 1965 году посмертно награждена орденом Отечественной войны II степени.

Сковердик Александр Павлович прославился как партизанский пулеметчик. 16 августа 1942 года в критической обстановке он уничтожил 10 вражеских солдат. Находясь в разведке, был схвачен гестапо и расстрелян. В 1965 году посмертно награжден орденом Красной Звезды[484].

*****

Бои на перевалах Клухорского, Марухского и Санчарского направлений носили ожесточенный характер. Главный Кавказский хребет

воспринимался советским командованием как естественная преграда на пути противника. Эта недооценка обстановки стала причиной неудач в обороне горных рубежей на границе Карачаевской автономной области и Абхазской АССР.

Лаврентий Павлович
БЕРИЯ
(1899–1953)

Главным на Военно-Сухумской дороге был Клухорский перевал. На этом направлении противник сосредоточил часть сил 1-й горнострелковой дивизии. 17 августа с боем немецкие егеря взяли перевал. 23 августа подразделения 4-й горнострелковой дивизии вермахта без боя заняли перевал Адзапш, а 25 числа, выбив с Санчарского перевала роту 808-го стрелкового полка, противник стал продвигаться на юг. Действия на Марухском направлении имели вспомогательный характер. Только получив отпор на Клухоре, немцы устремились через Марухский перевал для захода в тыл защитникам Клухорского перевала. Этим объясняется то, что непосредственные бои на Марухе развернулись только в последних числах августа.

Факт оставления перевалов частями 394-й дивизии стал причиной того, что прибывший на Кавказ представитель Ставки Л.П. Берия приказом от 28 августа 1942 года отстранил от должностей командующего 46-й армией и ряд других должностных лиц.

Партизанский отряд «Пётр» Ипатовского район.1943 г.
Фонд ГБУК СК «Ипатовский районный краеведческий музей».

Отряд партизан Дмитриевского района «Алексей». 1942–1943 гг.

Партизанский отряд Буденновского района Ставропольского края.
Январь 1943 г. Фонд ГАНИСК

Руководитель краевого штаба партизанского движения
М.А. Суслов с группой партизан. 1943 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги анализа боевых действий на территории Орджоникидзевского края в августе 1942 года, следует отметить, что противник силами группы армий «А» вторгся в границы Ставрополья 2 августа 1942 года. Соединения и части бывшего Южного фронта отходили с Дона обескровленными. Они оказывали сопротивление наседающему противнику своими арьергардами и вели бои за выход из окружения. В Генштабе и Ставке ВГК понимали, что удержать противника на Нижнем Дону не удастся. Поэтому советские войска стали отводиться за Кубань и Терек, чтобы в Предгорьях Кавказского хребта лишить врага преимущества в танках. Очевидно, что Ставрополью заранее была уготована участь – быть отданным врагу.

Продвижение немецкой 1-й танковой армии было стремительным: 3 августа захвачен краевой центр – город Ворошиловск, 5 – Невинномысск; несмотря на подготовленную оборону Кавказских Минеральных Вод, с 9 по 14 августа частями Красной Армии были оставлены города Минеральные Воды, Пятигорск, Железноводск, Ессентуки, Кисловодск, а вместе с ними – Черкесск и Карачаевск.

Вопреки устоявшемуся мнению, на подступах к краевой столице бои все же имели место: и в районе села Красногвардейского, и в селе Донском, и на окраине Ставрополя в районе кожевенного завода. В прикрытии отходивших войск близ города оборону держала 110-я Калмыцкая кавалерийская дивизия и части гарнизона города. Вместе с тем, стоит отметить, что обороны самого административного центра края как таковой не было организовано, стоять здесь насмерть при общем замысле высшего командования на отход в предгорные районы не планировалось. Невинномысск оборонял отряд НКВД и расчеты девушек-зенитчиц. Почти все они погибли, защищая город.

От села Новоалександровского по западным территориям края шла еще одна волна немецких танков, искавших переправу на левый берег реки Кубань. Легко разрушив слабую оборону 1-го отдельного стрелкового корпуса на рубеже Смыков–Григорополисская, противник устремился через станицу Прочноокопскую к Армавиру. Героические действия защитников этого рубежа до сих пор оставались в тени из-за предательства командира корпуса, перешедшего в августе 1942 года на сторону врага.

Из Кавминвод немецкие войска двинулись к Моздоку, одновременно с севера от Элисты сюда шел еще один поток вражеских войск. Город героически оборонялся двое суток, но 25 августа его пришлось оставить. Основной, заранее подготовленный рубеж советской обороны пролег южнее границ Орджоникидзевского края.

От Черкесска немецкие егеря двух горных дивизий распространялись по Кавказским горам от Приэльбрусья до Санчаро и далее на запад к Черному морю. Здесь их встречали свежие войска Закавказского фронта – полки 394-й стрелковой дивизии. Бои на перевалах Карача-

ево-Черкесии носили напряженный характер. Их оборона заблаговременно подготовлена не была, изначально сил, выделенных Закавказским фронтом, явно не доставало. Части и подразделения Красной Армии в основной своей массе к условиям горной войны подготовлены не были, имели место серьезные проблемы с обеспечением войск зимним обмундированием, горным снаряжением, боеприпасами и продуктами питания. Решать эти вопросы пришлось уже в ходе отражения наступления противника. Большинство перевалов на южной границе Карачая были захвачены немецкими егерями 49-го горно-стрелкового корпуса во второй половине августа 1942 года. Лишь ценой высоких потерь, благодаря воле командования и мужеству советских воинов удалось остановить дальнейшее продвижение противника по южным скатам гор на территории Абхазии.

Вслед за наземными войсками меняла дислокацию авиация 4-й воздушной армии. Ее части иной раз оставляли советскую территорию, уходя с нее последними. Счет золотых звезд защитников Ставрополья в августе 1942 года открыл летчик-истребитель капитан В.М. Усков, совершивший воздушный таран в небе над Георгиевском.

Посильный вклад в борьбу с врагом вносили партизанские отряды Орджоникидзевского края. В августе 1942 года они участвовали в боях под Владимировкой и Левокумским, под Кисловодском, на Клухорском и Марухском перевалах, в других районах края. Между селами Арзгир и Левокумским принял свой последний бой партизанский отряд Гофицкого района.

Один из историков Великой Отечественной войны В.В. Бешанов назвал 1942 год учебным. С этим действительно можно согласиться, когда анализируешь действия советских войск на Ставропольском направлении. Но не потому, что, как сказал автор книги «Год 1942 – учебный», «битые советские генералы объясняли свои поражения тем, что они еще только «учились» воевать». А потому, что все учились, не только генералы. Учились под натиском врага быстро создавать оборону, отходить, не попадая в окружение, прикрывать при этом свои войска (самих себя), держать оборону в горах, степи и песчаных бурунах, против танков, пехоты и авиации. Накапливали опыт и силы для перехода в наступление и дальнейшей победы над врагом. Мы же вновь обращаемся к опыту Великой Отечественной войны для того, чтобы подобного никогда не повторилось.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Архивы

1. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК), г. Ставрополь. Фонды: 69.

2. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК), г. Ставрополь. Фонды: Р-1059, Р-1060.

3. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО), г. Подольск. Фонды 3, 4, 33, 43, 47, 51, 58, 209, 273, 276, 319, 399, 401, 442, 448, 464, 835, 1065, 1230, 1251, 1666, 1783, 3118, 3162, 3262, 3303, 3305, 3470, 4372, 3547, 3562, 3587, 4420, 7467, 7469, 12702, 12889, 20046, 20156, 20208, 20215, 22094, 22363, 22373, 22708, 22951, 22962.

II. Опубликованные сборники документов

1. Битва за Кавказ в документах и материалах / Сост. А. А. Аникеев, А. Ю. Безугольный, С. В. Януш. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2003. – 508 с.

2. Директива Верховного командования вооруженных сил Германии о продолжении операции «Брауншвейг» № 45 от 3 июля 1942 г. // Роковые решения: Сборник. – СПб. : ООО «Издательство «Полигон»», 2004. – С. 622-625.

3. Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы / Сост. М. Л. Кичиков, Б. С. Санджиев, Ю. О. Оглаев. – Элиста : Калмыцк. кн. изд-во, 1966. – 552 с.

4. Народы Карачаево-Черкессии в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Сборник документов. – Черкесск : Ставропольское кн. изд-во, 1990. – 408 с.

5. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сб. док. за 50 лет : в 5 т. Т. 3. – М. : Политиздат, 1986. – 751 с.

6. Русский Архив. Великая Отечественная война. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5-2). – М.: Терра, 1996. – 624 с.

7. Ставрополье в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Сборник документов и материалов. – Ставрополь: кн. из-во, 1962. – 515 с.

8. Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 г. – январь 1943 г.): документы и материалы / Сост. В. А. Водолажская, М. И. Кривнева, Н. А. Мельник. Ставрополь : Кн. изд-во, 2000. – 175 с.

9. Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная война в документах и исследованиях / Научн. ред. Т.А. Булыгина. – Ставрополь: Комитет Ставр. края по делам архивов, 2005. – 608 с.

III. Периодическая печать

1. Афанасьев В. Установлены имена героев // Сельская новь. Общественно-политическая газета Красногвардейского района Ставропольского края. – 2019. – 8 мая. – С. 4-5.

2. Егоров И. Партизанка Люба // Ставропольская правда. – 1943. – 8 марта. – С. 2.

3. Мищенко Т., Луценко Н. Партизаны в горах Кавказа // Ставропольская правда. – 1944. – 28 января. – С. 2.

4. Попов А. Партизаны в боях за родное Ставрополье // Ставропольская правда. – 1944. – 29 января. – С. 2.

IV. Источники личного происхождения

1. Абрамов В. Л. На ратных дорогах. – М. : Воениздат, 1962. – 240 с.

2. Бабийчук А.Н. Человек, небо, космос. – М. : Воениздат, 1979. – 271 с.

3. Баданин Б. В. На боевых рубежах Кавказа. Очерки по инженерному обеспечению битвы за Кавказ в Великой Отечественной войне. – М.: Воениздат, 1962. – 152 с.

4. Бобров М.М. Фронт над облаками. – СПб. : СПбГУП, 2005. – 216 с.

5. Бобров М. Записки военного альпиниста. От ленинградских шпилей до вершин Кавказа, 1941–1945. – М. : Центрполиграф, 2015. – 283 с.

6. В боях за Дон. Воспоминания воинов 110-й отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / Сост. М. Л. Кичиков. – Элиста : Калмыцкое кн. изд-во, 1969. –180 с.

7. В боях за Северный Кавказ. Воспоминания воинов 110-й отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. – Элиста : Калмыцкое кн. изд-во, 1973. – 126 с.

8. Вершинин К. А. Четвертая воздушная. – М. : Воениздат, 1975. – 348 с.

9. Волончук Ф. Ф. По тылам врага. – М. : Воениздат, 1961. – 144 с.

10. Гервасиев А.Н. Версты мужества. – Кишинев : Изд-во «Картя молдовеняскэ», 1976. – 303 с.

11. Госданкер В. В. От прошлого нельзя отряхнуться (музейные поиски, находки, встречи). – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. – 251 с.

12. Гречко А. А. Битва за Кавказ. – М. : Воениздат, 1967. – 424 с.

13. Гречко А. А. Годы войны. – М. : Воениздат, 1976. – 574 с.

14. Гусев А. М. Эльбрус в огне. – М. : Воениздат, 1980. – 208 с.

15. Долуда А. Дважды рожденная. – Кемерово: Изд-во «Притомское», 1993. – 94 с.

16. Емельяненко В. Б. В военном воздухе суровом. – М. : Молодая гвардия, 1972. – 416 с.

17. Закруткин В. А. Дорогами большой войны. – М. : ДОСААФ, 1974. – 304 с.

18. Закруткин В. А. Кавказские записки 1942-1943. – Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1975. – 303 с.

19. Записки краеведческого общества на Кавказских Минеральных Водах. 45-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящается. Вып. XXV. [Рукопись]. – Пятигорск, 1991.

20. Казьминцы – участники Битвы за Кавказ (1942-1943). – Серия: Материалы по историческому краеведению. Выпуск 34. – Казьминское: ИИЦ «Без nazвания», 2019 – 152 с.

21. Карпович В. П. На «Ишаках» и «Мигах»! – М. : Яуза, Эксмо, 2007. – С. 413-415.

22. Кириллов Б.Н. Курсанты-гвардейцы. Рассказ о боевых действиях группы курсантов Полтавского танкового училища на Северном Кавказе в 1942 году. [Рукопись]: Фонд Музея краеведения г. Пятигорск. Инв. 2767. – 52 л.

23. Кириллов Б.Н. Оборона Пятигорска. Воспоминания бывшего командира курсантской роты. Фонд Музея краеведения г. Пятигорск. Б/н. Рукопись. 1989.
24. Кондратьев З.И. Дороги войны. – М. : Воениздат, 1968. – 360 с.
25. Нестеренко А.И. Огонь ведут «катюши». – М. : Воениздат, 1975. – 262 с.
26. Никулина А. В. Пламя в ночи. – М.: Воениздат, 1982. – 143 с.
27. Павлов Г. Р. Однополчане: Повесть. – М.: ДОСААФ, 1985. – 159 с.
28. Покрышкин А. И. Небо войны. – М.: Воениздат, 1966. – 44 с.
29. Рослый И. П. Выстоять и победить. – М. : Изд-во ДОСААФ, 1977. – 256 с.
30. Рогов К.И. Годы боевые: 1942 год. Записки начальника штаба дивизии. 2015. URL: https://litvek.com/book-read/322311-kniga-konstantin-ivanovich-rogov-godyi-boevyie-1942-god.
31. Сафонов М. И. В предгорьях Кавказа. Фронтовые записки начальника штаба. – Грозный: Чеч.-Ингуш. кн. изд-во, 1985. – 104 с.
32. Скоробогатов В. П. 28-я в боях за Калмыкию. – Элиста : Калмыцк. кн. изд-во, 1968. – 244 с.
33. Треплин Л. Майн Фельдцуг (Воспоминания солдата Вермахта) 1942–1945 гг. – Пятигорск : Изд-во Пятигорского лингвистического ун-та, 1996. – 91 с.
34. Тюленев И. В. Через три войны. – Изд. 2-е испр. и дополн. – М.: Воениздат, 1972. – 240 с.

V. Литература

1. Андроповцы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.: без права на забвение. – М. : Изд-во Надыршин, 2020. – 512 с.
2. Аникеев А.А., Линец С.И., Януш С.В. Битва за Кавказ в исследованиях, документах и фотоматериалах / Под общ. ред. проф. С. И. Линца. – Пятигорск: ПГЛУ, 2015. – 518 с.
3. Аникеев А.А., Селюнин В.А., Януш С.В. Операция «Сталинград-2»: планы и реализация // Научная мысль Кавказа. – 2013. – № 1. – С. 70-76.
4. Алиев К.-М. И. В зоне «Эдельвейса». – М.: Илекса; Ставрополь: Сервисшкола, 2005. – 386 с.
5. Базыров А.Т. 110-я Калмыцкая кавдивизия на защите железной дороги Астрахань-Кизляр // Вклад народов Северного Кавказа в Битву за Кавказ: к 75-летию события (25 июля 1942 г. – 9 октября 1943 г.) : сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ставрополь : Бюро новостей, 2018. С. 85-90
6. Батыров У. Битва за Кавказ / У. Батыров, С. Гребенюк, В. Матвеев. – М.: Триада-Ф, 2002. – 411 с.
7. Беликов Г. А. Оккупация. – Ставрополь : Фонд духовного просвещения, 1998. – 152 с.
8. Борлакова К. З. Героические женщины наказанного народа. Биографические страницы жизни участниц Великой Отечественной войны и Героев Социалистического Труда. – Пятигорск: Рекламно-информационное агентство на КМВ, 2009. – 200 с.
9. Букин Д.В. Григорополисская на стыке веков. – Кострома : Костромаиздат, 2006. – 280 с.
10. Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945: Краткая история. – М. : Воениздат, 1984. – 560 с.

11. Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки: Книга первая. Суровые испытания. М. : Наука, 1998. – 544 с.

12. Фольф К. Хартман. Черкассы: Изд-во «Акцент», 1998. – 51 с.

13. Герои битвы за Кавказ / Сост. И. Г. Пухаев / Под общ. ред. И. В. Тюленева. – Цхинвали : Изд-во «Ирыстон», 1975. – 543 с.

14. Горные стрелки в битве за Кавказ. 12-й отдельный горнострелковый отряд / Отв. ред. А. М. Супруненко [Рукопись]. М. : Совет ветеранов 46-й армии, 1987. – 59 л.

15. Дегтев Д., Зубов Д. Прерванный полет «Эдельвейса». Люфтваффе в наступлении на Кавказ. 1942 г. – М.; Центрполиграф, 2014. – 252 с.

16. Дзадзиева Е.А. Мемориальное пространство Великой Отечественной войны как источник исторической памяти: 4-ая Воздушная армия // Известия СОИГСИ. 2017. № 25 (64). С. 100-113.

17. Гневушев В. Г., Попутько А. Л. Тайна Марухского ледника. – Ставрополь : кн. изд-во, 1981. – 560 с.

18. Дробязко С.И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941-1945 гг. – М. : Изд-во Эксмо, 2004. – 608 с.

19. Заярный С.А., Очиров У.Б. Отход ядра 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии от Маныча к Тереку в августе 1942 г. // Magna Adsurgit: Historia Studiorum. 2018. № 2. С. 99-132.

20. Заярный С.А., Очиров У.Б. Боевые действия 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии в ногайских степях в сентябре 1942 г. // Кавказский мир: проблемы образования, языка, литературы, истории и религии Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет». Ответственный редактор М.Р. Нахаев. 2018. С. 163-172.

21. Ибрагимбейли Х. М. Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток. – М. : Наука, 1977. – 319 с.

22. Ибрагимбейли Х. М. Битва за Кавказ. Крах операции «Эдельвейс». – М. : Вече. – 2012. – 413 с.

23. Иванов Г.П. В тылу прифронтовом. – М. : Воениздат, 1971. – 128 с.

24. История Второй мировой войны 1939-1945 гг. В 12 т. – М.: Воениздат, 1973-1982.

25. Калашник М. Х. Испытание огнем. Изд. 2-е, испр. – М. : Воениздат, 1978. – 439 с.

26. Карташев А. В. Группа генерала Тимофеева в боях за Кавказские Минеральные воды // Военно-исторический журнал. 2019. № 10. С. 24-30.

27. Карташев А.В. ДОСААФ Ставрополья: итоги пройденного пути (1927-2017). К 90-летию организации / Гл. ред. Ю. А. Гришко. – Волгоград : Панорама, 2017. – 256 с.

28. Карташев А. В. Оборона города Моздок в августе 1942 года // Военно-исторический журнал. 2020. № 8. С. 20-24.

29. Карташев А. В. Оборонительные действия советских войск в битве за Кавказ: ставропольское направление // Военно-исторический журнал. 2019. № 7. С. 31-38.

30. Карташев А. В. Советская авиация в небе Ставрополья в августе 1942 года // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 1. С. 89-98.

31. Карташев А. В. Ставропольский гарнизон: 230 лет на защите Южных рубежей России: монография. М.: Илекса. 2007. – 384 с.

32. Карташев И. В. Работа эвакогоспиталей в городе Ставрополе в период Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. – 2019. – № 12. – С. 40-47.

33. Кашин В. А., Киселев И. В. Советская авиация на завершающем этапе битвы за Кавказ (сентябрь – октябрь 1943 г.) // Битва за Кавказа (1942-1943): Время. События. Люди. : сборник материалов научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня освобождения Северного Кавказа от немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны / Ред. С.С. Зенгин, К.Б. Пуликовский, Р.З. Близняк [и др.]. 2017. С. 81-86.

34. Корольченко А. Ф. Битва за Кавказ : роман-хроника. – М. : Изд-во АСТ, 2005. – 459 с.

35. Кочура Д. В. Наш край в годы Великой Отечественной войны. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2000. – 33 с.

36. Край наш – Ставрополье. Очерки истории / под ред. В. П. Невской и Д. В. Кочуры. – Ставрополь : Шат-гора, 1999. – 528 с.

37. Краснознаменный Северо-Кавказский. Очерк истории Краснознаменного Северо-Кавказского военного округа / Ред. коллегия: А. Т. Алтунин и др.. – Ростов н/Д : Кн. изд-во, 1971. – 408 с.

38. Кольга Г. И. Вермахт: проблемы формирования, организации и управления : монография / Г. И. Кольга. – Ставрополь : АГРУС Ставропольского гос. аграрного ун-та, 2013. – 612 с.

39. Кичиков М. Л. Во имя победы над фашизмом. Очерки истории Калмыцкой АССР в годы Великой Отечественной войны. – Элиста : Калмыц. кн. изд-во, 1970. – 208 с.

40. Кушнерёв В. В. Советская авиация в обороне Кавказа (1942 год) // Культурная жизнь Юга России. 2013. № 2 (49). С. 48-50.

41. Линец А. С., Линец С. И. Партизанское движение на Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации края (август 1942 г. – январь 1943 г.). – Пятигорск : Изд-во «Спецпечать», 2005. – 206 с.

42. Линец А.С., Линец С.И. Партизаны Ставрополья в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами: спорные вопросы, оценки эффективности (август 1942 г. – январь 1943 г.) // Университетские чтения – 2017. Материалы научно-методических чтений Пятигорского государственного университета. Пятигорск, 2017. С. 135-142.

43. Линец С. И. Город во мгле… (Пятигорск в период немецко-фашистской оккупации: август 1942 г. – январь 1943 г.). – Пятигорск: ПГЛУ, 2010. – 138 с.

44. Линец С.И. Ставропольское направление в Битве за Кавказ // Региональный нарратив имперской провинции: современные методологические подходы и исследовательские практики: сборник научных статей. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет (СКФУ), 2016. С. 186-190.

45. Линец С. И., Януш С.В. Оборона Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (июль – декабрь 1942 г.) : монография. – М. : Илекса, 2010. – 640 с.

46. Лысенков С.Г., Сидоренко В.П. Внутренние войска НКВД СССР в битве за Кавказ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – № 4. 2012. – С. 24-30.

47. Магид А. С. Гвардейский Таманский авиационный полк. – М.: ДОСААФ, 1960. 288 с.

48. Матиев Т.Х. Роль авиации в Малгобекской оборонительной операции (сентябрь – октябрь 1942 г.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. Международные отношения. 2016. Т. 21. № 3. С. 70-77.

49. Медведев Р.А., Ермаков Д.А. «Серый кардинал». М. А. Суслов: политический портрет. – Республика, 1992. – 238 с.

50. Медвенский Н. И. Боевые операции на перевалах Абхазии в ходе битвы за Кавказ 1942-1943 гг. – Сухум, 2012. – 96 с.

51. Медвенский Н. И. Абхазия в период Битвы за Кавказ 1942-1943 гг. // Вклад народов Северного Кавказа в Битву за Кавказ: к 75-летию события (25 июля 1942 г. – 9 октября 1943 г.) : сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Ставрополь: Бюро новостей, 2018. – С. 184-191.

52. Медвенский Н. И. Боевые действия в горах Абхазии в ходе битвы за Кавказ 1942-1943 гг. Марухское направление. II этап // Гуманитарные и юридические исследования. – 2016. – № 4. – С. 107-113.

53. Мирзонов А. Р. Битва за Кавказ. Другой взгляд. – 2018. – 492 с.

54. Мирзонов А. Р. Битва за Кавказ. Другой взгляд. Книга вторая . – 2020. – 456 с.

55. Мирзонов А. Р. Битва за Кавказ. Другой взгляд. Книга третья. – 2021. – 156 с.

56. Михайлов И. В. Оккупация или 160 дней по германскому времени. – Ставрополь: Сервисшкола, 2007. – 132 с.

57. Мощанский И.Б. Испытание огнем. – М.: Вече, 2011. – 256 с.

58. Мощанский И.Б. Оборона Кавказа. Великое отступление. 25 июля – 31 декабря 1942 года. – М.: Вече, 2010. – 192 с.

59. Мощанский И.Б. Стоять насмерть! Горная война на Кавказе (июль 1942 – февраль 1943). – М. : Вече, 2010. – 368 с.

60. Надбитов М.В., Убушаев В.Б. В.А. Хомутников – видный военный и государственный деятель Калмыкии (1921-1941 гг.) // Вестник Калмыцкого университета. 2014. № 4 (24). С. 20- 24.

61. Народный подвиг в битве за Кавказ. Сборник статей. – М. : Изд-во «Наука», 1981. – 408 с.

62. Оконов В.А. Защита 110-й Калмыцкой кавдивизией донских рубежей от германских фашистов в июле 1942 года // Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 2. С.41-49.

63. Опрышко О.Л. Заоблачный фронт Приэльбрусья. – М. : Воениздат, 1976. – 149 с.

64. Очерки истории Ставопольской организации КПСС. – Ставрополь : Кн. изд-во, 1970. – 632 с.

65. Паршуто С. Так сражались гвардейцы. – Грозный : Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1982.

66. Полищук И. И. От Терека до Миуса : о боевом пути 151-й стрелковой дивизии. – Нальчик : «Эльбрус», 1992. – 110 с.

67. Приймак Ю. В. 37-й отдельный моторизованный понтонно-мостовой батальон в боях за плацдарм и переправу через Кубань у села Новомихайловского в августе 1942 г. // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 2. – С. 136–154.

68. Пятигорский Э. И. На остриях войны. Кубань. 1942. Август. Исторические хроники. – Туапсе: Туапсинская типография. – 422 с.

69. Семиряга М. М. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. – 863 с.

70. Сидоренко В. П. Войска НКВД на Кавказе в годы Великой Отечественной войны : монография. – СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 1999. – 304 с.

71. Соколов Б. В. Битва за Кавказ. – М. : Вече, 2021. – 480 с.

72. Ставропольский край в период Великой Отечественной войны (1941-1945). Коллективная монография / под ред. С.И. Линца, А.А. Аникеева, Г.И. Кольга. М. : Изд. Надыршин, 2019. – 480 с.

73. Ставропольцы в Великой Отечественной войне / Редкол.: Д. В. Кочура (пред.) и др. – Ставрополь : Ставроп. фонд культуры, 1995. – 349 с.

74. Сталинград, и несть ему конца. Калмыки и Калмыкия в Сталинградской битве (очерки, статьи, воспоминания) / Сост. Ю. О. Оглаев. – Элиста : ЗАОР «НПП «Джангар», 2013. – 348 с.

75. Стариков Н. Войска НКВД на фронте и в тылу. [Электронный книга]. Изд-во «Литагент «Алгоритм», 2014.

76. Судавцов Н.Д. Строительство оборонительных сооружений на Ставрополье осенью 1941 года // Прозрителевские чтения. Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. Министерство культуры Ставропольского края, Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. – 2018. – С. 170-176.

77. Судавцов Н. Д. Ставропольский край в период битвы за Кавказ // Вклад народов Северного Кавказа в Битву за Кавказ: к 75-летию события (25 июля 1942 г. – 9 октября 1943 г.). Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Ставрополь: Бюро новостей. – 2018. – С. 226-233.

78. Суменко В. Г. Мои журналистские маршруты. – Ставрополь : ГУП «Ставропольская краевая типография», 2002. – 208 с.

79. Твердохлебов С. П. Черкесск: ориентир в океане фактов и событий. Краеведческий путеводитель в трех томах. Т. 2. Черкесск : Кар.-Черк. республ. кн. изд-во, 2015.

80. Тике В. Марш на Кавказ. Битва за нефть 1942-1943 гг. М.: Эксмо, 2005. – 448 с.

81. Тропин П.Н. Строительство оборонительных линий на территории Ставропольского края в октябре 1941 г. – августе 1942 г. // [Электронный ресурс]: http://pglu.ru/upload/iblock/47d/uch_2010_xv_00019.pdf (дата обращения: 03.10.2019).

82. Убушаев В.Б. Вклад труженников Калмыкии в строительство железной дороги Астрахань – Кизляр (октябрь 1941 – август 1942 г.) // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 3. С. 136-140.

83. Хоффманн И. Немцы и калмыки 1942–1945. URL: http://militera.lib.ru/research/hoffmann_i4/index.html (дата обращения 28.01.2021).

84. Швабедиссен В. Сталинские соколы: Анализ действий советской авиации в 1941-1945 гг. / Пер. с англ. – М. : АСТ, Мн. : Харвест, 2006. – 528 с.

85. Эристхаузен А. Война на Кавказе. Перелом. Мемуары командира артиллерийского дивизиона горных егерей. 1942-1943 / Пер. с нем. В. Д. Кайдалова. – М. : ЗАО Центрполиграф, 2012. – 286 с.

86. Шиянов Ю.Д. Родная сторона. Очерки истории родного края. Книга первая. – Арзгир ; Ставрополь : Сервисшкола, 2015. – 592 с.

87. Юнгер Э. Излучения (февраль 1941 – апрель 1945) / Перевод с немецкого Н. О. Гучинской, В. Г. Ноткиной. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – 784 с.

88. Януш С. В. Войсковые операции советской армии в битве за Кавказ (1942-1943 гг.). – Ставрополь : кн. изд-во, 2005. – 576 с.

89. Януш С. В. Красная Армия в сражениях за Кавказ (1942-1943 гг.) : монография. – М. : Илекса, 2020. – 780 с.

VI. Справочники и энциклопедии

1. Военная энциклопедия. В 8 т. – М.: Воениздат, 1994-2004.

2. Военные летчики: Асы Второй мировой войны / сост. Н. Н. Крюков. – Мн. : Литература, 1997. – 640 с.

3. Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь / Пред. ред. коллегии И.Н. Шкадов. – М. : Воениздат, 1988. – Т. 2. – 863 с.

4. Герои Советского Союза – боевая слава земли ставропольской: краткий биографический справочник / Под ред. Н. Д. Судавцова. В 2 ч. – Ставрополь, 2019.

5. История городов и сел Ставропольского края: краткие очерки / Научн. ред. Д.В. Кочура, А.А. Кудрявцев. – Ставрополь : Кн. изд-во, 2002. – 702 с.

6. Огненные дали: Ставрополье в Великой Отечественной войне: библиогр. указ. лит. / науч. ред. Н. Д. Судавцов ; отв. за вып. З. Ф. Долина ; сост. Т. Ю. Кравцова, Н. Н. Авдеева, М. В. Агаркова, С. В. Колесова, Т. А. Мишукова, Г. А. Трубицына. Ставрополь : Ставроп. краев. универс. науч. б-ка им. М. Ю. Лермонтова, 2011. 344 с.

7. Список участников Великой Отечественной войны, захороненных на Даниловском кладбище города Ставрополя // Мир Кавказу : общая Память – общая Судьба : Материалы Ставропольской городской научно-практической конференции. Ставрополь: Изд-во СтГМА, 2011. С. 216-268.

VII. Интернет-источники

1. 85-мм зенитная пушка // Электронный альманах об истории города Невинномысска // Электронный ресурс: http://www.nevchronograph.ru/history/monuments/6.

2. Бессонова Н. Военное училище и война // Проза ру. // Электронный ресурс: https://www.proza.ru/2008/06/14/276.

3. Информационный сервис «Память народа» // Электронный ресурс: https://pamyat-naroda.ru/

4. День оккупации Красногвардейского района // Информационный портал Красногвардейского района Ставропольского края // Электронный ресурс: http://krasnogvardeiskoe.ru/news/?NEWS_ID=2148.

5. Малекин Ю. Битва за Пятигорск // Говорят обелиски [Электронный ре-

сурс]: http://dropdoc.ru/doc/280440/glava-iii.-oborona-kavkazskih-mineral._nyh-vod.

6. Обобщённый электронный банк данных ОБД «Мемориал» // Электронный ресурс: https://obd-memorial.ru/html/.

7. Смирнов Г.Я. Бои местного значения. URL: https://kostroma1941-45.3dn.ru/publ/vospominanija_vypusknikov/smirnov_g_ja/4-1-0-75 (дата обращения 12.02.2021).

8. Памятник-ДОТ // Электронный альманах об истории города Невинномысска // Электронный ресурс: http://www.nevchronograph.ru/history/monuments/8.

9. Памятник погибшим летчикам в годы Великой Отечественной войны // Патриотические проекты ОНФ // Электронный ресурс: https://imena.onf.ru/placements/stavropolskiy-kray/pamyatnik-pogibshim-letchikam-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny.

10. Электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» // Электронный ресурс: http://podvignaroda.ru/.

СНОСКИ

1. Гречко А.А. Битва за Кавказ. М. : Воениздат, 1967. 424 с.

2. Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток – М. : Наука, 1977. – 319 с.; Ибрагимбейли Х. М. Битва за Кавказ. Крах операции «Эдельвейс». – М. : Вече. – 2012. – 413 с.;

3. Януш С.В. Войсковые операции советской армии в битве за Кавказ (1942-1943 гг.). Ставрополь : кн. изд-во, 2005. 576 с.; Аникеев А.А., Линец С.И., Януш С.В. Битва за Кавказ в исследованиях, документах и фотоматериалах / Под общ. ред. проф. С. И. Линца. – Пятигорск: ПГЛУ, 2015. 518 с.

4. Януш С.В. Красная Армия в сражениях за Кавказ (1942-1943 гг.) : монография. – М. : Илекса, 2020. 780 с.

5. Огненные дали: Ставрополье в Великой Отечественной войне: библиогр. указ. лит. / науч. ред. Н. Д. Су-давцов ; отв. за вып. З. Ф. Долина ; сост. Т. Ю. Кравцова, Н. Н. Авдеева, М. В. Агаркова, С. В. Колесова, Т. А. Мишукова, Г. А. Трубицына. Ставрополь : Ставроп. краев. универс. науч. б-ка им. М. Ю. Лермонтова, 2011. 344 с.

6. Гневушев В.Г., Попутько А.Л. Тайна Марухского ледника. Ставрополь : кн. изд-во, 1981. 560 с.

7. Гусев А. М. Эльбрус в огне. – М. : Воениздат, 1980. – 208 с.; Бобров М. М. Фронт над облаками. – СПб. : СПбГУП, 2005. – 216 с.

8. Алиев К.-М.И. В зоне «Эдельвейса». – М.: Илекса; Ставрополь: Сервисшкола, 2005. – 386 с.

9. Медвенский Н.И. Боевые операции на перевалах Абхазии в ходе битвы за Кавказ 1942-1943 гг. Сухум, 2012. 96 с.

10. Мирзонов А. Р. Битва за перевалы. Другой взгляд. – 2018. – 492 с.; Мирзонов А. Р. Битва за перевалы. Другой взгляд. Книга вторая. – 2020. – 456 с.

11. См., например: Линец А.С., Линец С.И. Партизаны Ставрополья в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами: спорные вопросы, оценки эффективности (август 1942 г. – январь 1943 г.) // Университетские чтения – 2017. Материалы научно-методических чтений Пятигорского государственного университета. Пятигорск, 2017. С. 135-142.

12. Линец С.И. Город во мгле… (Пятигорск в период немецко-фашистской оккупации: август 1942 г. – январь 1943 г.). Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет (ПГЛУ), 2010. 138 с.

13. Линец С.И. Ставропольское направление в Битве за Кавказ // Региональный нарратив имперской провинции: современные методологические подходы и исследовательские практики: сборник научных статей. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет (СКФУ), 2016. С. 186-190.

14. Базыров А.Т. 110-я Калмыцкая кавдивизия на защите железной дороги Астрахань-Кизляр // Вклад народов Северного Кавказа в Битву за Кавказ: к 75-летию события (25 июля 1942 г. – 9 октября 1943 г.) : сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ставрополь : Бюро новостей, 2018. С. 85-90; Заярный С.А., Очиров У.Б. Отход ядра 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии от Маныча к Тереку в августе 1942 г. // Magna Adsurgit: Historia Studiorum. 2018. № 2. С. 99-132; Заярный С.А., Очиров У.Б. Боевые действия 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии в ногайских степях в сентябре

1942 г. // Кавказский мир: проблемы образования, языка, литературы, истории и религии Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет». Ответственный редактор М.Р. Нахаев. 2018. С. 163-172.

15. Ставропольский край в период Великой Отечественной войны (1941-1945). Коллективная монография / под ред. С.И. Линца, А.А. Аникеева, Г.И. Кольга. М. : Изд. Надыршин, 2019. 480 с.

16. Карташев А.В. Оборонительные действия советских войск в битве за Кавказ: ставропольское направление // Военно-исторический журнал. 2019. № 7. С. 31-38.

17. Карташев А.В. Группа генерала Тимофеева в боях за Кавказские Минеральные воды // Военно-исторический журнал. 2019. № 10. С. 24-30.

18. Карташев А.В. Оборона города Моздок в августе 1942 года // Военно-исторический журнал. 2020. № 8. С. 20-24.

19. Карташев А.В. Советская авиация в небе Ставрополья в августе 1942 года // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 1. С. 89-98.

20. Например: Ставрополье в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Сборник документов и материалов. Ставрополь: кн. из-во, 1962. 515 с.; Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная война в документах и исследованиях / Научн. ред. Т.А. Булыгина; сост. В. В. Белоконь, Т. Н. Колпикова, Я. Г. Кольцова, В. Л. Мазница. Ставрополь: Комитет Ставр. края по делам архивов, 2005. 608 с.

21. Вершинин К.А. Четвертая воздушная. М. : Воениздат, 1975. 348 с.; От Кубани до Праги. Воспоминания ветеранов 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса. – Краснодар: кн. изд-во, 1972. 319 с.; Магид А. С. Гвардейский Таманский авиационный полк. – М.: ДОСААФ, 1960. 288 с.; Рослый И.П. Выстоять и победить. М. : Изд-во ДОСААФ, 1977. 256 с.; Емельяненко В.Б. В военном воздухе суровом. – М. : Молодая гвардия, 1972. 416 с.; Покрышкин А.И. Небо войны. М.: Воениздат, 1966. 446 с. и др.

22. История Второй мировой войны. В 12 т. Т. 5. Воениздат, 1975. С. 208.

23. ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 193. С. 225.

24. Януш С.В. Войсковые операции Советской Армии в битве за Кавказ (1942-1943 гг.). Ставрополь: кн. изд-во, 2005. 576 с.

25. Линец С.И. Ставропольское направление в Битве за Кавказ // Региональный нарратив имперской провинции: современные методологические подходы и исследовательские практики. Сборник научных статей. Ставрополь: СКФУ, 2016. – С. 186-190.

26. Тропин П.Н. Строительство оборонительных линий на территории Ставропольского края в октябре 1941 г. – августе 1942 г. // [Электронный ресурс]: http://pglu.ru/upload/iblock/47d/uch_2010_xv_00019.pdf (дата обращения: 03.10.2019).

27. Баданин Б. В. На боевых рубежах Кавказа. Очерки по инженерному обеспечению битвы за Кавказ в Ве-ликой Отечественной войне. – М.: Воениздат, 1962. С. 58.

28. Януш С.В. Войсковые операции Советской Армии в битве за Кавказ (1942-1943 гг.). – Ставрополь: кн. изд-во, 2005. – С. 126.

29. Директива Верховного командования вооруженных сил Германии о продолжении операции «Браун-швейг» № 45 от 3 июля 1942 г. // Роковые решения: Сборник. СПб. : ООО «Издательство «Полигон»», 2004. С. 622-625.

30. Центральный архив Министерства обороны (далее – ЦАМО). Ф. 47. Оп. 1063. Д. 193. С. 1-2.

31. Рогов К.И. Годы боевые: 1942 год. Записки начальника штаба дивизии. 2015. URL: https://litvek.com/book-read/322311-kniga-konstantin-ivanovich-rogov-godyi-boevyie-1942-god (дата обращения 23.11.2020).

32. ЦАМО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 105. Л. 122-128.

33. История Второй мировой войны (1939–1941) в 12-ти тт. Т. 5. М.: Воениздат, 1975. С. 199-208.

34. ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 1044. Л. 103-105.

35. Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки: Книга первая. Суровые испытания. М., 1998. С. 371.

36. Линец С.И., Януш С.В. Оборона Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (июль – декабрь 1942 г.) : монография. – М. : Илекса, 2010. – С. 112-113.

37. ЦАМО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 105. Л. 122-128.

38. Баданин Б. В. На боевых рубежах Кавказа. Очерки по инженерному обеспечению битвы за Кавказ в Великой Отечественной войне. – М.: Воениздат, 1962. С. 9.

39. Хоффманн И. Немцы и калмыки 1942–1945. URL: http://militera.lib.ru/research/hoffmann_i4/index.html (дата обращения 28.01.2021); Очиров У.Б. 248-я стрелковая дивизия в боях на территории Калмыкии в 1942–1943 гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2010. – № 1. – С. 32.

40. Гречко А.А. Указ. соч. С. 69-70.

41. ЦАМО. Ф.467. Оп.0006005. Д. 0080. Л. 22–26.

42. Гречко А.А. Указ. соч. С. 56.

43. ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 178. Док. 1/ОП. Л. 1-2.

44. Гервасиев А. Н. Версты мужества. Кишинев : Изд-во «Картя Молодовеняскэ», 1976. С. 136.

45. Электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» [Электронный ресурс]: http://podvignaroda.ru/?#id=19767643&tab=navDetailManAward (дата обращения: 03.10.2019).

46. Электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» [Электронный ресурс]: http://podvignaroda.ru/?#id=19767591&tab=navDetailDocument (дата обращения: 03.10.2019).

47. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК). Ф. 69. Оп. 1. Д. 60. Л. 2.

48. Электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» [Электронный ресурс]: http://podvignaroda.ru/?#id=12053708&tab=navDetailDocument.

49. Тике В. Марш на Кавказ. Битва за нефть 1942-1943 гг. М.: Эксмо, 2005. – С. 50.

50. Тике В. Марш на Кавказ. Битва за нефть 1942-1943 гг. М.: Эксмо, 2005. – С. 54.

51. ЦАМО. Ф. 1666. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

52. День оккупации Красногвардейского района // Информационный портал Красногвардейского района Ставропольского края [Электронный ресурс]: http://krasnogvardeiskoe.ru/news/?NEWS_ID=2148 (дата обращения: 04.02.2021).

53. Тике В. Марш на Кавказ. Битва за нефть 1942-1943 гг. С. 54.
54. Тике В. Марш на Кавказ. Битва за нефть 1942-1943 гг. М.: Эксмо, 2005. – С. 55–56.
55. Пятигорский Э. И. На остриях войны. Кубань 1942. Август. Исторические хроники. – Туапсе: Туапсинская типография, 2005. – С. 16.
56. ЦАМО. Ф. 276. Оп. 811. Д. 27. Л. 69.
57. Долуда А.Я. Дважды рожденная. – Кемерово : Изд-во «Притомское», 1993. – С. 7.
58. ЦАМО. Ф. 276. Оп. 811. Д. 27. Л. 69.
59. Долуда А.Я. Дважды рожденная. – Кемерово : Изд-во «Притомское», 1993. – С. 12.
60. ЦАМО. Ф. 276. Оп. 811. Д. 27. Л. 69.
61. ЦАМО. Ф. 276. Оп. 811. Д. 27. Л. 74.
62. Долуда А.Я. Дважды рожденная. – Кемерово : Изд-во «Притомское», 1993. – С. 11.
63. ЦАМО. Ф. 276. Оп. 811. Д. 27. Л. 70.
64. ЦАМО. Ф. 276. Оп. 811. Д. 27. Л. 70.
65. Долуда А.Я. Дважды рожденная. – Кемерово : Изд-во «Притомское», 1993. – С. 11.
66. ЦАМО. Ф. 276. Оп. 811. Д. 27. Л. 69–70.
67. Тике В. Марш на Кавказ. Битва за нефть 1942-1943 гг. М.: Эксмо, 2005. – С. 58.
68. Смирнов Г.Я. Бои местного значения. URL: https://kostroma1941-45.3dn.ru/publ/vospominanija_vypusknikov/smirnov_g_ja/4-1-0-75 (дата обращения 12.02.2021).
69. ЦАМО. Ф. 276. Оп. 811. Д. 53. Л. 10.
70. ЦАМО. Ф. 276. Оп. 811. Д. 27. Л. 70.
71. ЦАМО. Ф. 276. Оп. 811. Д. 53. Л. 9.
72. Донесения о безвозвратных потерях URL: https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=50780754&page=1&p=3# (дата обращения 17.04.2021).
73. Долуда А.Я. Дважды рожденная. – Кемерово : Изд-во «Притомское», 1993. – С. 7–15.
74. ЦАМО. Ф. 276. Оп. 811. Д. 27. Л. 71–73.
75. ЦАМО. Ф. 276. Оп. 811. Д. 27. Л. 72.
76. ЦАМО. Ф. 276. Оп. 811. Д. 27. Л. 76.
77. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 125. Л. 69.
78. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686046. Д. 614. Л. 134.
79. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 233.Л. 610.
80. ЦАМО. Ф. 3562. Оп. 1. Д. 5. Л. 396.
81. ЦАМО. Ф.1115. Оп. 1. Д. 15. Л. 5.
82. ЦАМО. Ф. 276. Оп. 811. Д. 53. Л. 22.
83. ЦАМО. Ф. 2323. Оп. 0000001. Д. 0006. Л. 536.
84. ЦАМО. Ф. 276. Оп. 811. Д. 53. Л. 23.
85. История Второй мировой войны 1939-1945. В 12-ти т. Т. 5. М.: Воениздат, 1975. С. 208.
86. ЦАМО. Ф. 3303. Оп. 1. Д. 5. Л. 20, 25.
87. ЦАМО. Ф. 1230. Оп. 1. Д. 23. Л. 76.

88. Рогов К.И. Годы боевые: 1942 год. Записки начальника штаба дивизии. 2015. URL: https://litvek.com/book-read/322311-kniga-konstantin-ivanovich-rogov-godyi-boevyie-1942-god (дата обращения 23.11.2020).

89. Тике В. Марш на Кавказ. Битва за нефть 1942-1943 гг. – М., 2005. – С. 60.

90. В боях за Северный Кавказ. Воспоминания воинов 110-й отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. Элиста : Калмыцкое кн. изд-во, 1973. С. 54-55.

91. Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы / Ред. И. К. Пинчук. Элиста : Калмыцк. кн. изд-во, 1966. С. 170–171.

92. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 394. Л. 83.

93. Джунгуров М.Г. Бой за Раздорскую переправу. URL: http://don1942.ru/don/item/m-g-dzhungurov-boj-za-razdorskuyu-perepravu (дата обращения 03.07.2021).

94. Тике В. Марш на Кавказ. Битва за нефть 1942-1943 гг. М., 2005. С. 60.

95. Северо-Кавказский военный округ был упразднен 28 августа 1942 года после оккупации немцами большей части Северного Кавказа, и генерал Курдюмов был назначен заместителем командующего ЗКФ.

96. Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях. Ставрополь, 2005. С. 111-112.

97. Беликов Г.А. Оккупация. Ставрополь, 1998. С. 36.

98. Там же. С. 41.

99. Заярный С. А., Очиров У. Б. «Разбежавшаяся» 110-я Калмыцкая кавдивизия: реальность войны и истори-ческий миф // Новый исторический вестник. 2018. № 4(58). С. 52.

100. Заярный С. А., Очиров У. Б. 292-й кавалерийский полк в боях на Майкопском направлении в августе 1942 г. // MAGNA ADSURGIT: HISTORIA STUDIORUM. 2018. № 1. С. 117–137.

101. Заярный С. А., Очиров У. Б. «Разбежавшаяся» 110-я Калмыцкая кавдивизия: реальность войны и исторический миф // Новый исторический вестник. 2018. № 4(58). С. 34–62.

102. Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы / Ред. И. К. Пинчук. Элиста : Калмыцк. кн. изд-во, 1966. С. 191.

103. Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы / Ред. И. К. Пинчук. Элиста : Калмыцк. кн. изд-во, 1966. С. 200.

104. ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 192. Л. 144.

105. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 394. Л. 42, 83.

106. Тике В. Марш на Кавказ. Битва за нефть 1942-1943 гг. – М., 2005. – С. 61.

107. Карташев А.В. Ставропольский гарнизон: 230 лет на защите Южных рубежей России: монография. М.: Илекса. 2007. С. 84-85.

108. Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы. Элиста : Калмыцк. кн. изд-во, 1966. С. 176.

109. Обобщенный банк данных (ОБД) «Мемориал» [Электронный ресурс]: https://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=8654778 (дата обращения: 4.10.2019).

110. Тике В. Указ. соч. С. 60.

111. Покрышкин А.И. Небо войны. М.: Воениздат, 1966. С. 198-201.

112. Тике В. Указ. соч. С. 60.

113. Электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» [Электронный ресурс]: http://podvignaroda.ru/?#id=18713149&tab=navDetailDocument (дата обращения: 03.10.2019).

114. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 563787. Д. 5. Л. 2.

115. Януш С.В. Указ. соч. С. 140.

116. Гречко А.А. Указ. соч. С. 69-70.

117. ЦАМО. Ф. 1666. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

118. Памятник-ДОТ // Электронный альманах об истории города Невинномысска [Электронный ресурс]: http://www.nevchronograph.ru/history/monuments/8 (дата обращения: 3.10.2019).

119. 85-мм зенитная пушка // Электронный альманах об истории города Невинномысска [Электронный ресурс]: http://www.nevchronograph.ru/history/monuments/6 (дата обращения: 4.10.2019); Еремченко Т.Ф. Го-род Невинномысск в годы Великой Отечественной войны и оккупации [Электронный ресурс]: http://kniga.seluk.ru/k-istoriya/84226-2-gorod-nevinnomissk-godi-velikoy-otechestvennoy-voyni-okkupacii-eremchenko-tatyana-fedorovna-zam-direktora-uvr.php (дата обращения: 11.12.2020).

120. Рогов К.И. Годы боевые: 1942 год. Записки начальника штаба дивизии. 2015. URL: https://litvek.com/book-read/322311-kniga-konstantin-ivanovich-rogov-godyi-boevyie-1942-god (дата обраще-ния 23.11.2020).

121. Тике В. Указ. соч. С. 65.

122. Гречко А.А. Указ. соч. С. 70.

123. Рослый И. П. Последний привал – в Берлине. – М.: Воениздат, 1983. – С. 93-97.

124. Русский Архив. Великая Отечественная война. Т. 16 (5-2). Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942. С. 356.

125. ЦАМО. Ф. 1596. Оп. 1. Д. 3. Л. 48, 48об.

126. Гервасиев А.Н. Версты мужества. Кишинев : Изд-во «Картя Молдовеняскэ», 1976. С. 144–145.

127. Гервасиев А.Н. Версты мужества. Кишинев : Изд-во «Картя Молдовеняскэ», 1976. С. 145–146.

128. Линец С.И. Город во мгле… (Пятигорск в период немецко-фашистской оккупации. Август 1942 г. – январь 1943 г.). – Пятигорск : ПГЛУ, 2010. – 138 с.

129. Януш С.В. Войсковые операции Советской Армии в битве за Кавказ (1942-1943 гг.). – Ставрополь: кн. изд-во, 2005. – 576 с.

130. Косогор, Г. Пять месяцев беды К 50-летию освобождения Минеральных Вод от гитлеровского нашествия / Г. Косогор, Н. Липкусь – Пятигорск: Кавказ. здравница, – 1992. – 82 с.

131. Бессонова Н. Военное училище и война // Проза ру. URL: https://www.proza.ru/2008/06/14/276

132. С.И. Линец. Город во мгле… (Пятигорск в период немецко-фашистской оккупации. Август 1942 г. – январь 1943 г.). – Пятигорск, 2005. – С. 45.

133. Лысенков С.Г., Сидоренко В.П. Внутренние войска НКВД ССС. в битве за Кавказ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – № 4. 2012. – С. 26.

134. ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 192. Л. 53.

135. Тимофеев Григорий Тимофеевич (1900-1954) – генерал-майор. Инспек-

тор кавалерии Северной группы войск Закавказского фронта и командующий спецгруппой войск Закавказского фронта.
136. ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д.192. Л. 59-60.
137. ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 499. Л. 51-51об.
138. ЦАМО. Ф. 273. Оп. 879. Д. 34. Л. 13.
139. ЦАМО. Ф. 273. Оп. 879. Д. 34. Л. 14.
140. ЦАМО. Ф. 12702. Оп. 0000001. Д. 0079. Л. 104-105.
141. ЦАМО. Ф. 12889. Оп. 0103610. Д. 0005. Л. 37-38.
142. Записки краеведческого общества на Кавказских Минеральных Водах. 45-летию Победы в Великой Оте-чественной войне посвящается. Вып. XXV. [Рукопись]. – Пятигорск, 1991. – Л. 23–24.
143. ЦАМО. Ф. 273. Оп. 879. Д. 34. Л. 15-16.
144. ЦАМО. Ф. 43. Оп. 11536. Д. 41. Л. 305-320.
145. ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 206. Л. 6.
146. Тике В. Указ. соч. С. 147.
147. ЦАМО. Ф. 43. Оп. 11536. Д. 41. Л. 309.
148. ЦАМО. Ф. 43. Оп. 11536. Д. 41. Л. 309-310.
149. ЦАМО. Ф. 43. Оп. 11536. Д. 41. Л. 311.
150. ЦАМО. Ф. 43. Оп. 11536. Д. 41. Л. 311-312.
151. ЦАМО. Ф. 43. Оп. 11536. Д. 41. Л. 320.
152. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 20. Л. 201-202.
153. Лысенков С.Г., Сидоренко В.П. Внутренние войска НКВД ССС. в битве за Кавказ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – № 4. 2012. – С. 24-30.
154. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 126. Л. 19-20; 31-32; 54-55.
155. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 126. Л. 39-40; 52-53.
156. Малекин Ю. Битва за Пятигорск // Говорят обелиски [Электронный ресурс]: http://dropdoc.ru/doc/280440/glava-iii.-oborona-kavkazskih-mineral._nyh-vod (дата обращения: 21.02.2018).
157. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 238. Л. 238-239.
158. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 238. Л. 244-245.
159. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 238. Л. 222-223.
160. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 1147. Л. 38, 38об.
161. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 238. Л. 235-237.
162. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 238. Л. 248-250.
163. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 238. Л. 242-243.
164. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 238. Л. 220-221.
165. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 238. Л. 226-227.
166. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 238. Л. 250-251.
167. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 238. Л. 218-219.
168. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 238. Л. 224-225.
169. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 238. Л. 228-229.
170. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 238. Л. 230-231; 240-241.
171. Линец С.И. Город во мгле… (Пятигорск в период фашистской оккупации. Август 1942 – январь 1943 г.). – Пятигорск, 2005. – С. 43-46.
172. Кириллов Б.Н. Оборона Пятигорска. Воспоминания бывшего командира курсантской роты. Фонд Музея краеведения г. Пятигорск. Б/н. Рукопись. 1989. С. 66.

173. Бессонова Н. Военное училище и война // Проза ру. URL: https://www.proza.ru/2008/06/14/276 (дата обращения 27.09.2020).

174. Кириллов Б.Н. Оборона Пятигорска. Воспоминания бывшего командира курсантской роты. Фонд Музея краеведения г. Пятигорск. Б/н. Рукопись. 1989. С. 51-52.

175. Бессонова Н. Военное училище и война // Проза ру. URL: https://www.proza.ru/2008/06/14/276 (дата обращения 27.09.2020).

176. Кириллов Б.Н. Оборона Пятигорска. Воспоминания бывшего командира курсантской роты. Фонд Музея краеведения г. Пятигорск. Б/н. Рукопись. 1989. С. 75-77.

177. Кириллов Б.Н. Оборона Пятигорска. Воспоминания бывшего командира курсантской роты. Фонд Музея краеведения г. Пятигорск. Б/н. Рукопись. 1989. С. 60-61.

178. Кириллов Б.Н. Курсанты-гвардейцы. Рассказ о боевых действиях группы курсантов Полтавского танкового училища на Северном Кавказе в 1942 году. Машинопись. Фонд Музея краеведения г. Пятигорск. Инв. 2767. Л. 9-10.

179. Кириллов Б.Н. Оборона Пятигорска. Воспоминания бывшего командира курсантской роты. Фонд Музея краеведения г. Пятигорск. Б/н. Рукопись. 1989.С. 79-80.

180. ГАСК. Ф. Р-1059. Оп. 1. Д. 25. Л. 44 об.–45.

181. Тике В. Указ. соч. С. 148.

182. ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1064. Д. 1. Л. 6–13.

183. Карпов В. В. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. Полководец: Повесть. М.: Художественная литература, 1990. С. 319–320.

184. ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1064. Д. 1. Л. 18.

185. ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1064. Д. 6. Л. 4,7.

186. ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1064. Д. 1. Л. 18.

187. Соколов Б. В. Битва за Кавказ. М.: Вече, 2021. С. 115.

188. Карпов В. В. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. Полководец: Повесть. М.: Художественная литература, 1990. С. 301.

189. Там же. С. 323.

190. ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 192. Л. 199–200.

191. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сб. док. За 50 лет : в 5 т. Т. 3. – М. : Политиздат, 1986. (751 с.) – С. 48.

192. Убушаев В.Б. Вклад труженников Калмыкии в строительство железной дороги Астрахань – Кизляр (октябрь 1941 – август 1942 г.) // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 3. С. 136-140.

193. ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 192. Л. 124.

194. ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 192. Л. 124–125.

195. ГАСК. Ф. Р-1059. Оп. 1. Д. 25. Л. 33.

196. Гречко А.А. Битва за Кавказ. – С. 105; ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 192. Л. 144, 145, 152.

197. Соколов Б.В. Битва за Кавказ. М. : Вече, 2021. С. 124.

198. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 230. Л. 129.

199. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 125. Л. 70.

200. Надбитов М.В., Убушаев В.Б. В.А. Хомутников – видный военный и го-

сударственный деятель Калмыкии (1921-1941 гг.) // Вестник Калмыцкого университета. 2014. № 4 (24). С. 20- 24.
201. ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 192. Л. 175-177.
202. ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1064. Д. 6. Л. 33.
203. ЦАМО. Ф. 273. Оп. 879. Д. 14. Л. 96.
204. ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 192. Л. 182, 201, 204.
205. Гречко А.А. Битва за Кавказ. М.: Воениздат, 1967. С. 103.
206. Мощанский И.Б. Оборона Кавказа. Великое отступление. 25 июля – 31 декабря 1942 года. М. : Вече, 2010. С. 84.
207. Тике В. Марш на Кавказ: битва за нефть 1942–1943 гг. М.: Эксмо, 2005. С. 166.
208. ЦАМО. Ф. 1783. Оп. 1. Д. 15. Л. 106.
209. ЦАМО. Ф. 276. Оп. 811. Д. 152. Л. 36.
210. ЦАМО. Ф. 51. Оп. 932. Д. 144. Л. 1-3.
211. ЦАМО. Ф. 1783. Оп. 1. Д. 15. Л. 80-80об.
212. ЦАМО. Ф. 835. Оп.1. Д.11. Л. 1.
213. Гречко А.А. Указ соч. С. 103.
214. Разночтение: по отчетным документам партизанских отрядов, бой произошел 17 августа, по воспоминаниям И.Л. Лежебокова – 18 августа.
215. Аникеев А.А., Линец С.И., Януш С.В. Битва за Кавказ в исследованиях, документах и фотоматериалах / Под общ. ред. С. И. Линца. – Пятигорск : ПГЛУ, 2015. – С. 223-224.
216. ГАСК. Ф. Р-1059. Оп. 1. Д. 25. Л. 43об.-44.
217. Акция «Улицы Героев». Улица Гноевого. https://bibliosvet.ru/akciya-ulicy-geroev-ulica-gnoevogo/ (дата обращения 02.03.2021).
218. За воинскую доблесть // Ленинское знамя (Орган Карачаево-Черкесского обкома КПСС, областного совета депутатов трудящихся, Черкесского горкома КПСС и горсовета). 1965. 14 мая. С. 1.
219. Гречко А.А. Указ соч. С. 103.
220. ЦАМО. Ф. 835. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.
221. ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 192. Л. 153-159.
222. Гречко А.А. Указ. соч. С. 103.
223. ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 192. Л. 160, 225.
224. ЦАМО. Ф. 835. Оп. 1. Д. 11. Л. 2-3.
225. Тике В. Указ. соч. С. 168-169.
226. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 982. Л. 7, 11, 13, 15.
227. ЦАМО. Ф. 1783. Оп. 1. Д. 15. Л. 80об.-81об.
228. ЦАМО. Ф. 276. Оп. 811. Д. 152. Л. 36-36об.
229. ЦАМО. Ф. 835. Оп. 1. Д. 11. Л. 3-4.
230. Суменко В.Г. Мои журналистские маршруты. Ставрополь, 2002. С. 23-24.
231. ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 499. Л. 51.
232. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 982. Л. 7-9.
233. 1418. Дорога памяти. URL: https://1418museum.ru/heroes/15346484/ (дата обращения 30.01.2021).
234. По данным сайта «Подвиг народа».
235. По данным сайта «Подвиг народа».

236. Латынин А. Курсанты в битве под Моздоком. URL: http://www.world-war.ru/kursanty-v-bitve-pod-mozdokom/ (дата обращения 31.01.2021).

237. ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 192. Л. 182.

238. ГАСК. Ф. Р-1059. Оп. 1. Д. 25. Л. 46–46 об.

239. Вершинин К.А. Четвертая воздушная. – М. : Воениздат, 1975. – 348 с. ; Пшеняник Г.А. Крах плана «Эдельвейс». Советская авиация в битве за Кавказ. 1942–1943. – М. : ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2013. – 380 с.

240. Януш С.В. Войсковые операции Советской армии в битве за Кавказ (1942-1943 гг.). – Ставрополь: кн. изд-во, 2005. – 576 с.

241. Януш С.В., Холявченков А.О. Действия авиации в боях за Таманский полуостров // Победа в воздухе куется на земле : сборник научных статей / под общ. ред. Н.Г. Голодникова. – Ставрополь : АГРУС. 2008. – С. 124-138; Кашин В.А., Киселев И.В. Советская авиация на завершающем этапе битвы за Кавказ (сентябрь – октябрь 1943 г.) // Битва за Кавказ (1942-1943): Время. События. Люди. : сборник материалов научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня освобождения Северного Кавказа от немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны / Ред. С.С. Зенгин, К.Б. Пуликовский, Р.З. Близняк [и др.]. 2017. С. 81-86.

242. Матиев Т.Х. Роль авиации в Малгобекской оборонительной операции (сентябрь – октябрь 1942 г.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. Международные отношения. 2016. Т. 21. № 3. С. 70-77.

243. Кушнерёв В.В. Советская авиация в обороне Кавказа (1942 год) // Культурная жизнь Юга России. 2013. № 2 (49). С. 48-50.

244. Дзадзиева Е.А. Мемориальное пространство Великой Отечественной войны как источник исторической памяти: 4-ая Воздушная армия // Известия СОИГСИ. 2017. № 25 (64). С. 100-113.

245. ЦАМО. Ф. 319. Оп. 0004798. Д. 0053. Л. 271, 331; 335-336.

246. Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945: Краткая история. – М. : Воениздат, 1984. – С. 159.

247. Ставропольский край в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) / под ред. С.И. Линца, А.А. Аникеева, Г.И. Кольги. – Ставрополь – Пятигорск : Пятигорский гос. ун-т, 2018. С. 48-50.

248. Вершинин К.А. Четвертая воздушная. М. : Воениздат, 1975. – С. 149.

249. Карпович В.П. На «Ишаках» и «Мигах»! – М. : Яуза, Эксмо, 2007. – С. 413-415.

250. ЦАМО. Ф. 319. Оп. 0004798. Д. 0053. Отчет о боевой работе 4 ВА за второй год Отечественной войны. Л. 28.

251. Памятник погибшим летчикам в годы Великой Отечественной войны // Патриотические проекты ОНФ. URL: https://imena.onf.ru/placements/stavropolskiy-kray/pamyatnik-pogibshim-letchikam-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny (дата обращения 27.08.2020).

252. Афанасьев В. Установлены имена героев // Сельская новь. Общественно-политическая газета Красногвардейского района Ставропольского края. – 2019. – 8 мая. – С. 4-5.

253. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 594258. Д. 22. Л. 310.

254. Андроповцы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.: без права на забвение. – М. : Изд-во Надыр-шин, 2020. – С. 73-74.

255. ЦАМО. Ф. 319. Оп. 0004798. Д. 0017. Л. 11, 18, 24, 26.
256. ЦАМО. Ф. 319. Оп. 0004798. Д. 0053. Л. 29.
257. Покрышкин А.И. Небо войны. – М.: Воениздат, 1966. – С.198-201.
258. Тике В. Указ. соч. С. 60.
259. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682527. Д. 1. Л. 210, 225, 267.
260. ЦАМО. Ф. 22962. Оп. 0010011с. Д. 0008. Л. 2.
261. ЦАМО. Ф. 319. Оп. 0004798. Д. 0053. Л. 154.
262. Бабийчук А.Н. Человек, небо, космос. М. : Воениздат, 1979. С. 66–67.
263. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 199. Л. 333.
264. Пшеняник Г. А. Крах плана «Эдельвейс». Советская авиация в битве за Кавказ. 1942–1943. – М. : ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2013. – С. 48–49.
265. Сухачев М. П. Штурман воздушных трасс. – М.: Московский рабочий, 1981. – С. 120, 124–127.
266. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 616. Л. 43, 213.
267. ОБД Мемориал. URL: https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=51171588&p=3 (дата обращения 31.08.2020).
268. ЦАМО. Ф. 319. Оп. 0004798. Д. 0053. Л. 30.
269. ЦАМО, Ф. 319. Оп. 0004798. Д. 0017. Л. 27, 28.
270. ЦАМО. Ф. 319. Оп. 0004798. Д. 0053. Л. 30.
271. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 616. Л. 41, 94, 118, 168.
272. ЦАМО, Ф. 319. Оп. 0004798. Д. 0017. Л. 32-63.
273. ЦАМО, Ф. 319. Оп. 0004798. Д. 0017. Л. 65.
274. ЦАМО, Ф. 319. Оп. 0004798. Д. 0017. Л. 60, 62, 64, 66, 69.
275. ЦАМО, Ф. 319. Оп. 0004798. Д. 0017. Л. 71.
276. ЦАМО. Ф. 20156. Оп. 1. Д. 2. Журнал БД 105 ИАД ПВО. Л. 68
277. ЦАМО. Ф. 22951. Оп. 0440483с. Д. 0001. Л. 5.
278. ЦАМО. Ф. 20156. Оп. 1. Д. 2. Л. 68-69.
279. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 13. Л. 22, 24, 375-376.
280. ЦАМО. Ф. 20156. Оп. 1. Д. 2. Л. 70-72.
281. ЦАМО. Ф. 33.Оп. 682524. Д. 616. Л. 110.
282. ЦАМО. Ф. 319. Оп. 0004820. Д. 0046. Л. 81-86.
283.ОБДМемориал:https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=51171588&p=113#
284. ЦАМО. Ф. 319. Оп. 0004820. Д. 0046. Л. 66-67.
285. ЦАМО. Ф. 22363. Оп. 0223077с. Д. 0003. Журнал боевых действий 88 ИАП. Л. 1-10.
286. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 616. Л. 7, 27-28.
287. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 616. Л. 24-25.
288. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 616. Л. 51.
289. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 616. Л. 39, 198, 244, 264, 270.
290. ЦАМО. Ф. 22094. Оп. 0291706с. Д. 0003. Л. 30-31.
291. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 616. Л. 31-32.
292. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 616. Л. 87-88.
293. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 616. Л. 57, 162, 190.
294. Павлов Г. Р. Однополчане: Повесть. – М.: ДОСААФ, 1985. – 159 с.
295. ОБД Мемориал: https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=51171588&p=108#
296. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 616. Л. 29.
297. ОБД Мемориал: https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=51171588&p=110

298. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 616. Л. 79, 83, 91, 127, 196.
299. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 616. Л. 41, 94, 118, 168.
300. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 616. Л. 96-97.
301. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 793756. Д. 22. Л. 149.
302. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 616. Л. 93, 100.
303. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 616. Л. 125, 135, 148.
304. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 616. Л. 156, 203, 240.
305. Магид А. С. Гвардейский Таманский авиационный полк. – М.: ДОСААФ, 1960. – С. 97-98.
306. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 616. Л.108-109, 188.
307. РГВА. Ф. 500. Оп. 4. Д. 364.
308. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 616. Л. 101, 123, 250.
309. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 793756. Д. 4. Л. 364-367
310. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 616. Л. 55-85, 160-258.
311. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 616. Л. 154, 246, 43, 213.
312. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 616. Л. 43, 213.
313. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 616. Л. 112, 150, 158.
314. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 793756. Д. 57. Л. 390-392.
315. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 618. Л. 414.
316. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 6. Л. 222.
317. Максименко Е.В. 13 августа 1942 года на КМВ // Лермонтовские известия. 2016. № 33. 12 августа.
318. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 6. Л. 264.
319. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 6. Л. 359.
320. ЦАМО. Ф. 319. Оп. 0004798. Д. 0053. Л. 271, 331; 335-336.
321. ЦАМО. Ф. 319. Оп. 0004798. Д. 0053. Л. 296, 301, 304.
322. ЦАМО. Ф. 319. Оп. 0004798. Д. 0053. Л. 331; 326-327, 316, 314.
323. Тике В. Указ. соч. С. 167, 171, 172.
324. Военные летчики: Асы Второй мировой войны / сост. Н. Н. Крюков. – Мн. : Литература, 1997. – С. 318-324.
325. Фольф К. Хартман. Черкассы: Изд-во «Акцент», 1998. С. 11.
326. Мощанский И.Б. Стоять насмерть! Горная война на Кавказе (июль 1942 – февраль 1943). М.: Вече, 2010. URL: http://mydocx.ru/9-63808.html (дата обращения 23.09.2020).
327. История Второй мировой войны. В 12-ти т. Т. 5. – М.: Воениздат, 1975. – С. 213.
328. Тюленев И.В. Через три войны. – Изд. 2-е испр. и дополн. – М.: Воениздат, 1972. – С. 172.
329. История Второй мировой войны. В 12-ти т. Т. 5. – М.: Воениздат, 1975. – С. 217.
330. Баданин Б. В. На боевых рубежах Кавказа. Очерки по инженерному обеспечению битвы за Кавказ в Великой Отечественной войне. – М.: Воениздат, 1962. С. 48.
331. Там же. С. 51–52.
332. Тике В. Указ. соч. С. 123.
333. Клухорский перевал // Военная энциклопедия / Гл. ред. П.С. Грачев. – М.: Воениздат, 1999. – Т. 4. – С. 73.

334. Тике В. Указ. соч. С. 121–122.
335. Мирзонов А. Р. Битва за перевалы. Другой взгляд. Книга вторая. – 2020. – С.244-245.
336. Мирзонов А. Р. Битва за перевалы. Другой взгляд. Книга вторая. – 2020. – С.245-246.
337. ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 463. Л. 102.
338. Тике В. Указ. соч. С. 123.
339. Соколов Б.В. Битва за Кавказ. М. : Вече, 2021. С. 48–49.
340. Там же. С. 124.
341. Михайлов И.В. Оккупация или 160 дней по германскому времени. Ставрополь: Сервисшкола, 2007. С. 13.
342. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 256. Л. 334.
343. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 238. Л. 10.
344. Твердохлебов С.П. Черкесск: ориентир в океане фактов и событий. Краеведческий путеводитель в трех томах. Т. 2. Черкесск : Кар.-Черк. республ. кн. изд-во, 2015. URL: https://cherkessk.su/groups/group/14/wiki/Оборона%20Черкесска%20%28июль-август%201942%20г.%29/. (дата обращения 09.01.2021).
345. Гервасиев А.Н. Версты мужества. Кишинев : Изд-во «Картя молдовеняскэ», 1976. С. 138-139.
346. Тике В. Марш на Кавказ. Битва за нефть 1942–1943 гг. М. : Изд-во Эксмо, 2005. С. 124.
347. Гервасиев А.Н. Версты мужества. Кишинев : Изд-во «Картя молдовеняскэ», 1976. С. 140-142.
348. Казьминцы – участники Битвы за Кавказ (1942-1943). Серия: Материалы по историческому краеведению. Выпуск 34. Казьминское: ИИЦ «Без nazвания», 2019. С. 96-98.
349. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682527. Д. 32. Л. 144; Иванов Г.П. В тылу прифронтовом. – М. : Воениздат, 1971. – С. 106.
350. Борлакова К. З. Героические женщины наказанного народа. Биографические страницы жизни участниц Великой Отечественной войны и Героев Социалистического Труда. Пятигорск: Рекламно-информационное агентсво на КМВ, 2009. С. 111–130.
351. ГАСК. Ф. Р-1059. Оп. 1. Д. 25. Л. 53 об.
352. Тике В. Указ. соч. С. 125.
353. ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 463. Л. 102.
354. Линец С.И., Януш С.В. Оборона Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (июль-декабрь 1942 года) : монография. – М. : Илекса, 2010. – С. 265.
355. Мирзонов А. Р. Битва за перевалы. Другой взгляд. Книга вторая. – 2020. – С. 319.
356. ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 463. Л. 102.
357. Мирзонов А. Р. Битва за перевалы. Другой взгляд. Книга вторая. – 2020. – С.254-255, 309-310.
358. Тике В. Указ. соч. С. 126-127.
359. Мирзонов А. Р. Битва за перевалы. Другой взгляд. Книга вторая. – 2020. – С. 316, 318.
360. ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 192. С. 138.

361. Гречко А.А. Годы войны. С. 282.
362. ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 192. С. 131.
363. Аникеев А.А., Линец С.И., Януш С.В. Битва за Кавказ в исследованиях , документах и фотоматериалах / Под общ ред. проф. С.И. Линца. Пятигорск, 2015. С. 232-233.
364. ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 192. С. 159-160.
365. ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 192. С. 163.
366. Гнеушев В.Г., Попутько А.Л. Тайна Марухского ледника. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1981. – С. 412-413.
367. ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 192. С. 163.
368. ЦАМО. Ф. 1065. Оп. 1. Д. 1а. Л. 5об.
399. ЦАМО. Ф. 1065. Оп. 1, Д. 1а. Л. 5об.
370. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 198. Л. 10.
371. ЦАМО. Ф. 3587. Оп. 1. Д. 13. Л. 1об.-2.
372. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 273. Л. 100.
373. ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 463. Л. 3.
374. Мирзонов А. Р. Битва за перевалы. Другой взгляд. Книга вторая. – 2020. – С. 337, 399.
375. Януш С. В. Красная Армия в сражениях за Кавказ (1942-1943 гг.) : монография. – М. : Илекса, 2020. – С. 372.
376. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 324. Л. 180.
377. Гневушев В., Попутько А. Указ. соч. С. 412.
378. ЦАМО. Ф. 7467. Оп. 102827. Д. 2. Л. 2об.
379. Гневушев В., Попутько А. С. 413.
380. Бобров М.М. Фронт над облаками. – СПб. : СПбГУП, 2005. – С. 55.
381. ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 463. Л. 3.
382. Тике В. Указ. соч. С. 132-134.
383. ЦАМО. Ф. 401. Оп. 9511. Д. 9. Л. 25об.-26.
384. Гусев А. М. Эльбрус в огне. – М. : Воениздат, 1980. – С. 70-71.
385. Мирзонов А. Р. Битва за перевалы. Другой взгляд. Книга вторая. – 2020. – С. 335-340.
386. Statiev A. At War’s Summit.The Red Army and the Struggle for the Caucasus Mountains in World War II Cam-bridge Univ. Press, 2018. [An electronic Copy] P. 102–103. Цит. по: Соколов Б.В. Битва за Кавказ. М. : Вече, 2021. С. 154–155.
387. Гнеушев В., Попутько А. Указ. соч. С. 413.
388. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 195. Л. 453.
389. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д.195. Л. 430, 451.
390. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д.198. Л. 4-19.
391. Гречко А.А. Битва за Кавказ. С. 144.
392. ЦАМО. Ф. 401. Оп. 9511. Д. 9. Л. 66об.-67.
393. Мирзонов А. Р. Битва за перевалы. Другой взгляд. Книга вторая. – 2020. – С 329.
394. Марухский перевал // Военная энциклопедия / Гл. ред. П.С. Грачев. – М.: Воениздат, 2001. – Т. 5. – С. 14.
395. Мирзонов А. Р. Битва за перевалы. Другой взгляд. Книга третья. 2021. С 6.
396. Мощанский И.Б. Стоять насмерть! М.: Вече, 2010. URL : https://www.rulit.me/books/stoyat-nasmert-read-216203-22.html (дата обращения 31.01.2021).

397. Алиев К.-М. В зоне «Эдельвейса». – М. : Илека; Ставрополь : Сервисшкола, 2005. – 263 с.

398. Хребет Мысты-Баши отделяет долину реки Аксаута от Марухского ущелья, расположен к востоку от горы Каракая.

399. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 455. Л. 276.

400. Гнеушев В., Попутько А. Указ. соч. С. 31, 35, 36.

401. ЦАМО. Ф 7469. Оп. 109575. Д. 7. Л. 17.

402. Абрамов В. Л. На ратных дорогах. – М. : Воениздат, 1962. – С. 153.

403. Абрамов В. Л. На ратных дорогах. – М. : Воениздат, 1962. – С. 153.

404. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 17. Л. 75.

405. Гречко А.А. Битва за Кавказ. С. 145.

406. ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1064. Д. 6. Л. 23-24.

407. Мирзонов А.Р. Битва за перевалы. Новый взгляд. Книга третья. 2021. С. 19.

408. Мирзонов А.Р. Битва за перевалы. Новый взгляд. Книга третья. 2021. С. 22–23.

409. ЦАМО. Ф. 7469. Оп. 109575. Д. 7. Л. 2.

410. ЦАМО. Ф. 7469. Оп. 109575. Д. 7. Л. 1.

411. Мирзонов А.Р. Битва за перевалы. Новый взгляд. Книга третья. 2021. С. 26.

412. Тике В. Указ. соч. С. 135.

413. ЦАМО. Ф. 7467. Оп. 102827. Д. 2. Л. 2-4.

414. А.Р. Мирзонов обратил внимание на несоответствие дат в воспоминаниях А. Бухнера реальным числам. Ошибки в определении даты составляют до двух дней.

415. ГАСК. Ф. Р-1060. Оп. 1. Д. 214. Л.1-2.

416. ЦАМО. Ф. 7469. Оп. 109575. Д. 7. Л. 2об.-3.

417. Абрамов В. Л. На ратных дорогах. – М. : Воениздат, 1962. – С. 166.

418. ГАСК. Ф. Р-1060. Оп. 1. Д. 214. Л.1-2.

419. Мирзонов А.Р. Битва за перевалы. Новый взгляд. Книга третья. 2021. С. 25.

420. А.Р. Мирзонов обратил внимание на несоответствие дат в воспоминаниях А. Бухнера реальным числам. В данном случае, по его мнению, речь идет о дате 28 августа.

421. ГАСК. Ф. Р-1060. Оп. 1. Д. 214. Л. 2–5.

422. ЦАМО. Ф. 7469. Оп. 109575. Д. 7. Л. 3об.-4.

423. ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1064. Д. 6. Л. 40.

424. ЦАМО. Ф. 7467. Оп. 102827. Д. 2. Л. 2-4; Оп. 682526. Д. 886. Л. 24.

425. ГАСК. Ф. Р-1060. Оп. 1. Д. 214. Л. 6.

426. Тике В. Указ соч. С. 135-136.

427. ЦАМО. Ф. 7467. Оп. 102827. Д. 2. Л. 4-6об.

428. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 126. Л. 50.

429. Тике В. Указ. соч. С. 141.

430. Соколов Б.В. Битва за Кавказ. М. : Вече, 2021. С. 157.

431. Мирзонов А. Р. Битва за перевалы. Другой взгляд. – 2018. – С. 300.

432. Гречко А.А. Годы войны. С. 290.

433. ГАСК. Р-1060. Оп. 1. Д. 17. Л. 22-25.

434. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 195. Л. 572, 572об.
435. ГАСК. Ф. Р-1060. Оп. 1. Д. 214. Л. 11.
436. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 195. Л. 420.
437. ЦАМО. Ф. 7469. Оп. 109575. Д. 7. Л. 7–22.
438. Донесение о безвозвратных потерях. URL: https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=51308797&page=1&p=3# (дата обращения 06.05.2021).
439. Соколов Б.В. Битва за Кавказ. М. : Вече, 2021. С. 158.
440. ЦАМО. Ф. 7469. Оп. 109575. Д. 7. Л. 22–28.
441. Кузнецов П. В. Горные стрелки в битве за Кавказ. 11-й отдельный горнострелковый отряд [Рукопись]. Таганрог, 1990. – 69 с.
442. Горные стрелки в битве за Кавказ. 12-й отдельный горнострелковый отряд / Отв. ред. А. М. Супруненко [Рукопись]. М. : Совет ветеранов 46-й армии, 1987. – 59 л.
443. Там же. Л. 13-14
444. Медвенский Н. И. Абхазия в период битвы за Кавказ 1942-1943 гг.: горная война // Вклад народов Север-ного Кавказа в Битву за Кавказ: к 75-летию события (25 июля 1942 г. – 9 октября 1943 г.) : сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Ставрополь: Бюро новостей, 2018. – С. 188.
445. ЦАМО. Ф. 7469. Оп. 109575. Д. 7. Л. 47об.-48.
446. Гнеушев В., Попутько А. Указ. соч. С. 32-34.
447. См.: Битва за Кавказ в документах и материалах. – Ставрополь, 2003. – С. 309-310.
448. Медвенский Н. И. Абхазия в период битвы за Кавказ 1942-1943 гг.: горная война // Вклад народов Север-ного Кавказа в Битву за Кавказ: к 75-летию события (25 июля 1942 г. – 9 октября 1943 г.) : сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Ставрополь: Бюро новостей, 2018. – С. 188.
449. ГАСК. Ф. Р-1060. Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 6, 10.
450. Мирзонов А. Р. Битва за перевалы. Другой взгляд. – 2018. – С. 53.
451. Санчарский перевал. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1862632/Санчарский (дата обращения 16.11.2020).
452. Мирзонов А. Р. Битва за перевалы. Другой взгляд. – 2018. – С. 55-56.
453. Тике В. Указ. соч. С. 139-140.
454. Бобров А. В. Загадки Псху. Исторический очерк. М : Буки Веди, 2017. С. 49.
455. ГАСК. Ф. Р-1059. Оп. 1. Д. 25. Л. 54–54 об.
456. Мельников Ю. На берегу Зеленчука // Ленинское знамя (Орган Карачаево-Черкесского обкома КПСС, областного совета депутатов трудящихся, Черкесского горкома КПСС и горсовета). 1965. 14 мая. С. 3.
457. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682527. Д. 32. Л. 116, 138.
458. Воробьев Геннадий Максимович – Исторический Черкесск. URL: https://cherkessk.su/groups/group/14/wiki/Воробьёв%20Геннадий%20Максимович/ (дата обращения 16.03.2021).
459. Михайлов И.В. Оккупация, или 160 дней по германскому времени. Ставрополь : Сервисшкола, 2007. С. 19.
460. ЦАМО. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 499. Л. 105об.
461. ЦАМО. Ф. 7467. Оп. 102827. Д. 2. Л. 2, 2об.
462. ГАСК. Ф. Р-1060. Оп. 1. Д. 17. Л. 1-4.

463. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 6710. Л. 87.
464. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 3400. Л. 294.
465. ГАСК. Ф. Р-1060. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.
466. Гнеушев В., Попутько А. Указ. соч. С. 168-170.
467. ГАСК. Ф. Р-1060. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.
468. Гречко А.А. Битва за Кавказ. С. 145.
469. Тике В. Указ. соч. С. 137.
470. Мирзонов А. Р. Битва за перевалы. Другой взгляд. – 2018. – С. 70.
471. Гнеушев В., Попутько А. Указ. соч. С. 170.
472. Мирзонов А. Р. Битва за перевалы. Другой взгляд. – 2018. – С. 72.
473. Януш С. В. Красная Армия в сражениях за Кавказ (1942–1943 гг.) : монография. – М. : Илекса, 2020. С. 371-372.
474. Януш С.В. С. 280.
475. ГАСК. Ф. Р-1060. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.
476. Смирнов П. Перевалы полковника Пияшева // На боевом посту. – 2010. – № 7(513). – С. 42–44.
477. Пияшев Иван Иванович (из серии «дом работников Нквд») http://zhurnal.lib.ru/k/kalinchew_s/40-1.shtml (дата обращения 29.01.2021).
478. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 619. Л. 417. Электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Оте-чественной войне 1941-1945 гг.». URL: http://podvignaroda.ru/?#id=12067651&tab=navDetailDocument (дата обращения 17.11.2020).
479. Тике В. Указ. соч. С. 141-142.
480. Мирзонов. А. Р. Битва за перевалы. Другой взгляд. – 2018. С. 124-135.
481. Соколов Б.В. Битва за Кавказ. М. : Вече, 2021. С. 152–153.
482. Statiev A. At War’s Summit.The Red Army and the Struggle for the Caucasus Mountains in World War II Cam-bridge Univ. Press, 2018. [An electronic Copy] P. 195, 279. Цит. по: Соколов Б.В. Битва за Кавказ. М. : Вече, 2021. С. 155.
483. Мацибурук Адам Данилович. URL: 09.мвд.рф/мвд-по-карачаево-черкесии/istoria/наши-герои/сотрудники-овд-карачаево-черкесии-герои-/мацибурук-адам-данилович (дата обращения 13.03.2021).
484. Запомните их имена // Ленинское знамя (Орган Карачаево-Черкесского обкома КПСС, областного совета депутатов трудящихся, Черкесского горкома КПС. и горсовета). 1965. 14 мая. С. 3.

Научное издание

Бои на Ставрополье:
жаркий август сорок второго

Подписано в печать 01.12.2021 г.
Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Усл. п. л. 15,11.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ № 544.

Отпечатано в типографии
Ставропольского государственного медицинского университета,
355017, г. Ставрополь, ул. Мира, 310

«Очевидно, что Ставрополью заранее была уготована участь – быть отданным врагу. Продвижение немецкой 1-й танковой армии было стремительным: 3 августа захвачен краевой центр – город Ворошиловск, 5 – Невинномысск; несмотря на подготовленную оборону Кавказских Минеральных Вод, с 9 по 14 августа частями Красной Армии были оставлены города Минеральные Воды, Пятигорск, Железноводск, Ессентуки, Кисловодск, а вместе с ними – Черкесск и Карачаевск».